

Этнографическое Бозрение

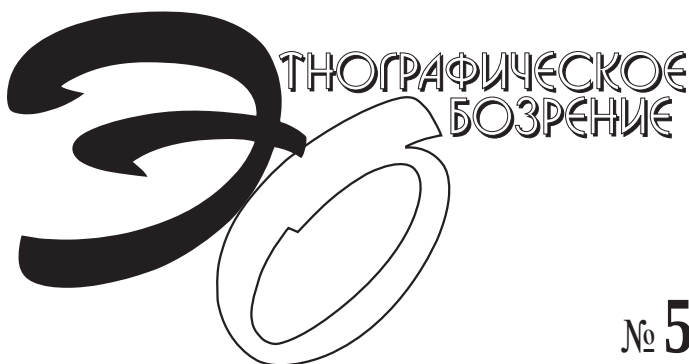

№ 5

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

№ 5

СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ 2023

Журнал основан в 1889 г.
Выходит 6 раз в год
Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);
“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

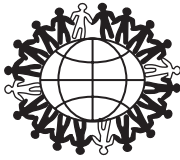
С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва),
С.А. Арутюнов (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, главный редактор (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
П.С. Куприянов (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
Е.В. Попова (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Университет Северной Каролины, Чапел-Хилл, США),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHSS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссорин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чвырь (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67
Интернет-сайт: <https://eo.iea.ras.ru>
e-mail: ethnoreview@iea.ras.ru

ETNOGRAFIČESKOE OBOZRENIÉ

№ 5

SEPTEMBER–OCTOBER 2023

Founded in 1889

Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); *Sovetskaja Etnografia* (1931–1991)

Publication frequency: 6 issues per year

Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Pavel Kupriyanov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitry Mikhel (RANEP, Moscow), **Evgeniya Popova** (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Trubina (University of North Carolina at Chapel Hill, USA)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétrie (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:

Rm 1807, 32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia;
phone +7 (495) 938-1867

К 90-летию юбилею Института этнологии и антропологии РАН

<i>Д.А. Функ.</i> От директора ИЭА РАН: институт в воспоминаниях и планах.....	5
<i>Д.Д. Беляев.</i> Юрий Валентинович Кнорозов в контексте советской этнографической науки середины – второй половины XX в	10
<i>С.С. Алымов.</i> “Жили не только одной работой”: интервью с Н.С. Полищук	25
<i>С.С. Алымов.</i> “Наш труд не пропал зря”: интервью с М.А. Членовым	39
<i>М.В. Крюков</i> Как хороши, как свежи были розы.....	63

Специальная тема номера:

Жизненные драмы на фронтире культур: аборигены Австралии, эвенки и эвены Сибири в условиях модернизации

(отв. ред.: *О.Ю. Артемова*)

<i>О.Ю. Артемова.</i> Введение: от редактора-составителя.....	96
<i>В.Л. Кляус.</i> Эвенки в документальном кино 1920–1980-х годов: советская биография народа	99
<i>Д.А. Долгих, М.А. Щекин.</i> Что дала модернизация эвенкам? Глобальные проекты века и судьбы людей	111
<i>М.С. Михалев.</i> “Каюры XXI века” и индигенные стратегии деколонизации пространства	125
<i>О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова.</i> Как коренные австралийцы пытаются сохранить себя	143

Статьи и материалы

<i>К.А. Петров.</i> Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями	178
<i>А.С. Сумская.</i> Медиапоколение “цифрового пограничья” как фронт в информационно-коммуникативном пространстве эпохи цифровизации	194
<i>Н.Л. Пушкарева, А.В. Жидченко.</i> Женская повседневность в Дубне в 1950–1960-е годы	211
<i>В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, А.М. Ермаков.</i> От первой к третьей волне COVID-19: динамика тревожного поведения в крупных городах России (Москва и Ростов-на-Дону)	227

The 90th Anniversary of the Institute of Ethnology and Anthropology

<i>Funk, D.A.</i> From the Director of IEA RAS: The Institute in Recollections and Plans [Ot direktora IEA RAN: institut v vospominaniakh i planakh]	5
<i>Beliaev, D.D.</i> Yuriy Valentinovich Knorozov in the Context of the Soviet Ethnographic Science of the Mid and Late Twentieth Century [Yuriy Valentinovich Knorozov v kontekste sovetskoi etnograficheskoi nauki serediny – vtoroi poloviny XX v.].....	10
<i>Alymov, S.S.</i> We “Did Not Live by Work Alone”: An Interview with N.S. Polishchuk [“Zhili ne tol’ko odnoi rabotoi”: interv’iu s N.S. Polishchuk]	25
<i>Alymov, S.S.</i> The “Efforts of Ours Were Not in Vain”: An Interview with M.A. Chlenov [“Nash trud ne propal zria”: interv’iu s M.A. Chlenovym]	39
<i>Kryukov, M.V.</i> How Lovely, How Fresh Were the Roses... [Kak khoroshi, kak svezhi byli rozy...]	63

Special Theme of the Issue:**Life Dramas on the Borderline of Cultures: Australian Aboriginal People, Evenks and Evens of Siberia in the Context of Modernization**(guest editor *O.Y. Artemova*)

<i>Artemova, O.Y.</i> Introduction: From the Guest Editor [Vvedenie: ot redaktora-sostavitelia]	96
<i>Klyaus, V.L.</i> Evenks in Documentary Films of the 1920s–1980s: Soviet Biography of a Nation [Evenki v dokumental’nom kino 1920–1980-kh godov: sovetskaia biografiia nara]	99
<i>Dolgikh, D.A., and M.A. Shchekin.</i> What Did Evenks Get from Modernization? Global Projects of the Century and People’s Destinies [Chto dala modernizatsiia evenkam? Global’nye proekty veka i sud’by liudei]	111
<i>Mikhalev, M.S.</i> The “21st-Century Kayurs” and Indigenous Strategies of the Decolonization of Land [“Kaiury XXI veka” i indigennye strategii dekolonizatsii prostranstva]	125
<i>Artemova, O.Y., and Y.A. Artemova.</i> How Indigenous Australians Try to Preserve Themselves [Kak korennye avstraliitsy pytaiutsia sokhranit’ sebia]	143

Research Articles

<i>Petrov, K.A.</i> Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders [Razdelit’ i steret’: formirovanie agentnosti u detei i vzroslykh s mental’nymi narusheniiami]	178
<i>Sumskaya, A.S.</i> Media Generation of the “Digital Borderline” in the Information and Communication Area of the Digitalization Era [Mediapokolenie “tsifrovogo pogranich’ia” kak frontir v informatsionno-kommunikativnom prostranstve epokhi tsifrovizatsii]	194
<i>Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko.</i> Everyday Life of Women in Dubna of the 1950s–1960s [Zhenskaia povsednevnost’ v Dubne v 1950–1960-e gody]	211
<i>Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, and A.M. Ermakov.</i> From the First to the Third Wave of COVID-19: Dynamics of Anxious Behavior in Large Russian Cities (Moscow and Rostov-on-Don) [Ot pervoi k tret’ei volne COVID-19: dinamika trevozhnogo povedeniia v krupnykh gorodakh Rossii (Moskva i Rostov-na-Donu)]	227

К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

От директора ИЭА РАН:
ИНСТИТУТ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПЛАНАХ

Д.А. Функ

Дмитрий Анатольевич Функ | <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924> | d_funk@iea.ras.ru |
д. и. н., профессор, директор | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а,
Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

история антропологии, история этнологии, Институт этнологии и антропологии РАН

Аннотация

Статья предваряет юбилейную рубрику номера, посвященную 90-летию Института этнологии и антропологии РАН. Автор рассуждает о прошлом, настоящем и о перспективах развития антропологии в стране, в частности на примере одной из ее ведущих научных организаций. Воспоминания и размышления об истории и роли института в развитии дисциплины представлены в статье Д.Д. Беляева о Ю.В. Кнорозове, автобиографической статье М.В. Крюкова и интервью С.С. Алымова с Н.С. Полищук и М.А. Членовым.

На общем собрании Академии наук СССР 90 лет тому назад, 1 февраля 1933 г., неперемный секретарь Президиума АН СССР академик В.П. Волгин огласил перед собравшимися Постановление Отделения общественных наук АН СССР о слиянии Музея антропологии и этнографии с Институтом по изучению народов СССР и об организации единого Института антропологии и этнографии. С этого дня и начинается история нашего института.

За прошедшие годы менялись его название, расположение и учредители. В 1943 г. институт переехал из Ленинграда в Москву, в 1990 г. был переименован в Институт этнологии и антропологии. На протяжении 80 лет институт находился в структуре союзной, а затем Российской академии наук, с конца 2013 г. он входил в систему Федерального агентства научных организаций, а с мая 2018 г. учредителем «Федерального государственного бюджетного учреждения науки “Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН”» стало Министерство науки и высшего образования РФ. Не менялась лишь ведущая роль нашего института среди аналогичных профильных учреждений страны. Последнее утверждение можно особо не аргументировать. Достаточно сказать, что на протяжении нескольких последних десятилетий средняя численность научных сотрудников Института этнологии и антропологии составляет 140 человек, из которых (можно взять для примера любой год) около 40 имеют степень доктора и

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Функ Д.А. От директора ИЭА РАН: институт в воспоминаниях и планах // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 5–9. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050019> EDN: YEEVUF

Funk, D.A. 2023. Ot direktora IEA RAN: institut v vospominaniiakh i planakh [From the Director of IEA RAS: The Institute in Recollections and Plans]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–9. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050019> EDN: YEEVUF

около 80 – кандидата наук. Аналогичных по составу “этнографических” коллективов в стране не было и нет.

Во многом история института обуславливалась политическими, экономическими и социокультурными реалиями конкретного времени, но не в меньшей степени она зависела от тех ученых, которые в нем работали: именно они формировали историю нашего научного учреждения, в чем-то влияя и на историю страны, а порой и мира. Те зарисовки к 90-летию института, которые представлены на страницах нашего журнала в виде воспоминаний М.В. Крюкова, статьи Д.Д. Беляева о Ю.В. Кнорозове, интервью С.С. Алымова с Н.С. Полишук и М.А. Членовым, ярко иллюстрируют это. В них все, кто знаком с жизнью и деятельностью нашего научного учреждения, найдут воспоминания, созвучные их собственным, а другие коллеги по цеху, уверен, откроют для себя интереснейший материал, проливающий свет не только на внутренние перипетии институтской жизни, но и на общую историю нашего профессионального сообщества.

Но это все о прошлом. А ведь любой юбилей¹ – это повод не только вспомнить о былом, реинтерпретировать его и в каком-то смысле пересоздать в настоящем, но и порассуждать о том, что же будет дальше (что-то похожее на идеологию и утопию в терминологии П. Рикёра). Современная антропология – одна из самых быстро развивающихся социальных дисциплин, в ней невероятно сложно оказаться в числе лидеров, но зато очень легко остаться в числе безнадежно отставших. Чтобы последнего не случилось, для института, да и в целом для нашей дисциплины, важны, как мне видится, всего две позиции:

– не просто много работать и уметь это делать, а регулярно работать в поле. При том что ни в одном отечественном вузе, насколько мне известно, не читается фундаментальный курс методики полевой работы с опорой на классические учебники и хрестоматии (напр.: *Bernard* 2017; *Pelto* 2017; *Robben, Sluka* 2012; и др.) и при том что у нас как не было, так и нет годовых выездов в поле. Тут есть чем заняться. Горжусь аспиранткой института А.Н. Терехиной, которая целый год кочевала с ненцами на Ямале;

– активно взаимодействовать с коллегами во всем мире – через постоянное, ежедневное чтение их публикаций (включая классические антропологические работы предыдущих десятилетий) и регулярное живое интерактивное общение с ними на конференциях и конгрессах, хотя бы на крупнейших. И здесь тоже есть, что менять и улучшать. За последние полтора века (ровно столько у нас в стране издаются на русском языке переводные этнологические/антропологические работы), несмотря на обилие самых разнообразных серийных изданий, включая и вполне академичные по своей сути (“Этнографическая библиотека”, напр.²), вышло от силы полсотни книг, что совершенно не отвечает потребностям даже высшей школы.

В год 90-летия института нам удалось инициировать новую серию “Методы антропологии” (*Бенедикт* 2023; *Радин* 2023; *Янагита Куньо* 2023; *Боас* 2023; *Кэмпбелл* 2023; и др.³), дающую надежду, что в самое ближайшее время получится донести до русскоязычного читателя десятки основополагающих антропологических трудов. Разумеется, не все выглядит столь радужно, особенно с учетом нынешних сложностей с доступом к международным журнальным базам и новейшей литературе. Впрочем, и здесь есть решения, в частности удаленный доступ к библиотекам вузов-партнеров за пределами стран золотого миллиарда. Стремление к общению начиная с 2019 г. неожиданно выплеснулось в дюжину постоянно действующих институтских и межинституциональных семинаров. Радует и конференционная активность коллег: даже в последние два года, вопреки всем обстоятельствам, это не только выступления с индивидуальными докладами, но и целые секции, организованные нашими сотрудниками на самых

престижных международных антропологических форумах. Надеюсь, что все эти позитивные тенденции сохранятся.

Девяностолетняя история института наглядно свидетельствует о постоянном поиске оптимальной исследовательской оптики его сотрудниками. При том что некоторые научные акценты и языки описания прежних лет сегодня кажутся странными и порой наивными, в целом, даже с поправкой на длительную изоляцию советской этнографии и на периодические попытки отдельных особо одаренных административных лидеров задавать некие генеральные направления в науке, мы можем говорить о неизменно расширявшемся спектре научных интересов. Шаг за шагом менялась исследовательская оптика, и вот уже с трудом уловимая этничность перестала играть главенствующую роль в наших работах. Человек – сложное существо, и уж коли мы хотим соответствовать наименованию своей профессии (антропологи), то должны научиться видеть в человеке и его группах любые проявления социальной и биологической природы, а не только этническую составляющую культуры и идентичности (которые, безусловно, тоже порой важны). Появление и развитие таких направлений, как этология человека, медицинская антропология, городская антропология, исследования социальной памяти и культурного наследия, антропология экстрактивизма и в целом прикладная антропология, – свидетельство расширения тематики исследований. Кто-то, наверное, порассуждал бы о том, каких антропологий у нас все еще нет, но я не стану этого делать. Будет осмысленное поле и академический диалог – будут и новые темы, и новые подходы, и новые аналитические языки. Одно невозможно без другого.

Остается лишь пожелать всему коллективу института столь же широких полей и заинтересованных обсуждений материалов и идей, какими были наполнены все прошедшие десятилетия. Радости творчества всем нам, называющим себя этнографами, этнологами, антропологами!

Примечания

¹ О юбилейных торжествах по случаю 90-летия ИЭА РАН, прошедших 11 апреля 2023 г. в здании Президиума РАН, подробно см. на сайте института (<https://iea-ras.ru/?p=10388>). К юбилею была издана объемная брошюра, целиком посвященная истории и современному состоянию института (Функ 2023).

² За 40 лет в серии “Этнографическая библиотека” было издано 19 книг.

³ В редподготовке по состоянию на день сдачи моего вводного текста находятся переводы следующих книг: *Фрэзер Дж.* Адонис. Аттис. Осирис. Труд Психеи; *Чаплицкая М.А.* Сибирь аборигенная. Социально-антропологическое исследование; *Боас Ф.* Антропология и современная жизнь; *Эванс-Причард Э.* Колдовство, гадательные средства и магия у занде; *Крёбер А и др.* Франц Боас; *Уорф Б.* Язык. Мышление и реальность; *Ванклей Ф. и др.* Оценка социального воздействия; и др.

Научная литература

Бенедикт Р. Модели культуры / Пер. с англ. А.К. Данильченко. М.: Альма Матер; Гаудеамус, 2023.

Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена, В.Г. Богораза. М.: Альма Матер, 2023.

Функ Д.А. (ред.) Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. 90 лет. М.: Буки-Веди, 2023.

Кэмпбелл Дж. Полет дикого гуся. Изыскания в области мифологии / Пер. с англ. В.И. Фролова. М.: Альма Матер, 2023.

- Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев (с комментариями К. Керенъи и К.Г. Юнга) / Пер. с англ. В.В. Кирющенко. М.: Альма Матер, 2023.
- Янагита Кунио [Ёдзю Кавамура]. Японский шаманизм (Фудзё Ко) / Пер. с яп. Н.А. Невский; отв. ред. сост. К.Л. Банников. М.: Альма Матер, 2023.
- Bernard H.R. Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. Oxford: AltaMira Press, 2017.
- Pelto P.J. Mixed Methods in Ethnographic Research: Historical Perspectives. N.Y.: Routledge, 2017.
- Robben C.G.M., Sluka J.A. (eds.) Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012.

Editor's Introduction

Funk, D.A. From the Director of IEA RAS: The Institute in Recollections and Plans [Ot direktora IEA RAN: institut v vospominaniakh i planakh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 5–9. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050019> EDN: YEEVUF ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitriy Funk | <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924> | d_funk@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

history of anthropology, history of ethnology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, IEA RAS

Abstract

The article introduces a special section of the issue dedicated to the 90th anniversary of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Its current director discusses the institute's past and present as well as the general prospects for the development of anthropology in Russia, focusing on the case of the organization that has been one of the leading academic institutions in the country. Recollections about the historical role of the institute are presented in the contributions featuring D.D. Beliaev's article on Y.V. Knorozov, M.V. Kryukov's autobiographical essay, and S.S. Alymov's interviews with N.S. Polishchuk and M.A. Chlenov.

References

- Benedict, R. 2023. *Modeli kul'tury* [Patterns of Culture], translated by A.K. Danilchenko. Moscow: Al'ma Mater; Gaudemus.
- Boas, F. 2023. *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man], translated by A.M. Voden and V.G. Bogoraz. Moscow: Al'ma Mater.
- Campbell, J. 2023. *Polet dikogo gusia. Izyskaniia v oblasti mifologii* [The Flight of Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension], translated by V.I. Frolov. Moscow: Al'ma Mater.
- Funk, D.A., ed. 2023. *Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk. 90 let* [Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 90 Years]. Moscow: Buki-Vedi.
- Radin, P. 2023. *Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev (s kommentariiami K. Keren' i K.G. Yunga)* [The Trickster: A Study in the American

- Indian Mythology (With Comments by K. Kerenyi and K.G. Yung)], translated by V.V. Kiriushchenko. Moscow: Al'ma Mater.
- Yanagita Kunio [Edziu Kavamura]. 2023. *Yaponskii shamanizm (Fudze Ko)* [Japanese Shamanism (Fudze Ko)], edited by N.A. Nevskii and K.L. Bannikov. Moscow: Al'ma Mater.
- Bernard, H.R. 2017. *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. Oxford: AltaMira Press.
- Pelto, P.J. 2017. *Mixed Methods in Ethnographic Research: Historical Perspectives*. New York: Routledge.
- Robben C.G.M., and J.A. Sluka, eds. 2012. *Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader*. Chichester: Wiley-Blackwell.

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КНОРОЗОВ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Д.Д. Беляев

Дмитрий Дмитриевич Беляев | <http://orcid.org/0000-0002-6609-2302> | lakamha@mail.ru | к.и.н., доцент | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125267, Россия) | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Покровский бульвар 11, Москва, 109028, Россия)

Ключевые слова

история антропологии, Ю.В. Кнорозов, советская этнография, американистика, древние майя, этнографическая теория, этническая семиотика

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999) на теоретические проблемы этнографии в контексте развития советской этнографической науки. В конце 1940-х годов на становление Кнорозова как ученого оказали существенное влияние С.П. Толстов и С.А. Токарев: вероятно, в русле идей С.П. Толстова им была подготовлена несохранившаяся теоретическая работа о происхождении экзогамии; интерес Кнорозова к шаманизму и тайным общества также находит параллели в работах С.П. Толстова. Одновременно Кнорозовым разрабатывалась оригинальная концепция эволюции календаря в связи с дуально-родовой организацией первобытного общества и ее пережитками в раннеклассовую эпоху. В 1960-е годы Кнорозов отходит от этнографической проблематики и сближается с лингвистами и специалистами по кибернетике, занимаясь разработкой теории сигнализации и общими проблемами теории дешифровки. В начале 1970-х годов он возвращается к этнографической проблематике на новом уровне, исследуя тему связи календаря, религии и пережитков племенной дуально-фратриальной организации у древних майя. Концепция этнической семиотики, предложенная Кнорозовым в конце 1970-х годов, может рассматриваться как альтернатива советской теории этноса, разрабатываемой в это время под руководством Ю.В. Бромлея.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23-18-01091]

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Беляев Д.Д. Юрий Валентинович Кнорозов в контексте советской этнографической науки середины – второй половины XX в. // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 10–24. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050020> EDN: YAZADS

Beliaev, D.D. 2023. Yurii Valentinovich Knorozov v kontekste sovetskoi etnograficheskoi nauki serediny – vtoroi poloviny XX v. [Yurii Valentinovich Knorozov in the Context of the Soviet Ethnographic Science of the Mid and Late Twentieth Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 10–24. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050020> EDN: YAZADS

В ноябре 2022 г. российская наука отметила 100-летие со дня рождения Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999). Важность этого юбилея для российского общества подчеркивает тот факт, что Президентом Российской Федерации был подписан Указ от 1 июля 2022 г. № 419 “Об увековечении памяти Ю.В. Кнорозова и праздновании 100-летия со дня его рождения” (Об увековечении 2022). В преддверии этой даты в Санкт-Петербурге и Москве были изданы избранные труды ученого (Кнорозов 2018, 2022) и его обстоятельная биография (Ершова 2019). Помимо этого, московскими и петербургскими исследователями было опубликовано большое число работ, в которых рассматривались отдельные аспекты личной и интеллектуальной биографии Ю.В. Кнорозова – был введен в оборот большой объем архивных источников (Долгова 2019, 2022; Долгова, Ершова 2022; Ершова, Долгова 2018; Корсун 2019; Тугорский и др. 2022).

Из обширного научного наследия Ю.В. Кнорозова наиболее известны его достижения в области дешифровки древних письменностей, прежде всего иероглифики майя, освещенные как в научных работах, так и в научно-популярной литературе. В зарубежной историографии Кнорозов признан в первую очередь как майянист (Ко 2021). В работах Г.Г. Ершовой подчеркивается принципиальная междисциплинарность работ Кнорозова, который в своих исследованиях интегрировал классическую этнографию, лингвистику, психологию, семиотику, а также идеи кибернетики и общей теории систем, стремясь создать собственную теорию коммуникации и универсальную теорию коллектива (Ершова 2018, 2019: 333–360). О широте его интересов говорят и воспоминания коллег, знавших ученого в 1940–1960-е годы – А.М. Плунгяна, Вяч.Вс. Иванова и др. (Плунгян 2019; Ершова 2019: 748–761). В то же время, как отмечал Вяч.Вс. Иванов, “многое из того, что им было продумано и сделано, нам известно в устной форме, никак не закреплено” (цит. по: Ершова 2019: 753).

Однако изначально научные подходы Кнорозова получили оформление в рамках этнографической науки. А.М. Плунгян, опираясь на свои студенческие воспоминания, писал, что Кнорозов уже во время учебы “определил проблематику своих дальнейших исследований в области теории коммуникации, сигнализации и управления в первобытном коллективе”, и подчеркивал его внимание к шаманизму и шаманским практикам (Плунгян 2019: 67). В этой связи представляется интересным попытаться посмотреть на Ю.В. Кнорозова как этнографа в контексте развития советской этнографической науки середины – второй половины XX в.

“Среднеазиатский период”: кафедра этнографии МГУ и Музей этнографии народов СССР (1946–1953)

Документы, связанные с обучением Ю.В. Кнорозова в МГУ, демонстрируют крайне широкую палитру этнографических курсов, освоенных им в студенческие годы. Помимо общих курсов “История первобытного общества” (Д.Г. Редер) и “Этнография” (С.П. Толстов), это “История первобытного хозяйства” (Н.Н. Чебоксаров), “Этнография народов СССР” (С.А. Токарев), “История материальной культуры” и “Антропология” (Н.Н. Чебоксаров), “Фольклор” и “Эпос восточных славян” (В.И. Чичеров), “Этнография Востока” (С.П. Толстов), а также кафедральные спецкурсы “История культуры Хорезма” (С.П. Толстов), узбекский язык (Шарипов). Особенно следует выделить спецсеминар “Анимизм и шаманство у казахов” (С.П. Толстов) (Тугорский и др. 2022: 130–136).

В 1946 и 1947 гг. Кнорозов работал в составе 2-го (Североузбекского) этнографического отряда экспедиции под руководством К.Л. Задыхиной

(1907–1969) (Ершова 2019; Жданко 1997: 16–20). Именно в ходе этой работы были собраны полевые материалы об архаических элементах в местном фольклоре и шаманских практиках, ставшие основой дипломной работы “Мазар Шамун-Наби (среднеазиатская версия легенды о Самсоне)”, защищенной в апреле 1948 г. В.А. Жданко отмечает: «Он разыскал нескольких шаманов (порхан) и, сумев войти к ним в доверие, сделал ценные записи о местных формах камлания – *ойна* (букв, “игра”), или *зикр*» (Жданко 1997: 20).

В № 2 журнала “Советская этнография” за 1949 г. выходит статья, написанная на основе дипломной работы Кнорозова “Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)” (Кнорозов 1949). Обстоятельства ее появления сам автор передавал иронически: С.П. Толстов “буквально выцарапал... текст дипломной работы, утащил и затолкал в журнал” (цит. по: Ершова 2019: 158). В статье впервые проявляется один из важнейших элементов кнорозовской методики: он настаивает на “интерпретации легенды об одном из таких святых... с учетом всего комплекса данных по его культу, так как представляется методологически неправильным интерпретировать один из элементов памятника духовной культуры, игнорируя остальные и тем самым отрываясь от конкретной обстановки” (Кнорозов 1949: 86). Анализ легенды о местнопочитаемом святом Шамун-наби позволил Кнорозову выявить в ней как библейские (легенда о Самсоне), так и домусульманские зороастрийские мотивы (миф о первопредке Гайомарде) и сделать вывод: наиболее устойчивыми оказались “культы божеств-покровителей ирригации, плодородия, скотоводства, что в значительной степени объясняется той ролью в хозяйственной и бытовой жизни, которую им приписывало население” (Там же: 95). Второй аспект, интересующий Кнорозова, – это анимистические обряды и шаманство. Их распространение в Хорезме он связывает с миграцией тюркских племен, культовые практики которых характеризовались наличием родовых святилищ и культом мертвых (Там же: 96). В кратком описании суфийского зикра, данном Кнорозовым, подчеркивается введение зрителей в экстаз под удары бубна (Там же: 88–89).

Вторая часть статьи посвящена анализу обрядов, проводимых шаманами (порханами). В этих практиках Кнорозов обнаруживает сильный архаический компонент, отмечая “ряд архаических черт, в частности были распространены травестированные порханы, одевающие во время сеанса женскую одежду” (Там же: 96), а также имитация животных.

Впоследствии статья Кнорозова неоднократно цитировалась специалистами по традиционным верованиям Хорезма и Средней Азии (см., напр.: Снесарев 1969) и исследователями суфизма. Г.П. Снесарев характеризовал ее как “небольшую, но исключительно богатую по содержанию статью... которая впоследствии неизменно цитировалась всеми авторами, интересующимися среднеазиатской агиологией” (Снесарев 1983: 8).

Прослеживаемые в статье методы изучения культурных явлений через призму сохранения в них архаических элементов находят явные параллели в работах С.П. Толстова. В очерке “Путь корибантов” С.П. Толстов предлагает искать в восточных обществах “такие явления, как связанные с восточной общиной формы семейно-брачных отношений, как вопрос о пережитках родовой организации, матриархата и связанных с ним архаических общественных институтов родового общества” (Толстов 1948: 282). В таком подходе автор очерка видит своего рода альтернативу классическому востоковедению: “...наши историки древнего мира, за редкими исключениями, ни на шаг не продвинулись по этому пути по сравнению с тем, что уже было сделано больше полувека назад...” (Там же: 281).

Особый раздел “Пути корибантов” посвящен народным движениям в Средней Азии и на Ближнем Востоке V–XI вв. (Там же: 331–337). Анализ движений Маздака, Муканны, Хурразада и карматов приводит С.П. Толстова к выводу, что это была борьба за сохранение первобытнообщинного уклада и что особую роль в этой борьбе играли тайные организации: “...общей организационной формой руководства движениями является широко разветвленная тайная организация с инициациями, рядом ступеней посвящения и строжайшей централизацией и дисциплиной” (Там же: 337). Однако возникновение этих тайных организаций С.П. Толстов не связывает с синхронной социально-экономической ситуацией, он выводит их из первобытных тайных союзов, которые продолжали существовать внутри восточных рабовладельческих государств и вновь оказались актуальными в условиях сопротивления феодальным порядкам.

О том интересе, который проявлял студент Юрий Кнорозов к закрытым сообществам типа мужских союзов как историческому феномену говорят практически все хорошо знавшие его в 1940–1960-е годы знакомые и коллеги – А.М. Плунгян, А.М. Пятигорский, Вяч. Вс. Иванов и др. (Плунгян 2019; Ершова 2019: 776).

Кнорозов приходит в Государственный музей этнографии народов СССР в Отдел народов Средней Азии 1 января 1949 г. Сам Юрий Валентинович позднее шутил, что его деятельность сводилось к тому, что он “вытряхивал среднеазиатские ковры” (Ершова 2019: 731). Однако, как отмечает Е.А. Долгова, наряду с работой над тематической экспозицией “Ковровые изделия народов Средней Азии”, в 1949 г. ему была поручена научно-исследовательская тема “Шаманство у казахов в XIX в.”. В 1949 г., в мае, на научной сессии музея он сделал доклад “Пережитки до-мусульманских верований у народов Хорезмского оазиса”, осенью планировалась экспедиция в Южно-Казахстанскую область (она не состоялась в связи с отсутствием финансирования), а в конце года на отчетной сессии Института этнографии АН СССР Кнорозов выступил с докладом “Шаманство у казахов в XIX в.” (Долгова 2019: 96–97). В 1949 г. Кнорозов в последний раз участвовал в работах Хорезмской экспедиции, в ходе которой собирал материалы по верованиям народов Нижней Амударьи (Долгова 2019: 96–97). Возможно, тогда он входил в состав каракалпакского этнографического отряда, о чем сообщается в его автобиографиях (Долгова 2022: 804).

О том, что исследователь в это время работал не только над среднеазиатскими сюжетами и материалами по письменности майя, но и над более общими вопросами этнографии, связанными с теоретическими проблемами первобытности, свидетельствует письмо С.А. Токарева от 18 декабря 1949 г., в котором он комментирует идеи своего ученика о возникновении экзогамии:

Толстов сказал, что вы в основном правы, но ошибаетесь в чисто биологической стороне вопроса, например у обезьян уже нет периода течки, тогда как у рогатого скота есть. По его словам, дело тут “в том, что развитие материального производства потребовало большей организованности, чему противоречили беспорядочные половые связи” (АМАЭ: Л. 91).

Гипотеза явно понравилась С.А. Токареву, поскольку он пишет: “Вообще говоря, будет хорошо, если на эту тему вы дадите в журнал статью” (Там же). Эту же работу С.А. Токарев упоминает в своем письме в Президиум АН СССР от 12 декабря 1950 г.: “У Ю.В. Кнорозова имеются также работы, законченные или незаконченные... по общим проблемам истории первобытнообщинного строя (напр. о происхождении экзогамии)” (цит. по: Ершова 2019: 218).

Тема экзогамии была одной из наиболее обсуждаемых в советской этнографии уже в 1930-е годы (Золотарев 1931; Толстов 1931) и вновь актуализировалась во второй половине 1940-х годов. Она была затронута и в дискуссии о проблемах экзогамии на заседании группы общей этнографии Института

этнографии 8 апреля 1947 г., где обсуждался доклад М.О. Косвена, по итогам которого выступили такие ключевые фигуры советской этнографии того времени, как Ю.М. Лихтенберг, Б.О. Долгих, П.И. Кушнер, С.П. Толстов, В.В. Бунак, М.Г. Левин, Н.А. Бутинов и др. (*Золотаревская* 1947). К сожалению, оригинал письма Кнорозова не сохранился, а в его опубликованных работах следов гипотезы о возникновении экзогамии не прослеживается, но, по-видимому, в целом она разрабатывалась в русле идей С.П. Толстова.

С 1950 г. Кнорозов сосредотачивается на изучении коллекций и организации архива музея (*Долгова* 2019). Параллельно с этим он все больше погружается в освоение темы древней Америки, что снижает активность его работы со среднеазиатскими материалами. Тем не менее он принимает участие в Туркменской экспедиции музея летом 1951 г. и вновь возвращается в Хорезмский оазис, в Куня-Ургенчский район Ташаузской области, где проживали туркмены племени йомуд. Однако его работа была больше ориентирована на вопросы материальной культуры (из экспедиции он привез коллекцию из 22 предметов) и современный быт туркменских колхозников. Новых материалов о шаманизме у туркмен он не собрал, и эта тема никак не всплывает в его биографии (*Коллекции* 2022).

Этнография и американистика: концепция дуально-родовой организации у древних майя

Внимание Кнорозова к древним американским культурам и проблеме дешифровки письменности древних майя было связано с его общими интересами в области теории коммуникации и проявилось еще в студенческие годы. Р.В. Кинжалов в своих воспоминаниях утверждает, что первое письмо от Кнорозова с упоминанием майя он получил еще в 1941 г. Кнорозов тогда учился в Харьковском университете и прочел в газете о том, что работа Р.В. Кинжалова “Очерк истории древних майя” получила первую премию на конкурсе молодых историков исторического факультета МГУ (*Кинжалов* 2012: 212). А.М. Плунгян вспоминает, что впервые услышал о Кнорозове в начале 1946 г. как о студенте-этнографе, который занимается письменностью майя (*Плунгян* 2019: 60). Согласно наиболее распространенной версии, С.А. Токарев передал своему ученику статью П. Шелльхаса “Дешифровка иероглифов майя: неразрешимая проблема?” в 1947 г.

В то же время письмо С.А. Токарева от 16 июля 1948 г. свидетельствует о том, что для него (как и для С.П. Толстова) было неожиданностью решение Кнорозова заниматься в аспирантуре американистикой: “Сергей Павлович очень удивился, и был против... вопрос о специализации по Хорезму считает давно решенным – независимо от того будете ли вы в аспирантуре нашего института или МГУ. Я тоже удивляюсь, почему это вам снова взбрела в голову Америка” (АМАЭ: Л. 79). Очевидно, такие мысли Кнорозов уже высказывал, но его учителя решили, что смогли его отговорить. Однако уже через полтора месяца в заявлении в Приемную комиссию аспирантуры МГУ, датированном 8 сентября 1948 г., где С.А. Токарев ставит вопрос о пересмотре решения не допустить Кнорозова к приемным экзаменам, он встает на сторону своего ученика:

Тов. Кнорозов проявил себя как чрезвычайно способный молодой исследователь в области чрезвычайно редкой специальности: этнографии народов Центральной Америки... и специализируется по изучению нерасшифрованной до сих пор древней письменности майя. Кафедра этнографии признала необходимым обеспечить тов. Кнорозову возможность серьезной научной подготовки для работы по данной специальности (АМАЭ: Л. 82).

Судя по всему, работая в Музее этнографии народов СССР, Кнорозов обсуждал в переписке с С.А. Токаревым не только ход работы над дешифровкой (*Ершова* 2019: 184, 212), но и прочие свои идеи. В ходе этого обсуждения, по-видимому, была высказана гипотеза о связи календаря и социальной организации у древних майя. В своем ответном письме от 18 декабря 1949 г. С.А. Токарев дает развернутый комментарий:

Еще один вопрос, – связанный с первым, – это циклическое летоисчисление и связь его с родо-фратриальной структурой. Эта ваша мысль мне чрезвычайно интересна, – но она требует серьезной проверки. В самом деле, исходя из Вашей мысли, следовало бы прежде всего искать у разных народов двухлетнего цикла – сообразно древнейшему числу универсальных фратрий, – но такого цикла как будто бы нигде нет... Впрочем, я не хочу особо спорить, ибо мысль мне нравится, – а только проверьте ее получше (АМАЭ: Л. 82).

В письме в Президиум АН СССР от 12 декабря 1950 г. С.А. Токарев говорит о гипотезе Кнорозова как об одном из его важнейших достижений: “Работая над изучением систем летосчисления разных народов, Ю.В. Кнорозов пришел к интересным выводам о происхождении своеобразного циклического счисления годов (напр. известный 12-летний цикл у тюркских и других народов)” (цит. по: *Ершова* 2019: 211).

Гипотеза Кнорозова о связи циклического летосчисления и родо-фратриального деления в развернутом виде впервые появляется в его кандидатской диссертации. В стенограмме защиты она изложена следующим образом: древнейшим циклом был 4-летний, в соответствии с которым четыре бога сменяли друг друга, правя в течение года. Эти представления отражают смену власти по родам. Появление циклов большего порядка связано с удлинением сроков правления. “Таким образом, циклическое летосчисление возникает как естественный результат смены правления по родам, а количество лет в цикле определяется не прихотью жрецов, а количеством родов в племени (или во фратрии, если должности дублируются)” (цит. по: *Ершова, Долгова* 2018: 37).

Таким образом, реконструкция Кнорозовым архаической социальной организации майя выглядит следующим образом: 4 рода, вероятно, разделенные на 2 фратрии. Эта реконструкция прекрасно укладывается в общую схему дуально-родовой организации, столь важную для теоретических взглядов С.П. Толстова (*Толстов* 1948: 281–337) и активно обсуждавшуюся советскими этнографами в это время (*Толстов* 1951).

Соответственно, в распоряжении этнографов, исследующих первобытное общество, оказывается новый метод: изучив циклические календарные системы, можно сделать вывод о ранних формах социальной организации. В этом контексте исследователь предполагает, что популярный в Центральной Азии 12-летний цикл восходит к гуннскому племенному союзу, который был разделен на 24 “племени”. Эти племена Кнорозов интерпретирует как разросшиеся роды, объединенные в две фратрии (*Кнорозов* 1955: 73).

Примечательно, что из приводимых примеров были убраны античные, которые С.А. Токарев прокомментировал в процитированном выше письме от 18 декабря 1949 г., отметив, что “четыре племени” у греков (ахейцы, эолийцы, ионийцы и дорийцы) могут быть случайными, а число фил у разных групп было различным (напр., дорийских было 3) (АМАЭ: Л. 82).

Во второй половине 1950-х годов при подготовке фундаментальной монографии “Письменность индейцев майя” Кнорозов развивает свою концепцию и предлагает объяснение возникновения у майя 20-летних циклов (ст.-юк. *к'атун*). По его мнению, “племя, организация которого послужила образцом, состояло из 20 родов, объединенных в четыре группы (по две во фратрии)” (*Кнорозов*

1963: 12); 4-летний цикл объясняется теперь не древнейшим объединением из 4 родов, а тем, что у власти ежегодно менялись представители четырех групп родов. В дальнейшем, при формировании государственности, когда побеждает один из родов, его вожди узурпируют власть и претендуют на продление правления. Двадцатилетия делятся на 4 подпериода (по 5 лет), в конце каждого из которых устанавливались стелы (Там же: 12–13).

От кибернетики к этнической семиотике (1960–1970-е годы)

В начале 1960-х годов в научном творчестве Кнорозова наблюдается падение интереса к традиционным вопросам советской этнографической науки. По всей вероятности, монография “Письменность индейцев майя” была готова уже к 1957 г., так как положительный отзыв академика В.В. Струве датируется декабрем этого года (Ершова 2019: 294–296), однако выйдет она лишь в 1963 г. Очевидно, задержка с публикацией вызывала у Юрия Валентиновича серьезный стресс, поскольку в январе 1958 г. С.А. Токарев обращается к его супруге В.М. Самковой и пишет, что Кнорозова надо беречь, поскольку он – золотой фонд советской науки (АМАЭ: Л. 90).

Параллельно Кнорозов с головой погружается в дешифровку письменности о-ва Пасхи, где совместно с Н.А. Бутиновым достигает больших успехов (Бутинов, Кнорозов 1956; и др.). Примечательно, что для зарубежных коллег результаты этой работы были даже более убедительны, чем работы по майя. М. Ко в рецензии на издание русского перевода “Сообщения о делах в Юкатане”, рассуждая о состоянии дешифровки майяской иероглифики, выражает надежду, что в ближайшее время она будет настолько же успешна, как и случай с кохау ронгоронго (Coe S.D., Coe M.D. 1957: 208).

В 1958 г. Кнорозов подключается к обсуждению предложенной Д.Д. Тумаркиным идеи об организации полинезийской экспедиции на судне “Витязь”, планируемой на 1959 г. Н.А. Бутинов считал, что работа должна сосредоточиться в этнографической сфере (язык, письменность и современная культура жителей острова) (Игнатьев 2021: 121). Иная точка зрения была у Кнорозова: в записке, поданной в апреле 1958 г. С.П. Толстову, Юрий Валентинович пишет о масштабной комплексной археолого-этнографической экспедиции (5–6 месяцев работы, 15–20 советских исследователей и 40 местных рабочих, разделенных на три отряда – два археологических и один этнографический) (Ершова 2019: 286–287), а на обсуждении экспедиции осенью 1958 г. он говорит о том, что этнографический отряд при необходимости можно сократить, поскольку “этнографам там делать нечего”, а “изучение письменности – чисто кабинетная работа” (Игнатьев 2021: 121). По-видимому, на это накладывался и раскол тандема Кнорозов–Бутинов, в результате которого Николай Александрович отходит от кнорозовских взглядов на письменность ронгоронго и начинает развивать свои собственные идеи.

Но все-таки основной причиной ослабления внимания к этнографии было появление новой сферы, где Кнорозов мог сосредоточиться на теории коммуникации. Этой сферой стала бурно развивающаяся в СССР кибернетика. В 1959 г. был создан Научный совет по комплексной проблеме “Кибернетика” при Президиуме АН СССР под руководством академика А.И. Берга. По инициативе Вяч.Вс. Иванова Кнорозов был включен в состав Лингвистической секции Совета. Уже на первом ее заседании, в котором приняли участие А.А. Реформатский, В.А. Успенский, И.И. Ревзин и другие, было принято решение, что Кнорозов будет руководить работами по дешифровке исторических

письменностей (в связи с использованием в этой области ЭВМ) и по теории письма. В этой связи А.И. Берг обратился в Президиум АН СССР и в дирекцию Института этнографии с предложением о создании группы по дешифровке исторических письменностей (Иванов 1998: 259–261). Обращение академика оказывается весомым аргументом, и в Постановлении Президиума АН СССР № 452 от 6 мая 1960 г. “О развитии структурных и математических методов исследования языка” особо отмечается: “Применение структурных и математических методов особенно важно... для разработки методов дешифровки древних письменностей” (Там же: 265–266). Таким образом, теоретические разработки Кнорозова вышли на новый уровень в системе советской науки.

Однако первая попытка дешифровки с использованием ЭВМ, предпринятая с подачи Вяч.Вс. Иванова в сотрудничестве с Институтом математики Сибирского отделения АН СССР, оказалась неудачной и осталась в истории советской науки как яркий пример “нездоровой сенсации” (Кутателадзе 2006; Еришова 2019: 303–330). После этого начинается сотрудничество Кнорозова с московскими математиками из Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР (ВИНИТИ) Ю.А. Шрейдером и позднее М.А. Пробстом. Разрабатываются общие алгоритмы дешифровки, ведется работа с протоиндийской письменностью и обсуждение исследования киданьской письменности. С начала 1960-х годов Юрий Валентинович становится частым гостем на конференциях по проблемам обработки информации и по прикладной лингвистике. В 1964 г. он возглавляет комиссию по дешифровке исторических систем письма секции семиотики Научного совета по комплексной проблеме “Кибернетика” (Долгова, Еришова 2022: 50).

Снижение интереса Кнорозова к тем ключевым темам, которые волновали советскую этнографию, наглядно видно на примере его участия в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г., который был крайне значимым событием для советской науки (Алымов 2023). Он не принимал участия в “теоретической секции”, посвященной идеям Л.Г. Моргана и проблемам периодизации первобытного общества (Алымов 2022), а выступал в секции № 25 “Центральная и Южная Америка” с узкопрофессиональным докладом “Пантеон древних майя” (Кнорозов 1964; Knorozov 1971).

Возвращение Кнорозова на новом уровне к этнографическим концепциям 1950-х годов происходит в начале 1970-х. Еще в своей диссертации он писал: “Нужно, конечно, всячески подчеркнуть, что смена правления не является единственной причиной возникновения циклического летосчисления и сама должна рассматриваться как элемент целой системы взаимно связанных социальных институтов” (Кнорозов 1955: 73). В новых исследованиях он добавляет к смене власти и календарю схему организации пантеона. Модифицированная концепция эволюции календаря майя первоначально оформляется в серии статей “Заметки о календаре майя”, вышедших в начале 1970-х годов (Кнорозов 1971а, 1971б, 1973а, 1973б).

Календарные циклы уже не объясняются напрямую дуально-родовой организацией. Так, 4-летний цикл не определяется исключительно 4-родовой структурой коллектива, а связывается с 4-летним сроком правления, установленным “II реформой календаря” (Кнорозов 1971б: 35). Однако в статье, посвященной 365-дневному году, автор вновь упоминает идею борьбы за власть между вождями из 4 родов. Более того, он фактически возвращается к мысли С.А. Токарева, высказанной в письме 1949 г., о необходимости найти коррелят с древнейшим двухфратриальным делением, которому, однако, считает Кнорозов, соответствуют не двухлетний цикл, как предполагал С.А. Токарев, а деление года на два сезона (дождливый и сухой) и наличие двух сезонных вождей (Кнорозов

1973а). Введение же 20-летий в качестве основной хронологической единицы (так наз. III реформа календаря) связывается не с 20 родами, а со стремлением правителей сохранить свою власть (Кнорозов 1971б: 36–37).

Развитие социальной организации тоже видится несколько по-иному. Традиционная модель племени состоит из 16 родов, обладающих собственными тотемами и символами и делящихся на 2 фратрии. Вождям фратрий в пантеоне соответствовали правящие поочередно бог дождя и бог солнца, а сменой власти руководила богиня луны, которой соответствовала верховная жрица. В дальнейшем эта модель заменяется новой: племя состоит из 4 равноправных фратрий; боги фратрий сменяют друг друга ежегодно (Кнорозов 1973б).

Гипотеза о связи дуально-фратриального деления общества, календаря и структуры пантеона нашла свое выражение в анализе пантеона божеств в комментариях к переводу иероглифических рукописей (Кнорозов 1975: 253–255). Божества майя делятся Кнорозовым на две фратрии: летнюю (символ – голубой змей) во главе с богом неба Ицамной и зимнюю (символ – красный змей) во главе с богом смерти (Там же: 253). У каждой фратрии был свой загробный мир; фратрии и роды символически связывались с временами года, сторонами света, животными и растениями (Там же: 254). Следующим этапом было установление гегемонии 4 главных родов (подфратрий), которые олицетворяли бога огня, бога солнца, Ицамну и бога смерти; в смене власти важную роль играл старый бог-распорядитель (Там же: 254–255). Последним этапом стал переход к 20-летнему (фактически пожизненному) правлению.

С одной стороны, Кнорозов в своих новых работах возвращается к классической этнографической проблематике и к теме организации догосударственных обществ. Хотя он не ссылается на С.П. Толстова или С.А. Токарева, влияние их идей по-прежнему можно проследить в общей логике научного анализа, во внимании к дуальному делению и к базовому постулату об отражении следов племенной организации в различных сферах культуры и общества майя в более поздние эпохи. С другой стороны, теперь понимание принципов организации социальных структур усложнилось: учитываются природно-хозяйственные, астрономические и собственно календарно-математические факторы.

В конце 1970-х годов Ю.В. Кнорозов формулирует свою собственную теорию *этнической семиотики*. В последние годы она стала объектом специальных исследований (Ершова 2019: 361–383; Долгова, Ершова 2022), поэтому нет нужды в ее детальном описании. Важным кажется попытаться понять, почему возникла необходимость в формулировке новой теоретической концепции и насколько она соотносится с теоретическими положениями советской этнографии того времени.

По-видимому, обозначение группы Кнорозова как группы по дешифровке исторических систем письма перестает отвечать как научным интересам ее руководителя, так и ее месту в структуре советской науки. Помимо этого, было необходимо конституировать новый статус Кнорозова после присуждения ему Ленинской премии в 1977 г. В докладной записке об организации группы этнической семиотики указывается, что работа ведется по двум основным направлениям: общая теория коллектива (сам Кнорозов и Н.М. Гиренко) и “теория сигнализации и изучение конкретных графических систем” (Долгова, Ершова 2022: 54). Второе направление было крайне широко по региональному охвату (Сибирь и Дальний Восток, Центральная и Восточная Азия, Индия, Мезоамерика, Океания). Использование определения “этнический”, судя по всему, было призвано обезопасить коллектив от обвинений в том, что его члены занимаются не этнографией, а лингвистикой или археологией.

Насколько Кнорозов рассматривал этническую семиотику как альтернативу теории этноса, которая стала центральным элементом советской этнографиче-

ской науки в 1970-е годы, неясно. В разработке и обсуждении этой теории он не принимал никакого участия, в его собственных работах термин “этнос” не используется, ссылок на работы Ю.В. Кнорозова обнаружить не удастся. Само название “теория коллектива” свидетельствует о том, что ее автор имел собственное видение теоретических проблем этнографии. Однако, как и ранее в случае с концепцией экзогамии, обобщающей теоретической работы Кнорозова так и не опубликовал.

Источники и материалы

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Ф. 40. Оп. 1. Д. 86.

Коллекции 2022 – Коллекции Ю.В. Кнорозова в Российском этнографическом музее. К 100-летию со дня рождения // Российский этнографический музей. Коллекции онлайн. <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ALBUM/1735663>

Об увековечении 2022 – Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2022 № 419 “Об увековечении памяти Ю.В. Кнорозова и праздновании 100-летия со дня его рождения” // Официальный интернет-портал правовой информации. 01.07.2022. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207010035>

Научная литература

Алымов С.С. Советская этнография под “западным взглядом”: микроистория симпозиума “Учение Л.Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии” на VII МКАЭН в Москве в 1964 г. // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой / Под ред. Э.-Б. Гучиновой, В.А. Шнирельмана. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 98–119.

Алымов С.С. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964) и трансформация советской этнографии в эпоху оттепели // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 96–127. <https://doi.org/10.17223/2312461X/39/5>

Бутинов Н.А., Кнорозов Ю.В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // Советская этнография. 1956. № 4. С. 77–91.

Долгова Е.А. Научный сотрудник Ю.В. Кнорозов в Государственном музее этнографии народов СССР // IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: РГГУ, 2019. С. 93–102.

Долгова Е.А. Автобиография Ю.В. Кнорозова: эволюция документа в личном деле исследователя // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 796–809. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-3-796-809>

Долгова Е.А., Ершова Г.Г. “Особое внимание уделяется забытым системам письма...”. Докладная записка Ю.В. Кнорозова об организации группы этнической семиотики в Институте этнографии АН СССР. 1979 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 50–56.

Ершова Г.Г. Теоретическое наследие Ю.В. Кнорозова: к 70-летию первой научной публикации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 60–68. <https://doi.org/10.31857/S241377150003063-2>

Ершова Г.Г. Последний гений XX века: Юрий Кнорозов: судьба ученого. М.: РГГУ, 2019.

Ершова Г.Г., Долгова Е.А. “Вот все, что я могу сказать о предлагаемой работе”: диссертационный диспут Ю.В. Кнорозова. 1955 г. // Исторический архив. 2018. № 5. С. 29–53.

- Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 15–33.
- Золотарев А.М. Происхождение экзогамии // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. 10. Вып. 2/4.
- Золотаревская И. Дискуссия о проблеме экзогамии // Советская этнография. 1947. № 3. С. 151–154.
- Иванов Вяч.Вс. Академик А.И. Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР // Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д.А. Поспелов, Я.И. Фет. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН, 1998. С. 257–273.
- Игнатъев Р.Н. А.В. Ефимов и советская “этноамериканистика”: оттепель и заморозки // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 88–137. <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/6>
- Кинжалов Р.В. Из прошлого. СПб.: Свято-Алексиевская Пустынь, 2012.
- Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.
- Кнорозов Ю.В. “Сообщение о делах в Юкатане”: Диэго де Ланда как историко-этнографический источник // Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане, 1566 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3–96.
- Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Кнорозов Ю.В. Пантеон древних майя. М.: Наука, 1964.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: общий обзор I // Советская этнография. 1971а. № 2. С. 77–86.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: общий обзор II // Советская этнография. 1971б. № 3. С. 33–39.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: 365-дневный год // Советская этнография. 1973а. № 1. С. 70–80.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: Монумент Е в Трес-Сапотес // Латинская Америка. 1973б. № 6. С. 81–90.
- Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975.
- Кнорозов Ю.В. Избранные труды. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Кнорозов Ю.В. Избранные труды / Сост. и отв. ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Ко М. Разгадка кода майя: как ученые расшифровали письменность древней цивилизации. М.: Бомбора, 2021.
- Корсун С.А. Превратности судьбы Ю.В. Кнорозова // Латинская Америка. 2019. № 1. С. 79–87. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003510-0>
- Кутателадзе С.С. Леонид Канторович, Юрий Кнорозов и машинная дешифровка письма майя // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. 2006. № 33. С. 210–219.
- Плунгян А.М. Заметки к биографии Юрия Валентиновича Кнорозова // IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: РГГУ, 2019. С. 54–68.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
- Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983.
- Толстов С.П. Проблемы родового общества // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 69–103.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Издание МГУ, 1948.

- Толстов С.П. (ред.) Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Туторский А.В., Сафронов А.В., Каргина Н.П. Юрий Валентинович Кнорозов – выпускник кафедры этнографии исторического факультета Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2022. № 6. С. 122–146. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-122-146>
- Coe S.D., Coe M.D. Review of: Knorozov Y.V. Diego de Landa: Soobshchenie o delakh v Yukatani, 1566 [Relacion de las Cosas de Yucatan] // American Antiquity. 1957. Vol. 23. № 2. P. 207–208.
- Knorozov Y.V. Le pantheon des anciens Maya // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 августа 1964 г.): В 11 т. Т. XI. М.: Наука, 1971. С. 126–132.

Research Article

Beliaev, D.D. Yurii Valentinovich Knorozov in the Context of the Soviet Ethnographic Science of the Mid and Late Twentieth Century [Yurii Valentinovich Knorozov v kontekste sovetsskoi etnograficheskoi nauki serediny – vtoroi poloviny XX v.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 10–24. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050020> EDN: YAZADS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitri Beliaev | <http://orcid.org/0000-0002-6609-2302> | lakamha@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia) | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | National Research University Higher School of Economics (11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia)

Keywords

history of anthropology, Yu. V. Knorozov, Soviet Ethnography, Americanist studies, Maya, ethnographic theory, ethnosemiotics

Abstract

The article is devoted to the analysis of theoretical ideas of Yuri Knorozov (1922–1999) in the context of the development of Soviet ethnology/ethnography. In the late 1940s, Knorozov's ideas were influenced by his peer professors Sergei Tolstov and Sergei Tokarev. It is likely that Knorozov's first theoretical work dedicated to the origins of exogamy was written following Tolstov's ideas. The interest of the young Knorozov in the study of shamanism and secret societies also finds parallels in Tolstov's works. At the same time, Knorozov suggested a new concept of the evolution of the calendar and its connection to the dual organization of the primitive society and its survivals in early class societies. In the 1960s, he paid less attention to ethnology and started his collaboration with linguists and experts in cybernetics, working on the development of the theory of signalization and general scheme of the decipherment. Knorozov returned to the ethnological issues later in the 1970s and turned again to the study of the relation between calendar, religion, and the tribal dual organization among the Ancient Maya. The theory of ethnosemiotics formulated by Knorozov in the late 1970s can be considered as an alternative to the official Soviet theory of ethnos elaborated under the aegis of Yulian Bromley in the same decade.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 23-18-01091]

References

- Alymov, S.S. 2022. Sovetskaia etnografiia pod “zapadnym vzgliadom”: mikroistoriia simpoziuma “Uchenie L.G. Morgana o periodizatsii pervobytnogo obshchestva v svete sovremennoi etnografii” na VII MKAEN v Moskve v 1964 g. [Soviet Ethnography Under “Western Scrutiny”: Microhistory of the Symposium “L.G. Morgan’s Theory on the Periodization of the Primitive Society in Light of the Contemporary Ethnography” during the VII IUAES in Moscow in 1964]. In *Za sinei pitsei (antropologiiia akademicheskoi zhizni). Pamiati G.A. Komarovoi* [Following the Blue Bird (the Anthropology of the Academic Live): In Memory of G.A. Komarova], edited by E.-B. Guchinova and V.A. Shnirel’man, 98–119. Moscow: IEA RAN.
- Alymov, S.S. 2023. VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk v Moskve (1964) i transformatsiia sovetskoi etnografii v epokhu ottepeli [The VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences and the Transformation of Soviet Ethnography during the Thaw]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 96–127.
- Butinov, N.A., and Y.V. Knorozov. 1956. Predvaritel’noe soobshchenie ob izuchenii pis’mennosti ostrova Paskhi [Preliminary Report on the Research of the Easter Island Writing]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 77–91.
- Coe, M. 2021. *Razgadka koda maiia: kak uchenye rasshifrovali pis’mennost’ drevnei tsivilizatsii* [Breaking the Maya Code: How the Scientists Deciphered the Writing of the Ancient Civilization]. Moscow: Bombora.
- Coe, S.D., and M.D. Coe. 1955. Review of *Diego de Landa: Soobshchenie o delakh v Yukatani, 1566* [Relacion de las Cosas de Yucatan], by Y.V. Knorosov. *American Antiquity* 23 (2): 207–208.
- Dolgova, E.A. 2019. Nauchnyi sotrudnik Y.V. Knorozov v Gosudarstvennom muzee etnografii narodov SSSR [The Research Fellow Y.V. Knorozov in the State Museum of the Ethnography of the Peoples of USSR]. In *IX Knorozovskie chteniia: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta* [IXth Knorozov Readings: Ancient Civilizations of the Old and New World], edited by G.G. Ershova, 93–102. Moscow: RGGU.
- Dolgova, E.A. 2022. Avtobiografiia Y.V. Knorozova: evoliutsiia dokumenta v lichnom dele issledovatel’ia [Autobiography of Y.V. Knorozov: Evolution of the Document in the Personal Dossier of the Scholar]. *Vestnik arkhivista* 3: 796–809.
- Dolgova, E.A., and G.G. Ershova. 2022. “Osoboe vnimanie udeliaetsia zabytym sistemam pis’m...” [Special Attention Is Paid to the Forgotten Scripts...]: Y.V. Knorozov’s Memorandum on the Organization of the Group of Ethnic Semiotics. *Istoricheskii arkhiv* 4: 50–56.
- Ershova, G.G. 2018. Teoreticheskoe nasledie Y.V. Knorozova: k 70-letiiu pervoi nauchnoi publikatsii [Theoretical Heritage of Y.V. Knorozov: On the 70th Anniversary of the First Research Publication]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i yazyka* 77 (6): 60–68.
- Ershova, G.G. 2019. Poslednii genii XX veka: Yurii Knorozov: sud’ba uchenogo [The Last Genius of the 20th Century: Yuri Knorozov: The Destiny of the Scholar]. Moscow: RGGU.
- Ershova, G.G., and E.A. Dolgova. 2018. “Vot vse, chto ya mogu skazat’ o predлагаемой rabote”: Dissertatsionnyi disput Y.V. Knorozova. 1955 g [“That’s All That I Can Tell About the Presented Work”: Dissertation Dispute of Y.V. Knorozov, 1955]. *Istoricheskii arkhiv* 5: 29–53.
- Ignatiev, R.N. 2021. *A.V. Efimov i sovetskaia “etnoamerikanistika”: ottepel’ i zamorozki* [Alexei Vladimirovich Efimov and Soviet “Ethnoamerikanistika”: The

- Thaw and Cold Times]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 88–137. <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/6>
- Ivanov, V.V. 1998. Akademik A.I. Berg i razvitie rabot po strukturnoi lingvistike i semiotike v SSSR [The Academician A.I. Berg and the Development of the Works on Structural Linguistics and Semiotics in the USSR]. In *Ocherki istorii informatiki v Rossii* [Essays on the History of the Informatics in Russia], edited by D.A. Pospelov and Y.I. Fet, 257–273. Novosibirsk: Nauchno-izdatel'skii tsentr OIGGM SO RAN.
- Kinzhalov, R.V. 2012. *Iz proshlogo* [From the Past]. St. Petersburg: Sviato-Aleksievskaia Pustyn'.
- Knorozov, Y.V. 1949. Mazar Shamun-nabi (Nekotorye perezhitki domusul'manskikh verovanii u narodov Khorezmskogo oazisa) [Mazar Shamun-nabi (Some Remnants of Pre-Muslim Beliefs Among the Peoples of the Khwarazm Oasis)]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 86–97.
- Knorozov, Y.V. 1955. “Soobshchenie o delakh v Yukatane”: Diego de Landa kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Diego de Landa's Relacion de las Cosas de Yucatan as a Historic and Ethnographic Source]. In *Diego de Landa. Soobshchenie o delakh v Yukatane, 1566 g.* [Diego de Landa. Relacion de las Cosas de Yucatan, 1566], 3–96. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Knorozov, Y.V. 1963. *Pis'mennost' indeitsev maiia* [The Writing of the Maya Indians]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Knorozov, Y.V. 1964. *Panteon drevnikh maiia* [Pantheon of Ancient Maya]. Moscow: Nauka.
- Knorozov, Y.V. 1971. Zametki o kalendare maiia: obshchii obzor, I [Notes on Maya Calendar: An Overview, I]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 77–86.
- Knorozov, Y.V. 1971. Zametki o kalendare maiia: obshchii obzor, II [Notes on Maya Calendar: An Overview, II]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 33–39.
- Knorozov, Y.V. 1971. Le pantheon des anciens Maya [The Pantheon of the Ancient Maya]. In *VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. Moskva (3–10 avgusta 1964 g.): V II t.* [The 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences, Moscow, August 3–10, 1964], XI: 126–132. Moscow: Nauka.
- Knorozov, Y.V. 1973. Zametki o kalendare maiia: 365-dnevnyi god [Notes on Maya Calendar: 365-Day Year]. *Latinskaia Amerika* 1: 70–80.
- Knorozov, Y.V. 1973. Zametki o kalendare maiia: Monument E v Tres-Sapotes [Notes on Maya Calendar: Tres Zapotes Monument E]. *Latinskaia Amerika* 6: 81–90.
- Knorozov, Y.V. 1975. Ieroglificheskie rukopisi maiia [Maya Hieroglyphic Manuscripts]. Leningrad: Nauka.
- Knorozov, Y.V. 2018. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Knorozov, Y.V. 2022. *Izbrannye trudy* [Selected Works], edited by M.F. Albedil. St. Petersburg: MAE RAN.
- Korsun, S.A. 2019. Prevratnosti sud'by Y.V. Knorozova [Vicissitudes of Fate of Yuri V. Knorozov]. *Latinskaia Amerika* 1: 79–87.
- Kutateladze, S.S. 2006. Leonid Kantorovich, Yurii Knorozov i mashinnaia deshifrovka pis'ma maiia [Leonid Kantorovich, Yurii Knorozov and the Machine Decipherment of the Maya Script]. *Informatsionnyi biulleten' assotsiatsii “Istoriia i komp'iuter”* 33: 210–219.
- Plungian, A.M. 2019. Zametki k biografii Yuriiia Valentinovicha Knorozova [Notes on the Biography of Y.V. Knorozov]. In *IX Knorozovskie chteniia: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta* [IXth Knorozov Readings: Ancient Civilizations of the Old and New World], edited by G.G. Ershova, 54–68. Moscow: RGGU.
- Snesarev, G.P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovanii i obriadov u uzbekov*

- Khorezma* [Relicts of the Pre-Muslim Beliefs and Cults Among the Uzbeks of Kwarazm]. Moscow: Nauka.
- Snesarev, G.P. 1983. *Khorezmskie legendy kak istochnik po istorii religioznykh kul'tov Srednei Azii* [Khwarazm Legends as a Source on the History of the Religious Cults of Middle Asia]. Moscow: Nauka.
- Tolstov, S.P. 1931. Problemy dorodovogo obshchestva [Problems of Pre-Kinship Society]. *Sovetskaia etnografiia* 3–4: 69–103.
- Tolstov, S.P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia* [The Ancient Khwarazm: An Attempt of the Historic and Archaeological Study]. Moscow: Izdanie MGU.
- Tolstov, S.P., ed. 1951. *Rodovoe obshchestvo. Etnograficheskie materialy i issledovaniia* [The Kinship Society: Ethnographic Materials and Studies]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Tutorskii, A.V., A.V. Safronov, and N.P. Kargina. 2022. Yurii Valentinovich Knorozov – vypuschnik kafedry etnografii istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [Yuri Valentinovich Knorozov, A Graduate Student of the Department of Ethnography of the Faculty of History of The Moscow University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istoriia* 6: 122–146.
- Zhdanko, T.A. 1997. Etnograficheskie issledovaniia i etnografy Khorezmskoi ekspeditsii [Ethnographic Studies and Ethnographers of the Kwarazm Expedition]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 15–33.
- Zolotarev, A.M. 1931. Proiskhozhdenie ekzogamii [The Origins of the Exogamy]. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* 10 (2/4).
- Zolotarevskai, I. 1947. Diskussiia o probleme ekzogamii [Discussion on the Problem of the Exogamy]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 151–154.

“ЖИЛИ НЕ ТОЛЬКО ОДНОЙ РАБОТОЙ”: ИНТЕРВЬЮ С Н.С. ПОЛИЩУК

С.С. Алымов

Сергей Сергеевич Алымов | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | к.и.н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

советская этнография, история антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, этнография рабочих

Аннотация

Интервью с к. филол. н. Н.С. Полищук посвящено ее биографии, научной деятельности и работе в Институте этнографии АН СССР в 1960–1990-е годы. Большое внимание уделяется таким темам, как развитие этнографии города и рабочих, деятельность журнала “Советская этнография”, международные контакты советских этнографов. Н.С. Полищук сообщает интересные сведения о повседневной жизни ученых ИЭ, о судьбе П.Г. Богатырева и о многом другом.

Информация о финансовой поддержке

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

Сергей Алымов (С.А.): Нинель Саввишна, расскажите, пожалуйста, кем были Ваши предки и родители и как они повлияли на Вас?

Нинель Полищук (Н.П.): Во-первых, они были очень верующими людьми. Я больше имела дело с родителями матери, они жили в городе или пригородном селе небольшого г. Изяслав в Хмельницкой области; отец мамин был сапожником. А мы жили совсем близко от них – сперва у них в доме, потом отцу дали квартиру. Родители отца жили в другой области, и мы ездили к ним в гости. По происхождению и те и другие – из бывших крепостных крестьян. По материнской линии – крепостные князя Сангушко¹, по отцовской – знаменитого немецкого архитектора барона Корфа. Мама моя все время поражалась, что приезжаешь в село к родителям папы, а оно все вычищено, вылизано, люди какие-то очень вежливые. Там были немецкие управляющие и, соответственно, все было немного по-другому.

Что касается моих родителей, то они были убежденными атеистами. Отец, Савва Кондратьевич Полищук, был одним из первых комсомольцев в своем селе, но жизнь у него сложилась не так, как он хотел. У него была потрясаю-

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Алымов С.С. “Жили не только одной работой”: интервью с Н.С. Полищук // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 25–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050032> EDN: YDWQJM

Alymov, S.S. 2023. “Zhili ne tol’ko odnoi rabotoi”: interv’iu s N.S. Polishchuk [We “Did Not Live by Work Alone”: An Interview with N.S. Polishchuk]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 25–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050032> EDN: YDWQJM

Н.С. Полищук
(Личное дело Н.С. Полищук © Научный архив ИЭА РАН)

щая память, и он хотел заниматься наукой. Если мне нужны были какие-нибудь справки по истории Европы, Америки, отчасти Переднего Востока, не нужно было лезть в энциклопедию, можно было просто задать отцу вопрос. У бабушки, папиной матери, была такая же феноменальная память. Как-то моего отца отправили на курсы повышения квалификации высших политработников, так преподаватели вспоминали его и пять лет спустя: был такой Полищук, и не было вопроса, на который у него не было бы ответа. Он родился в октябре 1892 г., и в 1924 г. пошел в армию на полгода раньше срока, т.е. в весенний призыв, чтобы через три года поступить в Киевский университет. Это была мечта всей его жизни. Но его вызвали на партбюро и сказали: “Выбирай: или остаешься в армии, или клади партбилет на стол”. Сами понимаете, какой он сделал выбор. Так и остался в армии. В армии было очень много безграмотных, были школы в полках и частях. Отец преподавал, ему сказали так: “Пусть идет учиться тот, кто ничего не знает, а ты и так все знаешь”. Такая странная логика... Он учился по ночам. Я переняла у него это, мне лучше всего работается ночью.

Мама, Ольга Ивановна, 1909 года рождения. Она окончила семилетку, вышла замуж в 18 лет и в 20 лет родила меня, а потом училась в нашем городе на отделении рабфака, но не помню, от какого именно педагогического института – то ли Бердичевского, то ли какого-то другого. После окончания учебы она работала воспитателем в детском саду. У них с папой близкие были склонности, и они хорошо понимали друг друга. Как и все жены военных, долго, конечно, на одном месте не работала: посидели на одном месте, потом перебрасывают на другое. Я за десять лет учебы сменила семь школ. Только привыкнешь к учителям и к своим соученикам, а отец получает уже новое назначение. Когда отец ушел из армии, говорил, что так делают, чтобы люди не обрастали всякими знакомствами. Папу посылали на новое место, и каждый раз приходилось что-то “вытягивать” и улучшать; создавался иной тип людей. Но папа и умер рано, такое бесследно не проходит.

Одно могу сказать: у меня есть все основания гордиться своими родителями. Они были порядочными, честными людьми и помогали абсолютно всей родне, потому что мы были обеспечены лучше всех. Отец был старшим сыном,

а мама старшей дочерью, и как старшие дети они всем помогали, так принято. Моя мама занималась с теми, кто отставал в учебе. Когда я училась в школе, тоже помогала детям, особенно своей сестре, когда та пошла учиться. Так было устроено в нашей семье.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о своем детстве и школе, учителях и любимых предметах.

Н.П.: Я не давала жизни родителям, так сильно хотела в школу. Почти все мои подруги пошли учиться, а я осталась в старшей группе. В конце концов учительница решила меня взять, если согласится заведующий. К счастью, заведующий оказался бывшим маминым одноклассником. Мама думала, что мне все быстро надоеет, к тому же я поздно засыпала и поздно вставала, и на школу могло просто не хватить сил. Меня взяли условно. Пока договаривались, прошло недели две занятий. В первый день, когда нужно было идти в школу, родители встают, а я уже сижу в столовой в пальто, подготовлены вещи. Они удивились, а я просто боялась, что меня не разбудят. Сидела я в школе с мальчишкой, он был грязнуля, вся парта в чернилах. Во время занятий учительница меня не вызывала, пока я сама не стала просить об этом. Прошло две недели учебы, и мама не знала, что делать дальше, пришла в школу и говорит: “Каждый день она встает раньше нас, боится, что мы ее не разбудим”. Учительница похвалила меня, попросила оставить, сказала, что я даже перевоспитала Ванечку, своего соседа по парте. Одним словом, с этим мальчиком я просидела полгода и дали второго на воспитание [смеется].

Когда я окончила первый класс, был 1937 год, арестовывали людей, пересаживали с места на места. Моего отца вызвали в политуправление округа и предложили перейти из кавалерии в авиацию. Так мы переехали в Киев, где я проучилась второй и третий классы, а четвертый – уже в Борисоглебске Воронежской области. В этом городе знаменитое Борисоглебское училище им. Чкалова, очень многие его выходцы стали героями Советского Союза в Отечественную, да и в “царскую” войну тоже много было отличившихся. В Борисоглебске были свои прелести. Я же до этого жила в Украине, и бабушки с дедушками, к которым мы приезжали, тоже там жили. В Украине дома стоят поодаль от дороги и отделены от улицы палисадниками, цветниками, деревьями. Борисоглебск меня поразил деревянными домами – это купеческий город, богатый, а еще табличками “Осторожно! Злая собака!”. Все здесь было деревянное... В Украине все белое, а здесь – разноцветное дерево. В детстве самое яркое впечатление у меня оставил именно Борисоглебск, не Киев и не Москва.

Я выросла около границы и помню, как по утрам поздней весной или ранней осенью, только начинает светать, трещит телефон, значит, где-то перешли границу. Звонит телефон, а в окно уже стучит ездовой с лошадей. Отец ускакал; ни я, ни мама уже не спим: вокруг леса, вернется ли папа живой и здоровый? Могли ведь и подстрелить. Когда растешь в такой обстановке, поневоле становишься более внимательным и прислушиваешься к мелочам, на которые другие внимания не обращают. Армия действует и на детей. Это сказывается и во взрослой жизни. Как-то появился у нас в институте один американец, и я сразу сказала, что нельзя везти его за Урал, наверняка он церэушник. А Власова, помню, – она заведовала сектором после меня – упрекала, говорила, что мне кажется!

В те времена, когда у нас тут Сорос начал хозяйничать, мне, правда один раз только, дали десять работ, которые надо было отрецензировать. Когда я начала смотреть их, у меня волосы дыбом встали. Надо быть круглым идиотом, чтобы не понять, кому это нужно и зачем. Неужели ты не понимаешь, если тебе иностранец задает вопрос “Как у вас там представители разных национальностей взаимодействуют, дружат они или не дружат?” – это уже политика, а не наука! Нельзя такое делать, несколько работ я зарубила начисто! Или, помню, пришла

статья в журнал какого-то историка из Львова, и он пишет, что на Украине до войны не было украинских школ, были только русские. Если ты жил во Львове, откуда ты знаешь, что было во всей Украинской ССР? Мамина сестра окончила украинскую школу в 1935 г. Зачем такую чушь пороть? Отправила обратно эту статью; разумеется, не печатали такое. Я училась в русской школе, потому что мы не знали, где будем жить завтра, нужно было знать русский язык.

Я давно уже не была в Украине, а иногда тянет. Я очень люблю украинские песни, язык такой певучий. Все это в далеком прошлом. Были, конечно, разные случаи, однажды я не выходила из дома две недели, потому что меня обещали отвезти на тот свет ребята со стороны, обиженные. Так заковывался характер... На сенокос ходили, тяжело было, на четвертый день меня уже на телеге домой отвезли. Маме чуть плохо не стало от моего вида.

С.А.: Нинель Саввишна, давайте перейдем ко времени обучения в вузе. Как Вы определились с выбором профессии?

Н.П.: Я до сих пор считаю, что есть две истинно женские профессии: учитель и врач. Я никак не могла решить, какую из них выбрать. Сама жизнь подсказала мне. В 16 лет после 9 класса у меня был приступ аппендицита, и меня спас очень хороший молодой хирург: он рисковал своим положением, решившись на операцию, результат которой не мог гарантировать. Обидно мне было безумно: только кончилась война, и на четвертый день после Парада Победы это случилось. Мама улетела к папе в Польшу, а я осталась у ее подруги. Казалось бы, аппендицит – ерунда. Но предыдущий врач был некомпетентным, не распознал симптомов аппендицита и рекомендовал грелкой снимать боль. К утру у меня была температура около 40 градусов, и мамина подруга срочно оформила меня в госпиталь как свою племянницу. Начали делать операцию, и выяснилось, что аппендикс ушел под почку и не прощупывается, если он лопнет, начнется заражение крови. Собрали консилиум и решили рискнуть. Меня выносили. Но хирург попросил меня не идти в медицинский ни в коем случае, он понял, что с моим характером не стоит.

Я решила поступать в университет на филологический факультет. И здесь произошел интересный случай. Как-то, еще во время войны, отец ехал из Гомеля в Москву с одним из преподавателей исторического факультета, и всю ночь они разговаривали, а расставаясь утром, сосед спросил отца: “Мы проговорили всю ночь, но я так и не понял, кто Вы – историк или философ?” Папа ответил, что он политработник без высшего образования, и все. После операции я была выбрита налысо, потому что сильно лезли волосы. Сдавала документы в таком виде, словно из тюрьмы меня выпустили. Со мной пошел папа, и встретили мы в комиссии его соседа по купе. Вот так я и оказалась на историческом факультете. Я понимала, что нужно идти туда, но как-то с детства плохо запоминала имена, фамилии и даты и просто боялась! Можно сказать, судьба меня привела на истфак – и я не жалею.

Поступала я в 1946 г., принимали тогда в основном медалистов. Это был единственный такой год. Язык я тоже любила, но история и язык – очень близкие предметы. Я всегда говорила, что сижу на трех стульях: лингвистика, фольклористика, история. В наше время нельзя было заниматься чем-то одним. Наверное, этнография – самое мое. Почему живут люди так и каковы их обычаи – это интересовало меня всегда. Возможно, большое влияние на мои склонности оказал тот регион Украины, где я жила до 8 лет, там было смешанное население: поляки, чехи, евреи и мн. др. Никто внимания на отличия не обращал, главное, чтобы человек был порядочным.

Прекрасным педагогом и моим научным руководителем была Эрна Васильевна Померанцева – она занималась сказками. Позднее Эрна Васильевна

работала и в нашем институте. Сказка меня никогда не интересовала, в отличие от песен и преданий – они отражают душу человека, помогают его понять. Очевидно, сказалось влияние армейской среды: меня увлекали песни с политическим, общественным содержанием. Изучая репертуар человека, можно определить его мировоззрение, отношение к власти, понять, что он представляет из себя. Кроме того, такие песни я знала с детства, ходила на все демонстрации с мамой. А вот литература меня отвращала многими вещами. Так, книги о Пушкине заставили меня возненавидеть их авторов: зачем лезть в чужие души? Важно, что написал автор, а не какой он человек. Писала на первом курсе какую-то работу о Пушкине, читала, видимо, литературу, до которой не доросла на тот момент.

Меня необычайно увлек фольклор. Я занималась сравнительным анализом песен отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг. Мы ездили в экспедиции. Впервые я поехала после второго курса в 1948 г. в русские районы Башкирии. По материалам этой экспедиции вышла книга. Экспедицию 1949 г. я пропустила, наверное, ездила в санаторий из-за проблем со щитовидной железой, мне нельзя было работать на солнце. Я завидовала сокурсникам страшно! Все приезжали веселые, загорелые, с новыми песнями, частушками и анекдотами. Такая жизнь сближала людей.

В фольклорные экспедиции на 1,5–2 месяца я начала ездить в основном уже после окончания учебы, когда стала работать. Больше всего меня интересовал быт, с которым я не была связана в реальной жизни, – быт рабочих. Может быть потому, что с детства слышала много рассказов рабочих Ленинградского завода. Мой дедушка вспоминал, как 5 января они шли к царю “проситься”. На ребенка такие вещи оказывают очень большое влияние, застревают в голове. Когда я попала с аппендицитом в госпиталь, рядом со мной лежала жена крупного начальника из Ленинграда, она тоже рассказывала о быте рабочих завода – абсолютно иная жизнь. Мне хотелось разобраться в этой жизни, узнать, как было на самом деле, потому что много было придуманного. Я встречалась со старыми большевиками, с кадровыми рабочими. Кого-то тянуло за границу (как там живут иностранцы), а меня – к нашим людям, к тем, кто был от меня далек. Я много лет ездила в Нижний Тагил в командировки, мы ходили по домам и квартирам – по сути это были настоящие экспедиции! В 1971 г. вышла моя книга “Культура и быт рабочих горнозаводского Урала”, ее года три назад в США переиздали, а у нас никто и не вспомнил о ней! Это была одна из первых книг о наших рабочих. После выхода этой книги, поскольку у меня были и другие публикации, меня и взяли в Институт этнографии.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, как Вы поступили в аспирантуру, и кто был Вашим научным руководителем?

Н.П.: Вы знаете, для меня это был неожиданный подарок. Я не собиралась вообще заниматься наукой, я как-то больше готовила себя для работы в школе. Значительную часть выпускников посылали на периферию в разные места, мы могли попасть куда угодно: и в деревню, и в какой-то маленький городочек, где библиотеки толком нет. Я понимала, что нужно для провинциальной школы, и сделала запас материалов. Например, осторожно вынимала из “Огонька” иллюстрации к книгам классиков литературы и собрала очень много. Подбирала какие-то книги, которые мне могли пригодиться. Одно дело читать Гоголя, а другое – показать книгу, где собрано огромное количество иллюстраций к его произведениям... Я и сама узнавала много нового и готовила себя именно к тому, чтобы “сеять доброе”.

Распределение началось 6 апреля 1951 г., за месяц до окончания университета, я запомнила этот день на всю жизнь. Было очень тепло. Отобрали нас

30 человек, почти все отличники, и строем повели к ректору. Сначала выясняли твою биографию. В те времена колоссальное внимание уделялось тому, были ли родственники в оккупации, был ли ты сам в оккупации, эта тема была очень острой. У меня в оккупации была вся родня старшего возраста: мамыны родители, папины родители и другие родственники. Причем мамыны родители оказались “под немцами”, как тогда говорили, уже через две недели после начала войны. Это был г. Изяслав в Хмельницкой области, в 20 км от Шепетовки, крупный железнодорожный узел. Даже сейчас мороз по коже, когда я слышу упоминание этих мест. Председатель комиссии расспрашивал про бабушек и дедушек, почему они не уехали, разговор был долгий.

Вел распределение какой-то журналист, участник войны вроде бы, в то время отделение журналистики было еще на филфаке. Он и прицепился к тому, что у меня были родственники на оккупированной территории. Меня хотели распределить в канцелярию Сталина. В основном это работа с бумагами, в три смены – утренняя, ночная, дневная. Я бы так точно не смогла, да и неинтересно было мне править чужие ошибки. В нашем институте были люди старшего поколения, которые там отработали. Они говорили, что тяжело было выдерживать ночные смены.

Долго-долго этот журналист меня “мытарил”, а потом спросил: “Почему Ваш отец в Германии?” Вопрос дурацкий совершенно: потому что он военный, и будет там, куда его пошлют. Когда он этот вопрос задал, тогда уже представитель Кремля не выдержал и вдруг так резко говорит: “Хватит, довольно. Мы берем ее к себе”. Тот сразу растерялся: “Я почему так ее расспрашивал, ее рекомендовали в аспирантуру”. Ну тут уже я онемела, потому что об этом услышала впервые. Тогда представитель Кремля сказал, что раз рекомендовали в аспирантуру, пусть готовится к поступлению. Если не пройдет, мы ее возьмем к себе.

О том, кто меня рекомендовал в аспирантуру, я узнала спустя очень-очень много лет, где-то в 1980 г. Оказывается, это был заведующий кафедрой, Петр Григорьевич Богатырев, крупный ученый, славист. Он знаком был и с Маяковским, и с многими другими, очень интересная фигура. Эрна Васильевна Померанцева буквально за месяц до своей смерти сказала, что это он рекомендовал меня в аспирантуру, поскольку ему очень понравилась моя дипломная работа. У меня перед ним до сих пор чувство вины, так и не отблагодарила его. Но ведь я ничего и не знала.

Из-за Петра Григорьевича же я чуть не потеряла место в аспирантуре. Когда в 1951 г. я оканчивала университет, арестовали целую группу студентов, и туда попал его сын, который и войну прошел, и много всего. Немало вспоминается горьких минут. Так, в 1947–1948 гг. арестовывали наших сокурсников, а в 1953 г. все они были оправданы. Это я никак не могла “переварить”: ребята прошли всю войну, они не могли быть врагами... Время было тяжелое, скажем прямо. Когда арестовали сына Богатырева как изменника Родины, где-то через год Петра Григорьевича уволили из университета. На кафедре знали, кто рекомендовал меня в аспирантуру, и решили, чтобы никого ни в чем не обвинили, оставить рекомендацию без внимания. Всего было три места, взяли парня из Белоруссии и одну женщину, а я не попала, хотя сдала экзамены лучше всех и только у меня была рекомендация. Саша Лебедева работала тогда в Краснопресненском райкоме партии, она мне говорит: “Вы идите к министру высшего образования и спросите, в чем дело”. Я поехала в министерство, а там, на мое счастье, заместителем министра был бывший заместитель ректора нашего университета. Я была с ним знакома. Он тоже был удивлен и не понимал, почему меня не приняли. А дело было в том, как я позже узнала, что моим научным руководителем был назначен Богатырев... Когда это выяснилось, все были возмущены, и в конечном итоге меня зачислили.

С.А.: И какая у Вас была тема?

Н.П.: “Рабочие песни периода первой российской революции”. Я просто доказывала и показывала, что песни играют колоссальную роль в формировании мировоззрения людей, помогают им принимать различные взгляды, что они оказывают большое влияние и на революционное движение тоже. То, что рабочие читают, что они поют, – это все очень важно. Песни поднимали людей на забастовки. Когда после выхода к Зимнему дворцу в январе 1905 г. пошли расстрелы рабочих, то многие из них, вернувшись домой, посрыгали со стен портреты царя, потому что это было сделано по его приказу. Я рассматривала связь рабочих песен не только с русской демократической поэзией, но и с крестьянской, сопоставляла традиции и новаторство. Вы понимаете, мне сейчас очень трудно вспомнить что-то конкретное, потому что этой темой, этой проблемой я занималась всю жизнь – но занималась по-разному: разные традиции в разное время, разные подходы. Какую роль песня играла в революционном движении, как она вообще меняла образ жизни, взгляды на окружающий мир. Но потом как-то потихонечку я поняла, что на одних текстах сборников никуда не уедешь и много не узнаешь, и занялась тщательным изучением и публицистики, и прокламаций, и всевозможных архивных материалов, т.е. я постепенно от песен перешла к быту рабочих. Тема все время расширялась и расширялась. Начинала я как фольклорист, а заканчивала уже как этнограф.

С.А.: Нинель Саввишна, расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в Институт этнографии.

Н.П.: После аспирантуры, конечно, нам работы никто не предлагал, надо было самим искать. А предлагать себя, это как-то не в моем характере, я это не умею. Моя однокурсница преподавала в педагогическом институте русский язык иностранцам. Она ушла в декретный отпуск и говорит: “Хочешь, бери мою ставку”. И я после окончания аспирантуры пошла преподавать русский язык иностранцам. Я проработала там два с половиной года. Это был 1955 г., первые учебники только создавались. Я поняла, что надо либо уходить и заниматься фольклором, либо переходить в университет на кафедру русского языка для иностранцев и делать учебник из своих наработок.

В этот момент мне предложили работу в Петрозаводске. Там, видимо, были деньги, открывались новые институты, а людей не хватало. Оставались места в Институте лесного хозяйства, а в Институт истории, языка и литературы искали человека в сектор русского фольклора. Кто-то позвонил Чистову, он тогда заведовал как раз отделом фольклора и литературы. Чистов позвонил в Ленинград, но там никто не захотел ехать в Петрозаводск, тогда он позвонил Эрне Васильевне Померанцевой и спросил у нее, нет ли среди ее учеников кого-нибудь, кого она может порекомендовать. А я летом 1957 г. была руководителем экспедиции студентов и познакомилась с Чистовым. Померанцева мне предложила – я согласилась тут же, мгновенно собралась и отправилась в Петрозаводск. Это было начало года, чуть ли не 2 января, и я сразу начала работать. Мы занимались разными темами, в том числе немножко и рабочим фольклором, там был большой Онежский завод. Я и еще одна сотрудница подготовили библиографический указатель карельской литературы за 40 лет – с 1917 по 1957 г. В начале 2000-х годов этот указатель был дополнен и даже получил какую-то международную премию.

В эти годы мой интерес к рабочему фольклору укрепился. Все привыкли, что занимаются фольклором крестьянским, а город изучается очень мало. И вдруг в конце 1950-х годов во всем мире начинается какой-то бум, бурный интерес к этнографии города и, в частности, к этнографии рабочих. Институту этнографии даже какие-то ставки выделили. Я приехала в Москву на 1 Мая, и

мне позвонили из института и предложили работу – исследование в Нижнем Тагиле. Я согласилась моментально. Петрозаводск я вспоминаю как очень хорошее время в моей жизни, но в других республиках все-таки больше внимания уделяется местному фольклору и этнографии коренного населения, а все это было не совсем мое... Конечно, была обида; в Петрозаводске директор мне сказал: “Я так и думал, что Вы у нас не останетесь, что Вы от нас уедете, что Вы на время приехали”. Я вернулась в Москву, и меня зачислили сразу старшим научно-техническим сотрудником.

Я работала вместе с Верой Юрьевной Крупянской в конце 1960 – начале 1961 г. в Нижнем Тагиле, когда получила сообщение из университета, что моя диссертация принята к защите и 10 февраля защита. Я уехала в Москву, защитилась и уже 12 или 13 февраля вернулась в Нижний Тагил. Мы работали в архиве, встречались с людьми, ходили по разным учреждениям. У Веры Юрьевны там было довольно много знакомых. У нее была одна тематика, у меня другая. Она занималась жилищем, материальной культурой и семейным бытом, отчасти историей. Я – в основном фольклором, а также изучением праздников, тем, как люди проводят свободное время, очень много занималась образованием. Первую книгу, которую я уже упоминала, мы с Верой Юрьевной выпустили в 1971 г.², а вторую, по советскому периоду, над которой работали уже вчетвером, в 1974 г.³

Я помню, как после выхода второй книги, Бромлей мне сказал: “Нинель Саввишна, как Вы могли пропустить такое?” – не скажу сейчас уже, о чем шла речь. Дело в том, что мы с Верой Юрьевной Крупянской были стопроцентно советскими, но у двух других авторов этой книги – ленинградки Юхневой и Будиной из нашего института – были другие взгляды. Бромлею я ответила: “А меня никто не спрашивал, я же не редактор, в конце концов у нас Чистов редактор”. Но в целом, по-моему, книга получилась неплохая. Хотя мороки с ней было очень много. Если мы с Верой Юрьевной старались показать все хорошее, что произошло за годы советской власти, то Юхнева, например, видела только плохое: она “вытаскивала” одни минусы (и с рабочим днем не так, и то не так и это не так...), а Будина вообще была такая либералка... писала о вещах, о которых не стоило писать, а если уж братья за это, то надо было как следует разбираться во всем. У разных людей разные точки зрения, у нас одни подходы, у них другие. Но, слава богу, книги вышли. Обидно только, что наша первая книга издана была маленьким тиражом, предполагалось, что она будет подарком молодым рабочим, приезжающим в Москву; был такой обряд [посвящения в] рабочие. Тираж очень быстро разошелся, к нам обращались и начальство заводское, и партийные органы. Книгу трудно было достать, нижнетагильские предлагали деньги, говорили: “Мы вам оплатим все”.

В институте таких новичков, как я, было мало, основная масса сотрудников работала много лет в экспедициях. Тогда был еще Музей народов СССР, который находился в районе Парка культуры и Нескучного сада, его директором был Толстов. Но он довольно быстро ушел добровольцем на фронт, был тяжело ранен. Его списали и отправили организовывать институт в Средней Азии. Там он и собирал всех тех, кто уехал из Москвы. Это история известная.

С.А.: Вы лично общались с ним, помните его?

Н.П.: Очень мало мы общались. Когда я приехала, он был уже болен. Его все побаивались – человек с характером был. Он рано осиротел, отец погиб в Первую мировую войну, и они с младшим братом воспитывались в детском доме. Меня привели к нему знакомые. В это время Институт истории СССР готовил книгу какую-то, обратились к нам с просьбой написать этнографическую часть о быте народов. Я описывала городское население, Людмила Николаев-

на Чижикова занималась крестьянством, а главным был Михаил Григорьевич Рабинович. Толстов, видимо, заинтересовался этой работой, и меня привели к нему. Я шла, и у меня аж поджилки тряслись, а он оказался очень милым человеком. Видимо, я не успела “напакостить”, поэтому он так вежливо со мной разговаривал, хвалил написанные материалы.

С.А.: А какие отношения были у Вас с Ю.В. Бромлеем?

Н.П.: Никогда проблем с директором у меня не было. Всегда старалась держаться подальше от начальства. Если директору нужно было, вызывал меня. К Бромлею я относилась с огромным уважением. Все свои обещания он выполнял. Он окончил университет на год раньше меня. Фронтвик. Я поступила в 1946 г., а он в 1945 г. Познакомились мы, когда он пришел в институт. Наши его прекрасно знали. Бромлей был очень воспитанным человеком, из интеллигентной семьи, никогда не слышала, чтобы он повышал голос. Помню только один случай, когда Бромлей высказался довольно резко: в 1991 г. (мы уже переехали в новое здание) шли разговоры вокруг Литвы, и некоторые молодые сотрудники на партсобрании выступили, мягко говоря, не очень. Вот тогда Бромлей сказал: “Вы понимаете, что происходит или нет? Страну разваливают!” Бромлей пользовался большим уважением не только у наших специалистов, но и за рубежом, он ездил на конференции, на совещания. Он сидел через три-четыре комнаты от нас. Скажем, готовится номер с его статьей о конференции или о чем-то еще, но материала нет под рукой. Он мог позвонить и попросить какой-то оттиск. Мы относили. В институте работало много его однокурсников, он вообще всем старался помочь: выбивал квартиры. Он никому не мешал работать, не заваливал работой по своим темам.

Когда он умер, мы как раз возвращались из командировки, нас встретили на аэродроме и сообщили о его смерти. Дождались, когда все сотрудники вернутся, и устроили похороны. Задолго до этого он мне говорил, что у них все мужчины в роду умирали довольно рано. У него было большое сердце и четыре года войны за плечами...

С.А.: Что говорила молодежь на собрании? На что разозлился Юлиан Владимирович?

Н.П.: Это была публика, которая была настроена работать в духе Сороса. Политика, речи о науке не шло. Все то, что творилось в 1990-е годы, для меня вообще было трагедией. Я думала: какое счастье, что мой отец умер, что он этого всего не увидел, не застал.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о Вашей работе в журнале “Советская этнография”.

Н.П.: Когда я шла в журнал, старшие коллеги меня отговаривали, но у меня не было выхода, я оказалась в таком положении, что хочешь или нет, но нужно идти. Юлия Павловна [Аверкиева] серьезно болела. Моя предшественница последние годы не работала, была занята написанием докторской диссертации, ездила каждый год в экспедиции на два месяца, а как-то мобилизоваться, как это делал, например, Тумаркин, она не могла. Для нее на первом месте была собственная работа, это тоже нельзя осуждать. Статьи могли подолгу лежать на столе. Я отбивалась, как могла, последним моим аргументом было то, что я беспартийная. А на такие должности, журнал то исторический, это же не математика, назначались только члены партии. Но на это мне секретарь сказал: “Ничего, через год Вы будете кандидатом”. И действительно, через год меня приняли в кандидаты в члены КПСС.

В журнале у нас был такой порядок: материал для первого номера сдавали 10 ноября, для второго – 10 марта, и так далее – по 10-м числам нечетных месяцев. Все праздники сотрудники журнала, как правило, сидели в библиотеке или в институте – получали разрешение, чтобы работать в праздничные дни.

С.А.: Вы работали без выходных и праздников?

Н.П.: Да, так получалось. Для того, чтобы сдать номер, нужно было получить все статьи с подписями авторов, подтверждающими согласие с правками. Почта работает не быстро, да и авторы тоже не выдерживали сроки. Иногда приходилось заменять одну статью другой в самый последний момент. Старались, чтобы всегда был запас на такой случай: вдруг автор окажется недоволен тем, как его отредактировали, тогда потребуется замена. Все упиралось в финансы, нас могли оштрафовать. Я не имела дела с финансовой стороной и не понимаю, как это было устроено... Помню, что первое прочтение верстки вызвало у меня ужас: обилие опечаток, ошибок! Со временем наладили отношения с издательством и спокойно работали.

С.А.: А кто определял, что будет печататься, а что нет?

Н.П.: Автор присылал статью, ее отдавали двум специалистам на рецензию, тем, чьи исследования близки по тематике. Чаще всего рецензии писали наши сотрудники, а если не было своих специалистов, то обращались в смежные институты: в Институт востоковедения, в МГУ на кафедру этнографии, в Институт истории. После получения отзыва статью читали заместители главного редактора, отвечавшие за публикации по народам СССР и зарубежной этнографии. У каждого была своя тематика. Д.Д. Тумаркин занимался зарубежной этнографией, а когда он уезжал в экспедиции, то обычно заранее прочитывал определенное количество статей, подготавливал их к публикации, а дальше уже было проще.

С.А.: С какой целью заместитель редактора читал статьи?

Н.П.: Проверял, чтобы не было никаких глупостей, чтобы это была действительно нужная публикация, сообщающая что-то новое. Если в сотый раз повторяют одно и то же, это никому не нужно! Случалось, что присылали статьи люди, не умеющие писать и не понимающие, что такое этнография, просто они что-то где-то прочитали. Приходилось очень вежливо отвечать, что в таком виде статью печатать мы не можем или что всем уже известен этот материал. Советовались между собой. Членам редколлегии давали читать все статьи, которые планировались в номер. Редколлегия обсуждала состав журнала, что печатать, что не печатать, порой заказывала какие-то статьи. Могли даже упрощать кого-то, чтобы опубликовать интересный материал. Но это решалось все коллегиально.

Хорошо помню одну из первых статей, с которыми я работала. Автор из Новосибирска, очень хороший историк, потом стала и прекрасным специалистом по этнографии. Номер был уже укомплектован, а я сняла эту статью. Все остолбенели! Она ведь великолепный автор! Я знала, что она великолепный специалист, но ее статья могла стать в несколько раз лучше и нужнее после внесения правок, которые я предложила. Дело в том, что я работала в Сибири и натолкнулась на очень интересный материал – он не нужен был для моей работы, но мог пригодиться для этой статьи. Я написала автору, посоветовала ей ознакомиться с этим материалом, сообщила номер дела и предложила в течение двух-трех недель донести статью. Наши были в ужасе! Тем не менее от автора пришло письмо с благодарностью. Спустя какое-то время мы получили новый вариант и опубликовали его. Я храню номер журнала с этой статьей и благодарственной надписью автора. С тех пор мы с ней были в очень хороших дружеских отношениях.

Был и другой случай: среди первых работ, которые я сняла с номера, была рецензия моей подруги на книгу одного из этнографов. Я позвонила ей и спросила, зачем она взялась за рецензию? Оказалось, автор сам попросил ее об этом. Поскольку я знала отношение кафедры к этой книге, а оно было резко отрица-

тельным, я решила: пусть обижаются, но рецензию я сниму. Это была бы не помощь автору, а наоборот, могли сделать только хуже. Историки уже насторожились, а если появится рецензия, то и журнал поставим в дурацкое положение, и автору книги сделаем хуже, да и автору рецензии тоже.

С.А.: Что это за противоречивая книга была?

Н.П.: Таких книг было много. Я даже не буду вспоминать, это дела давние, 1970-е годы. Такими были мои первые шаги. Позже со мной уже и не спорили, люди поняли, если я отказываю, значит, есть объективные основания, я не придиралась по мелочам. Хотелось, чтобы нашему журналу верили, чтобы он был хорошим. В начале 1980-х годов была конференция то ли в Германии, то ли в Чехословакии, там отметили наш журнал за высокий уровень публикаций и освещение научной жизни. Я про себя подумала: “Знали бы вы, сколько я на эту научную жизнь трачу времени, можно было книгу написать”.

Если я “браковала” какую-то статью, отзыв подписывала всегда своей фамилией, никогда ни за кого не пряталась. Считала, что каждый должен отвечать за то, что он делает. Бывали звонки и из парткома Академии, и из райкома, и даже как-то из Отдела науки ЦК... по-всякому было. Обычно, когда объяснишь, почему отклонена статья, тебе говорят: “Эх, что Вы хотите, человеку захотелось прославиться, не обращайтесь внимания”. Во всяком случае ни разу меня никто не упрекнул в том, что я кого-то обидела, неправильно оценила. Понимаете, для меня не было своих и чужих, был просто автор и все. Если хорошая работа – тебе “шелковый” путь, а если она никуда не годится, а тебе просто хочется, чтобы твое имя появилось в журнале, – до свиданья.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, как была устроена повседневная жизнь института. Вы каждый день ходили на работу?

Н.П.: Это зависело от должности: лаборанты ходили ежедневно, у м. н. с. было два свободных дня, а с. н. с. – два раза в неделю приходили в институт. Это можно проследить только по приказам, запомнить невозможно, все быстро менялось. Моя сестра в это время работала в Историческом музее и завидовала моим условиям труда: хороший коллектив, удобный график. Было время, когда мы, приходя в институт, снимали и вешали номерки – по ним проверяли, не опоздал ли ты. Каждый квартал мы сдавали отчет о выполненной работе, и была институтская комиссия, которая проверяла: сделано или нет. Бывали и такие времена, когда нужно было прийти с утра в институт, расписаться в журнале посещаемости и только потом отпрашиваться в архив или библиотеку – могли даже прийти туда с проверкой. Это глупо, ведь кто хотел работать, тот работал и так. Ходили в те библиотеки, которые были ближе: кто-то в историческую, кто-то в библиотеку недалеко от института (она потом сгорела), многие любили посидеть в нашей библиотеке, она была прекрасная! Это было время очень жесткого режима, примерно в середине 1980-х годов. Но ничто не сохранялось надолго, без конца все менялось, и новое всегда было хуже предыдущего.

Мы все вместе ходили на демонстрации, на субботники в конце апреля: подметали улицу, вычищали здание перед 1 Мая – общая работа сближает. Большая часть сотрудников участвовала во всем этом с удовольствием, но не все, конечно. В нашем отделе была дама, которая говорила: “Я не для того кончала университет, чтобы подметать”. Для меня институт всегда был родным домом. Мы проводывали тех, кто заболел, помогали нуждающимся. Помню, как собирали деньги кому-то из коллег на первый взнос на квартиру. Был настоящий коллектив. Сильно объединяли людей экспедиции: в обычной жизни не так много времени для общения, а в поле лучше узнаешь людей, сближаешься с кем-то или, наоборот, с кем-то отношения могут испортиться.

Мы с Вами говорили только о том, что касается работы, но жизнь людей состоит не из одной работы. Наш институт славился и своим умением отдыхать. Я была членом месткома, видимо, никто не хотел этим заниматься. Все валяло на новеньких, а я только недавно пришла в институт и сопротивляться как-то не умела. У нас были очень интересные экскурсии по Москве. Их обычно проводил Михаил Григорьевич Рабинович, знаток Москвы. Кто-то прихватывал с собой и членов семьи, детей, я, например, брала свою сестру, она тогда школьницей еще была. Михаил Григорьевич с нами и в другие города ездил, мы объездили все вокруг Москвы, были на Севере, даже в Ереване в 1980-е годы; вообще, где мы только не были. Жизнь у нас кипела. Не могу сказать, что в этом участвовал абсолютно весь коллектив института, но было много тех, кто с удовольствием ходил и на разные экскурсии, и на какие-то выставки. Это были годы, когда к нам много иностранцев приезжало – то какой-то фестиваль, то еще что-то. На вечера и праздники в институт приглашали артистов. Спортом интересовались. Местком занимался абонементом в бассейн, покупал даже ракетки для пинг-понга... То есть жили мы не только одной работой.

Коллеги вспоминали, что, когда еще институт был в здании, позднее отошедшем Пушкинскому музею, часто проводились капустники, и были люди, которые умели их делать. Приходили коллеги со всех этажей, особенно часто археологи. Капустники проводились и после переезда в новое здание. Люди собирались в большом конференц-зале на четвертом этаже, сидели даже на подоконниках! Когда в июне 1960 г. я пришла в институт, традиция капустников еще поддерживалась. У меня сохранился даже текст одного из них – о Миклухо-Маклае. Какое-то время в институте был и свой джазовый оркестр. Наверное, многие уже забыли об этом, все это закончилось в начале 1990-х годов.

С.А.: А как часто проводились капустники?

Н.П.: Обычно их приурочивали к каким-то праздникам или годовщинам. Очень торжественно всегда отмечали 9 Мая, готовили концерт. У нас было много фронтовиков. Жизнь кипела, но потом все это ушло, и люди стали думать только о том, как бы побольше заработать.

Раньше были другие условия и в стране, и в институте. По рассказам, сначала все сидели в одной или двух комнатах! Я как раз пришла в тот момент, когда институт переезжал с улицы Фрунзе, кажется. Было время, когда сотрудники не помещались в кабинетах, они работали в библиотеке или дома. С переездом на улицу Дмитрия Ульянова летом 1960 г., а потом и на Ленинский проспект в декабре 1990 – начале 1991 г. начался новый этап жизни института. Комнаты стали просторнее, но прибавилось и сотрудников, так что все равно было тесно.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, про первую Вашу заграничную поездку и сотрудничество с зарубежными учеными.

Н.П.: Первая моя поездка была в Чехословакию. Это был 1968 г., кажется. Пришло приглашение, по-моему, даже не именное, на конференцию, связанную с этнографией городского населения. В этот период во всем мире появился интерес к разным слоям городского населения, это не было сугубо нашим направлением, в каждой стране свои традиции. Историки занимались этим давно. У нас в институте решили заняться Уралом как рабочим центром. На конференцию отправили Маргариту Николаевну Шмелеву, она долго занималась населением дореволюционного и современного русского города, публиковалась вместе с Анохиной. Почему-то Анохина не смогла поехать, и с Маргаритой Николаевной поехала я. Незадолго до отъезда я сильно упала и у меня была забинтована нога, правда, там я снимала повязку и ходила через силу. Хотя политические отношения в целом между нашими странами были непростыми, нас очень хорошо приняли, пригласили в рыбный ресторан – а я не ем

рыбу и мучилась там [смеется], но выдержала этот экзамен. Мы должны были еще съездить в Братиславу, у нас было уже все оплачено, расписан маршрут – и тут вошли наши войска, и все сорвалось. Нам сказали, чтобы мы утром собирали вещи и ехали на вокзал.

Но в этой поездке завязались знакомства, началась переписка, да и потом у нашего сектора была связь с Чехословакией и Германией, потому что мы работали над сходными проблемами на разном материале. В 1979 г. в Чехословакии у меня был доклад о влиянии жилищ на образ жизни рабочих. Буквально два-три абзаца и выводы. За эти несчастные абзацы уцепились два этнографа, чех и немец, и извели меня просто! Они давно думали об этом же, говорили, что я правильную тему подняла и стоит ее развивать. Приглашали меня на конференцию на следующий год. Я не собиралась никакого шума поднимать вокруг этого, вышло случайно. Мне было интересно, как жилищные условия, возможности обучения влияют на человека. Но на меня так надели, что отказаться я не смогла и на следующий год поехала в Германию. Это был 1980 г. Мне и в голову не приходило, что мой доклад поставят первым, он открывал конференцию! Было очень тяжело, но доклад прошел на отлично и его опубликовали в Германии.

С.А.: На каком языке Вы разговаривали с чехами, поляками?

Н.П.: Поляки, например, делали свои доклады на немецком языке, а я первые два абзаца читала по-немецки, натренировавшись дома, потом отдавала свой текст немцу, и дальше читал он. Поляков никто не мог понять, а мой доклад всем был понятен. Чехи все понимали немецкий язык, но один из них, известный ученый, не выносил немецкого, многие его родственники погибли в годы войны.

Во время первой поездки в Чехословакию мы со Шмелевой жили в прекрасной гостинице, нас водили в театр, в музеи. У меня не было никаких претензий, хотя ехала я туда с некоторой тревогой. Позднее в Германии мы встречались с коллегами несколько раз и в Югославии ближе к 1990-м годам. Но это были уже не те встречи, все постепенно осложнилось и осложнилось. Тем не менее долго сохранялась переписка, поздравляли друг друга с праздниками. Меня болгары удивляли своим не очень хорошим отношением. В 1983 г. у них был фольклорный фестиваль, конференция, и я вместе со своей коллегой поехала туда. Я занята была научными беседами, потом все пошли посмотреть город. Стояла очень сильная жара, и один болгарин, который все время неприятно “проезжался” по поводу русских, отдал мне свою соломенную шляпу. Меня это удивило, я подумала, что все-таки они нас не так сильно ненавидят. Он дал мне понять, что ничего не имеет против меня, но против нас – да. Это меня до сих пор продолжает удивлять. Столько сделали для болгар, спасли их от турок когда-то... У меня и с венграми были прекрасные отношения. Возможно, кто-то нос задирал, потому что он из СССР, а я нормально со всеми разговаривала – так же, как я разговариваю с Вами.

С.А.: Большое спасибо, Нинель Саввишна, за интересный рассказ!

Примечания

¹ Сангушко – княжеский род, владевший имениями на Волыни (ныне территория Юго-Западной Украины и Польши).

² Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.

³ Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. 1917–1970 / Отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1974.

Interview Article

Alymov, S.S. We “Did Not Live by Work Alone”: An Interview with N.S. Polishchuk [“Zhili ne tol’ko odnoi rabotoi”: interv’iu s N.S. Polishchuk]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 25–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050032>
EDN: YDWQJM ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Alymov | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Soviet ethnography, history of anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, ethnography of workers

Abstract

In an interview to S.S. Alymov, the ethnographer and philologist N.S. Polishchuk talks about her biography, academic career and work at the Institute of Ethnography in the 1960s–90s. The conversation covers topics such as the development of studies in the area of ethnography of the city and workers, the activities of the journal “Soviet Ethnography”, and the international contacts of Soviet ethnographers. N.S. Polishchuk further shares interesting information about the everyday life of scholars at the Institute of Ethnography, the fate of P.G. Bogatyrev, and much more.

“НАШ ТРУД НЕ ПРОПАЛ ЗРЯ”: ИНТЕРВЬЮ С М.А. ЧЛЕНОВЫМ

С.С. АЛЫМОВ

Сергей Сергеевич Алымов | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | к.и.н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

советская этнография, история антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, этнология Юго-Восточной Азии, иудаика, эскимосы, инуиты

Аннотация

Интервью с к.и.н. М.А. Членовым, почетным вице-президентом Всемирного еврейского конгресса, посвящено его биографии, научной деятельности и работе в Институте этнографии АН СССР в 1960–1990-е годы. Большое внимание уделяется полевой работе М.А. Членова в Индонезии, среди ненцев, эскимосов и на Русском Севере. Ученый подробно рассказывает о своей деятельности в области изучения систем родства, эскимосоведения, иудаики, об открытии археологического памятника Китовая аллея. Также сообщаются важные сведения о еврейском движении в СССР, отношениях ученых и власти, о сотрудниках Института этнографии АН и многом другом.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

Сергей Алымов (С.А.): Расскажите, пожалуйста, о своих предках, семье, родителях. Кем они были и какое влияние на Вас оказали?

Михаил Членов (М.Ч.): Предки мои по еврейской линии происходили из сегодняшней Брянской области, а раньше Черниговской губернии, это была купеческая семья. По русской линии, материнской, предки из дворянского рода Шеншиных, это род, к которому относился известный поэт Афанасий Афанасьевич Фет, ему мы приходимся какими-то весьма дальними родственниками.

Я родился в интеллигентной еврейской семье в 1940 г. в славном городе Москве. Родители мои искусствоведы. Мой отец, Анатолий Маркович Членов, имел много разных профессий, основная из них – искусствовед, кроме того, он был журналистом, писателем, историком. Светлой памяти, яркий был человек, он оказал на меня очень большое влияние. Мать моя, Нина Александровна Дмитриева, известный искусствовед, лауреат Государственной премии. Это редкий случай: обычно Государственную премию получают художники, а она получила именно как искусствовед. Она автор многих произведений, в том числе трехтомника “Краткая история искусств”, по которой, как я понимаю, учатся

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Алымов С.С. “Наш труд не пропал зря”: интервью с М.А. Членовым // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 5. С. 39–62. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050044> EDN: YDXJTA

Alymov, S.S. 2023. “Nash trud ne propal zria”: interv’iu s M.A. Chlenovym [The “Efforts of Ours Were Not in Vain”: An Interview with M.A. Chlenov]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 39–62. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050044> EDN: YDXJTA

до сих пор все искусствоведы. Ее перу принадлежат первые монографии на русском языке о Ван Гогге, Пикассо, Врубеле... В общем, достаточно известный человек. Причем если отец многостаночник (я перечислил целый ряд его разных занятий), то мать именно искусствовед, она проработала почти всю жизнь в Институте истории искусств при Академии художеств.

Я в основном жил с отцом и в отцовской семье. Поскольку я родился в 1940 г., а в 1941 г. началась война, мать увезла меня в эвакуацию в Тамбовскую область в г. Моршанск. Я ничего не помню об этом, я был слишком мал. Хотя про военное время какие-то воспоминания у меня в общем-то сохранились.

Безусловно, родители мои оказали на меня очень большое влияние, особенно отец. Его мать, моя бабушка, которая, если можно так сказать, также была моей воспитательницей, тоже искусствовед. Она заведовала выставочным сектором Московского отделения Союза художников (МОСХ). Собственно, большая часть выставок, которые проходили в Москве начиная с конца 1930-х годов и по 1970-е (вплоть до ее смерти) это дело ее рук и ее усилий. Поэтому такие знаменитые выставки, как выставка С.Т. Конёнкова, когда он вернулся в СССР, выставка С.Д. Эрзи и прочие, – все это в моей памяти, как и сами эти люди; меня туда водили, показывали.

С.А.: Где и в какой обстановке прошло Ваше детство и школьные годы?

М.Ч.: Я учился в 167 школе, все десять лет. Это в Дегтярном переулке, сразу за гостиницей “Минск” на Тверской, в наше время улица Горького – центр Москвы. Я сохранил самые теплые воспоминания и о школе, и об учителях, и об одноклассниках. История с географией были моими любимыми предметами. Плюс ко всему отец приложил большие усилия к тому, чтобы я заинтересовался именно этими гуманитарными науками. В детстве я прожил с отцом в Германии два с половиной года, в немецкой семье, поэтому я получил немецкое воспитание. Мне было пять с небольшим, когда сразу после войны отец меня увез в Германию, – он прошел всю войну и после войны остался сотрудником гражданской администрации земли Тюрингия в советской оккупационной зоне Германии (ГДР еще не было). Когда мы вернулись в Москву, мне было без малого восемь. После приезда отец начал весьма активную программу моего просвещения, он читал мне историю Англии для детей, написанную Диккенсом – переводил ее сходу с английского. Вообще, как книжный человек я вырос в основном под влиянием своего отца, который был, безусловно, очень эрудированным, в том числе и в истории, этнографии, географии, он привил мне с детства к этому любовь и страсть, которые сохраняются по сию пору.

С.А.: В каком вузе Вы учились? Почему выбрали именно этот вуз?

М.Ч.: Школу я кончил в 1958 г., по-моему. И поступил в Институт восточных языков, так он тогда назывался (сегодня это Институт стран Азии и Африки), который существовал на правах одного из факультетов МГУ. Это, собственно, вуз, который возник после того, как власти закрыли МИВ (некоторые называют его МИФом) – Московский институт востоковедения. Когда МИВ закрыли, оказалось, что востоковедение как таковое вдруг оказалось обезглавлено. И через какое-то время возник мой институт, который я также вспоминаю с большой теплотой. Я поступил на индонезийское отделение и стал учить индонезийский язык; окончил я институт по кафедре истории Юго-Восточной Азии как специалист историк-востоковед, референт по Индонезии.

С.А.: А почему Индонезия?

М.Ч.: Почему Индонезия? – очень хороший вопрос. Мне уже в то время нравилась экзотика, я читал много про тропики, где до этого еще не был. Когда мы говорим об Индонезии с москвичами, то большая часть людей плохо себе представляет, что это за страна. Ну где-то не то в Африке, не то в Азии, всякие

туземцы... Но достаточно сказать, что эта страна – четвертая в мире по количеству живущих в ней людей после Китая, Индии и Соединенных Штатов. В Индонезии жителей примерно в два раза больше, чем в России, около 300 млн. Яркая, интересная страна. Кроме того, в то время вышел документальный фильм об Индонезии, где Клавдия Шульженко пела популярную песню “Страна родная Индонезия”, которую в ту пору знала вся Москва, сейчас она уже забыта.

Как-то получилось так, что из языков, которые преподавались в институте, индонезийский мне показался наиболее привлекательным. Я знал уже довольно прилично (в самых общих чертах) историю Индонезии, знал, что страна была колонией Нидерландов. Когда я готовился к поступлению, сидел в Ленинской библиотеке. Там был специальный зал – не то для старших школьников, не то для студентов. Я решил познакомиться с тем, что это такое – Индонезия, влез в каталог и увидел, что большинство книг на голландском языке. Дай, думаю, попробую. Выписал какую-то книгу, открыл и понял, что я, оказывается, в общем-то могу спокойно читать на голландском. Это мне показалось тем более привлекательным, и я оставил заявление, что хочу изучать индонезийский язык.

Так и получилось. Я довольно быстро его освоил, уже когда был курсе на четвертом или пятом. Всего мы учились шесть (если не семь) лет, поскольку считалось, что востоковедение связано со сложными языками. И где-то курсе на четвертом меня знакомые устроили переводчиком в Высшую партийную школу, где учились иностранные коммунисты. Там была и индонезийская группа, которая маскировалась под вьетнамскую. Почему маскировалась? Потому что коммунистам из капстран было как бы неправильно учиться в Высших партийных школах. Поэтому все мои индонезийцы были вьетнамцами, носили какие-то выдуманные вьетнамские имена. Я довольно быстро преуспел в языке, потому что переводил им лекции по диамату, истмату, политэкономии... До сих пор с ужасом вспоминаю первые лекции по бухгалтерскому учету: я и по-русски-то ничего не понимаю, а надо переводить на индонезийский. Но где-то за пару лет работы там я вполне освоил язык и приобрел хорошее понимание того, с кем и с чем имею дело. Поэтому, когда я наконец приехал в Индонезию, почувствовал себя там практически как в доме родном.

С.А.: Вы приехали туда тоже в качестве переводчика?

М.Ч.: Да. Это было не обязательным, но весьма желательным для студентов, которые изучают язык. Меня пригласили переводчиком на строительство по соглашению с СССР. Я был при технологическом факультете Университета провинции Малуку (или Молуккские острова) на о-ве Амбон. Я попал на Амбон в 1963 г. и прожил на нем и ряде других островов около двух с половиной лет. Я работал переводчиком на стройке и должен был осваивать всякие непонятные слова (бетономешалка и т.п.). Кроме того, я должен был там писать дипломную работу.

Попал я в совершенно удивительный мир. Молуккские острова иначе назывались Острова пряностей, именно их пытались открыть и Колумб, и Магеллан. Это чудный совершенно архипелаг, родина гвоздики и мускатного ореха. Для этнографа это было поле не только интересное само по себе, но и совершенно неизвестное – о нем почти ничего я не смог узнать из существующей литературы. Литературы на русском языке не оказалось вообще; про Восточную Индонезию не написано практически ничего. На других языках, естественно, книги были. Я знал еще до приезда на Амбон, что в 1950 г. там было сепаратистское восстание и была провозглашена никем не признанная Республика Южно-Молуккских островов, знал не потому, что об этом много писали, а потому что увлекался филателией, и эта республика, как водится, издавала никем не признанные почтовые марки. На них было написано “Republik Maluku Selatan”, что

значит “Республика Южно-Молуккских островов”. И я выбрал себе в качестве темы диплома историю сепаратистского восстания 1950 г. В 1950 же году восстание было подавлено, и Малуки вошли в состав Республики Индонезия, унитарной, не федеративной. Мне показалось это довольно интересной тематикой, я стал заниматься ею и через нее вышел на очень интересные этнографические сюжеты.

Амбонцы – среди которых я оказался – это один из народов Индонезии, о которых вообще редко и мало писали, которые сформировались под влиянием колониальных администраций. Это не просто туземный народ, которые там тоже были, но народ, в определенной степени воспринявший европейскую культуру, которая развивалась там под влиянием разных местных культурных комплексов. Амбонцы были сотрудниками голландской колониальной администрации, чиновниками, служили в голландской колониальной армии, поэтому, соответственно, находились под некоторым подозрением у основных мусульманских народов Индонезии, таких как яванцы – главный по численности и по политическому доминированию народ. Амбонцы вообще выглядели по-европейски: по-европейски одевались, любили говорить на голландском языке, знали английский и, что весьма существенно, в большинстве своем они были христианами, а не мусульманами, как основная часть индонезийцев. В основном амбонцы протестанты и кальвинисты, реже – католики. Соответственно, сепаратистское восстание, о котором я сейчас упомянул, во многом коренилось в культурной разнице между амбонцами и вообще населением Молуккских островов и западной части Индонезии – мусульманской, азиатской. Здесь я скорее столкнулся с определенным океаническим типом культур, чем с классической буддистской или мусульманской Юго-Восточной Азией.

Оказавшись на Амбоне, я понял, что передо мной какое-то непаханое поле с точки зрения исторической и этнографической. Я решил, что хочу этим заниматься. Проблема была в том, что надо было найти хоть какую-то литературу. Я начал разговаривать с разными людьми, и это мой первый опыт не совсем профессиональной, но в общем-то полевой работы. Я встретился с участниками восстания, а позже в Голландии и с руководителями непризнанной республики в изгнании, с бывшими министрами, которые прошли и тюремное заключение в Индонезии. Случилось так, что мне удалось побывать на островах Серам, Буру и ряде других. Это было связано с моей работой переводчика. На строительстве была группа русских специалистов, разнообразные строители, они скучали по привычной русской или русско-украинской пище, к которой привыкли. И мне пришло в голову, что, например, картошка, капуста и проч., которые на маленьких тропических островах не произрастали, поскольку там было слишком жарко, могли расти на крупных островах. Я предложил своему начальству: командуйте меня туда за картошкой, капустой и на закупку свиней. Так и получилось, что я съездил на эти острова и увидел там воочию нетронутую, прямо классическую этнографию. Мужские союзы, свайные дома, не подвергшаяся европейскому влиянию одежда и т.д. Я общался на Сераме с людьми, сохраняющими и определенную традицию, и мифологию, и остатки тайных мужских союзов, которые практически не были описаны. Плюс к тому я периодически посещал Джакарту, куда меня также отправляли в командировки.

В Джакарте я смог записаться в библиотеку Батавского общества народоведения и языковедения – научного учреждения еще голландской колониальной эпохи. Увидел, что там есть довольно большое количество работ по Восточной Индонезии, в основном на голландском языке, которые я стал читать. То есть именно там я начал становиться этнографом – пусть еще не профессионалом, но уже дилетантом-любителем. Моя работа в Восточной Индонезии носила

не только этнографический и исторический, но и лингвистический характер. В принципе, знания индонезийского языка – государственного языка страны, было для меня вполне достаточно. Но на Молуккских островах около 100 языков, большинство которых не только не было описано, но даже названия их были неизвестны. Мне пришлось в голову, что было бы неплохо, так сказать, это белое пятно закрыть.

На строительстве постоянно требовалась рабочая сила. Амбонцев не хватало, и стали набирать молодежь с окрестных островов, с дальних островов Молуккского архипелага, о которых тоже ничего не было известно. И я стал эту молодежь привлекать в качестве информантов по языкам. Я тогда только что женился в первый раз и приехал в Индонезию с молодой женой, которая окончила филологический факультет МГУ. И мы с ней собрали материал примерно по 40 языкам, некоторые из которых дотоле были не просто неизвестны, не известен был даже сам факт их существования. Мы собирали словники по 500 слов, образцы текстов, плюс разнообразные рассказы по поводу местной культуры и местной социальной организации. Именно тогда я, пожалуй, понял, что, во-первых, хочу стать этнографом, и не вообще этнографом, а именно специалистом по этой части света. И, во-вторых, что более всего в этой сфере меня интересуют этнолингвистика и социальная антропология – не культурная антропология в целом как таковая, а именно социальная, т.е. социальное устройство туземных обществ, в том числе тех, которые пережили европейское влияние (как сами амбонцы), и тех, которые, наоборот, сохраняли определенные океанические формы культуры.

С.А.: Термин “социальная антропология” Вы тогда уже использовали?

М.Ч.: Ну да, конечно, его тогда в Москве не использовали. Но я-то жил не в Москве, я жил в Индонезии, я читал специальную антропологическую литературу (и по культурной антропологии, и по социальной антропологии), и термины эти вошли в мою жизнь и остаются в ней и по сию пору.

С.А.: Давайте тогда перейдем к Вашему возвращению в Москву и к Институту этнографии.

М.Ч.: Я вернулся в 1965 г. просто потому, что кончился срок моего пребывания в Индонезии. За два года с лишним я действительно накопил неплохие знания по региону, о котором вообще никто ничего не знал. И не только знания из книг, которые я находил в джакартских библиотеках.

Я возвращаюсь в Москву и думаю, куда мне деваться... К этому времени я собрал большой материал по исторической теме “Республика Южно-Молуккских островов”; в 1965 г. в Институте восточных языков защитил диплом. И тут я встречаю бывшего однокурсника, он говорит: “Слушай, есть делегация индонезийская, не хочешь просто немножечко подработать? Они едут в Хельсинки на какое-то коммунистическое совещание, с ними надо поработать пока они в Москве”. Я переводчик уже опытный, работал не только на Амбоне, но и в Москве, когда приезжал в Россию, переводил в том числе “Кремлю” – Хрущеву, Брежневу и другим. Я говорю: “Конечно, почему нет”.

В этой группе индонезийцев был Йоханнес Аве (имя Йоханнес уже говорит о том, что он не мусульманин, а христианин). Он подходит ко мне, говорит, что он этнограф, что у него своя программа в Москве и он планирует посетить Институт этнографии и прочитать там лекцию. Он говорит, что ему будет гораздо легче читать лекцию на родном языке, а не на английском, и спрашивает, не буду ли я столь любезен, чтобы перевести ее. Таким образом я впервые попал в Институт этнографии, о котором я раньше слышал, знал, что он существует, но никаких контактов с ним у меня не было. Соответственно, я перевожу лекцию с индонезийского языка, чем вызываю определенный интерес у институтского

начальства: откуда появился такой парнишка, вроде и язык такой чудной знает и перевел так, что ясно, что разбирается в этнографии. Меня привели к Соломону Ильичу Бруку, который был зам. директора Института этнографии. Он стал спрашивать, кто я такой вообще. После чего представил меня в секторе Зарубежной Азии и Океании – я познакомился со многими специалистами, будущими моими друзьями и коллегами. Брук, собственно, и предложил мне: “Давайте, вот, к нам в аспирантуру”.

В институте в Москве и в Ленинградском отделении в те годы работало несколько индонезистов: Юрий Маретин, который считался главным индонезистом среди советских этнографов, Алексей Иванович Кузнецов (он работал в Москве), еще несколько человек. Я с ними знакомлюсь и выясняется, что язык индонезийский знаю я один, но их знания в области этнографии Индонезии, может быть, более солидные, чем мои. Я подаю заявление в аспирантуру, сдам успешно экзамены, становлюсь аспирантом Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР и попадаю в сектор, которым руководил известный этнограф Николай Николаевич Чебоксаров.

С.А.: Под чьим руководством Вы писали кандидатскую диссертацию? Почему выбрали именно эту тему?

М.Ч.: Моим руководителем, естественно, стал Николай Николаевич Чебоксаров, а тему “Очерки по этнической истории Центральных Малук” я выбрал сам, потому что об этом никто ничего не знал. Название не очень удачное, но я был тогда еще неопытен в этом плане (Что такое Малуки? И почему Центральные? И какая этническая история, когда неизвестно, кто там вообще живет?!). Даже Соломон Ильич Брук, который знал все, весь политический состав народов мира, в области Восточной Индонезии, как выяснилось, тоже не был великим специалистом. Своим коллегам в институте я сообщил, кто там живет, потому что даже на картах Брука в знаменитом “Атласе народов мира” были указаны только “альфуры” (“альфуры” – это местное название, которое можно перевести как “дикари”), никто больше не был назван, никакие местные народы, даже амбонцы. Одна симпатичная дама, Антонина Бернова, которой было велено заниматься Восточной Индонезией, пыталась что-то такое сделать, не зная ни индонезийского, ни голландского языка. Я помню, что, когда я появился в институте, она сразу на меня набросилась и стала спрашивать про конструкцию домов, а я едва-едва мог что-то ответить, потому что еще не был профессиональным этнографом. Остальные коллеги о Восточной Индонезии не знали ничего, поэтому, когда я со своими Центральными Малуками пришел, то с радостью был принят.

Защитился я в 1969 г. Споров никаких вокруг моей диссертации не было, ее приняли очень хорошо. К тому времени я уже знал довольно много, прошел аспирантскую программу, где преподавали крупные ученые. В частности, я слушал лекции Дебеца, Бунака, Чебоксарова, ряда других известных этнографов. Я проводил время в основном в библиотеках: в Ленинке, в Ленинград ездил, где были замечательные библиотеки. Я понял, что для того, чтобы стать профессионалом, я должен не просто прочесть определенное количество книг, но и познакомиться с другими народами и регионами. Я должен также понять, что такое полевая работа. Мне очень повезло, потому что главное, за что я очень ценю институт, – это академическая среда, которую я, конечно, нигде больше не встречал. Среда – это не только лекции, которые там читались, не только семинары, которые проводились, но вообще сама по себе атмосфера института, постоянное общение с коллегами из соседних отделов, секторов, практически ежедневное обсуждение самых разных этнографических проблем, присутствие на ученых советах – все это дало мне, конечно, очень много.

В секторе мы отмечали вместе какие-то праздники, в основном дни рождения, собирались на застолья и пр. Моими близкими друзьями стали Н.Л. Жуковская и С.А. Арутюнов, с которыми я по-прежнему общаюсь чуть ли не в каждодневном режиме. Кроме того, тот же Крюков, мой руководитель Николай Николаевич Чебоксаров. Я не припомню кого-нибудь, с кем бы у меня были плохие отношения или просто никаких. Тумаркин, Мешков, Чеснов, Седловская, Листвинова... Я не буду называть всех, это все мои близкие друзья, все мои хорошие замечательные коллеги, все люди, которых я люблю или любил, если они уже ушли в мир иной, которым я доверял, и главное – все они были неотъемлемой частью того, что я назвал “прекрасной академической атмосферой”. Я приходил на работу, и мы тут же начинали разговор на какую-нибудь этнографическую тему.

С.А.: А Вы в институте всегда в секторе Азии работали?

М.Ч.: После защиты меня перевели в сектор Иосифа Ромуальдовича Григулевича. Он тогда только появился в институте, и нужно было создать под него новый сектор. В завершении своей резидентской карьеры он числился послом Коста-Рики в Ватикане и Югославии. В Югославии он получил поручение от московского центра: преподнести Иосипу Броз Тито, когда тот будет вручать верительные грамоты, отравленный торт, чего Григулевич не сделал. Если верить всяким байкам, Сталин велел вернуть в Москву “этого дурака”. Григулевич возвращался с большими опасениями, но в итоге обошлось. Он решил сменить сферу деятельности и, пользуясь связями в КГБ, устроился не в институт, а в центральное подразделение Академии наук, где создал отдел или редакцию, которая должна была освещать достижения советской гуманитарной науки на иностранных языках. Он стал издавать небольшие сборники, где печатал переводы наших статей на французский, испанский, английский языки. Григулевич остановился на Институте этнографии, для чего использовал свои связи, защитил две диссертации: “Африканские культы на Кубе” и “Культурная революция на Кубе” или что-то в таком духе. Институту было дано понять, что было бы хорошо не просто взять Григулевича на работу, но и создать под него сектор. Тогда и был создан сектор зарубежной этнографии. Я незадолго до этого защитился, знал несколько иностранных языков, и мне в приказном порядке было сказано идти в этот новый сектор. Там я и остался на 12 лет, написал ряд работ по голландской этнографии и ряд работ по kinship(y), новым методикам в англо-американской этнографии. В общей сложности у меня вышло около 15 статей во время работы в этом отделе.

С.А.: А какие у Вас были личные с ним отношения?

М.Ч.: Нормальные. После того, как я узнал историю о его резидентстве в Латинской Америке, у нас порой заходил разговор о его работе там, но он не любил вспоминать об этом. А когда он узнал о моей “сионистской деятельности”, он подошел и сказал: “Михаил Анатольевич, будьте осторожны! Они могут всё!” Как-то в сектор пришел какой-то латиноамериканец, и Григулевич заговорил с ним по-испански, но с чудовищным русским акцентом. Казалось бы, резидент! В исторических работах он был известен как Дон Хосе. Вы знаете, у Оруэлл – а он был в составе интернациональных бригад, которые приехали в Испанию, – есть роман “Барселона – любовь моя”. Оруэлл написал его в ту пору, когда его “роман” с коммунизмом уже заканчивался. Так вот там он выводит Григулевича под именем “Дона Хосе” как человека, который сидел в Барселоне и снабжал агентов КГБ (которые сидели там же) данными о том, кто из прокоммунистических защитников Барселоны на самом деле был троцкистом, и выдавал их во время осады франкистами Барселоны. Григулевич мне сказал, что он был польским гражданином: “Да, я был послом в Коста-Рике, но гражда-

нином я был Польши”. Так что да, у меня были хорошие с ним отношения, но не более того. При Н.Л. Жуковской я вернулся в сектор Азии.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о Ваших первых опытах полевой работы.

М.Ч.: Я понял, что для того, чтобы действительно стать профессионалом, я должен поехать в поле. В Индонезию, как и во многие другие страны, меня перестали пускать, но огромная страна Советский Союз была к моим услугам. Первая экспедиция, в которую меня отправили как аспиранта, была к очень интересному и очень богатому народу, который называется “русские”.

Я на самом деле очень благодарен судьбе, что попал в первую экспедицию именно к русским, хотя мне даже в голову не приходило, что такое возможно. Экспедиция в Архангельскую и Вологодскую области возглавлялась Гали Семеновной Масловой. Мне как аспиранту дали две темы: традиционная пища и имена – поскольку я, еще будучи студентом, увлекся ономастикой и антропонимикой и позднее занимался этими темами у разных народов. И вот, к моему удивлению, я попадаю в совершенно незнакомую для меня культуру, хотя я вырос в русском обществе, в русской культуре, русский язык – мой родной язык и так далее, и так далее. Мы обнаружили сельскохозяйственные орудия, которые исчезли чуть ли не в XVIII в., например горбушу – нечто среднее между серпом и косой. Горбуша, как мне тут же объяснили коллеги, исчезла более века назад, а тут мы ее находим в селах востока Вологодской и юга Архангельской области. Здесь я впервые только начинаю понимать, что такое поле (что полевая работа это не просто приехал и сказал: “Здрасьте, Иван Иванович, я приехал тебя изучать”. – “Ну как приехал, так и уезжай поскорей”). Это определенная целая отрасль науки, которую надо осваивать, изучать, и надо уметь это делать. И тут как раз Гали Семеновна, – я смотрел на нее широко раскрытыми глазами – большой ученый, чудная обаятельная дама; она входит к информантам, открывает дверь и говорит: “А ну-ка Анфиса, – она уже понимала, к кому приходит – ну-ка показывай, что у тебя в сундуках”. Я просто вижу, как эта Анфиса чувствует в Гали Семеновне настоящую барыню: “Барыня приехала!” И она прямо расползается в улыбке и в счастье и бросается открывать свои сундуки. А эта барыня умеет с ней разговаривать, она понимает, как с ней разговаривать, что можно говорить, а чего нельзя. Это мои первые соприкосновения с трудностями – они показали мне, что, оказывается, работать в поле не так просто.

Вот пример того, что меня совершенно поразило. Подхожу к какому-то дому и вижу там старушку. Захожу к ней, узнаю, как ее зовут, начинается разговор. Вижу, ребенок в садике у нее и спрашиваю:

- Ребенок-то Ваш?
- Да, это да, ребенок дачка.
- А дачка-то где?
- А в винограде живет.
- Где?
- В винограде.
- Что за виноград?
- Ну что раньше Петербургом кликали.

То есть я встречаю в 1960-е годы человека, который не понимает, что такое Ленинград, хотя живет от него недалеко, в Вологодской области. Мне очень пригодился этот опыт впоследствии, когда я попал уже к северным народам, я стал не только лучше понимать полевую работу, но и учить уже своих учеников, более молодых коллег. Эта экспедиция с Гали Семеновной плюс ко всему мне показала, что необязательно искать туземцев или тайные мужские союзы, что есть практически непаханое поле буквально рядом.

Я мечтал вернуться на Амбон. Не получалось. Уже после того, как я защитился, мне позвонил сотрудник Монтажспецстроя и сказал, что закрываются все совместные проекты в Индонезии, это был 1965 или 1966 г., он хотел, чтобы я поехал туда переводчиком на завершающем этапе. Надо было в райкоме партии пройти комиссию, а у меня так наз. пятый пункт – “еврей” в паспорте, что не приветствовалось. Мне сказали: “Нет, ты уже кандидат наук, если поедешь туда переводчиком, это будет дискредитация твоей специализации, никаких поездок”. Я попал в невыездные, тем более что в эти годы начиналось мое увлечение иудаикой, и это стало известно. И я понимаю, что Индонезии мне больше не видать, как своих ушей.

К тому времени я более-менее освоился в институте, все знали, кто я такой. Тем более, что еще при поступлении в аспирантуру по институту пошла шутка: к нам зачислено несколько человек, в том числе Зубов и Членов. Может быть, Вы знаете, кто такой Зубов?

– Физический антрополог.

– Да, антрополог, знаменитый... А чем он занимался?

– Зубами.

– А тут еще и Членов! Это способствовало моей известности в институте.

После первой экспедиции на Русский Север следуют еще три экспедиции: в Западную Сибирь (под руководством Владимира Ивановича Васильева, специалиста по самодийским культурам), в Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа. Знакомлюсь с лесными и – чуть меньше – с тундровыми ненцами. По сравнению с хантами и тундровыми ненцами, по которым есть огромная литература, по лесным ненцам, так наз. пяки, мало что написано. Сами себя они называют “пян хасаво” (по-ненецки хасаво – “человек”, а пя – “лес”). Позднее, когда я занимался уже иудаикой, ко мне подходит кто-то из демографов и говорит: “Слушай, а как получилось, что евреи твои оказались в Ямало-Ненецком округе?” Я говорю: “Какие?” – “Пинхасовы”. Пинхас – традиционное еврейское имя, еще библейское, а Пинхасовы – распространенная у горских и бухарских евреев фамилия; просто мой коллега перепутал Пинахасовых и пян хасаво...

После того, как я попал к ненцам, я начал заниматься системами родства как частью социальной организации. Я стал читать разного рода работы, англоязычные в основном, мне понравилось, стал читать также русские работы, Файнберга например. Если говорить, какая из русскоязычных этнографических книг произвела на меня наибольшее влияние, могу сразу сказать: “Система родства китайцев” Михаила Васильевича Крюкова. С Михаилом Васильевичем мы подружились очень быстро, сидели за одним столом, разговаривали все время на этнографические темы. Я увлекся системой родства как таковой, в частности ненецкой, стал записывать эти системы. Прочел большое количество разного рода литературы о том, как это делается, при том что на русском языке по этому поводу практически ничего нет. Мне пришлось осваивать это дело как бы с начала, генеалогическим методом. Позднее я был приглашен на кафедру этнографии, которой руководил Р.Ф. Итс, в Ленинградский университет и читал там спецкурс по системам родства.

Я обнаружил систему родства типа омаха не только у ненцев, но практически по всей Сибири. У меня возникла мысль, что неплохо было бы разобраться с системами родства вообще в азиатской части СССР. В литературе приличных описаний не было. Я стал осваивать систему ненецких родов: экзогамия, эндогамия и т.д. Как это надо делать, мне преподавал, в частности, Владимир Иванович Васильев. Васильева я считаю своим безусловным учителем в том, что касается полевой работы. У него же я стал заниматься и генеалогиями. Генеалогический метод, который не я, естественно, изобрел, заключается в том, что вы начинаете с

того, что составляете генеалогию информанта. Вы не спрашиваете: “Как будет двоюродный брат на твоём языке?” (а может никак?), – а начинаете рисовать его генеалогию. Это тоже отдельная специальная наука, которую я стал понемножку осваивать: смог записать систему терминов родства у лесных и тундровых ненцев, у нескольких групп хантов, и в этом деле набил руку.

Наши с Вами коллеги в Институте этнографии тему эту не любили, за редким исключением (это Крюков в первую очередь, Файнберг), она тяжёлая. Сергей Александрович Арутюнов, мой не только коллега, но и близкий друг, написал учебник “Культурная антропология”, и там нет раздела kinship. Я у него спросил: “Как ты мог?” – “Я ваш этот kinship... если хочешь, пиши сам”. Я внедрил [его] в практику и стал учить более молодое поколение тому, как это делать. Впоследствии я стал устраивать семинары по kinship(y) вначале внутри сектора, а потом уже и в институте, хоть тема была не очень популярна, но были люди, которые этим интересовались.

Я начал с генеалогии ненцев, но чем могу более-менее похвастаться, так это тем, что мной составлена генеалогия практически всех существующих в России эскимосов. Все это я выложил на сайт по эскимосскому пос. Чаплино, который мы сделали вместе с моим более молодым коллегой Дмитрием Опариним. Нет какой-либо эскимосской семьи, которую я бы обошёл; в общей сложности было охвачено где-то 1800 человек. И сейчас эскимосы сами берут эти схемы, печатают их, вставляют в рамочки и вешают у себя в домах на стены. Свою систему родства они забыли.

С.А.: Скажите, а ведь системы родства – важная часть теории первобытности, которая в советское время опиралась на теорию Моргана–Энгельса. Тот же Ю.И. Семенов, например, отстаивал приоритет материнского рода.

М.Ч.: Если говорить о теории первобытности, я, естественно, прочёл Моргана, когда только начинал, в аспирантское время, но довольно быстро понял, что это из области истории науки, а не современной науки. Скажем, например, работа Семенова “Как возникло человечество” произвела на меня намного большее впечатление. Что касается Моргана, его систем родства, – это вообще архаика, это интересно исключительно как фрагмент истории науки.

Я опубликовал целый ряд статей по этому вопросу, в частности, опровергающих приоритет материнского рода и посвященных вообще пониманию того, что такое род; теоретическое понятие рода плохо разработано в советской школе. Если, например, говорить об эскимосах, то я опровергал концепцию существования у них рода: рода как такового у эскимосов не было, поэтому мне пришлось пользоваться словом “клан”. Что касается Семенова, у меня есть несколько статей в полемике с ним самим по поводу “австралийской контраверзы”. И Семенов их более-менее принял, т.е. не то чтобы он на меня набросился и сказал “нет”, – прочёл с вниманием и сказал: “Да, пожалуй, в чем-то ты прав”. Но я не занимался серьезно именно первобытностью и системы родства рассматривал не с точки зрения исторической этнографии или истории первобытности, а скорее с точки зрения структурной антропологии.

С.А.: А к Ю.В. Бромлею и его теории этноса Вы как относились?

М.Ч.: Я был хорошо знаком лично с Юлианом Владимировичем, мы много с ним разговаривали. Я не могу сказать, что я в своих работах использовал его концепцию этноса. Она мне казалась излишне усложненной и не очень пригодной для исследовательских программ, как некоторое теоретическое обобщение – она небезынтересна, я бы сказал так. То есть я далек от того, чтобы отвергать вообще понятие этноса. Тем не менее не могу сказать, что я действительно реально пользовался бромлеевской концепцией как инструментом исследования. Опять же, я и не занимался, строго говоря, этничностью.

Рис. 1. М.А. Членов. В экспедиции на Чукотке, 1980-е годы
(личный архив М.А. Членова)

Вообще, если Вы меня спросите, какое влияние на меня оказала теоретическая советская школа в этнографии, могу Вам сказать сразу – небольшое. И долгое время, пока шло мое становление как профессионала, и позднее меня скорее раздражала слабо разработанная теоретическая основа советской этнографии. Особенно когда я увлекся структурной этнографией. Принадлежу ли я к какой-то школе? – сложный вопрос, на который я не ответил бы сразу “да” или “нет”. Но, если да, то я бы сказал, что наиболее близки мне структурная антропология и голландская лейденская школа. С их знаменитым индонезиеведческим институтом я был связан, читал издаваемые там работы, был подписан на его журнал. У меня есть работа о лейденской школе голландской этнографии. В результате чего я стал известен в Голландии тоже. И когда я позднее туда приехал, то меня там приветствовали не только как автора индонезиеведческих работ, но и как популяризатора голландской антропологии.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, как начались Ваши занятия Чукоткой и эскимосоведением?

М.Ч.: Когда я понял, что мне предстоит работать внутри СССР, принял это как некоторую данность и решил, что тогда сделаю все хорошо. Я мечтал побывать на Командорских островах. Возможно потому, что туда ездили мои однокурсники-японисты и очень интересно рассказывали об этом. У меня был дядя – полярник, который бывал на Чукотке, и я слышал его рассказы, читал его книги. Одна из них – “Как Алёшка жил на Севере”; Алёшка – это его сын, мой двоюродный брат. Арутюнов меня порекомендовал Валерию Павловичу Алексееву, с ним до этого я был шапочно знаком, но мы подружились быстро и на многие годы. Алексеев сказал, что сперва едем на Чукотку, там поработаем, а потом уже на Командоры.

В результате я попадаю в физико-антропологическую экспедицию во главе с Алексеевым и знакомлюсь с интересными людьми: Дорианом Сергеевым (он одно время был директором РЭМа и занимался Эквенским могильником), Крупником (он тогда был еще студентом) и с другими. Тема моего исследования – эскимосы, о которых я знал только то, что знает обычный эрудированный в области этнографии человек: про то, что это самый северный народ мира, про иглу и про “эскимоскую” песню “эскимос поймал моржу и всадил в нее ножу” – и ничего больше. Тем не менее что-то я успел прочесть. Как раз незадолго до экспедиции 1971 г. вышли статьи Меновщикова (крупного эскимолога, лингвиста, автора всех работ по эскимосским азиатским языкам) и Сергеева про то, что они якобы открыли родовую структуру у эскимосов (другие источники это не подтверждали). В качестве примера они приводили список брачных пар и писали, что партнеры принадлежат к одному роду – что невозможно, если это экзогамный классический род. Поскольку я имел опыт изучения социальной организации и родства, я понимал, что здесь что-то не так и нужно будет проверить эту идею. Более того, такой род я уже видел у ненцев, да и у хантов и прекрасно понимал, что это на самом деле. Там совершенно иная структура! С этой идеей я поехал на Чукотку, думал, посмотрю на эскимосов, а потом поеду к алеутам и на Командоры.

Экспедиция была очень интересной. Мне было поручено вести этнографическую часть, поскольку все остальные были физическими антропологами. Я начал со своей любимой темы – системы родства, kinship и родовая система у эскимосов. Довольно быстро я разобрался в этих вопросах и увидел просчеты в работах моих коллег, но не спешил полемизировать с ними в печати. Как и почему получилось так, что я остался у эскимосов, что по сей день поддерживаю с ними контакты, они приезжают ко мне, присылают китовую кожу в подарок? Почему так не получилось с ненцами? У ненцев я был пару раз, но сердцем не прикипел и не стал специально заниматься ненецкой этнографией, кроме одной работы больше ничего и не опубликовал. Наверное, это сравнимо с историей любви между мужчиной и женщиной. Далеко не каждый раз можно объяснить причины своей любви. К эскимосам я прикипел сразу, и уже в конце первой экспедиции понял: приеду снова! Я был во многих местах: на Кавказе, в Средней Азии, ездил один раз к узбекоязычным таджикам, к ненцам, к талышам. Трудно сказать, как и почему, но эскимосы понравились мне сразу, да и я им тоже. Опарин говорит, что я у эскимосов играю роль культурного героя. Нынешние этнографы, те, кто сейчас ездит к эскимосам, спрашивают у бригадира морских охотников: “Как ты обходишься с морской капустой? Тебе старики об этом рассказывали?”, а в ответ: “Да мне сам Членов рассказывал!”

Я был инкорпорирован в условный эскимосский род, получил эскимосское имя. Я совершил порядка десяти экспедиций, я назвал это “эскимосским отрядом Северной экспедиции Института этнографии”. Постоянными участниками этих экспедиций вместе со мной были Крупник и еще ряд других сотрудников института и некоторые мои знакомые. Так вышло, что я ездил каждый год, исследовал значительную часть Чукотки, объездил все поселки, где живут эскимосы. Я был лично знаком со всеми жителями, помнил наизусть всю их генеалогию, учил своих коллег, как вести себя в поле. В эскимосском поле важно приходить на танцы в сельсовет, ведь самые лучшие информанты – женщины среднего возраста от 40 до 60 лет, они знают все сплетни! Полевая работа – это во многом анализ поселковых сплетен. Мелкие семейные истории, кто и почему попал в вытрезвитель или тюрьму. “Дашка, которая сидит за соседним столом в сельсовете, встречается с парнем, попавшим в вытрезвитель!” Дальше приходите к человеку и по генеалогии понимаете, что это двоюродный брат попавшего в вытрезвитель, и спрашиваете:

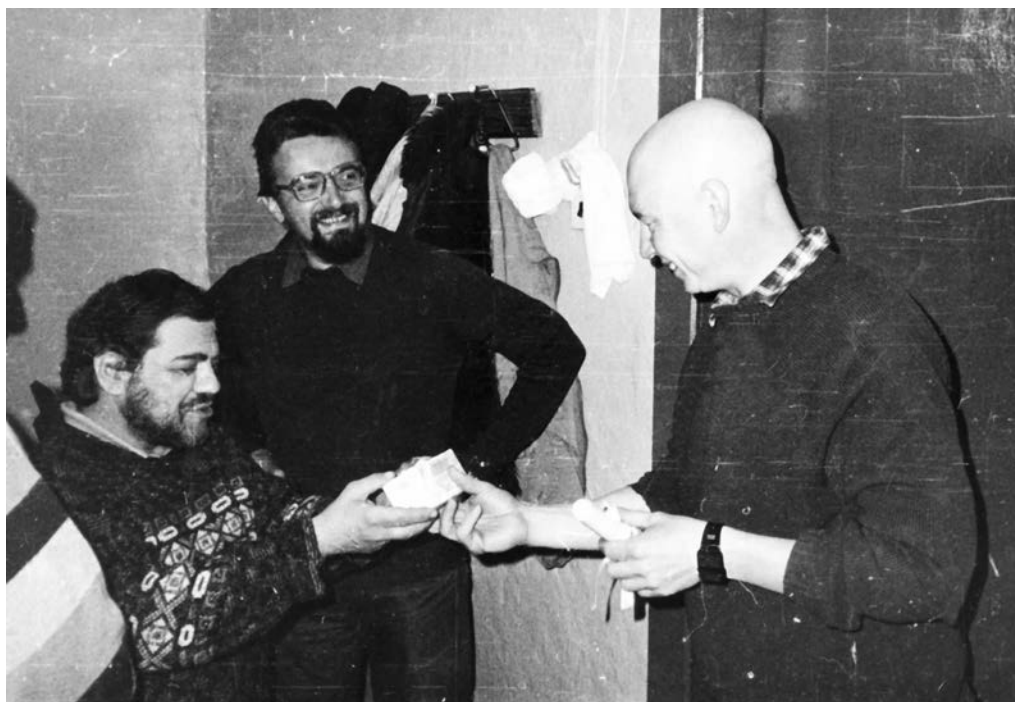

Рис. 2. М.А. Членов, Н.Б. Вахтин, И.И. Крупник. 1980-е годы
(личный архив М.А. Членова)

- А как Гриша твой?
- Вы Гришу моего знаете?
- А как же?! Кто же Гришу не знает!

Совершенно другой разговор начинается:

- И в Москве знают Гришу?
- Конечно, не каждый москвич, но знают!

Вы навеки становитесь другом. Есть сложные вещи в северном поле, например, можно ли сесть и выпить? Считается, что нет. А я считаю, что все зависит от того, с кем пьешь и в какой ситуации. Простой отказ, как и согласие, может помешать в работе. Важно знать людей и исходя из этого принимать решение. Не пей, пока не узнаешь человека и всю подноготную поселка. Это выясняется через танцы и разговоры в сельсовете. Необходимо понимать еще и как выпивать, это другая ситуация: они иначе пьют, иначе пьянеют. Танцы в сельсовете – это путь к населению всему поселка! Важно знать, с кем гуляла вчера Дашка.

С.А.: Распространять сплетни тоже нужно? [смеюсь]

М.Ч.: Да! Если у тебя просят деньги взаймы – дай, потому что по большей части приезжий русский не занимает местным денег. Но нужно дать, даже если не вернут, так ты легче войдешь в этот социум. Вы наверняка имели дело с похозяйственными книгами. Важно не только копировать их, но и запоминать написанное, разговаривать с секретарем сельсовета. И вы начинаете обрастать информацией о людях. Через неделю уже каждую семью можно узнать и их родственные связи. Вместо вопроса “Как Вы строите ярангу?” вы начинаете

разговор о жизни людей и даете понять, что знаете родственников информанта.

С.А.: Это не может людей как-то насторожить?

М.Ч.: Это умение – сделать так, чтобы не насторожило. Вы должны знать каждую семью, помнить из какого они клана, какие семейные истории есть. Прежде чем идти, вы должны понимать, кого насторожит, а кого нет. Сперва вы выстраиваете отношения, входите в социум. Я это и сам практиковал, и учил молодежь, которая ездила со мной. Получилось очень интересно. Мы издали с Крупником большую книгу “Yupik transitions”, – это, по сути, первая этнографическая монография об азиатских эскимосах – где мы представили значительную часть наших находок.

Вторая часть, неожиданная для меня, оказалась археологическая. Я никогда не занимался раскопками и не имел открытого листа. Будучи студентом, я ездил в Танаис, на Нижний Дон, посмотреть, что такое археологические экспедиции. Мне не понравилось, и я решил, что заниматься этой наукой не буду. Тем не менее пришлось. Правда, это были не раскопки как таковые, поскольку права на это я не имел, а лишь разведки.

В 1976 г. я поехал в экспедицию со своим приятелем, который не имел отношения к этнографии. Задача была – попасть в эскимосский пос. Уэлькаль на Чукотке, в котором ни до, ни после меня других этнографов не было. Уэлькалю исполнилось 100 лет. В этом поселке был первый на территории СССР аэродром воздушной трассы Аляска–Сибирь (АлСиб), куда прилетали самолеты из Аляски по договору ленд-лиза. Я до сих пор поддерживаю связи с жителями поселка, они приезжают ко мне за этнографическими материалами. В этом году у меня были два или три гостя из Уэлькаля. Одна из задач экспедиции 1976 г., которую мы вели вместе с Крупником, заключалась в посещении всех поселков, где жили эскимосы и береговые чукчи до программы укрупнения населенных пунктов. (Это была государственная программа, которая действовала с 1940-х годов и вплоть до 1970-х.) Мы приезжали на место, где был поселок, осматривались, брали с собой людей, которые там жили или чьи родственники там жили, снимали план, записывали воспоминания, делали планы колец яранг и остатков землянок как более ранних жилищ. Записывали также воспоминания о жизни в поселке и старались составить на каждое кольцо яранг список тех, кто проживал там.

С.А.: Кольцо – это оставшийся след?

М.Ч.: Это каменное кольцо, которое придерживало крышку яранги или остатки коридора, который вел в эту ярангу. Нам удалось посмотреть значительную часть поселков, которые оказались закрыты в 1940–1950-х или даже в 1930-х годах. Это важно, поскольку у нас появилось представление о том, как должен выглядеть старый поселок. Чукотский берег забит всяким хламом и мусором: мелкие моржовые и китовые челюсти (нижние челюсти у кита, в отличие от нас и многих млекопитающих, не соединены костью – у них нет подбородочной кости), черепа и кости морского зверя. Если это гренландский кит, то каждая его кость, если ее вынуть, представляет собой столб около 4–5 м. Во многих местах на Чукотке видны такие столбы, врытые в грунт. Где-то один, где-то два, они явно должны были что-то означать. Опыт объезда поселков дал нам знание, как выглядят остатки земляночного и наземного жилищ, как выглядят иные сооружения.

Экспедиция 1976 г. проходила в пос. Уэлькаль, самом заброшенном из эскимосских поселков. Он был основан в результате самостоятельной, не организованной властью миграции: старый поселок, где они раньше жили, был чуть ли не в 500 км от нового. Миграция была связана с кризисом китобойного промысла в 1910-е годы. Чем был вызван кризис? Изобретением парижских моде-

льеров: они “подняли” женские юбки. Когда произошла революция в женской моде, спрос на китовый ус упал. А на нем в основном и держался промысел, хотя, конечно, для аборигенов и жир важен, и мясо. Эскимосы уже привыкли к товарному производству и китовому (китовый ус), и моржовому (моржовый клык). Внезапно потерявшие важный источник дохода, они начинают переселяться в совершенно другие места, где опять же продолжают заниматься морским зверобойным промыслом, но гораздо более “хилым”, поскольку там проживают чукчи, для которых характерны пушной промысел и оленеводство. Эта миграция была инициирована самими людьми, а не властями.

Мы объехали поселки, где еще были живы люди, прибывшие на новое поселение, и покинутые поселки тоже. В 1971 г. мы побывали в пос. Секлюк (закрыт в 1951 г.) – одним из двух покинутых поселков на о-ве Итыгран. Там заприметили хижину, в которой можно было остановиться. Физические антропологи стали собирать черепа на покинутом кладбище (это, конечно, не христианское кладбище, а скорее просто место, где лежат останки). Поскольку местное население не понимало, кто такие физические антропологи, они вообще ездили как врачи, занимались измерениями черепов и предплечий в местном фельдшерском пункте. А мы приехали туда к оставшимся жителям. Спустя шесть лет, оказавшись снова в этом месте, я нанял вельбот с местной командой – они уже не живут на этом острове, но родились там. Меня больше интересовал не Секлюк, а второй поселок – Напакутак. По дороге случайно в Провидении я встретил двух молодых коллег из Ленинграда, приехавших в экспедицию к эскимосам. Это были Елена Михайлова, которая впоследствии стала ученым секретарем Кунсткамеры, и парень, который занимался Меланезией, Александр Азаров, если мне не изменяет память. Я встретил их именно в Провидении, они еще не добрались до эскимосов и явно не понимали, как и зачем приехали и что им следует делать. Я пригласил их с собой, пообещав рассказать о своей работе.

Мы приехали на Секлюк. Обычно, когда в команде есть женщины, они первыми выходят из вельбота, разводят костер, кидают в огонь жертвоприношение предкам – сигаретки, рюмочка водки, колбаски кусок – и обращаются к ним с призывом: “Старики, старухи приходите к нам, посидим вместе”... Я оказываюсь на месте поселка, где был за несколько лет до этого. Ничего интересного, все та же хижина, в которой можно переночевать – снова там и остановились. Женщины выскочили, сделали чай с конфетками, а я решил пройтись. Иду по берегу острова в ту сторону, где раньше не был, и натываюсь на Китовую аллею. Китовая аллея – это действительно аллея: один ее ряд идет вдоль берега, а другой – метрах в 50 от берега. Один сделан из черепов гренландского кита, которые вкопаны носовой частью в грунт, а второй из челюстей 4–5 м в высоту, которые тоже вкопаны аккуратным рядом, двойками и четверками. Я стал думать, что же это такое. Это точно не просто валяющийся костный хлам, которым забит весь чукотский берег, это совершенно другое! Мне тут же пришло в голову название “Китовая аллея”. Череп гренландского кита огромен! Поскольку он вкопан носовой частью в грунт, то напоминает каких-то фантастических бабочек. Все это производит странное впечатление. Я понял, что сделано это по определенному плану.

Через час или полтора, что я ходил по аллее, зарисовывал ее и пытался понять, что же это такое, вдруг из черепов вылез горностаи! В обычное время он бежит в ужасе при виде людей. А тут я даже вступил с ним в беседу: “Я понимаю, что ты хозяин этой китовой аллеи, правильно? Хочу, чтобы ты дал мне разрешение рассказать об этом людям там, где я живу”. Этот мерзавец, вместо того чтобы убежать от меня немедленно, продолжает стоять и смотреть на меня. Такая забавная вещь. Покидаю горностаю, иду в хижину и рассказываю своим

Рис. 3. М.А. Членов (в центре) с коллегами
(справа австрийский антрополог Петер Швайцер).
Китовая аллея, 1990 г. (личный архив М.А. Членова)

спутникам о находке. У них не было опыта осмотра старых поселков. — “Как красиво, Михаил Анатольевич!” Красиво-то красиво, но ведь дело не в красоте, это удивительная вещь! Аллея вытянута почти на километр в длину. В результате мы выяснили, что там останки порядка 60–65 гренландских китов. За один сезон, за лето, эскимосский поселок убивал около 5–6 китов. Чтобы убить 65, это либо должно быть много поселков, либо что-то иное... Сделали первые зарисовки Китовой аллеи, первые непрофессиональные снимки и все.

Я поговорил с вельботной командой:

- Кости стоят, да!
- Вы же жили здесь, что это означает?
- Это столбы, мы на них ремни высушивали.
- И всё?
- По этим столбам наши жители ружья пристреливали.

И ничего толкового не удалось выяснить. Пора было собирать вещи, время подошло уезжать в Москву. Там уже я и сделал первую публикацию “Китовая аллея” с попытками интерпретации. Позже я собрал команду, в которую вошли также Арутюнов и Крупник, чтобы через год специально поехать на Китовую аллею. Мы ездили туда несколько раз на археологическую разведку. А вообще наша морская экспедиция в 1981 г. обошла на вельботе все Западное побережье Берингова пролива. Мы даже нашли традиционную байдару. Прошли весь Берингов пролив с юга на север, обнаружили еще некоторые памятники, которые отдаленно напоминали Китовую аллею, мы назвали это “культурой масик”: эта

сама Китовая аллея, а также городище Масик в Мечигменской губе. Но Китовая аллея – самый крупный во всей Субарктической зоне памятник доконтактного периода, созданный человеческими руками. Считаю, что открытие Китовой аллеи – наиболее серьезное из всех открытий, что мне удалось сделать.

С.А.: Сейчас она существует?

М.Ч.: Существует, но разрушается в результате климатических изменений. Смывает черепа и столбы.

С.А.: Она никак не охраняется государством?

М.Ч.: Она считается памятником культуры, но реально сохранить ее очень трудно, хотя попытки есть, в том числе и с американской стороны: устроили специальные туристические рейсы с заходом на Чукотку и высадку в Китовой аллее. Сейчас, по-моему, уже прекратили. Нам не удалось найти следов памяти у местного населения об этом памятнике как культовом месте. Местное население воспринимает его в прагматическом смысле.

С.А.: Забыто уже?

М.Ч.: Или забыто, или никогда и не было. Дело в том, что, кроме двух рядов аллеи, там есть гора, которая вся испещрена мясными ямами – в них эскимосы хранили продовольствие. Порядка 150 ям, именно поэтому название пос. Секлюк (Сицлук) в переводе означает “мясная яма”. Но не все обращают внимание на мясные ямы, только на выкладки из черепов и столбов, что не совсем правильно. Ямы должны быть одним из основных элементов памятника, по которым можно было бы делать какие-то выводы. Мы не занимались раскопками, поскольку не имели на это права, но сделали разведочные шурфы и смогли добыть небольшое количество китовых останков, которые позволили провести радиоуглеродный анализ и датировать памятник где-то XV–XVII вв. Археологи, которые до нас работали на Чукотке, обычно игнорировали памятники этой эпохи, так наз. археологической культуры пунук или пост-пунукской. Их привлекали более древние памятники, такие как Эквенский и Уэленский могильники, которые датируются I тыс. до н.э., если не концом II, где более богатый инвентарь знаменитого берегоморского искусства. Памятники более позднего периода практически не обследовались профессиональными археологами. Китовая аллея – первая в этом ряду, но она тоже не исследована, только описана.

С.А.: Ну будем надеяться, что исследование продолжится. Давайте теперь поговорим еще об одной сфере Вашего научного творчества и Вашей жизни – иудаике. Приходилось ли Вам преодолевать идеологическое давление, цензуру и другие препятствия в связи с этими занятиями или вообще в Вашей деятельности?

М.Ч.: Я, к сожалению, проходил через все эти неприятности. А с другой стороны, связанного с институтом было очень мало, т.е. никакого прямого давления в институте почти не было. Хотя... ну вот, скажем, я сдал все экзамены в аспирантуру и жду, когда меня примут – и ничего подобного. Я начинаю как бы жаловаться, пришел к женщине, которая руководила отделом аспирантуры. Она говорит: “Ну как ты не понимаешь, мы превзошли квоту на евреев!” – “Какую квоту?” – “Ты сам должен понимать”. Я пошел к Бруку. Соломон Ильич тоже, скажем прямо, не татарин. Я говорю: “Что за квоты?” Он мне и так и сяк, но потом говорит: “Ладно, пробьем Вас”.

Дальше получилось так, что, когда я понял, что мне Индонезии не видать, я решил, что надо заняться Севером и что это здорово и интересно. И тогда же у меня возникла идея заняться иудаикой, до которой я пытался добраться еще до того, как стал этнографом. В начале 1970-х годов я попал в сообщество отказников, т.е. евреев, которым не давали разрешения уехать, а они рвались. Мне понравилась эта компания, тем более что я всегда увлекался скорее теоре-

тической еврейской темой, чем иудаикой. В какой-то момент вместе с моими друзьями, с тем же Крупником, еще рядом людей, которые, не были, может быть, профессионалами-этнографами, но увлекались этнографией (Куповецкий и другие), мы решили создать Еврейскую историко-этнографическую комиссию. В статье Ульрики Хун это описано, есть также большая статья Крупника об этой комиссии, которая называется “Как мы занимались историей... и этнографией”.

Так еврейская тема вошла в мою жизнь, хотя она в ней всегда была, в сущности. Я все-таки рос в еврейской семье, поэтому постоянно разговоры, постоянно какие-то воспоминания, рассказы про Новозыбков – местечко, из которого происходили мои предки, и так далее, и так далее. В какой-то момент я понял, что мне надо выучить иврит, пошел учить его и сразу превратился в сиониста. За мной, я помню, эта характеристика “ходила” долгое время... Так мы познакомились с Галей Старовойтовой. На каком-то совещании в Ереване она ко мне подходит и говорит: “А мой муж мне сказал, что Вы сионист”. Представьте себе, конец 1960-х годов, подходит незнакомый человек и говорит, что ты сионист... В общем, я увлекся этим делом, стал размышлять о том, что, может быть, я тоже уеду.

Когда я попал в эту компанию, понял, что на самом деле существует то, что мы называем еврейским движением в СССР, мощное движение, которое охватило десятки тысяч человек. Мне это понравилось: интересные люди устраивали разного рода семинары по истории, религии и культуре, разные школы, частное преподавание иврита. Я в течение какого-то времени учил иврит, и довольно быстро мне сказали: “Так, сколько уроков ты уже прошел? десять? – начинай преподавать”. Такая была система у нас.

Преподавать и вообще учить иврит было очень трудно: не было учебников, не было словарей, не было ничего, все надо было доставать с какими-то сложностями. Поскольку я стал пользоваться популярностью как преподаватель иврита, такого квартирника, то, соответственно, у меня начались неприятности с властями предрежущими. Начались обыски, допросы – их я прошел больше, чем мне бы хотелось. Но продолжал работать в институте. В какой-то момент, кажется это был 1974 г., по-моему, в журнале “Новое время” вышла статья “Не предать бы Родину?”, что-то в таком духе. Где говорилось о пути еврея к измене Родине: в какой-то момент он начинает интересоваться ивритом – этим буржуазно-клерикальным языком, а там его ждут такие люди, как... и дальше была череда фамилий, в которой была также и моя. Журнал этот быстро принесли Бромлею, положили на стол. Бромлей меня позвал:

- Про Вас! Что такое, Михаил Анатольевич?
- Ну, Юлиан Владимирович, ну что такое, есть вообще такая проблема. Евреи уезжают, как Вы, наверное, слышали, им надо тоже помогать. И потом опять же язык, мне как еврею, обидно, что он исчезает.
- Ну мало ли, исчезла латынь.
- Ну, если я был бы римлянином, мне, наверное, тоже было бы неудобно.
- Ладно, давайте договоримся с Вами так: если мне скажут Вас уволить, я Вас немедленно уволю.
- А если нет?
- А если нет [у нас были хорошие личные отношения], ну так нет. Работайте, но чтобы этих штук не было.
- Что за штуки?
- Ну вот как в журнале, эти ивриты и прочее.
- Ну, иврит не брошу, давайте будем договариваться. Вы мне не будете отрезать, во-первых, полевую работу, я хочу работать. Ну, заграничные поездки – это, понятно, не к Вам. Мне нужно поле и мне нужна нормальная связь с заграничными коллегами. Переписка какая-то и так далее.

И мы с ним на этом договорились. И он сдержал свое слово. Он меня не уволил, но у меня бывали всякие сложности. В 1976 г. мы, имею в виду еврейскую компанию отказников, решили провести в Москве симпозиум под названием “Еврейская культура в СССР: состояние и перспективы” и пригласили к участию в этом симпозиуме все советские организации, Министерство культуры, ЦК КПСС. Мы даже дошли до такой наглости, что провели первый социологический опрос евреев. Сами понимаете, насколько это вообще была идея тяжелая и вздорная. Довольно быстро устроителей этого самого симпозиума пригласили в Министерство культуры, где сказали, что они от имени всех советских организаций отказываются участвовать в этом провокационном мероприятии, и начались обыски, допросы. У меня, в частности, провели два обыска, я прошел через целую серию допросов. Что было, в общем, довольно хлопотно, и до института это дело как-то доходило. Это был раздражающий фактор. А когда я стал уже пытаться писать какие-то работы по иудаике, то, понятно, их стали просто запрещать. “Не имеете права”, “Что Вы там... Индонезией занимаетесь? Вот и занимайтесь. Системами родства? А вот в это дело вообще не лезьте. У Вас нет никаких оснований для этого”.

С.А.: Бромлей запрещал?

М.Ч.: Дробизева, например, еще кто-то. Бромлей лично уже нет, кроме того разговора, когда мы как бы достигли определенной договоренности, за что я ему очень благодарен. В институте непосредственного идеологического давления никакого я не ощущал, чтобы, например, мне велели что-то убирать из моих работ, которые я писал, такого я не помню. Институт как бы мирился, сквозь зубы, когда слышал о том, что я занимаюсь тем же преподаванием иврита, что у меня опять обыск, что у меня еще что-нибудь... — доходило, естественно, все. Вздыхал Бромлей, вздыхал Брук... Но, судьба Онегина хранила... Уже то, что меня не посадили, — это хорошо. Я очень был благодарен судьбе за это. Ну вот это то, что я могу в нескольких словах сказать про идеологическое давление.

С.А.: Но публиковать по еврейской теме было нельзя?

М.Ч.: Это было абсолютно невозможно.

С.А.: И Вы не публиковали?

М.Ч.: Ну а что, куда публиковать? По-моему, один случай был, где-то в Дагестане (но надо проверять, я не уверен, что это действительно так), когда мне удалось какие-то тезисы на одну страницу опубликовать по поводу евреев в очередной переписи. По еврейской теме публикации начались только с перестройкой. В Географическом обществе ранее существовала Комиссия этнографии, которую возглавлял, по-моему, Брук, и он ввел в ее состав меня и Крупника. Крупник, как Вы понимаете, тоже еврей. И мы в этой самой комиссии смогли опубликовать несколько сборников “Докладов Комиссии этнографии”. Мы “протаскивали” малые и не очень удобные народы, т.е. это были евреи, это были татары, с которыми тоже было много разных проблем идеологических.

С.А.: Но не крымские?

М.Ч.: Не про крымских, нет. Хотя крымских тоже упоминали. Были обзорные статьи, где говорилось, что есть казанские, есть сибирские, есть астраханские и так далее, есть и крымские. Но не более того. Специально что-то писать по немцам, по крымским татарам не полагалось. Ну вот эти сборники нам удалось тогда через Географическое общество опубликовать, сделать несколько экспедиций. Но вообще какие-то публикации, тем более под грифом института — это было невозможно вплоть до перестройки.

С.А.: А про татов, горских евреев, тоже нет?

М.Ч.: Ну смотрите. С горскими евреями сложно, потому что они существовали сами по себе, вне всякой нашей активности. И существовал человек по

имени Михаил Мататович Ихиллов, живший в Махачкале, сам, понятно, горский еврей, который исхитрился аж в 1951 г. опубликовать довольно большую работу под названием “Горские евреи” в “Трудах Института этнографии”. Но этим и кончилось. Мы смогли организовать поездку к горским евреям через Историко-этнографическую комиссию, но это было без грифа института. Уже упомянутый Куповецкий ездил туда, ездил также к субботникам в Сибирь и на Кавказ. Субботники – это русские, которые принимали разные виды иудаизма. Субботнические поселки и по сию пору есть на Кавказе и – меньше – в Сибири.

Моя еврейская карьера, если можно так сказать, развивалась довольно бурно. Я получил целый ряд разных титулов и званий и до сих пор являюсь почетным вице-президентом Всемирного еврейского конгресса. Довольно быстро я стал известен в международной еврейской среде и не только в этнографической. С этим были связаны и некоторые неприятности. Так, КГБ пытался меня вербовать несколькими разными способами. Например, приехал в Москву индийский коллега, директор индийской переписи, практически этнограф, антрополог, и Бромлей назначил меня сопровождающим. Организовали весьма интересную поездку по всем республикам Средней Азии и дальше в Азербайджан, Грузию и Абхазию. Перед этим меня вызвали в КГБ и сказали: “Вы едете с таким человеком, имейте в виду, к Вам будут подходить наши товарищи, Вы не откажите уж им во встрече и расскажите, как проходит поездка”. Действительно, приходили какие-то люди в разных местах – в Сухуми, во Фрунзе. Когда вернулись, меня вызвал к себе кагебешник, ответственный за институт, и начинается допрос:

- Как Вы съездили с индийцем? Вы должны написать нам отчет о нем.
- Почему Вам? Я у Вас не работаю!
- Да, но тем не менее.
- Что Вас интересует?
- У нас есть данные, что он интересовался чем-то кроме этнографии переписи.
- Я не обязан Вам говорить.

И начинается...

- А Вы читали Солженицына?
- Читал (называю “Один день Ивана Денисовича”, потому что эта повесть была официально опубликована).
- А читали ли Вы “Раковый корпус”? Наши враги говорят, что у нас притесняют евреев!
- Я, аспирант академического института, сижу перед Вами, не жалуюсь.
- Но, если бы Вы сотрудничали с нами, уже гораздо больше бы преуспели!
- Я не жалуюсь.
- Ну да, Вы аспирант и получаете 20 рублей стипендию.
- Я еще читаю синхронный перевод индонезийского языка в Военном институте иностранных языков.
- Знаем, Вы там получили вчера 10 рублей.
- Если Вам нужна консультация по системам родства, я хоть сейчас расскажу!
- Вы должны нам рассказывать, о чем говорят в институте.
- Нет.

Это я передаю один из таких разговоров с уполномоченным КГБ по институту.

С.А.: Это был первый отдел?

М.Ч.: Нет, это был не отдел. В соседнем доме у них была специальная квартира, туда меня и пригласили. Кагебешник не был сотрудником института, он был ответственным за его работу. У нас было две встречи. Они поняли, что я с ними работать не намерен. Мне говорили, что я пожалею о своем решении. Пожалел... Институт тогда занимался организацией экспедиции в Океанию на

корабле “Дмитрий Менделеев”. Я был одним из организаторов этого проекта, писал программы для Брука по Полинезии и Меланезии, поскольку Восточная Индонезия – культурная часть Меланезии. После этого разговора я узнаю, что на меня поступила какая-то “телега” из милиции, якобы я был в вытрезвителе, где в пьяном виде говорил на индонезийском языке. Представляете! Как сотрудники вытрезвителя определяют, на каком языке говорит пьяный человек? В итоге меня исключают из участников этой экспедиции. Потом Брук высказал сожаление, что пребывание в вытрезвителе так мне помешало. “В каком еще вытрезвителе, я никогда в жизни не был ни в одном!”, – говорю я. Брук удивился: “Ну как же! На Вас поступило из милиции письмо”. Институт обязан был рассмотреть эту бумагу и обсудить мое поведение на профсоюзном собрании, на секторе, но ничего такого не было. Спрашиваю: “Почему не было обсуждения? А в ответ молчание. “Если есть такая бумага, Вы мне ее покажите!” – хотел я разобраться в ситуации. Мне уже потом рассказали, что там было написано. В общем, меня просто вычеркнули из состава экспедиции.

С.А.: А эта квартира была в доме по соседству от здания института на Дмитрия Ульянова?

М.Ч.: В одном из соседних, ближе к метро Профсоюзная. Нужно было перейти Дмитрия Ульянова, там двор был большой с угловым многоквартирным домом, в котором и была специальная квартира.

С.А.: Как она выглядела?

М.Ч.: Как обычная квартира. Мне был дан адрес.

С.А.: Как жилая квартира?

М.Ч.: Там никто не жил, сидели эти ребята. Сказано было, что придешь и что-то вроде “два звонка длинных, один короткий”, мы тебя ждем.

С.А.: Много было таких ребят на институт?

М.Ч.: Со мной разговаривало два-три человека, а сколько всего их там было, я не знаю. Это явочная квартира, не положено было ничего знать, кроме того, что мы там находимся. Вы не слышали про такие вещи?

С.А.: Я знал, что курируют институты...

М.Ч.: Это и был куратор, но в самом институте он не сидел. Там были какие-то смешные ребята, якобы этнографы. Один из них был пожилым уже. В институте проводили кулинарный конкурс, и в коридоре висело объявление об этом мероприятии и надпись: “В жюри лучшие гурманы”. Вот приходит этот человек и растерянно спрашивает: “Кто такие гурманы?” Должно быть, наверняка евреи, по фамилии. Куратор был отдельно, мы его не видели и не знали.

С.А.: А эти люди работали под видом научных сотрудников?

М.Ч.: Даже и без вида. Они работали в КГБ, их знал наш Первый отдел, который с ними и сводил. Меня вначале вызвали к заместителю директора, а вместо него в кабинете сидит какой-то человек: “Я хотел с Вами встретиться. Вы ездили с индийцем, приходите по такому-то адресу. Предстоит разговор”.

С.А.: Как развиваются направления исследований, в которых Вы работали и работаете? Как Вы оцениваете их состояние в настоящий момент?

М.Ч.: Если брать Индонезию, то, к великому сожалению, я не вижу никого, кто продолжал бы мои исследования как в плане специфики Восточной Индонезии, так и в плане меланезийских и океанийских элементов в культуре Индонезии или тех индонезийских групп, которые выросли под влиянием колониальной политики. Более того, сегодня я спросил у Натальи Львовны Жуковской, которая заведует сектором Зарубежной Азии и Океании, есть ли сейчас кто-то, кто занимается Индонезией. Оказалось, что нет, только в Питере осталась одна девочка. Этнографическое индонезиаведение, как и вообще Юго-Восточная Азия, практически исчезло из российской этнографической науки, несмотря на

Рис. 4. М.А. Членов, 1990-е годы (личный архив М.А. Членова)

то что есть индонезиаведческие центры, в работе которых я принимаю некоторое участие, есть общество “Нусантара” при Институте стран Азии и Африки, которое собирается раз в месяц на обсуждение докладов.

Если брать Чукотку, там лучше. Во-первых, есть более молодое поколение, тот же Дмитрий Опарин, далеко не единственный, кто занимается именно этнографическим изучением региона, он в контакте со мной, Крупником и Арутюновым. Есть археологи, которые ездят туда, но пока не добрались ни до Китовой аллеи, ни до Масика, не хватает финансов, как всегда. Небольшое участие принимают анадырские власти. Возник новый центр этнографического и археологического изучения Чукотки (чукотологический и эскимосологический исследовательский центр), на удивление, в Москве в Государственном музее Востока. Там собралась группа археологов и этнографов, они организуют экспедиции, продолжают исследования памятников, в частности Эквенского могильника, делают выставки, издают публикации.

Что касается иудаики, она расцвела в постсоветский период. Если в советское время после революции ее не было ни в каком виде, то сегодня классиче-

ских этнографических экспедиций нет, но есть общая иудаика в разных академических и вузовских центрах. Я был в числе участников открытия Центра Маймонида, работал там какое-то время, был одним из сотрудников кафедры иудаики Института стран Азии и Африки, которая существует и сейчас. Принимал то или иное участие в чтении лекций в Оксфорде, Сорбонне, Кембридже, в провинциальных российских вузах (в Казани, Екатеринбурге, Биробиджане, Анадыре, некоторых сибирских городах). Наш труд не пропал зря.

Я создал первую крупную общесоюзную еврейскую организацию ВААД в 1988–1989 гг. Тогда же смог провести Первый Всесоюзный съезд евреев. Создал также организацию под названием Евроазиатский еврейский конгресс, которая имела определенный этнографический интерес. Когда началась еврейская эмансипация, когда вдруг стало что-то можно и слово “еврей” перестало быть ругательством, возник вопрос: где в международном еврействе теперь будет место российского еврейства, которое было отчуждено на многие десятки лет? Первое, что приходило на ум (потому что евреи и не евреи СССР плохо представляли себе структуру мирового еврейства), – идти в Европу. А куда еще? Я уже имел контакты с Всемирным еврейским конгрессом и с входящим в него Европейским еврейским конгрессом, я стал им говорить, что в крупных городах России есть евреи, что нужно было бы как-то интегрироваться в мировое еврейство. Я понимал, что Европейский еврейский конгресс не жаждет принять толпу российских евреев, как и ЕС не жаждет принять Россию. Так и был придуман Евроазиатский конгресс: я предложил Всемирному конгрессу сделать внутри континентальную секцию. Мне удалось не просто создать конгресс, но и втянуть туда евреев не только из СССР, но и из всех возникших на его месте республик, а также из Японии, Австралии, Новой Зеландии. Он и поныне существует, хотя теперь в Израиле. Долгое время я его возглавлял, центр был в Москве, я находил финансы и проч., а потом израильтяне грузинского происхождения перетянули его туда. Первыми из Евразийской секции вышли австралийцы, решив, что они все-таки англоязычные. Это было не просто общественное объединение, проводились различные симпозиумы, школы, издавался Евроазиатский еврейский ежегодник, где публиковались в том числе этнографические работы. Мои последние статьи, написанные для него, касаются евреев Индии и Индонезии. Создавал я и российские организации, например “Еврейскую национально-культурную автономию”. С Биробиджаном это не связано, я бывал в этом городе, проводил мероприятия, но организации там не создавал. Я насоздавал даже больше еврейских организаций, чем этнографических или вузовских.

С.А.: А что с *kinship*?

М.Ч.: *Kinship* немного затах. Поскольку в последние годы я практически не ездил в экспедиции. Тем не менее у меня есть целый ряд опубликованных работ по *kinship*(y). Но идею создания атласа систем родства народов СССР я так и не реализовал. Может быть, где-нибудь впереди меня это ждет, но пока руки не доходят.

С.А.: Какова ситуация в российской науке с *kinship studies*?

М.Ч.: Не процветают. Ничего такого значимого и нового, но, может быть, я просто не заметил. Могу отметить заслуживающий внимания альманах “Алгебра родства”, сделанный по инициативе Владимира Александровича Попова. К сожалению, многие коллеги проходят мимо этой работы. Считаю альманах серьезным вкладом в изучение систем родства и именно тем случаем, когда советская антропология проявила себя наилучшим образом, хотя некоторые идеи, которые в “Алгебре родства” изложены, остались по-прежнему только ленинградскими и не получили широкого распространения.

С.А.: Спасибо Вам огромное, Михаил Анатольевич! Потрясающе интересный рассказ!

М.Ч.: Спасибо Вам, Сергей Сергеевич!

Interview Article

Alymov, S.S. The “Efforts of Ours Were Not in Vain”: An Interview with M.A. Chlenov [“Nash trud ne propal zria”: interv’iu s M.A. Chlenovym]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 39–62. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050044> EDN: YDXJTA ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Sergei Alymov | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Soviet ethnography, ethnology, history of anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Southeast Asia, Judaica, Inuit

Abstract

In an interview to S.S. Alymov, the ethnographer and historian M.A. Chlenov, honorary vice-president of the World Jewish Congress, talks about his biography, academic career and work at the Institute of Ethnography in the 1960s–90s. He reflects on his fieldwork in Indonesia and the Russian North, as well as his research among the Nenets and Inuit, and discusses his work in the areas of kinship studies, Inuit studies, and Jewish studies, further recounting the story about the discovery of the Whale Alley archaeological site. The interview conveys important information about the Jewish movement in the USSR, the relationship between scholars and authorities, the life at the Institute of Ethnography and in Soviet academia generally.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 22-18-00241]

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...

М.В. Крюков

Михаил Васильевич Крюков | 32liukefu@163.com | д.и.н., член Европейской Академии, почетный член Британского Королевского антропологического общества (Москва, Россия; Пекин, Китай)

Ключевые слова

история этнографии, Институт этнографии АН СССР, Древний Китай, системы родства, концепция Морган–Энгельса, экспедиционная деятельность

Аннотация

Статья предлагает читателям научные воспоминания автора, д. и. н., члена Европейской Академии, почетного члена Британского Королевского антропологического общества, работавшего в Институте этнографии АН СССР. Автор повествует о своем творческом пути, об исследованиях и научных спорах, о друзьях и коллегах, о работе в журнале “Советская этнография” (“Этнографическое обозрение”), о перипетиях научной жизни Института этнографии (сегодняшнего Института этнологии и антропологии РАН).

Летом 1962 г. после окончания Пекинского университета я вернулся в Москву с дипломом археолога. Естественно поэтому, что, едва ступив на московскую землю, я первым делом отправился устраиваться в Институт археологии. Прежде всего я разыскал Сергея Владимировича Киселева, с которым познакомился не где-нибудь, а на развалинах Великого города Шан в Аньяне. Внимательно выслушав меня, он приветствовал мое намерение связать свою судьбу с Институтом археологии и даже предложил мне тему кандидатской диссертации – “Локальные варианты культуры Шан-Инь”. Но в дирекции Института мне сказали, что им действительно нужен молодой сотрудник, специализирующийся по археологии Китая, однако, к сожалению, вакантных мест нет. Приходите, мол, через полгода! Ждать полгода я никак не мог. У меня были жена и новорожденный сын, которых я должен был кормить. Вконец расстроенный, я вернулся домой. И тут на помощь мне пришел мой товарищ по Пекинскому университету Саша Решетов, уже работавший в это время в ленинградской части Института этнографии.

Саша был яркой личностью, выделявшейся на фоне всех, кто учился в те годы в Китае. Прежде всего, мы были студентами, он – аспирантом, и это, разумеется, поднимало его авторитет в глазах однокашников. Несмотря на грузность, Саша с неподражаемым искусством исполнял танец маленького лебедя и

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Крюков М.В. Как хороши, как свежи были розы... // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 63–95. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050056> EDN: YEAOIG

Kriukov, M.V. 2023. *Kak khoroshi, kak svezhi byli rozy...* [How Lovely, How Fresh Were the Roses...]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 63–95. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050056> EDN: YEAOIG

вообще был весьма эрудированным балетоманом. Он был не дурак пропустить по маленькой, а после третьей обычно исполнял свою любимую арию из неизвестной мне оперы:

Обязательно, обязательно, обязательно женюсь!
Обязательно, обязательно возьму жену на вкус!
Блондиночка, брюнеточка хороша пока молода,
а состарится, разонравится, ни к черту негодна!

Однако свое широко разрекламированное намерение жениться Саша так и не осуществил, на всю жизнь остававшись холостяком. Услышав о моем неудачном визите в Институт археологии, Саша, не задумываясь, предложил: “А ты давай к нам! Этнография – это же такая интересная наука! Не говоря уже о том, что наш директор един в двух лицах, совмещает в себе и археолога и этнографа!” Об этнографической науке я имел тогда очень смутное представление и знал только, что был у нас такой Миклухо-Маклай, первым из европейцев высадившийся на Новой Гвинее. Выбора у меня не было. Я последовал Сашиному совету и пошел в ИЭ АН.

В Институте этнографии

Я приехал на ул. Дмитрия Ульянова, поднялся на четвертый этаж, где располагался институт, и, прежде чем направиться в дирекцию, зашел в туалет. А когда вышел оттуда, меня остановил в коридоре седовласый мужчина (как потом выяснилось, это был институтский завхоз) и произнес назидательным тоном: “Я вижу, юноша, Вы здесь у нас первый раз. Но должен Вам заметить: входя в академическое учреждение, следует застегивать ширинку!” От стыда я готов был провалиться сквозь землю.

Заместитель директора Людмила Николаевна Терентьева встретила меня в своем кабинете очень любезно и объявила: «Мы берем Вас на место сотрудницы, ушедшей в декрет. Теперь Вы – “временно беременный” с окладом 87 рублей в месяц!» В отделе мне показали стол, за которым мне предстояло трудиться. Но не успел я осмотреться, как откуда ни возьмись появилась молодая особа, направившаяся прямо ко мне:

– Ты кто такой? И почему сидишь за моим столом? – голос Натальи Львовны Жуковской звучал на высокой ноте. – Это мой стол! А ну вышвыривайся отсюда и поскорее!

Озабоченный всем, что произошло в этот день, я вышвырнулся. Впрочем, очень скоро у нас с Натальей Львовной установились дружеские отношения и наступил день, когда она преподнесла мне отпечаток своей статьи с дарственной надписью:

Когда-то были Вы одним из нас
И вместе с нами тезисы писали.
Ну а теперь большим ученым стали,
Статьи и книги что ни день у Вас.
Гордимся Вами, Вашим быстрым ростом,
Успешно Вы вершите массу дел.
Во всём, во всём Вы человечно просты,
На Вас держать равнение – наш удел.
И благодарны мы без всякой лести,
Всем коллективом счастливы вполне
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живете на Земле!

В Институте этнографии АН СССР в те годы трудилась целая плеяда выдающихся ученых. Начать хотя бы с его директора Сергея Павловича Толстова. Первоначально наш институт размещался в Ленинграде, и во время войны Толстову, открывшему для науки древний Хорезм, было поручено на пустом месте создать институт в Москве. Он блестяще справился с нелегкой задачей и по праву возглавил созданный им коллектив. Дитя своего века, Толстов руководил институтом жестко, не допуская инакомыслия. Однажды одна наша сотрудница написала в своей статье, что греческий антрополог, инкогнито скрывавшийся в Москве от черных полковников, – не только прекрасный ученый, но и коммунист, достойный этого высокого звания. Толстов позвонил из ЦК и поинтересовались, почему он так плохо инструктирует своих подчиненных. Разъяренный, как лев, директор примчался в институт и, не дожидаясь лифта, побежал по лестнице прямо на четвертый этаж. “Где эта дура?! – оглушительно кричал он. – Подайте ее мне немедленно!” “Которую? Которую подать?” – переспрашивала бежавшая рядом с шефом заведующая кадрами.

Сектором Зарубежной Европы у нас заведовал С.А. Токарев. Ученый-энциклопедист, выдающийся знаток этнографии народов Земли и теоретик науки, он состоял почетным членом многих зарубежных академий, но у себя дома не был даже членкором. Сергей Александрович являл собой воплощение подлинной человеческой скромности. Как-то раз, встретив меня в институтском коридоре, он остановился и сказал мне: «Михаил Васильевич! У меня к Вам нижайшая просьба! Видите ли, я хочу просить Вас стать ответственным редактором моей “Истории зарубежной этнографии”». “Ну что Вы, Сергей Александрович! – я, тогда еще желторотый юнец, просто не находил слов от смущения. – Какой же из меня ответственный редактор?!” “Нет-нет, не отказывайтесь! Прошу Вас сделать одолжение!” Когда этот труд Сергея Александровича вышел из печати, он подарил его мне с надписью: “Моему глубокоуважаемому Михаилу Васильевичу – с искренней благодарностью за бескорыстную помощь”. Я до сих пор бережно храню эту книгу.

С чувством огромной благодарности я вспоминаю сейчас своего учителя, заведующего нашим сектором Николая Николаевича Чебоксарова – Ник-Ника, как мы за глаза называли его. Николай Николаевич был немного моложе Сергея Александровича, но принадлежал к той же выдающейся плеяде, чьими трудами в 30-х годах прошлого века создавалась отечественная этнографическая наука. Ник-Ник был не только одним из крупнейших советских антропологов, но и одаренным этнографом. Он испытывал истинное наслаждение от самого процесса научного исследования и всегда прямо-таки по-детски радовался чужим и своим открытиям. Его никак нельзя было назвать кабинетным ученым – в экспедициях Ник-Ник чувствовал себя как рыба в воде, хотя отнюдь не мог похвастаться богатырским здоровьем.

Очень жаль, что до сих пор не увидели света дневники, которые он писал в конце 1950-х в Китае во время полевых исследований в провинции Юньнань. В те годы у нас на секторе постоянно устраивались интереснейшие дискуссии, главную скрипку в которых всегда играл сам Николай Николаевич. Он же был инициатором создания серии обобщающих работ по различным аспектам культуры и этнической истории народов Азии. Ник-Ник любил жизнь во всех ее проявлениях, был гостеприимным хозяином, постоянно приглашал нас к себе домой, и сам, невзирая на постоянные протесты врачей, любил предаваться чревоугодию. После экспедиции по островам Тихого океана, где я заболел тропической лихорадкой, у меня были проблемы с печенью. На очередной встрече у Ник-Ника громогласная Ирина Абрамовна, его супруга, как всегда, угощала нас: “Кушайте, кушайте, ребята! Это вкусно!” “Да-да, это очень вкусно, – вторил

ей Николай Николаевич. – Но Вам, Михаил Васильевич, этого нельзя: у Вас печень. А я, пожалуй, съем маленький кусочек!” И с этими словами он накладывал себе полную тарелку снеди, приготовленной Ириной Абрамовной, совершенно забывая в это мгновение, что у него, как и у бедняги Михаила Васильевича, тоже печень.

Вскоре после моего зачисления в институт я присутствовал на заседании ученого совета. В зале стоял постоянный шум: сидевшие на задних рядах занимались своими делами и, не стесняясь, переговаривались между собой, не обращая внимания на выступающего. Рядом со мной сидел молодой аспирант, которому это явно не нравилось:

– Это не ученый совет, а бардак какой-то! – наконец не выдержал он.

– Простите великодушно, – откликнулся на эту реплику его сосед, мужчина благообразной внешности и почтенного возраста. – А Вы, молодой человек, там бывали?

– О чем Вы? – не понял аспирант.

– Вы упомянули о доме терпимости. А сами-то Вы там когда-нибудь бывали?

– Ну что Вы, что Вы! – застеснялся аспирант.

– Вот видите! – произнес сосед. – Вы там не бывали, а беретесь судить. А я, случалось, заходил. И должен Вас заверить, батенька, что порядок там всегда идеальнейший, не то, что у нас на ученом совете!

Когда я поинтересовался, кто это был, мне сказали: “Как же, как же! Да это же Марк Осипович Косвен!” Вот как! Значит, это знаменитый Косвен, один из главных советских теоретиков истории первобытного общества! Я попросил представить меня Марку Осиповичу, сообщил ему, что интересуюсь проблемой рода и спросил, что из новейшей литературы по этой тематике мне стоило бы прочесть. Выслушав меня, Марк Осипович заметил, что проблема рода – это важный вопрос, который и его чрезвычайно занимает, и что он как раз недавно опубликовал новое исследование на эту тему: «Если Вы не читали, то поинтересуйтесь! Я имею в виду “Семейную общину и патронимию”». Мне было бы весьма важно узнать Ваше мнение о главной идее этой моей книжицы!» Я немедленно разыскал в магазине только что вышедшую из печати книгу Марка Осиповича и тщательно проштудировал ее. И нашел в ней ответ на вопросы, давно уже волновавшие меня. Косвен убедительно показал, что в истории человечества существовало *два* качественно различных, хотя и имевших некоторые черты внешнего сходства, типа кровнородственной организации – *род* и *патронимия*.

Я принял решение писать кандидатскую на тему о роде и патронимии в Древнем Китае. Через год с небольшим моя диссертация была готова и рекомендована к защите. Казалось, все шло как нельзя более успешно. Но тут на моем пути возникло препятствие. Когда я пришел в институт, весь его коллектив был занят подготовкой серии “Народы мира”, задуманной и руководимой лично директором. За сектором Зарубежной Азии числились “Народы Восточной Азии”. Рукопись этого тома была подготовлена под руководством и.о. зав. сектором Григория Григорьевича Стратановича (Гри-Гри, как мы его называли), который связывал с этой работой большие надежды на будущее, рассчитывая, в частности, что после ее публикации он будет официально утвержден в должности зав. сектором. Но тут из командировки в Китай вернулся Николай Николаевич Чебоксаров, и кресло заведующего досталось не Гри-Гри, а Ник-Нику. Николай Николаевич стал главным редактором тома и, критическим оком обозрев рукопись, посчитал, что она нуждается в переработке. Для начала он поручил мне внимательно прочитать ее и сделать свои замечания по части китайских реалий, чем я и занялся.

Замечаний было много, и это было весьма неприятно Григорию Григорьевичу. Его особенно задело мое пожелание исключить из текста цитату из “Шицзина”, поскольку в переводе Гри-Гри священный гимн стал похож на частушку:

Варится и парится
И котлы кипят.
К небу поднимается
Чудный аромат...

Судя по всему, именно тогда Григорий Григорьевич решил, что этого выскочки нужно приструнить. В один прекрасный день мне сообщили, что на партбюро будет рассматриваться вопрос о моем переходе из кандидатов в члены партии, и назначен час, когда мне нужно было явиться на заседание. Я уже собирался на партбюро, когда Гри-Гри начал рассказывать мне, почему минареты бывают именно такой, а не какой-либо иной формы. Я посматривал на часы и порывался идти, но мой собеседник повторял: “Не беспокойтесь, Михаил Васильевич, партбюро у нас никогда не начинается вовремя!” Наконец я не выдержал и попросил Гри-Гри досказать о минаретах в следующий раз, побежал в партбюро, опоздал минут на 15 и, едва став членом КПСС, сразу же с места в карьер получил выговор за свою неподобающую партийцу расхлябанность.

Но главное было еще впереди. Когда мою диссертацию уже можно было ставить на защиту, Григорий Григорьевич сказал мне: “А почему бы Вам, Михаил Васильевич, не получить еще один отзыв специалистов? Я берусь организовать обсуждение Вашей диссертационной работы в Отделе древней истории в Институте Востоковедения!” Не подозревая подвоха, я согласился. А на заседании отдела древней истории произошло нечто совершенно неожиданное: меня пропустили сквозь строй, как это бывало в старину с проштрафившимися солдатами. Единственным участником заседания, выступившим с положительной оценкой моей работы, был Виталий Рубин. А бал в тот день правили три дамы: две сотрудницы отдела – Александра Андреевна Серкина и Татьяна Васильевна Степугина, а также сыгравшая первую скрипку специально приглашенная на заседание профессор Института стран Азии и Африки при МГУ Любовь Дмитриевна Позднеева.

Когда решение считать мою диссертацию не соответствующей требованиям ВАКа было принято, Любовь Дмитриевна не удержалась и, с удовольствием потирая руки, произнесла: “Ну, мы свое дело сделали, можем расходиться!” Размышляя о том, почему это произошло, я пришел к выводу, что на то у участников заседания было по крайней мере три серьезные причины. Во-первых, большую подготовительную работу провел Гри-Гри. Выступая на обсуждении, он принес свои извинения по поводу того, что такая слабая диссертация подготовлена в секторе, в котором он работает. Во-вторых, тогда у нас уже давно перестали петь о русском, который китайцу брат навек. Противостояние гегемонистов и ревизионистов становилось все непримиримее, а тут является некий китайский выкормыш, только что прибывший не откуда-нибудь, а прямо из Пекина. В-третьих, моя диссертация плохо вписывалась в общепринятые рамки: в ней не было ни одной цитаты из Маркса и Энгельса, не говоря уже о последних решениях ЦК КПСС, а речь шла о понятиях, классиками марксизма не упомянутых.

Я решил, что спорить в такой обстановке не имеет смысла и в заключительном слове ограничился тем, что поблагодарил выступавших за то, что они потратили свое драгоценное время на чтение моей диссертации. После заседания ко мне подошла Татьяна Васильевна: “Михаил Васильевич, я была уверена, что Вы станете брыкаться, а Вы вели себя как мужчина!” И вдруг – неожиданно

негадано: “Я желаю Вам успеха!” И уж чего я никак не ожидал от Татьяны Васильевны, так это того, что вскоре после этого она преподнесла мне книгу с дарственной надписью – книгу, одним из ответственных редакторов которой она была.

Через несколько дней собрался наш сектор, я доложил о том, как прошло обсуждение в ИВАНе и, видя, с каким довольным выражением лица сидел Гри-Гри, не выдержал и попросил записать в протоколе мою просьбу к нему: “Впредь не быть в каждой бочке затычкой”. Наши отношения были вконец испорчены.

Поскольку наш институт не обращался в ИВАН с официальной просьбой дать предзащитный отзыв на мою диссертацию, на секторе было принято решение проигнорировать произошедшее и поставить работу на защиту. И вот на доске объявлений появилось извещение о том, что 7 декабря 1965 г. состоится защита моей диссертации. Но выяснилось, что признавать себя побежденным Гри-Гри не собирался. В тот день я специально пришел в институт загодя и очень правильно сделал, потому что ко мне тут же подошла бледная, как мел, ученый секретарь: “Я прошу Вас, Михаил Васильевич, возьмите себя в руки! Быть может, мы еще что-нибудь сможем придумать!” Оказывается, в адрес ученого совета пришло анонимное письмо, в котором сообщалось, что в своей работе я усиленно протаскиваю враждебные идеи Мао Цзэдуна. Это было смехотворное утверждение, потому что в диссертации ни о Мао Цзэдуне, ни о его идеях не говорилось ни слова. Но взаимные обвинения китайских гегемонистов и советских ревизионистов обострились в ту пору до такой степени, что сделать вид, словно никакого письма в институт не поступало, было невозможно.

Секретарь нашего сектора Зоя Александровна Листвинова тут же пришла мне на помощь и напоила меня элениумом, чтобы я не слишком волновался. Но она, как видно, переборщила с дозой, и на заседании я сидел совершенно равнодушный, словно происходившее меня совершенно не касалось. После того, как заседание открылось и сведения о личности диссертанта были оглашены, ученый секретарь сообщила присутствовавшим о злополучной анонимке и задала вопрос: “Нужно ли зачитывать ее?” Мнения членов ученого синклита разделились. “Чего нам бояться каких-то писем без подписи! Конечно, надо зачитать!” – говорили одни. “Этого еще не хватало! Ни в коем случае не зачитывать анонимку!” – утверждали другие.

Одним словом, вся энергия выступавших ушла в прения по этому организационному вопросу, и когда они проголосовали и решили не зачитывать письма, все уже до предела утомились. На дискуссию по содержанию самой диссертации ни у кого уже не было сил, и моя работа была за какие-нибудь минут пятнадцать единогласно сочтена достойной степени кандидата исторических наук.

Я не согласен с Генри Морганом, Фридрихом Энгельсом и Ией Леонидовной Маяк

С трудом преодолев препятствия, внезапно возникшие в связи с защитой моей кандидатской диссертации, я, во-первых, опубликовал ее в виде небольшой монографии “Формы социальной организации древних китайцев”, а во-вторых, предложил журналу “Советская этнография” статью “О соотношении родовой и патронимической организации”, предполагая начать дискуссию на эту тему, еще не получившую тогда в этнографическом мире признания. А главное – я продолжал размышлять над тем, что мне удалось обнаружить. То, что “родовые имена”, зафиксированные в древнекитайских надписях, были наименованием не родов, а кланов, мне теперь было понятно. А как дело обстояло,

например, с древнеримским *gens*? Генри Морган полагал, что римский *gens* и род ирокезов – это явления одного порядка. Фридрих Энгельс безоговорочно принял толкование Моргана, утверждая: “Впервые римский и греческий *gens* получил полное объяснение на примере родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для первобытной истории”.

Советские антиковеды, строго следуя основополагающему принципу партийности науки, не сомневались в том, что Энгельс был прав, и в своих работах ограничивались поисками дополнительных доказательств этого, игнорируя факты, свидетельствовавшие о противоположном. Ярким примером тому было, в частности, исследование известного специалиста по ранней истории Древнего Рима Ии Леонидовны Маяк, автора монографии “Рим первых царей”. Одна из глав этой книги была специально посвящена семье и *gens*. Ие Леонидовне были известны работы Косвена, и в своей книге она даже неоднократно употребляла термин “патронимия”, но тем не менее вслед за Энгельсом считала, что *gens* – это род. Между тем уже тех свидетельств древних авторов, которые Ия Леонидовна приводит в своей книге, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу: *gens* представляет собой не род, а клан. Тот факт, что коллега Карла Маркса допустил столь существенную ошибку в характеристике социальных институтов древнего общества, не только шокировал, но и заставлял задуматься: а нет ли в концепции Моргана–Энгельса других ошибок?

Как твердо помнит каждый, кто окончил советский вуз, Энгельс взял на вооружение идею Моргана о том, что семья в процессе своего исторического развития прошла несколько этапов, каждому из которых соответствовал специфический тип организации: от кровнородственной через семью пуналуа к парной, а затем – к моногамной семье. Раз речь шла о *типах* семьи, я приложил к ним те *принципы типологизации*, которые были сформулированы профессором Су Бинци в его спецкурсе, читанном в Пекинском университете, и обнаружил, что тут явно не все в порядке. Профессор Су настаивал на том, что типология, например, предметов мебели “парты большие, деревянные и желтые” неприемлема. А у Моргана в паре с Энгельсом, по существу, все было, как с теми злополучными желтыми партами. В самом деле, “кровнородственная семья” как определенный тип семейной организации была выделена на основе характера родственных отношений между ее членами, “семья пуналуа” – в связи с тем, что в ее основе лежали брачные отношения целой группы мужчин с такой же группой их родственниц, “парная семья” отличалась от “пуналуа” тем, что она основалась не на групповых, а на индивидуальных брачных узах, а “моногамная” от “парной” – степенью устойчивости этих уз. Все это не отвечало строгим правилам типологизации и ставило под сомнение всю систему выделенных типов в целом.

Я задал себе вопрос: а какой тип семьи в эпоху китайского неолита может быть реконструирован на археологическом материале? Главным источником наших суждений в этом отношении было жилище как среда обитания семьи. Оставляя за скобками вопрос о кровнородственной семье как этапе, предшествующем роду, можно было утверждать, что полужемлянки из Баньпо или Цюаньху не подходили для семьи типа пуналуа, так как их скромные размеры были достаточными лишь для одной брачной пары вместе с ее отпрысками. Но стояла ли за этим неустойчивая парная семья или семья моногамная?

Парная семья, по Энгельсу, зиждилась на эфемерном брачном союзе, который легко возникал и мог быть в любой момент столь же безболезненно расторгнут. Но возведение неолитической полужемлянки требовало весьма значительных трудовых усилий. Для того, чтобы выполнить весь комплекс работ по

возведению хижины, брачная пара должна была трудиться не покладая рук не один месяц, занимаясь только этим и отложив все прочие хозяйственные дела. Крайне сомнительно, что стоило тратить столько времени и труда в условиях, когда не сегодня завтра эфемерный брачный союз мог быть расторгнут, и где-то в другом месте нужно было начинать строить новую хижину. Но если неолитическое жилище было местом обитания малой семьи, то это противоречило главному энгельсовскому тезису о том, что малая семья формируется на обломках родовой организации. Словом, приняв содержащуюся в книге Энгельса информацию о тотемном роде, я споткнулся на изложении Энгельсом истории семьи. Было ясно, что мне в этом вопросе ничего не ясно, и нужно было продолжать разбираться, что здесь к чему.

Морган, а за ним Энгельс, строили свою концепцию исторических типов семьи на идее эволюции системы терминов родства, эти типы отражавшей. Иначе говоря, основные этапы развития семьи были реконструированы на основе характеристики порожденных ими типов терминологии родства. Это опять-таки была проблема типологии, и ее решение целиком и полностью зависело от убедительности построения соответствующей типологической схемы. И здесь привлечение сравнительных материалов по современной китайской системе терминов родства позволило мне обнаружить еще одну прореху в построении Моргана–Энгельса. Пришлось признать, что вся картина эволюции социальных институтов, нарисованная в книге основоположника марксизма, оказалась безнадёжно искаженной.

Приняв концепцию Косвена о роде и патронимии, я пришел к заключению, что, будучи правильной по существу, она все же нуждается в некоторой терминологической корректировке. В самом деле, термин “патронимия” означал буквально “имя по отцу”, но использовался для обозначения не наследственного наименования этой группы, а самой группы как таковой. С этой точки зрения, говоря о патронимии, предпочтительнее было бы употреблять какой-либо иной термин, например клан, широко распространенный в западной литературе.

Что же касалось сущности *клана*, то я пришел к выводу, что ранговая система древнекитайского общества порождается клановой структурой, коль скоро в основе *клана* лежит деление на старших и младших. Но если *клан* и *ранговая система* – это две различные ипостаси одного и того же состояния общества, то это значит, что клановая организация влияла также и на другие социальные явления. Может быть, и на системы терминов родства? Может быть, они отражали не различные этапы развития семьи, как утверждали Морган и Энгельс, а специфику *рода* и *клана* и отсутствие на более позднем этапе и того и другого? Значит, думал я, для решения проблемы нужно исследовать историю китайской системы родства и выяснить, чем же объясняется ее специфика. Для этого нужно обратиться к последовательным периодам истории китайского общества, первым из которых была эпоха Инь. Самые ранние из известных в Китае письменных источников – иньские надписи – должны содержать информацию на этот счет! Я решил, что понять историческую роль *клана* можно лишь проследив общие закономерности эволюции систем родства. Китайская система представляла едва ли не идеальные условия для такого исследования, поскольку сдвиги в ее структуре можно было проследить на протяжении уникально продолжительного периода времени.

Современник Моргана российский ученый П.А. Лавровский, занимаясь изучением систем родства славянских народов, использовал именно такой метод. Подход, сформулированный П.А. Лавровским, казался мне более продуктивным, чем метод Моргана, и я написал об этом в статье для журнала “Советская этнография”. Статья была послана редакцией ведущему специалисту по систе-

мам родства Д.А. Ольдерогге, который не рекомендовал ее в печать, сопроводив фразой: “Судя по всему, автор стремится доказать, что Россия – родина слонов”. Но эта обидная реплика только подзадорила меня. Я решил не реагировать на нее, а написать работу, которая доказала бы, что прав я, а не мой убежденный сединой оппонент. Короче говоря, я решил, что моя докторская диссертация будет посвящена истории китайской системы родства. Главный результат изучения ее древнейшего состояния заключался в том, что, вопреки схеме Морган–Энгельса, исходным звеном эволюции китайской терминологии родства был отнюдь не “малайский” тип, следов которого в Китае вообще обнаружить не удалось, а вариант “ирокезского” типа, отличавшийся от классического тем, что отношения кровного родства терминологически совпадали с отношениями по браку.

Имея в своих руках аргументы в пользу вышесказанного, на грядущей защите я мог чувствовать себя более или менее уверенным в своих силах. Да вот беда: на одном из заседаний нашего ученого совета произошел инцидент, который мог стать предвестником моей сокрушительной неудачи. В это время на секторе меня выдвинули в старшие научные сотрудники, и это дело должно было рассматриваться на ученом совете. Несколько выступавших высказались “за”, но тут слово взяла Юлия Павловна Аверкиева. Юлия Павловна занимала особое место среди звезд, составлявших научную элиту Института этнографии. В 1930-х годах она до краев испила горькую чашу, много лет проведя в местах не столь отдаленных. Во время хрущевской оттепели вернулась в институт, продолжала исследовать культуру и социальную организацию индейцев нутка и тлинкитов, стала заведующей сектором народов Америки и главным редактором журнала “Советская этнография”, с юношеским пылом отстаивавшим чистоту марксистско-ленинского учения.

Ко мне Юлия Павловна относилась с большой теплотой, что, впрочем, не помешало ей на этот раз дать мне несколько неожиданную характеристику: “Михаил Васильевич – симпатичный юноша, но ведь он же не марксист!” Юлия Павловна имела в виду тот факт, что в своих недавних работах я упоминал об ошибках Энгельса, допущенных им в “Происхождении семьи”. Члены совета вздрогнули, проголосовали “против”, и я остался, как и был, младшим научным. Но меня волновало не то, какую должность я буду занимать, а нечто гораздо более серьезное. Что будет, если и на моей защите Юлия Павловна прилюдно повторит то, что она уже однажды сказала? К тому же первым оппонентом был приглашен Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, некогда высмеявший мою статью о П.А. Лавровском. Что-то скажет он на этот раз?

Одним словом, на защите элениум принимать я не стал и поэтому из последних сил делал вид, что спокоен, а на самом деле ощущал себя куском мяса, который насадили на вертел и вот-вот положат на горящие угли. Но неисповедимы пути Господни! Дмитрий Алексеевич начал свое выступление следующими словами: “Не будучи китаистом, я в свое время писал о китайской системе родства. И вот сейчас Михаил Васильевич своей диссертационной работой наглядно показал, насколько я был тогда неправ”. Юлия Павловна слова не попросила. Решение ученого совета было почти единогласным (при одном “против”). Что до Дмитрия Алексеевича, то с тех пор в своих письмах он обращался ко мне не иначе как “дорогой Михаил Васильевич”, и дарил мне свои книги “в знак глубокого уважения”, выражая надежду на то, что я буду продолжать свои занятия общетеоретическими проблемами истории систем родства народов мира.

Воодушевленный напутствием Дмитрия Алексеевича, я решил организовать у нас в институте междисциплинарный семинар по системам терминов родства и первым делом пригласил участвовать в нем известнейшего лингви-

ста, одного из основателей отечественной семиотики, владевшего несколькими сотнями современных и мертвых языков, – Вячеслава Всеволодовича Иванова. Участники семинара выступали с докладами, за которыми следовали интереснейшие дискуссии. Однажды Вячеслав Всеволодович привел на семинар своего ученика – аспиранта из Абхазии Владислава Ардзинба, писавшего диссертацию по хеттскому языку. А спустя много лет его имя стало широко известно не потому, что он защитил докторскую диссертацию, а в связи с политическими событиями в Абхазии: объявлением ею независимости и провозглашением Республики, первым президентом которой он был избран.

На просторах Тихого океана

Как-то раз в коридоре ко мне подошла ученый секретарь института: “Не хотите ли Вы, Михаил Васильевич, принять участие в экспедиции на Новую Гвинею?” Я не поверил своим ушам. Экспедиция по Тихому океану по следам Миклухо-Маклая?! Попасть на Новую Гвинею, в деревню Бонгу?! Это звучало, как сказка. Почти как приглашение завтра слетать на Луну. Оказывается, Президиум АН пошел наконец навстречу настоятельным просьбам нашего директора, и в состав экспедиции по Тихому океану на принадлежащем Институту океанологии научно-исследовательском судне “Дмитрий Менделеев” было решено включить этнографический отряд, дабы отметить двойной юбилей – 100-летие с начала полевых исследований Миклухо-Маклая на Новой Гвинее и 125-летие со дня его рождения. Меня утвердили в составе этнографического отряда, хотя кое-кому из известнейших специалистов по Океании (например, “невьезному” Владимиру Рафаиловичу Кабо) было отказано.

Мы погрузились во Владивостоке на борт белоснежного красавца “Дмитрия Менделеева”. Запомнилась остановка в одном из самых маленьких государств на Земле – Науру. Республика Науру не имеет аналогов на планете. Она расположена на острове, который можно часа за два обойти по периметру. Остров этот – не из камня или кораллов, а из чистейших фосфоритов, выращивать на которых овощи и фрукты можно только насыпав сверху хотя бы тонкий слой земли. Жители Науру понемногу разрабатывают то, на чем живут, и получают на этом баснословные прибыли. В Науру на рейде нас встречал не диспетчер порта, как это бывает в нормальных странах, а лично министр иностранных дел. Поднявшись на борт, он сообщил, что Президент Республики приветствует посланцев мира и приглашает всех на государственный прием.

После приема нас отвезли в правительственные апартаменты, и мы окунулись в ранее невиданную роскошь. Утром бой сообщил нам, что позавтракать мы можем в ресторане на первом этаже. Озираясь по сторонам, мы оказались в зале, где нам тут же подали меню с названиями разнообразнейших местных и европейских блюд. Начальник этнографического отряда Даниил Давыдович Тумаркин, заведовавший финансами, предупредил нас, чтобы мы заказывали по минимуму, потому что бог его знает, сколько все это может стоить. То же повторилось за обедом, потом за ужином и на следующий день. Постепенно посещение ресторана превратилось в сущую муку: мы заказывали одно блюдо на троих, а мгновенно покончив с ним, делали вид, что совсем не голодны. Когда пребывание на острове подошло к концу, и Даниил Давыдович, затаив дыхание, осведомился, сколько мы должны за питание, крайне удивленный этим вопросом метрдотель ответил, что мы – гости Президента и платить, естественно, ничего не должны.

“Дмитрий Менделеев” бросил якорь в бухте Константина на северо-восточной оконечности Новой Гвинее 9 июля 1971 г. Для любого этнографа, имеющего

опыт полевой работы, это покажется кошунством, но в нашем распоряжении были не годы и даже не месяцы, которые мы должны были провести на берегу Маклая, а всего четыре дня. Что можно было сделать в деревне Бонгу за столь короткий срок? Тем не менее мы заранее распределили между собой сферы деятельности. Д.Д. Тумаркин должен был осуществлять общее руководство и изучать вопросы местного управления. Крупнейший советский специалист по этнографии коренного населения Новой Гвинеи Н.А. Бутинов – вопросы социальной организации и (совместно с Н.М. Гиренко) современную языковую ситуацию в д. Бонгу. В.Н. Басилов – материальную культуру бонгуанцев. И.М. Меликсетова – проблемы школьного образования. О.М. Павловский – исследование физического типа папуасов. Б.Н. Путилов – их песенно-музыкальный фольклор. Я поставил своей задачей записать современную систему терминов родства *тамо бонгу* с тем, чтобы попытаться реконструировать направления ее эволюции на протяжении столетия, отделявшего нас от того дня, когда на Новой Гвинее высадился *тамо рус* Маклай. Самый эрудированный из нас – Н.А. Бутинов, используя труды Маклая и записки немецкого миссионера А. Ханке, поселившегося в Бонгу в 1896 г. и позднее опубликовавшего грамматику и словарь языка бонгу, составлял краткий самоучитель бонгуанского языка.

В своих записках А. Ханке упоминал термины родства, бытовавшие в языке бонгу (напр., *gau* – дед, внук; *akai* – бабка, внучка; *mem* – отец; *am* – мать; *ngai* – сестра отца; *gai* – брат матери; и др.), но один из них – *ghabal* – он оставил без перевода, не приведя его конкретного значения. Беда в том, что А. Ханке не был этнографом. Он настойчиво стремился найти в языке бонгу все те категории, которые свойственны классической латыни и, приводя значения туземных терминов, пытался истолковать их с точки зрения привычной ему европейской системы родства. За время пребывания в д. Бонгу мне удалось разрешить эту загадку. Термин *ghabal* смутил А. Ханке тем, что он в одно и то же время обозначал не только кровных родственников (сына брата матери и сына сестры отца), но и свойственников (мужа сестры и брата жены). Поэтому, хотя в переводе одной папуасской сказки он и отождествил *ghabal* с немецким *Schwager* (деверь, шурин, свояк, зять), он тем не менее не был уверен в правильности этого перевода. Немецкому миссионеру было невдомек, что этот термин действительно мог возникнуть в условиях бытования двух родов, связанных между собой нормами обязательного брака, и что совершенно аналогичный ему термин существовал у древних китайцев в I тыс. до н.э.! (*ghabal* – это древнекитайский шэн). Такой термин мог возникнуть только в условиях бытования дуально-родовой организации.

Не менее плодотворным было наше краткое пребывание на о-ве Эроманга. После отплытия с берега Маклая однажды на палубе “Дмитрия Менделеева” ко мне подошел Армен Леонович Тахтаджян со словами “Будьте любезны, расскажите мне все, что Вы знаете, об этом острове!” Оказывается, знакомые пригласили Армена Леоновича – известного ботаника – поработать на этом острове в составе экспедиции Британского королевского общества, а он решил взять с собой зоолога, геолога, корреспондента “Известий” Михаила Александровича Ростарчука и меня.

На Эроманга я получил конкретные свидетельства того, что “малайская” система терминов родства жителей этого острова вовсе не предшествовала “ирокезской”, как полагали Морган и Энгельс, но, напротив, пришла ей на смену. В 20-х годах прошлого века на Эроманга работал английский этнограф К. Хэмфрис, записавший терминологию родства местных жителей, которая характеризовалась так наз. ирокезскими чертами: дети брата отца и сестры матери отличались как от детей брата матери и сестры отца, так и от родных братьев

и сестер. Однако наш респондент “старый Уили”, бывший вождь, к которому нас привели проводники, настаивал на том, что родственников всех трех категорий называют одним и тем же термином *авун*, причем так же обращаются и просто к друзьям-сверстникам. А это означало, что за несколько десятилетий в языке эроманга произошел важный исторический сдвиг: “ирокезская” терминология родства трансформировалась в “малайскую”, ту самую, которую Морган и Энгельс считали наиболее древней.

На о-ве Эроманга были налицо проблемы депопуляции. Нам рассказывали, что когда-то д. Хэппилэнд (это название ей дали англичане в 1941 г.) делилась на две части, называвшиеся *нимоовро*; в каждой из них было по несколько семейных хиин *сильву*. Впрочем, семейной такую хижину можно было назвать лишь условно. В ней жила жена с детьми, а муж навещался лишь изредка; его постоянным местом жительства был мужской дом *симанло*. Хижины, называемые *симанло*, до сих пор сохранились в д. Хэппилэнд. Но если раньше в *симанло* жили мужчины и неженатые юноши, а представительницам слабого пола категорически запрещалось не только заходить в них, но даже и приближаться к ним, то теперь это было нечто вроде дома для приезжающих, эдакой деревенской гостиницы. Так, другой наш проводник Луи жил в *симанло* рядом с домом, который был отведен для нас с Михаилом Александровичем; коротать время до рассвета ему помогала юная Эни. Приглушенные голоса, доносившиеся по ночам из глубины *симанло*, наводили меня на грустные размышления. Как много, думал я, должно было измениться в жизни меланезийцев, прежде чем *симанло* – святая святых мужского целомудрия – превратился в пристанище для влюбленных! Причина же этого коренилась в катастрофическом сокращении численности населения на Новых Гебридах вообще и на Эроманга в частности. За неделю, проведенную в Хэппилэнде, нам удалось встретиться лишь с несколькими ее обитателями (вождем д. Сэи, пастором, учителем, его помощником Джэрри да хромым братом нашего проводника авуна Чарли – вот и все взрослое мужское население деревни). Депопуляция нанесла сокрушительный удар по традиционной социальной организации на Эроманга. Прежняя структура этого небольшого мезанезийского общества оказалась неспособной к нормальному функционированию. Именно катастрофическими последствиями депопуляции, отсутствием условий для функционирования экзогамных форм социальной организации объясняются и изменения в системе терминов родства на Эроманга. Символом этих кардинальных сдвигов является *авун* в его новом значении. На Эроманга складывается система родства малайского типа, отражающая разрушение былых экзогамных запретов.

Только под конец нашего пребывания в Хэппилэнде мы узнали, что авун Чарли – сын колдуна и сам колдун, а его узкая специализация – гром, молния и прочие атмосферные явления. Таких людей, как авун Чарли, на Эроманга называют *тавууа*. Они от рождения обладают особой внутренней силой *мана*. К. Хэмфрис в свое время писал, что все его попытки получить от *тавууа* информацию о том, как они осуществляют свои магические практики, заканчивались неудачей. Но нам посчастливилось записать рассказ Чарли на магнитофон. Для успешного осуществления своей миссии магам необходимо точно помнить и неукоснительно соблюдать последовательность всего технологического процесса. Например, все может в последний момент сорваться из-за того, что маг, проснувшись поутру, тут же справит малую нужду. Делать этого ни в коем случае нельзя. Вместо этого следует немедленно начать необходимые приготовления к священнодействию. В хижине *тавууа* всегда хранится волшебный камень *натамас эваи*. Чтобы вызвать молнию, Чарли берет этот камень и втайне от всех жителей деревни несет его в лес. Там он собирает листья с нескольких строго

определенных деревьев и, произнеся заклинание, кладет их на камень, который сразу же после этого оживает и начинает двигаться. Чарли внимательно следит за ним и, продолжая произносить заклинания, идет следом. Случается, что *натамас эваи* подпрыгивает и иногда даже оказывается где-нибудь высоко на дереве; своей внутренней силой маг должен заставить его вернуться на землю. Если камень не подчиняется сразу, не следует терять времени даром, все равно ни грома, ни молнии не будет, ибо этому препятствует нечто, находящееся вне компетенции *тавууа*. Если же камень повиновался, Чарли берет его в руки и произносит еще одно – самое главное – заклинание, после чего и достигает желаемого... (Может быть, нам и не стоило столь настойчиво расспрашивать авуна Чарли обо всем этом – считается, что посторонний, посвященный в секреты профессии мага, может заболеть и даже умереть, а подвергать нас такой опасности Чарли все-таки не хотел!)

Мы отправляемся на Остров свободы

Вскоре после нашего возвращения с просторов Тихого океана мне довелось дважды окунуться в воды океана Атлантического. Прослышав, что я занимаюсь системами родства, директор Института этнографии в Гаване Рафаэль Лопес-Вальдес пригласил меня на Кубу, чтобы приобщить своих сотрудников к этой важной проблематике. Мое имя и отчество казались для кубинцев труднопроизносимыми, и в гаванском институте меня называли попросту – *Parentesco* (“Системы родства”).

Во второй экспедиции на Кубу, кроме этнографического, принимал участие антропологический отряд. Возглавлял его Валерий Алексеев, личность во многих отношениях неординарная. Он учился вместе со мной в Институте востоковедения на уйгурском отделении, но после окончания сразу же резко изменил свои жизненные планы, начал специализироваться в области физической антропологии и скоро стал по этой части крупным специалистом. Мне, правда, очень не нравилось в нем то, что, только-только оперившись, он стал пренебрежительно отзываться о своем учителе – выдающемся советском антропологе Г.Ф. Дебеце. Но это, судя по всему, было всего лишь заблуждением юности: потом он написал о Георгии Францевиче весьма прочувствованные воспоминания.

На Кубе я обнаружил еще одну удивительную черту Валерия. Как только в работе наступал краткий перерыв и мы усаживались где-нибудь на обочине дороги передохнуть, он вынимал записную книжку и начинал писать. “Что ты пишешь?” – спросил его я. “Дописываю статью об антропогенезе европеоидов”. “А как же сноски?” “Все сноски у меня в голове”. Мне вспомнился профессор Плейшнер из “Семнадцати мгновений весны”, который тоже утверждал нечто подобное.

У нас в гостях Тур Хейердал

А далее произошло важное событие: к нам в институт приехал знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал, которого называли “Колумбом XX века”! Событие было тем более значимым, поскольку имело долгую и исполненную драматизма предысторию. В 40-х годах прошлого века, изучая историю первоначального заселения человеком тихоокеанских архипелагов, Хейердал пришел к выводу, что оно происходило не только с запада, из Азии, как принято было считать, но и с востока – с американского континента. В отличие от тех исследователей, которые обдумывали научные аргументы в тиши кабинетов, Хейердал решил представить общественности доказательства иного рода. В Перу

он построил плот, который назвал “Кон-Тики”, и вместе с пятью смельчаками отплыл на нем на восток. Через три с лишним месяца плот, преодолевший в океане 8 тыс. км, достиг атолла Рароива (архипелаг Туамоту). Свою экспедицию, доказавшую, что благодаря течениям и направлению ветра можно на простейшем плоту добраться от берегов Южной Америки до островов Полинезии, Хейердал описал в книге “Путешествие на Кон-Тики”. Книга была переведена на 66 языков, в том числе и на русский, – это было сделано Львом Ждановым. Но в научных кругах сочинение Хейердала не только не получило положительной оценки, но, напротив, послужило основанием для ожесточенной критики ее автора. Н.А. Бутинов написал к книге резкое предисловие, назвав ее “ненаучной” и более того – даже “фальсификаторской”. За Хейердала вступился переводчик его книги Жданов. Он написал Н.А. Бутинову:

Уважаемый товарищ Бутинов! До сих пор наука предполагала заселение Полинезии исключительно с запада. Не отрицая этой теории совершенно, Хейердал дополняет ее своим предположением, что восточная часть Полинезии могла быть также заселена с востока, причем иммиграцию с востока он склонен датировать более ранним периодом. <...> Вы спорите о всей Полинезии, хотя речь идет лишь о восточной части. Вы обвиняете Хейердала в отрицании иммиграции с запада, хотя он ее не отрицает, а предлагает принять возможность иммиграции также с востока.

Вы резко полемизируете с Хейердалом по вопросу о загадочных строителях в Южной Америке, хотя Хейердал пока что не занимался вплотную этим вопросом и его высказывания по этому поводу носят характер очень туманных предположений.

Не следует создавать в предисловии впечатления, будто он создатель версии о “белых строителях”, она существует очень давно. Но главное – нельзя приписывать Хейердалу утверждений, которых у него нет, и потом оспаривать эти утверждения! Я имею в виду Ваши слова о пристрастии его к викингам.

Всего хорошего. Л. Жданов

Бутинов ответил Жданову:

Уважаемый товарищ Жданов, я получил Ваше письмо, и мне стало ясно, что Ваши замечания на мое предисловие вытекают из неправильных представлений о теории Хейердала.

В Вашем понимании эта теория выглядит таким образом: Западная Полинезия заселена с запада, а Восточная Полинезия – также и с востока. Должен Вам сказать, что такой теории у Хейердала нет. Это, собственно, не его, а Ваша теория, и она совершенно не учитывает тот факт, что полинезийцы – это единый народ по языку и культуре. Вы пишете: “Советские ученые оспаривают положения Хейердала”. Здесь надо добавить: все ученые мира оспаривают эти положения, как совершенно абсурдные. Я не видел ни одной положительной рецензии на его книгу “Американские индейцы в Тихом океане”, все отрицательные.

С приветом Н. Бутинов.

Наш тогдашний директор Сергей Павлович Толстов поддержал “всех ученых мира”, и лишь очень немногие осмелились не согласиться с ним. Среди этих немногих был аспирант, ставший затем одним из ведущих специалистов института, Генрих Анохин. Как вспоминал Генрих, на заседании ученого совета Сергей Павлович со свойственной ему эмоциональностью заявил: “Пора кончать с выскочками от науки! Я имею в виду Хейердала! Это недоучка! Самопопуляризатор! Фальсификатор! Расист, приписывающий достижения народов викингам! Сотрудничал с фашистами!” Но никто не ожидал, что затем слово возьмет аспирант: “Это недостойно советской науки, Академии наук СССР! Хейердал не самопопуляризатор. Ибо тогда все подписывающие статьи и книги своим именем – самопопуляризаторы, а не авторы. Хейердал не фальсификатор. Ибо нет ни одного факта из источников, в искажении которого его можно обвинить. Он не расист, ничего нигде викингам не приписывал. А о белокожих

индейцах Южной Америки имеются источники. И первичное население Восточной Полинезии, по Хейердалу, – не викинги, а индейцы Южной Америки, хотя и белокожие. И он не сотрудничал с фашистами, даже не был нигде на территории, оккупированной фашистами, а добровольцем вместе с советскими войсками устанавливал новую администрацию в Северной Норвегии!”

А Хейердал писал Жданову:

Дорогой Жданов, пока мы переписывались о тетрадах с письмами ронго-ронго, найденных мною на острове Пасхи, случилась печальная вещь, как это видно из прилагаемых вырезок из норвежских газет. Подвергается сомнению моя честность и добросовестность, в печати пятнается мое имя исследователя. Вторая сторона дела заключается в том, что у читателя создается впечатление, будто советская академия наук недоброжелательно относится ко мне; я же думаю и надеюсь, что все объясняется недостаточным знакомством с моей работой. Если русские ученые интересуются моими исследованиями на острове Пасхи, я охотно приеду в вашу страну, чтобы сделать доклад. Нужно, чтобы советская академия наук официальным приглашением показала, что интересуется моими работами в Тихом океане. Поскольку я понимаю, что Вы поддерживаете контакт с учеными в этой области, даю Вам настоящим полномочия. Между 3 и 8 апреля я могу в любой момент вылететь к вам.

Но когда президиум АН запросил на этот счет мнение Толстова, тот категорически высказался против. С тех пор прошло много лет. В нашем институте давно сменился директор. И вот наконец сбылась давняя мечта Генриха Анохина: Тур Хейердал был приглашен посетить Советский Союз. К нам в Институт этнографии Хейердал приехал в сопровождении еще одного своего друга – Юрия Александровича Сенкевича, вместе с которым он совершил в 1970 г. путешествие на папирусной лодке “Ра”. Вернувшись из этой исторической экспедиции, военврач Сенкевич сменил жизненное амплуа и стал ведущим популярной телепрограммы “Клуб путешественников”.

После лекции, которую Хейердал прочел в нашем институте, к нам подошел Сенкевич, слышавший, что этнографы побывали на Новой Гвинее и в других уголках Тихого океана. Мы разговорились. «Михаил Васильевич! А не хотите ли присоединиться к нам в “Клубе”?» К этому времени у меня был уже опыт выступлений об увиденном в Океании. Я согласился. Так начался довольно продолжительный период моей жизни, когда я стал “своим” на центральном телевидении. Это была увлекательная работа. Помимо “Клуба путешественников” тогда было еще несколько весьма популярных программ. Одну из них – “Очевидное – невероятное” – вел Сергей Петрович Капица, известный физик, сын еще более знаменитого родителя – лауреата Нобелевской премии Петра Леонидовича Капицы. Меня он заинтриговал своей статьей, в которой доказывал, что, в отличие от астрономического, историческое время имеет тенденцию к постоянному ускорению. Сергей Петрович иной раз заглядывал к нам в “Клуб” и однажды даже предложил мне выступить “по совместительству” у него в “Очевидном – невероятном” с рассказом о календарях народов мира.

Без теории этноса нам как без воды: ни туды и ни сюды

В середине 1960-х Сергей Павлович Толстов серьезно заболел и пошли слухи, что кто-то другой заменит его на посту директора. В конце концов выяснилось, что во главе института встанет еще довольно молодой ученый секретарь отделения Юлиан Владимирович Бромлей. И вот он появился у нас, и все с большим интересом стали гадать, с какими нововведениями нам предстоит столкнуться.

На мой взгляд, Юлиан Владимирович выбрал единственно правильный путь. Специалист по средневековой истории славянских стран, он мог бы сделать сектор славяноведения ведущим подразделением института, и его вряд ли кто-нибудь стал порицать за это. Но Бромлей сразу пошел ва-банк, заявив, что Институт этнографии не может существовать, если в полном загоне находится теория предмета исследований – *этнoсa*.

Термин “этнос” ввел в современную науку Н.М. Могиланский, давший в 1916 г. одно из первых его определений. Но заслуга его внедрения в научный обиход, равно как создание общей “теории этноса”, принадлежит другому российскому ученому – Сергею Михайловичу Широкоговору. Само собой разумеется, что в СССР труды Широкогорова, считавшегося ярким антисоветчиком, в том числе и его исследования в области теории этноса, были подвергнуты остракизму, понятие “этнос” объявлено антинаучным, а по словам одного из наиболее целеустремленных критиков буржуазных идей в общественных науках В.Б. Аптекarya, – даже “расистским”.

В результате всего этого во второй половине прошлого века в отечественной этнографии сложилась комическая ситуация: этнографы активно разрабатывали проблемы этногенеза, но запрещенный термин *этнoс* в их лексиконе отсутствовал – как если бы можно было говорить об арбузных семечках при категорическом отрицании того факта, что в русском языке есть, помимо этого, слово арбуз. Поэтому нашему новому директору нельзя было отказать в смелости: не убоившись обвинений в пропаганде идей, долгое время подвергавшихся нелицеприятной критике, он не только выступил инициатором борьбы за “реабилитацию” широкогоровской теории этноса, но, засучив рукава и сплотив вокруг себя большую группу единомышленников, заинтересовавшихся этим начинанием, продолжил дело своего предшественника. Его путь не был усыпан розами. Первым, кто резко выступил против сформулированной Юлианом Владимировичем теории этноса, был Л.Н. Гумилев. В противовес пониманию этноса как социальной категории, Лев Николаевич толковал его как чисто биологическое явление, добавив к этому свой знаменитый тезис о роли “пассионарности” в процессе этногенеза. Хорошо помню, как он говорил: «“Этнос и этнография” Бромлея? Очень полезная книжица. Я даю ее своим студентам на экзамене и предлагаю найти в тексте допущенные автором ошибки. Найдет человек 5 ошибок – получиай “тройку”, 10 ошибок – вот тебе “четверка”. Должен Вам сказать, батенька, что больше половины моих студентов – отличники». Не знаю, о каких именно ошибках говорил Гумилев, но сам он очень не любил, когда другие указывали на фактические неточности, допущенные им в его собственных трудах: “Вы – мелковеды. Для вас главное – факт или даже фактик. А я – теоретик, и для меня гораздо важнее общий взгляд на вещи!”

У меня возникла идея: проследить закономерности формирования и трансформации этноса на примере китайцев, коль скоро имеющиеся источники позволяют осуществить это на фоне беспрецедентно длительного периода времени – нескольких тысячелетий. Я поделился своими соображениями с Ник-Ником, и он полностью одобрил это начинание. Труд был задуман как междисциплинарное исследование, и в соответствии с этим был подобран авторский коллектив: физическая антропология, естественно, была за Ник-Ником, я должен был отвечать за интерпретацию археологического материала, Саша Решетов – за письменные источники, а для освещения лингвистических проблем решили пригласить нашего общего знакомого доктора филологических наук Михаила Викторовича Софронова, который, не задумываясь, согласился.

Мы приступили к работе, но вскоре выяснилось, что первоначальный замысел – изложить всю этническую историю китайцев в одном томе – нереален.

Решено было подготовить два тома, посвятив первый проблеме этногенеза, а второй – последующей этнической истории. Но и этим дело не ограничилось... В итоге у нас получилось ни много ни мало шесть томов. Ленинградский профессор Смолин назвал наш труд “Шестикнижием”.

Работа продвигалась, наталкиваясь порой на неожиданные подводные камни. Произошел инцидент, в результате которого мы с Сашей Решетовым едва не разошлись, как в море корабли. Дело в том, что трое москвичей уже вчерне подготовили свои тексты и обсудили их на заседании сектора и только от Саши из Ленинграда ничего не было, а на телефонные звонки он неизменно отвечал: “Скоро пришло!” В конце концов терпение у Ник-Ника лопнуло, и он сказал мне: “На Сашу надежда плохая! Берите-ка себе его часть и пишите!” Узнав об этом, Саша был не на шутку разгневан: “Вы там в Москве все сами за всех решаете, а потом еще предъявляете другим претензии!” Благодаря усилиям Ник-Ника конфликт был несколько приглушен, но на переплете вышедшего из печати тома “Древние китайцы: проблемы этногенеза” фигурировали только три автора.

У каждого, кто обращается к проблеме происхождения того или иного этноса, невольно возникает вопрос: сложился ли этнос на той самой территории, которую населяет в настоящее время, или же сформировался где-то в другом месте и проник на свою нынешнюю территорию позднее. Для ряда европейских исследователей XIX–XX вв. тезис о переселении древних китайцев (либо их предков) с запада был непреложной истиной: для одних потому, что, по их мнению, все народы на Земле произошли от трех сыновей Ноя, для других в силу того, что к истории человечества они подходили с ортодоксальных европоцентристских позиций.

На позициях априорного диффузионизма стоял советский китаист Леонид Сергеевич Васильев. Он подчеркивал “поразительное сходство” в орнаментации керамики культур баньшань и мяодигу, с одной стороны, и триполья и анау – с другой. В то же время он утверждал, что в Ганьсу (в частности, в Вацзяпине) обнаружен “протояншаоско-мацзяоский слой”, который со временем дает начало двум культурам – мацзяо и яншао, что было равнозначно утверждению: локализованная в бассейне Хуанхэ культура яншао обязана своим происхождением диффузии крашеной керамики с Ближнего Востока. Подобная концепция вполне отвечала духу времени: даже известный археолог академик Алексей Павлович Окладников, раньше считавший, что керамические триподы появились в Сибири из Китая, теперь не в последнюю очередь по политическим соображениям изменил свою первоначальную точку зрения на прямо противоположную. Но против концепции Васильева говорили неопровержимые факты, которые он вообще не учитывал, в том числе радиоуглеродные датировки, свидетельствовавшие, что ранний вариант культуры яншао на добрых полторы тысячелетия старше культуры мацзяо! Неолитические миграции в западной половине Среднекитайской равнины действительно имели место, но, во-первых, они носили локальный характер, а во-вторых, были направлены не с запада на восток, а с востока на запад. Юлиан Владимирович одобрил мою полемику с Васильевым: мол, проявил характер, нашел в себе силы пойти наперекор господствующей тенденции. А Гри-Гри на всякий случай поставил еще одну палочку в перечне моих научных прегрешений.

Изучая древнейшие письменные памятники Китая, мы установили принципиально важный факт, являвшийся исходной точкой исследования этногенеза китайцев: в этих источниках вплоть до определенного времени нет никаких следов *этнических* различий среди населения Среднекитайской равнины. Различия существовали и осознавались, но носили они совершенно иной характер, ничего общего не имевший с этничностью.

Иньцы полагали, что их “Великий город Шан” – это центр Поднебесной. Его окружали “земли” – территории, населенные подчиненными иньскому правителю родоплеменными коллективами. Ван заботился о том, получают ли они в этом году урожай, а те, в свою очередь, присылали ему дань, регулярно являлись ко двору и следовали за ним в его походах на враждебные племена, жившие за пределами “земель”. Подобные представления ни в коей мере не были специфичны исключительно для иньцев. Главное заключалось в том, что граница между “землями” и враждебными племенами была в высшей степени условной. Аналогичная картина предстает перед нами и в раннежоуское время. Однако несколько столетий спустя ситуация принципиально меняется: впервые появляется представление о том, что грань между “нами” и “ними” принципиальна и неизменна, вне зависимости от того, как складываются сиюминутные взаимоотношения между этими общностями. Как следствие такого противопоставления в VII–VI вв. до н.э. в древнем Китае возникает антитеза “ся” (или “хуася” – “варвары четырех стран света”). Это было свидетельством важного сдвига в процессе этногенеза древних китайцев: формирование их этнической общности завершилось.

Опять-таки в этом можно было наблюдать полную аналогию с древнейшей Грецией: Фукидид обратил внимание на то, что Гомер “нигде не обозначает всех эллинов, в их совокупности, таким именем”, “точно также Гомер не употребляет и имени варваров, потому, мне кажется, что сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров”. Автор трактата “Ли цзи” утверждал, что “варвары” отличаются от “нас” особенностями своей культуры, языком и психическим складом. Отечественные этнографы, обратившиеся к изучению этногенетических проблем, были согласны с ним лишь отчасти; полного единства во взглядах среди них не было. По мере более углубленного изучения этой тематики выяснилось, что некоторые особенности этноса должны, строго говоря, рассматриваться не как *этнические признаки*, а как условия возникновения этнических общностей, т.е. *этнообразующие факторы*.

Какие же черты следует считать собственно этническими признаками? Некоторые авторы рассматривали язык как условие формирования этнической общности, другие считали его не только этнообразующим фактором, но и этническим признаком. Многочисленные факты говорят о том, что этническая общность может складываться из компонентов, зачастую разноязычных. Но, по-видимому, неправы те ученые, которые считают этническим признаком общность территории. Единая территория – необходимое условие сложения новой этнической общности, но после того, как этнос сложился, общность территории сплошь и рядом нарушается. Принципиально важный вывод, к которому пришли исследователи теории этноса, заключается в том, что этнические признаки характеризуются определенной иерархичностью, таксономической неравноценностью. Если раньше общность территории, общность языка, культуры и т.д. рассматривались обычно как лежащие в одной плоскости, то теперь стало ясно, что они в своей совокупности представляют собой сложную структуру, включающую различные уровни.

Так, подчеркивая специфику положения *этнического самосознания* среди всех прочих признаков этноса, Н.Н. Чебоксаров писал:

Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления – этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельной личности или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности.

Замечу в скобках, что одним из первых советских ученых, обратившихся к исследованию этнического (“национального”) самосознания, был известный филолог и культуролог Д.С. Лихачев, еще в 1946 г. посвятивший этой проблеме специальную монографию. Но и в начале 1970-х, когда Бромлей начинал свои исследования этноса, находились ученые, напрочь отрицавшие значение самосознания как признака этноса (среди таковых, в частности, был Нурамбек Джальгиндин).

Именно в процессе анализа признаков этноса вдруг обнаружилось одно из немногих моих расхождений с Юлианом Владимировичем. Я пришел к выводу, что важным этническим признаком является эндогамия – предпочтительное заключение браков внутри этноса (хотя этническая эндогамия и не является столь строгим правилом, как родовая экзогамия, наглядным примером чему является мое собственное семейное положение). Но Бромлей категорически отказывался признавать эндогамию *признаком* этноса, по-видимому, стремясь устранить любые сомнения в том, что этнос не является биологической категорией. По поводу наших споров об эндогамии этноса он написал на подаренной мне книге: “Дорогому Михаилу Васильевичу с пожеланиями, чтобы расхождения между нами в нюансах не заслоняли единства в главном – в понимании сущности этноса и основных задач этнографии”.

Что является конечной точкой процесса формирования этноса? Когда-то на этот вопрос отечественные ученые, занимавшиеся проблемами этногенеза, не могли дать четкого ответа. Известный специалист по этнографии народов Сибири Людмила Васильевна Хомич писала: “На каком-то этапе, продолжающемся во времени, на базе различных этнических компонентов появляются все основные признаки этнической общности – складываются язык, самоназвание и самосознание, территория формирования, основные черты хозяйства и культуры, свойственные данной этнической общности”.

Но практически применить сформулированный выше критерий оказывается чрезвычайно трудно, если не невозможно. Иначе обстоит дело, если мы исходим из постулата об иерархичности этнических признаков, которая сама по себе отражает закономерность причинно-следственных отношений между таковыми и хронологическую последовательность их возникновения. Соответственно, процесс этногенеза включает следующие этапы: при наличии определенных внешних условий складывается совокупность этнообразующих факторов, под влиянием которых начинает формироваться этническая общность; в процессе складывания этнической общности постепенно и отнюдь не одновременно появляются признаки, отличающие ее от других ей подобных; наконец, наступает момент, когда эти объективные признаки находят отражение в коллективном сознании членов формирующей общности. Именно появление отчетливого этнического самосознания, внешним проявлением которого является общее самоназвание, и может считаться свидетельством того, что процесс этногенеза завершился.

Для суждений о сущностной трансформации китайского этноса первостепенное значение имеет анализ его самоназваний. В период наивысшей консолидации общности древних китайцев, в III в. до н.э. – III в. н.э., одним из основных самоназваний древнекитайского этноса было наименование единого государства. События, последовавшие за падением династии Хань, в значительной мере поколебали уверенность древних китайцев в том, что этот традиционный автостереотип соответствует действительности. Среднекитайская равнина – колыбель древнекитайской цивилизации – была захвачена северными кочевниками, а центр этнической территории китайцев сместился на юг. Чувствительным ударом по представлению о том, что китайцы обитают в центре

Поднебесной и потому превосходят все другие народы, было распространение буддизма – “истинного учения”, возникшего за пределами Китая.

Переоценка ценностей была настолько кардинальной, что даже после восстановления единства империи прежнее этническое самоназвание так и не возродилось. На смену ему пришли новые этнонимы. Они, однако, были затем вытеснены одним, ставшим единственным – *хань*. Это самоназвание этимологически восходит к наименованию древнекитайской династии, а начало его употребления в этническом смысле относится к V–VI вв. Соответственно, когда речь шла о китайском языке, современники стали употреблять выражение “язык *хань*”.

Пройдя через плавильный котел интенсивного взаимодействия разнородных компонентов, китайский этнос вышел из него обновленным и качественно трансформировавшимся. Сдвиг в главном этническом признаке – самосознании народа, внешним проявлением которого является самоназвание, соответствовал очередной “критической точке” этнической истории – формированию общности современных китайцев.

Во Введении к последнему шестому тому нашей серии я предупредил читателя о том, чего он *не найдет* в этой книге. Со школьной скамьи мы твердо усвоили тезис, согласно которому народы мира – “исторические общности людей”, как принято было раньше говорить – прошли в своем развитии три стадии, которым соответствуют три типа этих общностей: племя, народность, нация. Это положение, основывающееся на мимоходом произнесенной Сталиным фразе, находилось в явном противоречии с более ранним его утверждением о том, что нация представляет собой “историческую общность”, тогда как племя является общностью “этнографической”. Так или иначе, с начала 1950-х годов триада “племя–народность–нация” настолько прочно вошла в наш научный обиход, что превратилась в своего рода аксиому. Когда цитирование произведений четвертого классика марксизма вышло из моды, указанную триаду постигла судьба некоторых других подобных построений. Имя Сталина исчезло со страниц исторических исследований, но идеи его продолжали витать в воздухе. Стали утверждать, что мысль о формировании наций в эпоху поднимающегося капитализма принадлежит Ленину, хотя Ленин в своих сочинениях использовал термин “нация” применительно также к народам, еще не достигшим капиталистического уровня (он, например, писал: “Мы требуем свободы отделения для монголов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций”).

В 70-х годах прошлого века наряду с апелляцией к ленинскому авторитету советские ученые предприняли попытки задним числом вложить конкретное содержание в крайне расплывчатые и лишенные категориальной определенности понятия “племя”, “народность”, “нация”. В частности, Сергей Александрович Арутюнов выдвинул гипотезу, согласно которой этнические общности на разных этапах своего развития обнаруживают различный уровень цементирующих их информационных связей. По его мнению, в истории человечества было два периода, когда инфосвязи резко интенсифицировались: первый – эпоха возникновения письменности, соответствующая появлению древнейших государств; второй – распространение в новое время грамотности в более или менее широких массах населения, зарождение прессы и общенационального литературного языка. Этим двум порогам соответствует существование трех типов этнических общностей: “племен” – в дописьменную эпоху, “народностей” – вплоть до появления газет, “наций” – начиная с этого момента и до настоящего времени.

Мы с Сережей вместе учились в Московском институте востоковедения, я – на китайском, он – на японском отделении. Он окончил институт на год рань-

ше меня. Я всегда отдавал должное его эрудиции. Но со сформулированной им теорией инфосвязей я тем не менее решительно не мог согласиться и, полагая, что она представляет собой вливание нового вина в старые мехи, написал по этому поводу критическую статью, которую опубликовал в журнале “Советская этнография”. Мои возражения сводились к следующему. Прежде всего, мы пока вообще не располагаем надежным инструментом для измерения уровня инфосвязей, и поэтому наши суждения на сей счет являются в значительной степени субъективными. Таковым является утверждение, что индикатором формирования “наций” является распространение “хотя бы начатков грамотности в более или менее широких массах населения”. Но каковы должны быть масштабы этого явления?

Находки новгородских берестяных грамот доказали, что, по словам крупнейшего специалиста в этой области А.В. Арциховского, в XI–XIV вв. в Новгороде “было множество грамотных людей”. Значит ли это, что превращение русской “народности” в русскую “нацию” мы должны датировать именно этим временем? Еще один вопрос на засыпку. В пограничных крепостях на территории современного Синьцзяна был обнаружен архив китайских документов II–I вв. до н.э., в котором помимо официальной корреспонденции содержится большое количество частных писем. Достаточно ли их для того, чтобы утверждать, что в ханьском Китае начатки грамотности были уже распространены в более или менее широких массах населения страны? Далее, вряд ли уместно в угоду сталинской триаде настаивать именно на двух скачках в процессе повышения уровня инфосвязей, делая вид, что нам ничего не известно о масштабах и последствиях научно-технической революции, произошедшей в середине XX в. и выразившейся в лавинообразном увеличении общего объема доступной широким массам информации, в применении все более совершенных компьютеров, видеозаписи, ксероксов, фотонаборной типографской техники, спутниковых средств связи (сегодня мы можем добавить к этому еще и фантастические возможности “5G”!). Означает ли это, что мы являемся свидетелями формирования какого-то нового, отличного от “нации” типа этнических общностей? Именно исходя из этих соображений в нашем исследовании ничего не говорилось о превращении китайской “народности” в китайскую “нацию”.

В храме Мельпомены

Теоретическим проблемам мы посвящали большую часть своего времени с понедельника до субботы, но по воскресеньям наши мысли были заняты другим. Все сотрудники института в этот день выходили подметать улицы. И еще одно: жизнь Института этнографии тех лет невозможно было бы представить не только без воскресных трудовых упражнений, но и без ее неотторжимого аспекта, каким были полюбившиеся институтской публике капустники.

Сценарии постановок писал сотрудник нашего сектора индолог Наталья Романовна Гусева – человек огромного таланта и безудержного остроумия. А режиссировал другой самородок – институтский фотограф Георгий Ахиллесович Аргиропуло, когда-то подвизавшийся в Театре юного зрителя. Георгий Ахиллесович и Наталья Романовна были душой наших капустников. Зрители начинали собираться в институтском актовом зале задолго до начала представления, чтобы захватить себе места получше. К тому моменту, когда звучал третий звонок, уже негде было яблоку упасть. Спектаклей было множество, но мне особенно запомнился один: “Вот уж мне эти матримонии!” В соответствии с профилем нашего института он был посвящен серьезной научной теме –

истории семьи и брака, которая, однако, как нетрудно догадаться, была представлена на театральных подмостках в варианте, несколько отличавшемся от канонического моргано-энгельсовского.

Этот был мой бенефис. Я играл трех персонажей. В первом акте – первобытного человека, которому удалось без лишних разговоров умыкнуть зазевавшуюся соплеменницу (Наташу Жуковскую). Во втором акте я был рыцарем, тщетно пытающимся увлечь даму своего сердца (Зою Александровну Листвинову), которая явно предпочитала другого (им был Сережа Арутюнов) и оценила достоинства рыцаря лишь после того, как он в схватке со своим соперником лишился одного уха. А в третьем акте я играл Фридриха Шиллера, который упал в обморок при виде оказавшейся в цивилизованном обществе бабы из Костенок (эту роль блестяще сыграла Роза Джарылгасинова).

Золото скифов, очень много золота

В начале 1980-х годов у председателя Японской ассоциации культурных связей с зарубежными странами Мацумаэ возникла идея пойти навстречу пожеланиям широкой общественности и организовать выставку “Шелковый путь”, по которому, как считали жители Страны восходящего солнца, их предки пришли на острова. Мацумаэ обратился в Президиум АН СССР с соответствующей просьбой, которая встретила там полное одобрение. Президиум отдал распоряжение директору нашего института, а академик Бромлей назначил меня руководителем этого хлопотного, но чрезвычайно интересного дела и поручил мне обдумать и представить ему общую концепцию будущей выставки.

Моя концепция в общих чертах заключалась в следующем. Первоначально под Шелковым путем понималась караванная дорога, пролежавшая через оазисы Восточного Туркестана и Средней Азии. Но существовал еще один маршрут культурных контактов Запада и Востока – евразийский степной коридор, где хозяевами были кочевники. Их подвижный образ жизни сам по себе предопределял их историческую роль передатчиков культурных достижений на большие расстояния. Мне в голову пришла мысль продемонстрировать японской аудитории прежде всего именно этот кочевой Шелковый путь, о котором она имела лишь весьма смутное представление.

Юлиан Владимирович одобрил эту идею, и я начал подбирать себе команду, которая помогла бы мне наполнить концепцию конкретным материалом. Первым, о ком я подумал, был, разумеется, Севьян Израилевич Вайнштейн. Он был гораздо старше меня, но мы с ним как-то сразу почувствовали взаимное расположение, и до конца своих дней он заявлял во всеуслышанье: “Мишенька – мой лучший друг”. Он был тюркологом, я – китаистом, и в результате совмещения этих ипостасей у нас с ним то и дело появлялись совместные статьи. Больше всего мне дорого эссе о происхождении седла и стремени, хотя писали мы и на другие темы. Вообще работы Севьяна по культуре кочевников Евразии считались образцовыми. В Париже, Лондоне и Тайбэе мне доводилось слышать весьма лестные отзывы о них. Поэтому неудивительно, что Севьян стал одним из организаторов наших выставок, и мы вместе с ним возили их сначала в Японию, а затем в Финляндию. Планировали мы продолжить начатые им раскопки древнеуйгурской крепости в урочище Пор-Бажин в Туве, но дело все время по разным причинам откладывалось и в конце концов так и не осуществилось.

Владимир Николаевич Басилов был одним из первых, с кем я познакомился, только-только поступив в Институт этнографии. Мы вместе сдавали кандидатские экзамены, а после защиты постоянно общались. Володя был специалистом по этнографии народов Средней Азии, прежде всего их верований, но прекрас-

но разбирался и в вопросах материальной культуры. С этой точки зрения он мог бы внести существенный вклад в организацию нашей выставки. Восстанавливая в памяти японскую эпопею, я убеждаюсь, что ее успех в немалой степени был обеспечен именно Володиным участием.

Удобнее всего было начинать с расположенного в Ленинграде нашего собственного музея, который по привычке мы называли Кунсткамерой. Для более успешной работы нужно было заручиться поддержкой заведующего Ленинградской частью ИЭ АН Рудольфа Фердинандовича Итса, или Рудика, как его запанибрата называли сотрудники. К счастью, у меня с Рудиком были прекрасные отношения. Когда я объяснил ему суть дела, он сделал удивленные глаза: “О чем ты говоришь, Миша? Иди и отбирай все, что тебе нужно!”

Гораздо сложнее было договориться с Эрмитажем. Государственный Эрмитаж – один из лучших музеев мира, и получить согласие на экспонирование за рубежом хранящихся там сокровищ было ох как нелегко. С самого начала этому открыто воспротивился заместитель директора Виталий Александрович Суслов. Но гораздо более лояльно отнесся к нашим просьбам сам директор – Борис Борисович Пиотровский. Будучи археологом с мировым именем (для науки его трудами было, в частности, открыто древнее царство Урарту), он был убежден, что извлеченным на свет божий артефактам не место в музейных запасниках, что их миссия – быть увиденными людьми. Поэтому он сразу пошел нам навстречу и заявил своему заместителю: “Помогите коллегам отобрать экспонаты для их японской выставки!”

Не менее ценные экспонаты хранились в киевских музеях. Вне конкуренции была, конечно, золотая пектораль, обнаруженная в 1971 г. при раскопках кургана “Толстая могила” в Днепропетровской области. Многочисленные реалистические изображения на этом украшении делают его подлинной энциклопедией жизни древних скифов.

О самом главном эпизоде, связанном с советской выставкой в Японии, я всегда рассказываю с дрожью в голосе. Наступил момент, когда перечень экспонируемых предметов был утвержден, сами экспонаты доставлены в Москву, а Выставочный комитет АН СССР во главе с А.П. Капицей дал свое “добро”. Но тут выяснилось, что страховка древних золотых украшений стоит прямо-таки фантастических денег. Японская сторона задумалась, а потом задала вопрос: “А нельзя ли изготовить качественные копии этих вещей, чтобы выставить их вместо подлинников?”

В одной из академических лабораторий специально для нас сделали такие копии, практически неотличимые от оригиналов. Мы вылетели в Токио, где через неделю должно было состояться торжественное открытие выставки. И тут – как гром среди чистого неба! – произошло нечто совершенно непредвиденное. Руководители фирмы “Тобу”, давнего конкурента наших спонсоров, неизвестно каким образом пронюхали, что на выставке будет экспонироваться не подлинное золото скифов, а не представляющие какой-либо ценности копии. Деятели из “Тобу” прямо спросили об этом японских организаторов, которые по своим профессиональным соображениям не решились сказать одну только правду, ничего кроме правды. Судьба выставка повисла на волоске.

Поздно вечером ко мне пришел глава Оргкомитета и без обиняков предложил: “Крюков-сан, мы раздобудем денег на страховку. А Вы срочно вылетайте в Москву и, умоляю Вас, не возвращайтесь без подлинников!” Я вернулся в Москву, и мне не без труда удалось заново собрать все требуемое золото. Я положил его в чемодан, радостно отправился в аэропорт и представил в таможенную список вывозимых предметов:

- Позвольте, но несколько дней тому назад Вы уже вывезли в Японию все эти экспонаты! – строго произнес таможенный чиновник.
- Понимаете, это не совсем так! Мы вывезли копии золотых украшений, а теперь я везу туда подлинники.
- Но в представленных Вами документах не было сказано, что вывозятся копии!

У меня на лбу выступил холодный пот. Мы действительно не стали тогда переоформлять таможенные документы, посчитав, что если нам разрешили вывезти золото, то уж поменять его на суррогат заведомо не возбраняется. И вот теперь отсутствие в наших действиях преступного умысла нужно было еще доказать! Чувствуя, что мне самому не найти выхода из этого положения, я обратился за помощью к директору института. Юлиан Владимирович позвонил своему знакомому в ЦК, а знакомый, в свою очередь, – начальнику Главного таможенного управления. У меня отлегло от сердца. Теперь нужно получить подпись этого начальника, и проблема будет решена. Захватив с собой тяжеленный чемодан, который в нарушение всех правил лежал все это время у меня под кроватью, я отправился на таможенный Олимп. Но начальник был вызван куда-то в еще более высокую инстанцию, и его пришлось долго и томительно ждать. Я смотрел на часы – до отлета оставалось четыре часа, три, два часа сорок пять минут... Наконец появился начальник, сразу же поставил свою подпись, и я помчался в аэропорт в сопровождении милицейских машин с мигалками.

И тут выяснилось, что в этот день генерал Ярузельский объявил в Польше чрезвычайное положение, и в связи с этим все рейсы в Шереметьево-2 были отложены на неопределенное время. Теперь я стал подсчитывать, сколько часов осталось до объявленного открытия выставки...

Наш самолет наконец взлетел, потом приземлился в Токио. Наутро состоялось торжественное открытие выставки “Кочевые народы Евразии”. Когда председатель Оргкомитета увидел среди присутствующих человека из “Тобу”, он подошел к нему и с присущей японцам вежливостью сказал: “Вы утверждали, что мы выставляем копии. Можете присылать к нам своих экспертов. На наших выставках мы всегда экспонируем только подлинные предметы!” Конкуренты были посрамлены, а советская выставка прошла с огромным успехом.

“Наша этнографическая наука нуждается в перестройке...”

Перестройку я встретил преисполненным надежд на то, что многое в нашей стране и в нашей науке изменится. Если этнограф не хочет провести всю свою жизнь в башне из слоновой кости, он должен быть в состоянии отвечать на насущные вопросы общественной жизни, в чем, собственно, и заключается его предназначение. Но на деле это отнюдь не всегда было так.

Необходимой предпосылкой успешного решения национального вопроса в стране является, в частности, ответ на вопрос: “Какие народы проживают на ее территории и сколько их в общей сложности?” Получить недвусмысленный ответ на этот вопрос нужно было хотя бы еще и потому, что начиная с 1931 г. в паспорте каждого советского человека была “пятая графа”, свидетельствующая о его национальной принадлежности. Но этот элементарный вопрос продолжал оставаться совершенно неясным.

Не менее серьезную проблему представлял собой другой факт: когда речь заходила о народах Советского Союза, как правило, не делалось различия между *эндоэтнонимами*, т.е. этническими самоназваниями, и *экзоэтнонимами* – наименованиями, присвоенными тому или иному народу его соседями. Между тем это совершенно разные вещи. Самоназвание народа – непосредственное и зримое отражение его самосознания, и появление эндоэтнонима – надежное

свидетельство того, что процесс формирования этого народа завершен. А название, данное со стороны, вообще не только ничего не отражает, но зачастую приводит к смешению разных народов.

Эта тема отнюдь не была новой. Еще в первой половине XVIII в. выдающийся “птенец гнезда Петрова” В.Н. Татищев включил в первый том своей “Истории Российской” специальную главу “Причины разности званий народов”. В ней он (вероятно, впервые в мировой науке) ставил вопрос о важности самоназваний народов и подчеркивал, что факты смешения самоназваний и названий со стороны “давно немалое смятение в истории и географии нанесли”. В “Лексиконе российском” при изложении этнографического материала по отдельным народам он тщательно прослеживал случаи несовпадения эндо- и экзоэтнонимов (напр.: “вогу личи, сами зовутся манчи”).

Когда я высказал эту мысль в дискуссии на данную тему, развернувшейся на страницах ежегодника “Расы и народы”, мне возразил Сергей Александрович Арутюнов: мол, название со стороны при определенных условиях может превратиться в самоназвание и потому “с порога отметить экзоэтноним было бы неверно, вначале надо выяснить, известен ли он группам, на которые он распространяется, и как к нему относятся эти группы”. В этом, безусловно, был свой резон. В любом научном исследовании отметить что бы то ни было вообще целесообразно не “с порога”, а по здравому размышлению. Но в данном случае нам было хорошо известно, что, как о том писал И.С. Гурвич, в советское время некоторые народы стали протестовать против названий, утвердившихся для них у соседей, настаивая на самоназваниях. По мнению Сергея Александровича, совпадение эндоэтнонимов может еще ни о чем не говорить – «ведь нет же никакой специфической близости между словенцами и словаками, а ведь самоназвание словаков – “словены”».

Данное высказывание, с моей точки зрения, грешило излишней прямолинейностью, поскольку нет серьезных оснований предполагать, что у родственных по своему происхождению народов совпадающие между собой самоназвания могли возникнуть конвергентно. В этом вопросе я был склонен полагаться на выводы известного специалиста по народам Сибири В.А. Туголукова относительно эвенов и эвенков, обычно рассматриваемых у нас как два самостоятельных народа. Владилен Александрович писал: “Где бы они ни жили, они всюду называют себя почти одинаково (эвенки, эвены) и не отделяют себя друг от друга”. Наблюдения В.А. Туголукова еще раз подтверждали, что, хотя такой список в те годы не был составлен (эта работа в полном объеме не выполнена и сейчас), он абсолютно необходим для решения вопроса о том, сколько и каких народов проживает на территории нашей страны. Практически же все было как раз наоборот. Существовал утвержденный “наверху” список народов, в котором самоназвания были перемешаны с названиями со стороны, и когда во время переписи населения опрашиваемому задавали вопрос: “А какой Вы, товарищ, национальности?” – и тот называл этноним, которого не было в списке, ему советовали еще раз хорошо подумать.

Только этим можно было объяснить те противоречия, которые содержались в критических замечаниях в мой адрес. Соломон Ильич Брук признал факт отдельных неточностей при определении национального состава страны, но утверждал, что “особых оснований для недоверия к материалам переписи быть не должно”, хотя ясно, что не будь неточностей, не было бы и недоверия. Кроме того, Соломон Ильич иронически заметил, что “исследователь обязан пользоваться всеми имеющимися материалами, а не только опубликованными в обобщенном виде”. Это было хорошо сказано, но – увы! – абсолютно невыполнимо, потому что в те годы архивные статистические данные для этнографов были

закрыты. Это была болевая точка этнографических исследований, настоятельно требовавшая преодоления. Поэтому я вместе с несколькими коллегами предпринял отчаянную акцию – опубликовал в прессе открытое письмо в Президиум АН СССР с просьбой способствовать решению этой проблемы: открыть для исследователей недоступные материалы архивов. Не знаю, из-за этого обращения или же по какой-то иной неизвестной мне причине, но к моей радости, как любил говаривать Михаил Сергеевич Горбачев, “процесс пошел”, хотя, к сожалению, и с большим скрипом.

Тем временем дискуссии в Институте этнографии продолжались. Теперь на еще одну злободневную научную тему. Еще в 1957 г. Н.Н. Чебоксаров и М.Г. Левин сформулировали тезис о том, что термин “этническая общность” шире понятия “народ”, поскольку им можно назвать как группу народов, близких по языку и культуре, так и часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие. В начале 1980-х эту точку зрения уже можно было считать общепринятой. Споры вызывал другой вопрос: на основании каких критериев можно отличить народ (этнос) от этнографической группы (субэтнуса)? Многие специалисты настаивали на том, что главным критерием такого рода являются данные лингвистики: язык = этнос, диалект = субэтнос. Так, С.И. Брук утверждал в своем справочнике “Население мира”, что “лингвистическая группировка является тем самым и этнической классификацией”. Но этому явно противоречил тот факт, что лингвисты насчитывают в мире до 2,5 тыс. языков, тогда как общее число народов на земном шаре обычно считается равным примерно 1 тыс.

Другие исследователи полагали, что главным критерием, позволяющим отличить этнос от субэтнуса, является этническое самосознание, внешним признаком которого является самоназвание. Однако именно в этой сфере мы сталкиваемся с примерами этнографического волюнтаризма, проявляющегося в том, что названия народов изобретаются исследователями. Одним из самых поразительных примеров подобного рода было введение в научный оборот искусственно созданного этнонима “энцы” для обозначения двух самостоятельных этнических групп, фигурировавших ранее в русской литературе под названием хантайских и карасинских самоедов и имевших самоназвания “маду” и “пэбай”. Именно поэтому в статье “Этнос и субэтнос”, начавшей дискуссию на эту тему, я высказал свое убеждение, что определение уровней этнической иерархии следует начинать с “инвентаризации” этнических самоназваний.

Еще одним существенным признаком этнического подразделения базового уровня являлась, с моей точки зрения, эндогамия. Устанавливая локализацию основных эндогамных барьеров, мы тем самым получаем дополнительные зоны для отнесения отдельно взятой этнической общности к тому или иному таксономическому уровню.

Мы отправляемся на плато Тэйнгун

Как раз в то время, когда на страницах ежегодника “Расы и народы” разгорелась дискуссия по вышеупомянутым проблемам, мне предоставилась прекрасная возможность проверить адекватность своих теоретических выкладок в этнографическом поле: мои бывшие аспиранты Фан Суан Бьен и Фам Куанг Хоан предложили мне принять участие в экспедиции к горным мон-кхмерам Южного Вьетнама. По сложившейся традиции, между членами отряда существовало разделение труда. Тоня Дементьева-Лескинен – наш единственный этнограф-вьетнамист – должна была заниматься материальной культурой и, в частности, проблемой “длинных домов” у горных мон-кхмеров. Владимир

Николаевич Шинкарев – все свое внимание сосредоточил на теме, которую он сам обозначил как “Кварц, кровь, одержимость” (речь шла о традиционных религиозных верованиях мон-кхмеров). Я же, как уже было сказано, постарался прояснить проблему “этнос – субэтнос” на примере этнического состава народов Южного Вьетнама.

В Ламдонге мы начали наши исследования с группы с самоназванием “тринг”. Причем началось все с комического эпизода. Интервьюируя очередного информанта, я задавал вопросы, требуя четкого ответа “да” или “нет”, а Бьен переводил их. Но почему-то, вместо ответа по существу, информант повторял одну и ту же фразу: “Не беспокойтесь, выпивку уже готовят!” И только через некоторое время выяснилось, что слово *niet* означает в местном языке церемонии винопития, и хозяин дома, услышав из моих уст многократно повторенное “нет”, решил, что мне не терпится выпить. Этим мы и занялись, когда ответы на все вопросы были получены.

Согласно общепринятой точке зрения, южновьетнамские провинции Ламдонг, Сонгбэ и Даклак являются этнической территорией четырех мон-кхмерских народов – ма, кохо, стиенг и мнонг, причем три последних включают многочисленные субэтнические подразделения. Этноним “кохо” – чамского происхождения; он означает “горцев”, проживающих к западу от чамов. “Мнонг” – слово из языка кхмеров с тем же значением. В составе кохо из Ламдонга есть группа, известная под названием “тил”, но в Даклаке “тил” считаются мнонгами. Казалось, что на плато Тэйнгуен наблюдается картина, уже знакомая по этнической ситуации у нас в Сибири. Но на проверку оказалось, что она гораздо сложнее. Помимо тринг, этнографическими группами народа кохо считаются тил, лать, ноп, гар и срэ. Но на вопрос, кохо ли они, все они решительно отрицали это. Типичный ответ: “Мы слышали о кохо, но они, по слухам, живут где-то далеко от нас”. Все шесть групп соблюдают эндогамию. Прямых запретов на браки за пределами группы у них нет, но тил предпочитает уехать в другую деревню, чтобы жениться на тил, а не взять себе в жены соседку лать.

И еще одно – совершенно неожиданное для меня. У тринг, тил, лать, ноп и срэ существуют и функционируют *мпол* (вариант произношения *лул*) – экзогамные группы кровных родственников по материнской линии, каждая из которых имеет свое наименование, т.е. не что иное, как матрилинейный род. В отличие от этнической эндогамии, экзогамия *мполо* абсолютна и не допускает исключений из правила. По местным поверьям, нарушение экзогамии вызывает ответную реакцию природы в виде грома и молнии или даже землетрясения. Но самое интересное заключается в том, что одни и те же *мполы* объединяют людей из разных “подразделений кохо”. Так, *мпол* бон-кронг есть у гар, тил и рлам, роонг – у гар, тил, рлам и лать, пангтьенг – у гар, тил, рлам и лать, бонгдонг – у тил и лать и т.д.

Таким образом, если субэтноты одного этноса можно образно представить в виде кисти винограда (каждая ягода сама по себе, но все вместе на одной ветке), то тринг, тил, лать, ноп, гар и срэ подобны шашлыку, нанизанному на несколько шампуров одновременно (роль последних выполняют *мполы*). Подобная этническая ситуация не свойственна исключительно горным мон-кхмерам Вьетнама (нечто похожее было в начале 1950-х годов зафиксировано Э. Личем у качин Бирмы); в отличие от привычной для нас этничности ее можно обозначить термином “этническая непрерывность”. Результаты исследований на плато Тэйнгуен я изложил в докладах, представленных на советско-индийском симпозиуме в Ленинграде и франко-советском в Париже.

Когда позже я размышлял над понятием “этническая непрерывность”, меня вдруг осенило: я наконец понял, почему этническая общность древних ки-

тайцев сложилась именно в VII в., а, например, не двумя столетиями раньше. Социальное и этническое – явления разнорядковые, однако первое оказывает воздействие на формы проявления второго. Если в данном обществе родовая организация уже разложилась, в нем не может сформироваться этническая непрерывность. В других случаях социальная организация становится *этностагнирующим фактором*, препятствующим появлению этничности.

Именно такая ситуация возникает в том случае, если в обществе функционирует ранговая система, подобная той, которая существовала в древнем Китае эпохи Западного Чжоу или в Полинезии начала XIX в. Различия между социальными рангами проявлялись, в частности, в сфере материальной культуры – в том, какую одежду носил человек, в каком доме он жил, чем он питался и т.д. Нарушения этой традиции до поры до времени были невозможны. А это означает, что в ранговом обществе нет почвы для формирования единого для всех его членов комплекса черт материальной культуры – необходимого условия генезиса этнической общности. Только после того, как система социальных рангов начинает деградировать, а затем вообще становится достоянием прошлого, возникают предпосылки этногенетического процесса.

К нам едут гости из Англии

Во второй половине 1980-х годов к нам то и дело наведывались западные ученые. Бывало такое и раньше. Но если тогда они приезжали, чтобы рассказать о результатах своих научных изысканий, то теперь их прежде всего интересовало, что происходило в годы перестройки в советской науке.

Началось все с визита в Москву Тамары Драгадзе. Тамара – потомок старинного грузинского рода. Еще в детстве она оказалась за границей, жила в Марокко, Испании, Италии, затем обосновалась в Англии, где стала известным социальным антропологом и директором Центра по изучению Кавказа и Средней Азии. Заинтересовавшись моими статьями, посвященными проблемам перестройки советской этнографической науки, Тамара предложила мне публиковать работы на эту тему в журнале *Ethnic and Racial Studies* и пригласила меня в Лондон. Но случилось так, что аналогичное приглашение я вскоре получил от другого английского социолога – Эрнста Геллнера, также приехавшего в Москву, чтобы поближе познакомиться с новыми веяниями в советских гуманитарных науках. Разница была лишь в том, что Геллнер приглашал меня не в Лондон, а в Кембридж, где он заведовал кафедрой. Отказываться от приглашений не было никакого резона, тем более что до этого бывать в Англии мне не доводилось.

Вскоре после моего возвращения из Англии ко мне подошел Иосиф Ромуальдович Григулевич. Григ, как у нас его называли, несомненно был одним из самых ярких личностей в нашем институте. Он появился как-то внезапно и вскоре стал заведовать сектором критики зарубежной науки. У него была запоминающаяся внешность, он умел зажигательно говорить и блестяще владел пером. В свою бытность председателем институтского месткома мне однажды довелось знакомиться со списком сотрудников, не выполнивших годовой производственный план. С удивлением я обнаружил в нем фамилию Грига, и мне – хочешь не хочешь – пришлось выяснять у него причины неожиданного срыва. Иосиф Ромуальдович посмотрел на меня этак снисходительно-ласково, как боец с седой головой смотрит на еще не нюхавшего порошу новобранца. “Не будьте формалистом, Михаил Васильевич! – произнес он. – Вы же сами, наверное, знаете, что вдохновение иной раз вдруг исчезает куда-то. Но не волнуйтесь, бог Вас сохрани! Через неделю-другую оно вернется! И все будет в порядке. Согласитесь: что такое неделя по сравнению с вечностью?”

Логика Грига была наповал, и я вычеркнул его фамилию из черного списка. О том, кем был Иосиф Ромуальдович до начала своей научной карьеры, мы узнали много позднее, уже после его кончины. Узнали – и вздрогнули. Как известно, тезка Грига допустил в свое время досадную ошибку, ограничившись высылкой своего злейшего врага Троцкого за границу. Оплотность надо было исправлять, и на лидера троцкистов было совершено подряд два покушения. Первое было неудачным. Очередь из автомата изрешетила окна его квартиры в Мехико-сити, но за несколько минут до этого Троцкий, вдруг почувствовав недоброе, вместе с женой залез под кровать, и оба остались живы. Григ был одним из тех, кому было поручено это ответственное задание.

Лет через 15 после этого он волею судеб стал чрезвычайным и полномочным послом Коста-Рики (да, да – не СССР, а Коста-Рики!) в Ватикане, а затем в Югославии. На этот раз он должен был встретиться с предателем Тито и сделать так, чтобы тот сразу перестал дышать и двигаться. Рассказывают, что подготовка к акции уже была завершена, когда Сталин неожиданно скончался, и задание было отменено.

Сейчас биографы Грига разбились на два лагеря. Одни слегка критикуют его и даже называют террористом, другие настаивают на том, что он до конца своих дней оставался стойким борцом за революционную идею. Не считая себя вправе участвовать в этом споре. Могу сказать только, что приставать к “Мигелю” (так некогда называли Грига его товарищи по ремеслу) и требовать отчета о каких-то там двух недописанных авторских листах текста с моей стороны было попросту глупо.

В один из дней Григ вызвал меня в коридор и объяснил цель своего визита. Оказывается, он решил подавать на членкора и почему-то счел, что его шансы на избрание возрастут, если мы будем баллотироваться в одной упряжке. Я в то время и не помышлял о членкорстве, памятуя, что корифеи нашей науки Сергей Александрович Токарев и Ник-Ник ни академиками, ни членкорами не были. Узнав о том, что мне сказал Григ, секретарь отдела Зоя Александровна была категорична: “Миша, непременно подавай!” Поразмыслив и отдавая себе отчет в том, что вся эта мутная процедура не потребует от меня никаких усилий, я согласился на предложение Грига, хотя и предвидел, что шансов на успех практически нет. Это подтвердил Валерий Павлович Алексеев, который, пригласив нас с супругой к себе в гости, по-дружески сообщил мне: “Голосовать за тебя, Мишенька, я не могу: кандидатуры членкоров там (он поднял вверх указательный палец) уже согласованы!” Как я и предполагал, нас с Григом на выборах, разумеется, прокатили.

Но ведь бывают же на свете такие совпадения! Буквально через несколько дней после этого я получил из Лондона диплом, подтверждающий, что я избран членом Европейской академии (*Academia Europaea*). А затем, как из рога изобилия, посыпались другие награды, которые я, по моему глубокому убеждению, вовсе не заслужил: свидетельство об избрании меня Почетным членом Британского Королевского антропологического института; медаль “За научные достижения в XX веке”, присуждаемая Международным биографическим центром в Кембридже; диплом “Человек года”, выданный Американским биографическим институтом; уведомление о том, что моя биография включена в издание “500 лидеров научного мира” и прочее и прочее.

Я переживаю душевный надлом

Что ни говори, было приятно держать в руках эти свидетельства международного признания. Но чувство удовлетворения не могло заслонить те нрав-

ственные муки, которые я переживал в это время. Страдания молодого Вертера в сравнении с ними показались бы игрой в бирюльки.

Незадолго перед этим мои усилия добиться реабилитации Михаила Георгиевича Попова – моего дяди Миши, расстрелянного в 1930 г. по ложному обвинению, увенчались успехом, и я получил из Центральной военной прокуратуры соответствующее уведомление. Это было радостное событие не только для меня, но в первую очередь для моей двоюродной сестры Наташи, уже утратившей надежду на то, что справедливость в отношении ее отца будет когда-нибудь восстановлена. Но вместе с тем мне не давала покоя другая мысль. Убийство ни в чем не повинного человека – тяжкое преступление. Если партия – это не просто стадо баранов, которых по указке вождя гонят то в одну, то в другую сторону, то она должна была взять на себя вину за деяния своего лидера и как минимум попросить прощения у рядовых советских людей. Канцлер Брандт нашел в себе мужество, встав на колени, извиниться за преступления, совершенные гитлеровцами. А наша компартия, значит, на это оказалась неспособна? Было над чем задуматься.

Наступила перестройка. Ну уж теперь все подобные гримасы нашей системы наверняка будут устранены! И в самом деле, началась эпоха гласности, и мы ночи напролет просиживали у телевизоров, следя за дискуссиями на заседаниях Съезда народных депутатов и за тем, как академик Сахаров спорил с Горбачевым. Но странное дело: в самой партии, объявившей себя инициатором перестройки, ничего не изменилось, и ее рядовые члены, как и прежде, оставались в полном неведении по поводу того, как на высшем уровне принимаются партийные решения.

Обеспокоенные этим, я и еще несколько человек написали письмо в ЦК с вопросом, когда же и в КПСС начнется перестройка. Ответа на письмо не было ни через месяц, ни через два. А тут как раз на Новой площади было назначено заседание, на котором нас, лекторов Всесоюзного общества “Знание”, должны были инструктировать о содержании наших публичных лекций по текущему моменту. Инструктировал нас заведующий Идеологическим отделом ЦК Вадим Андреевич Медведев. Закончив свою речь, он произнес: “А теперь, товарищи, если есть какие-нибудь вопросы, задавайте их, не стесняйтесь, вместе разберемся!” Я взял слово, поднялся на трибуну и спросил, почему ЦК не ответил на наше письмо. Своим строгим взглядом Медведев смерил меня с ног до головы: “Как фамилия? Из какого института?” Я назвал и услышал в ответ: “А ну-ка сядьте на свое место, не вводите аудиторию в заблуждение и не пытайтесь бросить тень на деятельность Центрального Комитета нашей партии. Мы отвечаем на письма с мест в течение недели!” Мне многое стало ясно.

А последней каплей стал репортаж о штурме Рижского телецентра в январе 1991 г. и искаженное от боли лицо пожилой женщины, которую прикладом автомата бил молодой спецназовец. На очередном партсобрании я положил на стол президиума свой партбилет, пояснив, что не могу нести ответственность за политические акции, возможности предварительно обсуждать которые я лишен. После собрания ко мне подошел Абрам Исакович Першиц (в свое время он вместе с Юлией Павловной Аверкиевой был в нашем институте главным борцом за чистоту марксистско-ленинского учения): “В этом зале, Михаил Васильевич, немало тех, кто думает так же, как Вы. Но не каждый отважится сказать об этом вслух!”

Снова в Китай

После 25-летнего перерыва мне снова довелось побывать в Китае. В то время там происходили серьезные события. Внезапная смерть генсека Ху Яобана,

начавшего пересмотр результатов “культурной революции” и смещенного за это по указке Дэн Сяопина, уже ушедшего в отставку со всех партийных постов и подобно вдовствующей императрице Цы Си управлявшего страной “из-за занавески”, всколыхнула столичное студенчество, и массовые демонстрации переросли в грандиозную сидячую забастовку на главной площади Тяньаньмэнь.

Как раз в этот момент в Пекине проходил визит Горбачева. Когда его спросили, чему полезному он научился за время пребывания в китайской столице, он ответил: “Как же, как же! Вот, например, устраивать свои дела через черный ход!” Он имел в виду, что во Всекитайское собрание народных представителей ему удалось попасть лишь через служебный вход на тыльной стороне здания... Партия приняла меры. По распоряжению Дэн Сяопина студенческое выступление было объявлено “контрреволюционным мятежом”. Перед воротами Тяньаньмэнь появились танки, на которые сверху взирал Великий Кормчий. Затем они проутюжили площадь, давя гусеницами все живое. Собравшиеся на прилежащих улицах были арестованы. Командующий Пекинским военным округом, отказавшийся стрелять в безоружную толпу, был предан суду Военного трибунала, а только что назначенный новый генсек Чжао Цзыян, выступавший за диалог со студентами, отправлен под домашний арест.

Я прилетел в Пекин через несколько дней после того, как Народно-освободительная армия Китая одержала блестящую победу, штурмом овладев столицей и нанеся безоружным контрреволюционным мятежникам сокрушительное поражение. Кровь на брусчатке уже была смыта, но на стенах близлежащих домов по-прежнему виднелись царапины от пуль, а асфальт на улицах в центре города был испещрен следами гусениц. Хотя эта боевая операция и не вошла в официальную летопись судьбоносных свершений Народно-освободительной армии, она тем не менее достигла основной стратегической цели: удержать сограждан от соблазнов “буржуазной либерализации”.

Во время той памятной поездки в Китай мне довелось осуществить одну свою заветную мечту: поработать в китайском “этнографическом поле” – побывать у малых народов Юго-Запада страны. Не менее поучительным было знакомство с учеными, усилиями которых в свое время формировалась китайская этнологическая школа. Оценивая пройденный ею путь, невольно поражаешься неспособности людей извлекать уроки из чужого опыта. В определенном смысле китайские этнографы повторили фатальные заблуждения, свойственные нашей отечественной науке. Искреннее желание большинства советских этнографов овладеть марксистской методологией обернулось на грани 1920–1930-х годов массовым избиением ученых старшего поколения и привело к разрыву исследовательской традиции. Сходный процесс китайская наука пережила в 1950-х годах, когда за действительные или мнимые ошибки пострадали мастиные ученые.

Достаточно вспомнить Фэй Сяотуна – ученика Широкогорова и Малиновского, автора монографии, признанной в свое время образцовым произведением современной этнологии, ученого, лишенного после создания КНР права заниматься делом всей своей жизни. Однажды мой знакомый спросил меня, не хотел ли бы я познакомиться с профессором Фэем. Это было просто удивительно – ведь как раз перед этим мой сын (он в тот раз вместе со мной приехал в Пекин в научную командировку) перевел книгу Фэй Сяотуна, а я написал к ней предисловие.

История этой книги была драматична и поучительна. Фэй Сяотун окончил курс Университета Цинхуа и собирался поехать в Лондон для продолжения образования, но Широкоговор посоветовал ему предварительно побывать у малых народов Южного Китая, чтобы собрать материал для будущей докторской

диссертации. Фэй Сяотун прислушался к мнению учителя и вместе со своей молодой женой Ван Тунхуй отправился в провинцию Гуанси, где на горе Даяошань жили ранее не изучавшиеся этнографами яо. Супруги расположились в одной из деревень и начали обследование местного населения. Перемещаться из деревни в деревню приходилось только пешком по горным дорогам. Они не знали, что в этих местах существовал своеобразный способ охоты на тигров: на тропинке в горах рыли глубокую яму, замаскированную ветками, оказавшийся наверху тигр проваливался вниз и становился добычей охотников. Но на этот раз в яму провалился Фэй Сяотун и при этом сломал себе ногу. Все попытки выбраться из ловушки оказались тщетными, и Ван Тунхуй поспешила в деревню за помощью. Прошел день, затем второй. Помощь не приходила. Заподозрив недоброе, Фэй Сяотун, преодолевая адскую боль, выкарабкался из ямы и кое-как добрался до деревни. Но там ему сказали, что его супруга туда не приходила. Через несколько дней ее труп был найден под ближайшим обрывом. Фэй Сяотун нашел в себе силы обработать полевые дневники Ван Тунхуй и издать их в виде монографии, но несчастье так подействовало на него, что он зарекся никогда больше этнографией не заниматься. Чтобы восстановить физические и нравственные силы, он поехал на родину, где жила его сестра. Знакомство с традиционным укладом жизни земляков заставило Фэй Сяотуна изменить свое решение. Результатом этого явилась рукопись “Сельская жизнь в Китае”, которую он показал в Лондоне Малиновскому и удостоился исключительно высокой оценки: его книга была сочтена “новой страницей в истории китайской науки”.

Я сказал мэтру, что мне хотелось бы продолжить начатые им исследования в Даяошань. Насколько можно было судить по монографии Ван Тунхуй, тамошние яо были представлены несколькими локальными группами, и это была прекрасная возможность еще раз проверить на практике мои теоретические выкладки на тему “этнос – субэтнос”. Фэй Сяотун одобрил этот план, предупредив: “Но только имейте в виду: там Вам надо быть предельно осторожным!”

В Наньнине я познакомился с известным этнографом Сюй Цзе-шунем, и мне удалось заинтересовать его перспективой “пройти по следам Фэй Сяотуна”. Он взял на себя организационную сторону дела. Согласно официальной статистике, в Даяошань проживают пять подразделений яо: I – ю мьен (пань яо); II – кимдимун (шанызы яо); III – аобяо (ао яо); IV – кьоннай (хуалань яо); V – лаккья (чашань яо). Первое, что бросилось нам в глаза, это различия в повседневной одежде всех пяти групп, особенно у женщин. Не менее значительны различия в языке. Согласно официальной лингвистической классификации, юмьен, кимдимун и аобяо говорят на диалектах, относящихся к группе языков яо, кьоннай – на языке группы мяо, лаккья – на языке группы кам-суй.

В полном соответствии с этими различиями находится этническое самосознание пяти “подразделений народа яо”. В их языке нет этнонима, который охватывал все пять групп. Поэтому наш информатор-лаккья утверждал, что китайская фраза “Он – яо, и вы – тоже яо” на его родном языке может звучать только как “Лак тук лаккья, ма тук хуай тук лаккья”. Юмьен убеждены, что все прочие люди по отношению к ним самим – это “чужаки” (*гань*), причем таковыми являются не только собственно китайцы, но и лаккья.

Наши исследования в горах Даяошань не оставили ни малейшего сомнения в том, что “подразделения народа яо” отнюдь не являются субэтносами, а представляют собой самостоятельные этносы. Это ставило под сомнение достоверность результатов проведенной в 1950-х годах работы по определению этнического состава населения КНР. Цифра “56 народов”, якобы проживающих в Китае, не соответствует действительности так же, как и “100 наций и народностей” СССР!

А у нас вскоре вслед за этим грянул ГКЧП. Моя супруга была не на шутку перепугана: “Ты представляешь, что они могут сделать с тобой из-за этого твоего фортеля с партийным билетом!” Но члены ГКЧП угодили за решетку, а в отношении меня никаких оргвыводов не последовало. Более того, в институте я был назначен на ответственную должность – главного редактора нашего институтского журнала. В сложившейся обстановке продолжать издавать “Советскую этнографию” я считал абсолютно неприемлемым и предложил переименовать журнал, возродив доброе старое “Этнографическое обозрение”, бывшее в конце XIX в. официальным органом Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Соответственно предполагалось существенно изменить и содержание нашего журнала, приблизив его к требованиям момента. Все это я подробно изложил в обращении к читателю, которое было предпослано первому номеру “Этнографического обозрения” за 1992 г. Когда я писал строки этого обращения, я и помыслить не мог, что после безвременной кончины Юлиана Владимировича Бромлея его преемник на посту директора въедет в институт на белом коне и упразднит понятие “этнос”. Неправда ли, неплохой сюжет для Аркадия Райкина: руководитель научной мысли отрицает объективное существование предмета той “логии”, которая фигурирует в наименовании возглавлявшегося им института!

Research Article

Kryukov, M.V. How Lovely, How Fresh Were the Roses... [Kak khoroshi, kak svezhi byli rozy...]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 63–95. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050056> EDN: YEAOIG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mikhail Kryukov | 32liukefu@163.com | Academia Europaea; Royal Anthropological Society of Great Britain and Ireland (Moscow, Russia; Beijing, China)

Keywords

history of ethnography, Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, Ancient China, kinship systems, theories of Morgan and Engels, fieldwork

Abstract

The author – doctor of historical sciences, an honorary member of Academia Europaea and the Royal Anthropological Society of Great Britain and Ireland – shares his autobiographical recollections about the life and career in Soviet/Russian anthropological academia, research and fieldwork, colleagues and friends, work for the journal “Sovetskaia etnografiia” (currently, “Etnograficheskoe obozrenie”), as well as the vicissitudes of academic life at the Institute of Ethnography (currently, the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences).

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ЖИЗНЕННЫЕ ДРАМЫ НА ФРОНТИРЕ КУЛЬТУР:
АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ, ЭВЕНКИ И ЭВЕНЫ СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ
(отв. ред. – О.Ю. Артемова)**

ВВЕДЕНИЕ: ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

О.Ю. Артемова

Ольга Юрьевна Артемова | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | artemova.olga@list.ru | д.и.н., профессор, главный научный сотрудник центра азиатских и тихоокеанских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия)

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Статьи предлагаемого блока отражают результаты двухлетней работы по проекту РНФ № 21-18-00495 “На фронтире культур: от индивидуальных биографий к историческим судьбам этнических сообществ (эвенки Сибири и коренные австралийцы в условиях модернизации)”, а также и исследовательский опыт прежних лет. Названный проект направлен на комплексное социоантропологическое изучение того, как проявляются и преломляются в судьбах конкретных людей последствия длительных контактов между разительно отличающимися культурами. А именно: культурами, сформировавшимися при отсутствии государственного управления и письменной фиксации, а также письменной межпоколенной трансформации социально значимой информации (так наз. традиционными культурами), с одной стороны, и культурами, длительное время развивавшимися в условиях государственности с продвинутыми технологиями фиксации и передачи информации, имеющими индустриальные экономики, проявлявшими в сравнительно недавнем прошлом регулярную колонизационную активность и охваченными в настоящее время процессами индустриальной интенсификации и глобализации, – с другой. Упор делается на фактах вынужденного столкновения разительно отличающихся культур – столкновения, которое порождает труднейшие проблемы человеческого взаимодействия. Именно такой фактический материал содержит в себе особый теоретический и прикладной интерес.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Артемова О.Ю. Введение: от редактора-составителя // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 5. С. 96–98. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050068> EDN: YEBKZL

Artemova, O.Y. 2023. Vvedenie: ot redaktora-sostavitelia [Introduction: From the Guest Editor]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 96–98. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050068> EDN: YEBKZL

В ходе пяти экспедиций в населенные пункты малочисленных коренных народов России и Австралии, туда, где живут люди, имевшие в прошлом присваивающую экономику и пережившие мощные социально-экономические и социально-психологические потрясения в процессах колонизации и аккультурации, был собран внушительный фактический материал биографического характера, отражающий судьбы людей, живших в условиях интенсивного, порой драматического столкновения культурных традиций, а также испытывавших давление властей, являвшихся проводниками интересов далеких и чуждых культур. Для изучения биографий жителей изолированных, удаленных от городских центров районов выбирались поселения, в которых такая работа еще никем из этнологов-социальных антропологов прежде не проводилась. Из этого следует, что подавляющая часть собранных участниками проекта материалов вводится в научный оборот впервые.

В 2021 г. участники проекта вели полевую работу среди эвенков Восточной Сибири в селениях Чумикан и Неран Хабаровского края РФ (О.Ю. Артемова, М.С. Михалев), в селениях Багдарин и Россошино Республики Бурятия (В.Л. Кляус и Н.С. Кирилов), а также в селениях Чегдомын, Новый Ургал, Солони, Средний Ургал, Новый Уоян, Уоян Хабаровского края и Республики Бурятия (Д.А. Долгих, Г.С. Корытин, М.А. Щекин). В 2022 г. география полевых исследований была расширена: Д.А. Долгих и М.А. Щекин побывали в селениях Северо-Байкальского района Республики Бурятия (Нижнеангарск, Холодное, Байкальское, Кичера), а М.С. Михалев и Г.С. Корытин – в поселениях Охотск и Арка Охотского района Хабаровского края, где помимо эвенков представлен родственный им тунгусоязычный народ – эвены.

В 2022 г., в сентябре – декабре, состоялась длительная и насыщенная экспедиция О.Ю. Артемовой, Ю.А. Артемовой и В.Л. Кляуса в Австралию. Они работали в удаленном от городских центров поселке коренных австралийцев Аурукун (полуостров Кейп-Йорк, этнокультурная общность вик-мункан), а также посетили ряд других поселений, где могли контактировать с аборигенами, до сих пор сохраняющими родные языки и некоторые важные черты традиционной культуры в целом.

Изучение реалий настоящего и недавнего прошлого высвечивает цепь причинно-следственных связей: от вынужденного отказа от традиционных занятий целыми народами (как в Сибири, так и в Австралии) и до каждой из личных траекторий. В рассказах респондентов, принадлежащих примерно к одному поколению, вырисовывается один и тот же паттерн: воспоминания – часто обрывочные – о родителях, родительских традициях, затем миссионерская (в Австралии) или колхозная (в России) относительно спокойная эпоха, о которой респонденты отзываются сугубо положительно, затем перестройка у нас и переломные события в Австралии аборигенов в девяностые годы, драматически сказавшиеся на судьбах людей, и, наконец – современность, когда перед пережившими сложнейшие периоды коренными жителями и Сибири, и Австралии остаются ключевые проблемы: абсолютная непригодность реалий современных капиталистических систем для сохранения традиционного хозяйства и напрямую вытекающее отсюда продолжение процесса утраты традиционной культуры, а также отсутствие экономических и культурных альтернатив, которые могли бы дать основу для сохранения социокультурной целостности сообществ коренных жителей обеих стран. Приходится констатировать крайне низкую вовлеченность коренных жителей в официальную экономику районов, в которых велись исследования, при том что во многих из них действуют промышленные предприятия, нацеленные на выкачивание природных ресурсов и получение сверхприбыли. Наиболее фундаментальной проблемой представля-

ется практически полное отсутствие как у австралийских аборигенов, так и у эвенков и эвенов реального контроля над любыми процессами, в которые они вынужденно втянуты, и над структурами, зависимыми от которых они оказались. А это во многих случаях ведет к утрате жизненных смыслов и распаду деятельности. Авторы предлагаемых статей ищут ответ на один и тот же мучительный вопрос: “Существует ли в текущей ситуации рецепт спасения?”. К поискам ответов они подходят по-разному, равно как и по-разному оценивают возможности каких-либо прогнозов на будущее.

Editor's Introduction

Artemova, O.Y. Introduction: From the Guest Editor [Vvedenie: ot redaktora-sostavitelia]. Etnograficheskoe obozrenie, 2023, no. 5, pp. 96–98. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050068> EDN: YEBKZL ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Olga Artemova | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | artemova.olga@list.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (Miuskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia)

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

ЭВЕНКИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО 1920–1980-х ГОДОВ: СОВЕТСКАЯ БИОГРАФИЯ НАРОДА

В.Л. Кляус

Владимир Леонидович Кляус | <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090> | v.klyaus@mail.ru | д. филол. н., профессор Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия) | заведующий отделом фольклора | Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ул. Поварская 25а, Москва, 121069, Россия)

Ключевые слова

эвенки, документальный фильм, биография народа, киноантропология, трансформация традиционного образа жизни

Аннотация

В статье рассматриваются документальные фильмы об эвенках, созданные в 1920–1980-х годах: “Тунгусы” “Эвенкийский автономный округ”, “Эвенкийская весна”, “Юктэ – источник” и др. Киноленты в полной мере отражают биографию эвенкийского народа и входящие в его жизнь с первых лет установления советской власти изменения в хозяйственно-экономической, социальной и культурной сферах. Документальные кинофильмы дают возможность проследить этапность этих изменений и эволюцию отношения к ним в обществе. Кроме того, в статье содержатся выводы автора относительно характера социально-экономического положения эвенков в тех районах, где он вел полевую работу в 1994–2021 гг.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Документальное кино является важным источником для социокультурных и этнологических исследований. Анализ визуальных образов позволяет воссоздать специфику жизни и культурное пространство народов России в конкретные временные периоды, а в исторической перспективе – “биографию” той или иной этнической группы. Источниковедческая ценность документальных лент была подробнейшим образом раскрыта в трудах профессора В.М. Магидова, прежде всего в его монографическом исследовании “Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания” (Магидов 2005).

В настоящей статье будет представлен анализ снятых в советский период – в 1920–1980-х годах – документальных фильмов об эвенках. Советская документалистика развивалась в специфических идеологических условиях, и представляется интересным то, как она показывала реалии жизни эвенков, специфику трансформационных процессов их бытия и традиционного хозяйства, имевших место в XX в.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кляус В.Л. Эвенки в документальном кино 1920–1980-х годов: советская биография народа // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 99–110. <https://doi.org/10.31857/S086954152305007X> EDN: YECGUS

Klyaus, V.L. 2023. Evenki v dokumental'nom kino 1920–1980-kh godov: sovetskaia biografiia naroda [Evenks in Documentary Films of the 1920s–1980s: Soviet Biography of a Nation]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 99–110. <https://doi.org/10.31857/S086954152305007X> EDN: YECGUS

С тунгусами (так называли эвенков в России до 1930-х годов) русские первопроходцы встретились в Сибири в XVII столетии, и к настоящему времени накоплен значительный материал по духовной и материальной культуре этого народа. Рисуночные изображения тунгусов нам известны уже по гравюрам XVIII в., первые фотографии их “типов” были сделаны на рубеже XIX–XX вв., а первая документальная киносъемка – в феврале 1926 г., что произошло во многом благодаря выдающемуся советскому документалисту Дзиге Вертову.

“Тунгусы”

Как известно, фильм Вертова “Шестая часть мира” создавался по заказу внешнеторгового предприятия “Госторг”. Фактически перед автором была поставлена задача подготовить рекламную кинокартину, которая продемонстрировала бы странам Запада экспортные возможности СССР. Но документальная лента по масштабу превзошла первоначальную концепцию: показан Советский Союз как новый мир с его уникальными возможностями для нового советского человека, включенного в строительство социалистического общества вне зависимости от этнической принадлежности, образа жизни, культуры.

Для воплощения своего замысла Вертов организовал несколько киноэкспедиций в разные уголки страны, к разным народам, в том числе и к тунгусам. К ним в “Восточно-Сибирскую тайгу” отправился Петр Зотов. Отдельные снятые им кадры вошли в “Шестую часть мира”, а впоследствии, в 1927 г., Елизаветой Свиловой, супругой Вертова, была смонтирована “этнографическая фильма” под названием “Тунгусы” продолжительностью чуть более 11 минут¹.

Ни в одной из исследовательских работ, посвященных фильму “Тунгусы”, не обсуждается сколько-нибудь подробно вопрос о том, где и как он снимался (Магидов 2008; Головнев 2019, 2021: 344–352). В статье С.В. Бураевой и С.А. Батурина утверждается, что съемки проходили в Бурят-Монгольской АССР (Бураева, Батурина 2017: 66), что, конечно, было бы очень значимо для различных исследований по эвенкам Прибайкалья и Забайкалья, но никаких доказательств авторы не приводят.

Возможно, в архивах Зотова и есть точное указание на то, где и с какой группой эвенков он проводил киносъемку, но нам об этом не известно – мы можем опираться лишь на косвенные данные. Интересно, что из заметки в газете “Кино” за 1926 г. (№ 7/127 от 16 февраля) про фильм “Госторг” (видимо, таковым было рабочее название “Шестой части мира”) в рубрике “Картины, которые нам готовят” мы узнаем о том, что “[к]омандированный в Сибирь кино-корреспондент Зотов снимает быт тунгусов и их охотничьи промыслы. Любопытно то, что свет позволяет снимать там только один час в день” (Кино 1926: 3). Возможно, данная газетная заметка основана на телефонограмме Зотова, адресованной руководителю проекта Вертову, как это было принято в те времена. Для Бурятии, соседнего Забайкальского края и Приамурья, где также живут эвенки, подобный короткий световой день в феврале не характерен.

Ответ на вопрос о месте съемки дает сама кинолента: на одном из кадров в эпизоде, когда охотники привозят сдавать пушнину в “ближайший государственный торговый пункт” (так гласят титры), читается часть вывески этого пункта: “... ФАКТОРИ... ТАИМБ...” (примерный таймкод: 9 мин 28 с – 9 мин 31 с). Это, видимо, фактория Таимба на р. Подкаменная Тунгуска. Впоследствии на ее месте возник одноименный поселок, который, ввиду отсутствия населения, не так давно был упразднен – в 2017 г. Для этого района (60°17' с.ш. 98°59' в.д.), находящегося примерно на одной широте с Якутском (62°01'), действительно характерен короткий световой день в феврале.

Фильм интересен как первая документальная лента о российских эвенках. Перед нами довольно полная кинофиксация их жилища (в том числе процесса возведения шалаша *джютэ*) и хозяйственных построек; мужской, женской и детской одежды; способов приготовления лепешек и чая; показаны охота и олени, которые используются при перекочевках; даны кинопортреты детей, мужчин и женщин, в том числе пожилых; из духовной культуры продемонстрирована лишь игра на хомусе. Лента свидетельствует о том, что приенисейские тунгусы в 1920-е годы полностью сохраняли свой традиционный образ жизни, но в ней зафиксирован и сдвиг в биографии народа: охотники всю пушнину, добытую в тайге, сдают уже государству, а не русским купцам и промышленникам с Ангары. Данный эпизод, без сомнения, был в техническом задании Зотова. Но Вертов его не использовал в “Шестой части мира”, так как, видимо, считал, что аналогичный фрагмент, если судить по одежде приехавших в “пункт государственной торговли”, снятый среди хантов, выглядит интереснее.

Впрочем, в одночасье невозможно было заменить сложившиеся взаимоотношения между тунгусами и русскими промышленниками, скупавшими раньше пушнину. Об этом узнаем из записок счетовода Сибстатуправления Н.В. Сушилиной (середина 1920-х годов), которые хранятся в Красноярском краевом краеведческом музее:

Встретившийся на фактории Таимба тунгус рассказал регистратору Сушилину, как ангарцы продали ему какой-то старый, сломанный барометр под видом прибора, якобы в промысле отыскивающего белку. Тунгус поверил им и, заплатив 24 белки, купил эту чепуховину. До осени он все восторгался своим приобретением: “Вот люча мудрёный, как не мудрёный, когда машинка строил, который сам белка показывает. И есть не просит, не то, что собакам, которых кормить надо. Вот диво, диво” (Власенко б.г.).

Похоже, русские продолжали торговать и обманывать доверчивых северных охотников, как они это делали и до установления советской власти.

Фильмы об Эвенкийском (автономном) национальном округе

В 1930 г. территория, где снимал Зотов, входит в новообразованный Эвенкийский национальный округ (с 7 октября 1977 г. – автономный округ). На рубеже 1930–1940-х годов о проживающих здесь эвенках создается две киноленты, имеющие уже студийную озвучку. Доводом в пользу того, что они снимались еще в предвоенное время, служит полное отсутствие упоминаний о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., хотя одна лента продолжительностью 11 мин 14 с, имеет название “Эвенкийский автономный округ (1940–1949 гг.)” (ЭАО 1940–1949).

В данной киноработе традиционная жизнь эвенков представлена в нескольких темах: охотничий промысел; *суглан* – встреча эвенков; вера в шаманов; жизнь в тайге с оленями. Тема охоты развивается в том же ключе, что и в фильме “Тунгусы”, только более подробно рассказывается, как эвенки сдают пушнину и какое разнообразие товаров, в том числе современную городскую одежду, они за нее получают. Весьма показательна тема *суглана*, который, с одной стороны, внешне напоминает партийное собрание, так как в нем участвует приехавший из Ленинграда эвенк Комбойко, а с другой – традиционно сопровождается песнями и танцами, в частности совместным круговым танцем *Ехорьё*. В фильме есть и шаманское камлание. При внимательном рассмотрении появляется предположение, что камлание имеет постановочный характер. Но самое главное, оно представлено в ироническом ключе: мы видим шамана с бубном, его помощника, присутствующих, голос за кадром комментирует их действия, но делает это как бы насмехаясь над происходящим.

В непродолжительном эпизоде этого фильма запечатлено, как подростки покидают стоянку верхом на оленях, отправляясь в школу, старшие родственники и дошколята весело прощаются с ними; сцена, в частности, свидетельствует о том, что эвенки живут в тайге, кочуя по ней со своими оленями. Но главное, о чем рассказывает документальная лента, – о полной включенности эвенков в жизнь советского государства и о произошедших изменениях: участие в выборах депутатов Верховного Совета СССР; работа “Красного чума”, в котором эвенки читают газеты и журналы, играют в шашки и шахматы; учеба детей (показан урок географии) и новогодний праздник (с Дедом Морозом), судя по всему, в школе-интернате; сообщается, что эвенки уже перебираются из “дымных” чумов в “пахнущие свежим деревом” дома, и мы видим убранство дома, где теперь живут эвенки – кровать, стол и стулья, цветы в горшочках, этажерка с книгами. Отдельное значение имеет эпизод отдыха мужчин-эвенков после охоты в “Доме промышленников”, где у них есть возможность сходить в баню, послушать игру на баяне, почитать стенгазету и, видимо, даже подстричься – особенно символично последнее, так как парикмахер состригает эвенку-мужчине косичку². Напрямую о создании колхоза или совхоза не сообщается, но говорится, что отдыхает “бригада” охотников, т.е. они ведут совместную организованную охоту, объединены в промысловый коллектив.

Вторая документальная лента, которая мне известна лишь в отрывках (судя по всему, это хроника из какого-то киножурнала³), еще более категорична в своем порицании традиционной жизни эвенков: в одном из эпизодов показаны молодые эвенки, студенты Института народов Севера (Ленинград), которые рассматривают в музее (Кунсткамера?) экспозицию с чумами, а закадровый голос сообщает, что “далекое прошлое эвенков стало достоянием музеев, мудрая сталинская национальная политика возродила эвенкийский народ к новой жизни”. В этой же киноленте показан роддом с “маленькими гражданами Советской Эвенкии”.

Центральный эпизод фильма – охота на пушного зверя и сдача добытых шкурок на фактории. Он настолько важен для авторов, – так как демонстрирует включенность эвенков в социалистическое строительство – что закадровый комментатор, поясняя то, что видит зритель, даже переходит с прозы на стихотворный текст:

[В] Месяц раз или два приезжают сюда следопыты,
Коренастые эвенки, люди далеких хребтов.
Турсуки их полны, турсуки до отказа набиты
Драгоценной пушниною, золотом мягких мехов.

И в завершении эпизода и, видимо, всей кинохроники:

Вот оно мягкое золото, пушное богатство эвенкийской тайги.
Только тронешь, и вспыхнут волшебные яркие искры –
Голубеют песцы, отливают луной соболя.
Все богатства тайги, все богатства тайги эвенкийской
Мы тебе посылаем, родная большая земля!

Последние слова звучат под кадры, когда мешки с пушниной грузят на самолет с надписью “СССР”.

Известен еще один фильм, посвященный Эвенкийскому национальному округу – “В тайге у эвенков”. Авторы С. Рапопорт (режиссер) и В. Придорогин (оператор) (В тайге... 1946). В нем также показан традиционный быт эвенков: оленеводство; ловля рыбы; охота на пушного зверя, шкурки которого сдаются в приемные пункты; но главное их новые занятия – работа в типографии, на метео- и радиостанции, уроки в школе-интернате, медицинское обслуживание

в поликлинике и в больнице, отдых в Красном уголке. Год создания – 1946, но, скорее всего, сами съемки были сделаны намного раньше.

В отличие от киноработы Зотова и Свиловой “Тунгусы”, которая действительно относится к жанру документального кино, большинство эпизодов этих трех фильмов имеют постановочный характер. Особенно хорошо это видно, когда зрителю демонстрируется “дом”, где теперь “живет” семья эвенков: пожилой мужчина, молодой мужчина и ребенок находятся за столом, молодая женщина, вероятно, изображающая жену, сидит на лавочке и что-то шьет. Можно заметить, как ветер сильно колыхает скатерть на столе, и это говорит о том, что, скорее всего, эпизод снимался не в помещении, а на открытом воздухе в специально выстроенных декорациях. В меньшей степени, наверное, постановочность касается ситуаций с детьми: отъезд в школу, уроки и, конечно, сцены в роддоме, в поликлинике и больнице.

В то же время утверждать, что в киноработах конца 1930-х – начала 1940-х годов нарисована только желаемая с точки зрения идеологии картина жизни эвенков, нельзя. Конечно, это был, если так можно выразиться, советский глянец, но все процессы, нашедшие отображение в кинолентах, происходили в реальности: перевод эвенков на оседлый образ жизни, организация колхозов, обучение детей в школах-интернатах, появление письменности, формирование национальной интеллигенции, более высокий, чем прежде, уровень медицинского обслуживания, работа с технологически сложным оборудованием и т.д.

Киножурналы конца 1930-х – начала 1940-х годов

Жанр киножурнала, зародившийся в России в первое десятилетие XX в., получил свое развитие в СССР в 1920-е годы, в частности благодаря тому же Вертову. Судя по описанию фрагментов его “Киноправды” (№ 19, 1924), которые хранятся в Красногорском государственном архиве кинофотодокументов (учетн. № 19), в ней зафиксировано следующее: “Тунгусы едут на нартах. Женщина-тунгуска у ступы” (РГФКФД). Цифровая копия этого номера киножурнала размещена в интернете на различных ресурсах, но в ней данный эпизод, как и ряд других, отсутствует.

В объектив авторов довоенных советских киножурналов эвенки чаще всего попадали в конце 1930-х – начале 1940-х годов. К примеру, из “Союзкиножурнала” зрители могли узнать об обучении эвенков в совпартшколе г. Олекминска в Якутии (№ 12, 1937), об учебе детей эвенков в школе-семилетке на Дальнем Востоке (№ 22, 1938), о проведении партторгом политической беседы среди эвенков колхоза “Рассамага” в Новосибирской обл. (№ 81, 1940), а из киножурнала “СССР на экране” – о ликвидации безграмотности среди взрослых эвенков и игре детей в охоту на медведя (№ 5, 1937), о чтении лекций эвенкам на стойбище и изучении ими политической карты мира (№ 10, 1940), о поездках на оленьих упряжках в таежные эвенкийские стойбища Красноярского края культбригады, привозившей газеты и радио (№ 3, 1940) (Там же). Как видим, почти все эпизоды киножурналов сосредоточены на показе идеологической включенности эвенков в новую жизнь, что в целом соответствовало пропагандистской сути этого жанра советской кинодокументалистики.

“Эвенкийская весна”

О документальных кинолентах 1950–1960-х годов, посвященных исключительно эвенкам, мне не известно. В 1970-е – начале 1980-х годов появляются фильмы о строительстве Байкало-Амурской магистрали, которая прошла по территориям

традиционного проживания эвенков в Бурятии, Читинской и Амурской областях. В некоторые фильмы включены эпизоды и сцены с эвенками: “Как там, на БАМе?” (1975), “Долина” (1985) и др. Здесь я остановлюсь на двух киноработах: “Эвенкийская весна” (1983) и “Юктэ – источник” (1989). Первая посвящена эвенкам Приамурья, вторая – эвенкам, проживающим в Красноярском крае, в зоне, близкой к затоплению в связи со строительством Богучанской ГРЭС.

Название фильма “Эвенкийская весна” (1983) говорит само за себя. Оно настраивает на оптимистическое восприятие киноматериала. В работе над ним приняла участие Р.П. Зверева, социолог, научный сотрудник Института истории, философии и филологии СО АН СССР. Но Римма Петровна была не просто научным консультантом, а фактически героем и одним из авторов киноленты: она читает закадровый текст и периодически появляется в различных эпизодах (ЭВ 1983).

Первые кадры фильма – распускающийся цветок и ледоход на реке – сопровождают звук взрыва и крик пролетающих журавлей. Они указывают на основную тему, которой посвящен документальный фильм: природа и человек с его современными технологиями освоения ресурсов. Уже с первых слов Зверевой зритель понимает, что в концепции фильма, несмотря на все изменения, которые произошли в жизни таежного народа с приходом советской власти, эвенки по-прежнему дети природы. Говоря о трансформации традиционного уклада, Римма Петровна констатирует: в жизни эвенков утвердились все те преобразования, о которых мечтали авторы фильмов рубежа 1930-х – 1940-х годов: оседлый образ жизни, всеобщая грамотность, национальная интеллигенция, колхозы и совхозы, обучение детей в интернатах...

Как мы понимаем из фильма, Зверева проводила исследования среди эвенкийских детей пос. Усть-Нюкжа Амурской области с использованием проективного рисуночного метода: просила их делать рисунки на определенные темы, которые затем анализировала. И именно дети становятся главными представителями народа, с ними больше всего различных сцен: мы их видим на берегу реки, на полянке с рисунками, в различных ситуациях с оленями и др.

Пришедший в амурскую тайгу БАМ стал “новой строкой” в судьбе народа. Авторы фильма дают слово одному из местных жителей – Михаилу Полякову, выросшему рядом с эвенками. Он говорит, что, конечно, БАМ принес местному населению квалифицированную медицинскую помощь, улучшил транспортное сообщение, но стройка уничтожает тайгу, ведет к пожарам, захламлению территорий, исчезновению зверя и рыбы. Показателен монтаж кадров после монолога лесника: рабочие бьют по рельсе, устанавливая ее, и после каждого удара меняется кадр так, что создается впечатление, будто бы они бьют по эвенкийским детям, по тайге, по ее хозяину медведю... Слова самим эвенкам не дается, об их тревогах сообщает Зверева: “Что будет с его землей, со зверем, рыбой, которые уйдут из этих мест, что будет с оленем, которого надо будет пасти и в XXI веке (курсив мой. – В.К.), что будет с его сыном, будет ли он наследовать дело отцов или уйдет в город?”

Чтобы у зрителя не было сомнений относительно метода, который использует Зверева, авторы фильма дали слово академику АМН СССР В.П. Казначееву: он высказывается о значимости детских рисунков для науки. Исследовательница кратко сообщила о следующих итогах своей работы по “парному рисунку”: эвенкийские дети рисовали самое красивое и самое некрасивое. Самое красивое, по их мнению, мама, тайга, олень, самое некрасивое – война, браконьер, водка. Зверева предлагает задуматься об этом. На рисунках эвенкийских детей отражена окружающая их реальность, в том числе и железная дорога, железнодорожные мосты через реки. Показывая их зрителю, исследовательница сообщает за кадром, что “из рисунков видно, к чему тянется детская душа”, и затем переходит к теме БАМа, сообщая бодрым голосом, что он “пришел как весна, принес много нового и породил массу проблем”.

В завершающих эпизодах фильма авторы говорят про свою мечту о гармонии между техническим прогрессом и историческим опытом коренного населения, провозглашают веру в светлое будущее эвенков, которое наступит, если из эвенкийских детей воспитать заботливых хозяев тайги и подготовить из них специалистов по охране природы. Как конкретно это сделать, об этом речи нет, звучит лишь декларация: это государственная задача.

Не прошло и десяти лет, государство, к которому адресовали свой посыл авторы фильма, перестало существовать. С позиции сегодняшнего дня кинолента представляется несколько наивной, но важно, что в ней сделана попытка вербализации проблем и поиска выхода из сложнейшей ситуации; авторы даже предложили определенное решение. Следует заметить, что в целом, несмотря на свою наивность, их предложение о подготовке из эвенков специалистов по охране природы, по сути, весьма разумно и не потеряло актуальности до сих пор. Кому как не эвенкам с их традиционными навыками природопользования профессионально радеть об экологии своего края!

“Юктэ – источник”

Режиссер фильма “Юктэ – источник” И.Б. Зайцева. Эта лента 1989 г. – первая авторская работа Ирины Борисовны, в настоящее время директора и продюсера красноярской киностудии АРС. Консультантом выступил эвенкийский писатель и поэт А.Н. Немтушкин, и это, без сомнения, сыграло большую роль в восприятии автором ленты эвенкийской темы.

Фильм начинается кадрами с текущей водой (в стиле А. Тарковского), которые сопровождаются эвенкийской песней. Это создает ощущение тревожности. Название киноленты и ее начало, казалось бы, указывают на то, что фильм посвящен только эвенкам, но совершенно неожиданно эвенкийская тематика обрывается, и зритель видит баржу на реке, будни матросов-речников и отдающего команды капитана на мостике. Потом эта сцена так же неожиданно обрывается, и авторы возвращают зрителя к эвенкийскому герою (ЮИ 1989).

Фактически в киноленте три различных “фильма”, сюжетно никак не связанных друг с другом. Единственное, что их объединяет, – пространство: действие происходит в низовьях Ангары. Два “фильма” о русских: первый – о рабочих буднях речного флота, второй – о русской приангарской деревне. Героями третьего “фильма” стали эвенки. Зайцева перемешала сюжеты; каждый фрагмент начинается и заканчивается неожиданно. Схематично это выглядит следующим образом: эвенкийская экспозиция / речной флот / эвенки / русская деревня / эвенки / русская деревня / речной флот / эвенкийский финал. Эвенкийская часть, конечно, самая значимая, с нее все начинается и ею заканчивается, “закольцованность” (и в начале, и в финале звучит одна песня) лишь это подчеркивает.

В сюжетном отношении на “русских фильмах” останавливаться подробно нет необходимости. Если кратко, то в киноэскизе про матросов-речников, помимо сцен, показывающих их работу, есть эпизод с капитаном, который говорит о своей тоске, испытываемой ранней весной, когда после зимовки его неодолимо тянет на реку, на свой корабль. В “фильме” о русской приангарской деревне показана последняя встреча жителей со своей малой родиной, которую они теряют: они навсегда прощаются со своими домами и родными местами перед переселением, так как древня будет затоплена – скоро должен произойти пуск Богучанской ГЭС (съемка была сделана в с. Заимка Кежемского р-на Красноярского края во время празднования 270-летия села)⁴.

Эвенкийская часть фильма построена на двух интервью. Перед камерой мужчины-эвенки среднего и пожилого возраста. Все эпизоды из жизни их боль-

шой семьи – олени, перекочевка, чум, предметы быта – фон для этих интервью. В кадрах мы не видим ничего из того, что принесла эвенкам советская власть, но об этом рассказывают герои киноленты: в 1937–1938 гг. эвенки подверглись репрессиям, арестовывали безграмотных таежников, которые и по-русски то не разговаривали, но им вменяли вредительство и сопротивление властям; работа в колхозах за трудодни была настоящей каторгой; оленеводство велось на примитивном уровне, так как наука не помогала его развитию; молодые эвенки, которые учились в школах-интернатах, не имели возможности узнать тайгу... Пронзительно остро переживается зрителями зафиксированная документальными ситуация, когда взрослые пытаются при отсутствии нормальной связи вызвать по старой рации на стойбище к больному эвенкийскому мальчику врача. Этот эпизод, вроде бы говорящий о возможностях медицинской помощи эвенкам в тайге, на самом деле подчеркивает распад традиционного образа жизни: в прежние времена к ребенку пригласили бы шамана.

В общем контексте фильма особое значение приобретает анекдот, рассказанный пожилым эвенком: как-то эвенк, юрак⁵ и русский пошли на охоту; эвенк добыл сохатого, юрак бежал за ним быстро и принес котелок, они поели; а русский двигался медленно и, когда пришел на стоянку, эвенк и юрак уже все съели, и нужно было отправляться дальше. Так русский и остался ни с чем, голодный и уставший. Когда мы видим в фильме, как гибнут попавшие под затопление русские села Приангарья, эвенкийский анекдот звучит трагическим предсказанием их судьбы. Русские пришли в эвенкийскую тайгу в XVII в., и вот они “уходят”, так как их жизнь разрушили их же собственные технологии.

Если фильм начинался журчащим весенним ручьем, то заканчивается он зимней картиной: олени добывают из-под снега ягель, крупным планом дается лицо пожилой эвенкийской женщины, а голос за кадром пересказывает легенду о Каине и Авеле. Эвенки при советской власти пережили репрессии, коллективизацию, насильственное и, как оказалось, разрушающее их традиционный образ жизни обучение детей в школах-интернатах. Образы зимы и пожилой женщины в финале, сопровождающиеся эвенкийской песней, исполняемой с явным русским акцентом, – символы смерти народа, конца его биографии.

* * *

В рассматриваемый период документальных съемок среди эвенков было намного больше, чем представлено в предлагаемой статье. Возможно, еще не все они выявлены в киноархивах, особенно это касается периода 1920–1940-х годов. В известных мне фильмах, которые здесь не упоминаются, эвенки показаны в различных эпизодах, фиксирующих отдельные стороны их жизни, но авторы картин не делают попыток осмысления отснятого. В отличие от таких киноработ, привлекаемые мной документальные ленты позволяют адекватно воссоздать биографию эвенкийского народа в советское время, пусть и пунктирно, но все же проследить процессы, происходившие во всех территориальных группах эвенков, разбросанных по тайге от Енисея до Сахалина.

С 1920-х годов, когда эвенки еще сохраняли традиционный образ жизни, формировавшийся с XVII в. после приведения “под руку белого царя”, началось их включение в “социалистическую семью” народов, но первоначально только экономически. В 1930-е годы на эвенков распространились уже все идеологические и социальные преобразования, которые затронули народы СССР: становление национальной интеллигенции и номенклатурной элиты, репрессии, разрушение традиционных верований, коллективизация со всеми ее отрицательными последствиями, насильственный перевод на оседлый образ жизни.

ни. Особое влияние, как и в случае других кочевых народов, оказала система школьного образования – обучение детей в школах-интернатах. Не все изменения имели негативные последствия; повышение образовательного уровня и доступ к более качественной, чем прежде, медицине, без сомнения, необходимо расценивать как положительные моменты в жизни эвенков.

В рассматриваемых документальных кинолентах совсем не затрагивается тема участия эвенков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в восстановлении страны в послевоенный период. Этот “пробел”, возможно, связан с тем, что с 1940-х по начало 1970-х годов эвенкийская тематика особо не интересовала советскую кинодокументалистику. Вновь внимание на эвенков было обращено лишь в конце 1970-х годов в связи с масштабными хозяйственно-экономическими проектами, реализовывавшимися на традиционных территориях проживания этого народа, и прежде всего со строительством Байкало-Амурской магистрали. Фактически в документальном кино произошло новое “открытие” эвенков, а с ним и тех проблем, которые накопились в советское время, и тех, которые начали возникать в их жизни при освоении природных ресурсов Восточной Сибири и Приамурья в 1970–1980-е годы.

С 1980-х годов в советском документальном кино, которое стало осваивать методологию визуальной антропологии, появилась тенденция к показу архаики в жизни эвенков и других коренных народов Сибири. Этому посвящен фильм Э.Е. Алексеева, Е.С. Новик и А. Слапиньша “Времена сновидений” (1982) о шаманских традициях чукчей, якутов, ульчей, удэгейцев и, конечно, эвенков. Авторам этой замечательной киноленты удалось зафиксировать камлание удаганки Матрены Петровны Кульбертиновой, возраст которой приближался к 100 годам. Фактически они доказали, что, несмотря на все изменения советского периода, шаманские практики у эвенков, как и у других коренных народов Сибири, в условиях традиционного образа жизни продолжают сохраняться.

В ранних киноработах основное внимание было сосредоточено на изменениях, происходивших в жизни народа под влиянием политического и социального развития общества, и эти изменения подавались, в силу идеологических причин, как исключительно позитивные. С конца 1980-х годов, в период так наз. перестройки, когда уже активно шло масштабное хозяйственно-экономическое освоение традиционных эвенкийских территорий, стал осмысляться негативный характер трансформаций, разрушающих традиционную культуру и образ жизни народа.

С 1990-х годов в связи с технологической революцией в кинопроизводстве и появлением доступных для массового пользователя видеокамер количество документальных лент, посвященных эвенкам, значительно увеличилось. В настоящее время автором съемок может стать буквально каждый, имеющий смартфон. Площадкой для показа видео стали социальные сети и другие информационные ресурсы. Выявление и анализ таких работ – это совершенно особая задача.

Мои собственные полевые исследования в 1994 и 2021 гг. в Баунтовском р-не Бурятии, в 1993 г. в Каларском и Тунгиро-Олекминском районах Читинской обл., в 2004 г. в Курумканском р-не Бурятии, в 2010 г. в Северо-Байкальском р-не Бурятии и в 2023 г. в Нерчинском р-не Забайкальского края, хотя целью полевой работы было прежде всего изучение состояния фольклорной традиции эвенков, позволяют сделать определенные выводы и относительно характера социально-экономического положения народа в этих регионах. Я стремился выявить и зафиксировать архаику в жизни современных эвенков Прибайкалья и Забайкалья, и определенными итогами этой работы стали документальный фильм “Сказка бабушки Агафьи” (2006) (СБА 2006) и киноэтнод об изготовлении музыкального инструмента “Кордавун из Курумканской тайги” (2005) (КИТ 2005).

Относительно же этнокультурного и хозяйственно-экономического положения эвенков в этих регионах можно сказать, что процесс разрушения их тради-

ционного образа жизни достиг критической точки. Об исчезновении оленей у нерчинских тунгусов писал С.М. Широкогоров еще в начале XX в.: “Во время последних эпизоотий олени стада нерчинских тунгусов сократились настолько, что многие из них вовсе прекратили заниматься оленеводством и поселились среди бурят и русских” (Широкогоров 2017: 111). Фактически они сегодня полностью ассимилированы русскими и бурятами и лишь сохраняют в своей устной истории память о том, что их предки были тунгусами/ороченами.

Эвенки Северного Прибайкалья и Чарской долины, орочены Баунта основное поголовье своих оленьих стад потеряли после развала СССР в 1990-е годы, и сейчас оленеводство у них в плачевном состоянии. Они продолжают заниматься и охотничьим промыслом, но ужесточения в законодательстве и регламентировании этой сферы хозяйства на региональном уровне способствуют развитию среди эвенков незаконной охоты.

Мечты советского времени, высказанные, в частности, в фильме “Эвенкийская весна”, о том, что БАМ принесет эвенкам, по территориям которых он прошел, благополучие и процветание, не оправдались совсем, но подтвердилась высказываемая ими тревога о негативном влиянии магистрали на окружающую среду. Разработка природных ресурсов в Баунтовском р-не Бурятии (добыча золота, урана, нефрита) приводит к таким же результатам.

Школьное образование в интернатах поспособствовало фактически полной потере эвенками Прибайкалья и Забайкалья родного языка. Для меня, как для фольклориста, устная традиция эвенков – прекрасный пример того, что отдельные жанровые формы их фольклора продолжают бытовать и на чужом для их традиции языке, но языковая ассимиляция народа, начавшаяся в XX в., о чем косвенно свидетельствуют документальная кинолента Зайцевой “Юктэ – источник” и мой видеофильм “Сказка бабушки Агафьи”, практически завершена, и свою биографию в XXI столетии эвенки смогут писать, видимо, уже только на русском языке.

Примечания

¹ Примерно с конца 1990-х годов одна из копий фильма, хранящаяся, видимо, в Красноярском архиве, стала доступна благодаря В.В. Магидову и Е.В. Александрову. Ее длительность 6 мин 20 с. Более полная версия размещена в настоящее время на канале “Центр визуальной антропологии ИЭА РАН” на YouTube (Тунгусы 1927).

² Символично в том отношении, что в фильме Зотова и Свиловой “Тунгусы” 1927 г. мы видим молодого тунгуса с традиционной косичкой.

³ Фрагменты этой киноленты использованы авторами фильма “Эвенки” (1999) из документального сериала “Народы России” телекомпании ТВЦ.

⁴ Как известно, основная масса жителей затопляемых деревень Нижнего Приангарья была выселена в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

⁵ Юраками эвенки, видимо, называли представителей самодийского населения (см.: Квашнин 2021; см. также подборку эвенкийских мифологических рассказов о юраках в сборнике: Новик 2006).

Источники и материалы

Власенко б.г. – Власенко Т.А. Как Эвенкию переписывали, и что в ней видели // Сайт Архивного агентства Красноярского края. http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/907?ysclid=lib39obje675050804 (дата обращения: 15.06.2023).

В тайге... 1946 – “В тайге у эвенков”. Фильм // <https://gosfilmofond.ru/films/248038> (дата обращения 15.06.2023).

Кино 1926 – Кино. Еженедельная газета. 16 февраля 1926 г. № 7 (127).

- КИТ 2005 – “Кордаун из Курумканской тайги”. Киноэтнод // <https://rutube.ru/video/968ab23db3ed9c2900a31c65cf4ba1c9/?playlist=95794>
- РГФКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов. Электронный каталог кино и видеодокументов. <http://old.rgakfd.ru/catalog/new> (дата обращения: 15.06.2023).
- СБА 2006 – “Сказка бабушки Агафьи”. Фильм // <https://rutube.ru/video/5d21d36fe7808a56ce31a9fc8bfb8266/?playlist=95794>
- Тунгусы 1927 – “Тунгусы”. Фильм. // <https://www.youtube.com/watch?v=2l0a5BNFwOE&t=8s>
- ЭАО 1940–1949 – “Эвенкийский автономный округ (1940–1949 гг.)”. Фильм // <https://www.net-film.ru/film-38995/?search=ээвенки>
- ЭВ 1983 – “Эвенкийская весна”. Фильм // <https://www.net-film.ru/film-39179/?search=ээвенкийская%20весна>
- ЮИ 1989 – “Юктэ – источник” Фильм // <https://www.net-film.ru/film-62/?search=эюктэ>

Научная литература

- Бураева С.В., Батуринов С.А. Бурятия в пространстве документального советского кино (1923–1941 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4. С. 62–71.
- Головнев И.А. Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино: “Тунгусы” Елизаветы Свиловой // Известия Иркутского государственного университета. Серия, Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 86–96.
- Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920-х – 1930-х гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2021.
- Квашин Ю.Н. Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 250–266.
- Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005.
- Магидов В.М. Киноатлас СССР: история создания серии фильмов по визуальной антропологии // Аудиовизуальная антропология. История с продолжением / Сост. Е.Д. Андреева, Ю.Б. Виниченко, И.В. Кондаков. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2008. С. 136–141.
- Новик Е.С. (сост.) Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока // Ruthenia. Объединенное гуманитарное изд-во. 2006. <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>
- Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Восточная литература, 2017.

Research Article

Klyaus, V.L. Evenks in Documentary Films of the 1920s–1980s: Soviet Biography of a Nation [Evenki v dokumental'nom kino 1920–1980-kh godov: sovetskaia biografiia naroda]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 99–110. <https://doi.org/10.31857/S086954152305007X> EDN: YECGUS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vladimir Klyaus | <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090> | v.klyaus@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia) | A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Povarskaya St. 25a, 121069, Moscow, Russia)

Keywords

Evenks, documentary, biography of nation, cinema anthropology, transformation of traditional way of life

Abstract

The article discusses documentary films about the Evenks, created in the 1920s–1980s: “Tungus”, “Evenk Autonomous Okrug”, “Evenk Spring”, “Yukta – the Source”, and others. These films fully reflect the biography of the Evenk people, changes in their economic, social, and cultural spheres that entered their lives from the early years of Soviet power. The documentary films allow us to trace the stages of these changes and the evolution of society’s attitude towards them. In addition, the article contains the author’s conclusions regarding the nature of the socio-economic situation of the Evenk people in the areas where he conducted fieldwork in 1994–2021.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

References

- Buraeva, C.V., and S.A. Baturin. 2017. Buriatiia v prostranstve dokumental’nogo sovetskogo kino (1923–1941 gg.) [Buryatia in the Space of Soviet Documentary Cinema (1923–1941)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury* 4: 62–71.
- Golovnev, I.A. 2019. Traditsionnye etnokul’turnye soobshchestva v etnograficheskom kino: “Tungusy” Elizavety Svilovoi [Traditional Ethnocultural Communities in Ethnographic Film: “Tungus” by Elizaveta Svilova]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii, Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* 27: 86–96.
- Golovnev, I.A. 2021. *Vizualizatsiia etnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920-kh – 1930-kh gg.)* [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiments of Scholars and Filmmakers in the 1920s–1930s)]. St. Petersburg: MAE RAN, 2021.
- Kvashnin, Y.N. 2021. Samoedy-yuraki: problemy etnicheskoi identifikatsii [Samoed-Yuraks: Problems of Ethnic Identification]. *Arktika i Sever* 44: 250–266.
- Magidov, V.M. 2005. *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniia* [Cinematographic and Photographic Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow: RGGU.
- Magidov, V.M. 2008. Kinoatlas SSSR: istoriia sozdaniia serii fil’mov po vizual’noi antropologii [Film Atlas of the USSR: The History of Creating a Series of Films on Visual Anthropology]. In *Audiovizual’naia antropologiya. Istoriia s prodolzheniem* [Audiovisual Anthropology: History with Continuation], edited by E.D. Andreeva, Y.B. Vinichenko, and I.V. Kondakov, 136–141. Moscow: Rossiiskii NII kul’turnogo i prirodnogo naslediia im. D.S. Likhacheva.
- Novik, E.S., ed. 2006. *Mifologicheskaiia proza malykh narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka* [Mythological Prose of Indigenous People of Siberia and the Far East]. *Rutenia. Ob’edinennoe gumanitarnoe izdatel’stvo*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>
- Shirokogorov, S.M. 2017. *Sotsial’naia organizatsiia severnykh tungusov* [Social Organization of the Northern Tungus]. Moscow: Vostochnaia literatura.

ЧТО ДАЛА МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭВЕНКАМ? ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ВЕКА И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ

Д.А. Долгих, М.А. Щекин

Дмитрий Александрович Долгих | <http://orcid.org/0009-0004-6733-5048> | dolgikh-dmit@yandex.ru | преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Михаил Алексеевич Щекин | <http://orcid.org/0009-0005-9083-7625> | smofficial@mail.ru | магистрант Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Ключевые слова

модернизация, индустриальные проекты, эвенки, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, традиционное хозяйство, традиционная культура, колхозы и коллективизация, постсоветские преобразования, меры государственной поддержки

Аннотация

Статья основывается преимущественно на материалах экспедиций 2021–2022 гг. в районы тесного совместного проживания эвенков и русских – Верхнебуреинский р-н Хабаровского края и Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия. Территории, прилегающие к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, оказались под влиянием агрессивной политики модернизационных преобразований, что привело к значительным трансформациям привычного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС): в условиях, сложившихся после строительства магистрали и сопутствующей инфраструктуры, стало невозможно использовать традиционные способы жизнеобеспечения – оленеводство, охоту и рыболовство. Многие представители КМНС не смогли адаптироваться к изменившимся реалиям. Один из кардинальных выводов нашего исследования: необходимы тесное взаимодействие федеральных органов власти, например Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНССиДВ) и с эвенкийскими хозяйствующими субъектами. Центральным органам власти надлежит меньше полагаться на отчетную документацию местных властей, а постоянно мониторить реальную ситуацию. Необходимо уделить как можно больше внимания защите прав КМНС на ведение традиционного хозяйства. Это означает не только борьбу с нарушениями или злоупотреблениями в рамках уже действующих законов, но и пересмотр существующей модели, которая часто делает эвенков уязвимыми перед эксплуатацией их угодий частными предпринимателями и арендаторами. Кроме того, именно на правительстве нашей страны лежит ответственность за создание благоприятных условий для смены деятельности тех эвенков, которые не хотят или не могут вести традиционное хозяйство, что подразумевает улучшение доступа к образованию и создание новых рабочих мест, а также усиление мер социальной поддержки.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Долгих Д.А., Щекин М.А. Что дала модернизация эвенкам? Глобальные проекты века и судьбы людей // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 111–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050081>
EDN: YECIEC

Dolgikh, D.A., and M.A. Shchekin. 2023. Chto dala modernizatsiia evenkam? Global'nye proekty veka i sud'by liudei [What Did Evenks Get from Modernization? Global Projects of the Century and People's Destinies]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 111–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050081>
EDN: YECIEC

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Предлагаемая статья написана преимущественно по материалам экспедиций, которые проводились в Верхнебуреинском р-не Хабаровского края в 2021 г. и Северобайкальском р-не Республики Бурятия в 2021–2022 гг. В 2021 г., помимо авторов статьи, в полевых исследованиях принимал участие студент Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ Г.С. Коротин. Выбор районов осуществлялся с учетом нескольких критериев. Во-первых, населенные пункты, в которых проводилась работа, являются территориями компактного проживания эвенков и других коренных малочисленных народов Севера (КМНС), здесь действуют национальные сообщества и отдельные энтузиасты, которые занимаются сохранением эвенкийского языка, поддержкой и развитием традиционных промыслов. И в Хабаровском крае, и в Республике Бурятия активно работают отделения Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНССиДВ), обеспечивающие коммуникацию населения с местными, региональными и федеральными властями. Во-вторых, взаимодействие эвенкийского и русского населения в выбранных районах имеет длительную историю, в ходе которой выстраивались разнообразные модели взаимоотношений между народами, а также между коренным населением и государством при различных политических режимах. Следует признать, что и во времена Российской империи, и во времена СССР и Российской Федерации влияние государства на быт и культуру эвенков характеризовалось постоянным давлением, приводившим к системным трансформациям образа жизни коренного населения, иногда постепенным, а иногда лавинообразным. В-третьих, выбранные районы расположены вдоль Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Особый интерес для нас представлял период строительства БАМа. Столь грандиозный индустриальный проект оказал значительное воздействие на систему жизнеобеспечения и социальные отношения местного населения. Первоначально нами было выдвинуто предположение, что именно строительство железной дороги послужило главной причиной разрушения традиционной культуры. Кроме того, выбранные районы имеют специфические отличия (пусть и не очень значительные), поскольку примыкают к разным частям Байкало-Амурской магистрали – западной и восточной.

Мы сосредоточились на поиске местных жителей – эвенков и представителей других коренных народов, заставших строительство БАМа, а также на встречах с представителями Ассоциации КМНССиДВ; кроме того, нашими информантами стали представители местных и районных администраций. В особенности нас интересовала деятельность официальных общин, занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности – оленеводством, охотой и рыболовством. Первостепенные вопросы, которые затрагивались в беседах, касались: генеалогий информантов и их родных с краткой биографической справкой по каждому из них; современного положения отраслей традиционного хозяйства; деятельности Ассоциации и местных общин КМНССиДВ; политики квот на рыбу и другие природные ресурсы в рамках традиционного природопользования. Основное внимание было сфокусировано на влиянии крупных модернизационных проектов, в числе которых строительство Байкало-Амурской магистрали и гидроэлектростанций (Иркутской, Братской, Бурейского каскада и др.), на традиционные сообщества, их хозяйственный уклад и систему жизнеобеспечения.

Мы использовали биографический метод, позволяющий показать историю сообществ через историю отдельных индивидов и семей. На наш взгляд, ме-

тод вполне оправдал себя: удалось собрать несколько десятков биографических нарративов, касающихся жизни и генеалогий не только самих респондентов, но и уже умерших их родителей, дедов и бабок.

Собранные генеалогии и биографические нарративы убедительно демонстрируют различия между жизненными траекториями разных поколений эвенков. Опрашивались в основном люди пенсионного и предпенсионного возраста, по их воспоминаниям генеалогии построены на два-три нисходящих поколения, т.е. до прадедов респондентов. Можно констатировать, что средний возраст и количество долгожителей сокращаются от поколения дедов к поколению родителей и далее к поколению самих респондентов. В поколениях дедов и прадедов ранние смерти вызваны, как правило, эпидемиями, в поколении детей интервьюируемых ранние смерти, во-первых, встречаются гораздо чаще, а во-вторых, их причинами становятся несчастные случаи на охоте, бытовые убийства и суициды.

Мы занимались не только интервьюированием, но и вели работу в ряде специализированных музеев, посвященных традиционной культуре эвенков и истории Байкало-Амурской магистрали: в Музее истории г. Хабаровска, Краевом краеведческом музее им. Гродекова, Музее археологии (все – в г. Хабаровске), в Краеведческом музее поселка городского типа Чегдомын, музее истории Байкало-Амурской магистрали в г. Тынде, в местных музеях в поселках Герби, Уоян, Нижнеангарск. Мы изучали коллекции, беседовали с сотрудниками, ведущими научную работу по этнологии. Кроме того, мы собирали материал в архивах и библиотеках. Помимо предлагаемой статьи, данные этих экспедиций и их анализ отражены и в других наших публикациях (см., напр.: *Долгих и др. 2021*)¹ – на них мы будем частично опираться в дальнейшем изложении.

Коротко об истории колонизации

Взаимоотношения эвенкийского и русского населения имеют давнюю историю. Мы не будем подробно останавливаться на ней, скажем только, что включение тунгусов в политическую и экономическую систему государства происходило постепенно, и скорость этого процесса увеличивалась по мере продвижения российской и советской колонизационной деятельности с запада на восток, т.е. восточные районы интегрировались стремительнее.

В конце XIX в. эвенкийское население преимущественно практиковало хозяйственный комплекс таежных охотников-оленоводов, получивший название “северная триада” (оленоводство, охота и рыболовство). Именно такой тип хозяйства, сложившийся накануне советского модернизационного проекта, в отечественной этнографии принято считать традиционным, хотя к тому времени лук и стрелы, использовавшиеся народами Севера для охоты, уступили место огнестрельному оружию, начала складываться товарная экономика, изменилась система землепользования (*Акимов 2010; Забяко и др. 2012; Шубин 2007: 21–26, 272–273; др.*). Однако, по замечанию А.А. Сириной, “происшедшая с российской колонизацией переориентация тунгусского хозяйства на пушную охоту, связанную с потребностями рынка, не затронула сути, глубинных основ кочевой культуры, хотя и оказала на нее огромное влияние” (*Сирина 2012: 207*). В 1920-е годы некоторые сообщества эвенков “уже не рассматривались как групп[ы] населения, требующ[ие] поддержки государства”, так как они были оседлыми, занимались не оленеводством, а земледелием и скотоводством, наряду с рыболовством и охотой (Там же: 9). Традиционное хозяйство эвенков интегрировалось в советскую экономическую систему, что имело как позитивные, так и негативные последствия. Коренные народы получили доступ

к образованию и медицинскому обслуживанию, для эвенкийского языка, как и для языков многих других коренных народов, была разработана письменность, начала складываться национальная интеллигенция. Но в то же время “эпохальные изменения заставили многих ученых говорить о потере народами Севера культурных особенностей и полном забвении традиций” (Там же: 4).

Усиленно внедрявшиеся государством новые типы хозяйствования были нехарактерны для эвенков и часто не подходили местным экосистемам (Виноградова 2010: 134). Создание крупных хозяйств привело к значительным изменениям уклада жизни. Настоячивые усилия властей, поставивших целью замену мелкотабунного оленеводства крупнотабунным и стремившихся переориентировать эвенкийское оленеводство, которое традиционно было преимущественно транспортным, на мясное производство, имели своим следствием превращение бытового кочевания в производственное, а это сопровождалось разделением семей (мужчины большую часть жизни по-прежнему проводили в тайге или тундре – на охоте или при стаде, женщины же часто оставались в поселках, а детей отправляли учиться в интернаты). Собственные нужды людей уступили место выполнению государственных заданий и планов. Кроме того, близкие родственники зачастую включались в разные бригады, таким образом семейно-родственные отношения, традиционно лежавшие в основе хозяйствования, сменялись производственными. Свою роль сыграла и специализация комплексных хозяйств на одном из видов деятельности – охоте или оленеводстве. При этом “эвенки стремились сохранить семейные коллективы в тайге, и лишь с 1960–1970-х годов женщины перестали стремиться в тайгу” (Сирина 2012: 294). Широко распространены были случаи, когда зарплаты “чумработниц” шли на покупку оружия и патронов для мужей. Гендерный разрыв, ставший следствием коллективизации, ощущается до сих пор.

Оценки связанных с коллективизацией событий на востоке и на западе отличаются в суждениях информантов. Поскольку в восточных районах процесс создания колхозов проходил гораздо позже и просуществовали они недолго, местные жители отрицательно воспринимают все, связанное с коллективизацией, – они хорошо помнят события тех лет, в отличие от жителей западных районов, в памяти которых эти события стерлись. Однако к ликвидации колхозов и совхозов и те и другие относятся негативно.

Байкало-Амурская магистраль

В 1960–1970-е годы началось строительство Байкало-Амурской магистрали. Новые железнодорожные пути оказались на маршрутах перекочевок эвенкийских оленьих стад и в границах пастбищ. В с. Могды Верхнебуреинского р-на Хабаровского края действовали оленеводческий колхоз и организованная на его базе звероферма. Незадолго до начала строительства железной дороги колхоз под предлогом истощения кормовой базы (оскудения ягельников) было решено переместить севернее. Жителей Могды переселили, эвенков – в основном в пос. Шахтинский. Стада оленей, поголовье которых сильно выросло в колхозный период, стали перегонять на север, где, как заявлялось официально, были более подходящие условия для выпаса. При перегоне оленьих стад часть животных погибла, часть прибилась к стадам диких оленей. О тех могденских оленях теперь с поэтической горечью вспоминают как о “последних оленях Амгуни”. Домашних оленей в районе нет уже много лет, и только в недавнее время местные жители стали помышлять о возрождении оленеводства, поскольку на близлежащих сопках и перевалах восстановились ягельники. Но на сегодняшний день оленеводов в Верхнебуреинском р-не не осталось, хотя там живет около

800 эвенков. Пенсионеры помнят раннее – до отправки в интернаты – детство среди оленей, но к тому времени, как они вернулись из школы, олени уже стали редкостью. “Ягель у нас не растет, все эвенки оседлые”, – говорит глава районной администрации (ПМА 2021), хотя, по словам местных охотников, на близлежащих сопках имеются богатые ягельники. Самые большие сожаления и искреннее непонимание вызывают у представителей коренных народов именно ликвидация колхоза в с. Могды и изживание оленьего стада.

БАМ привлек в здешние края многочисленных переселенцев, при этом местных жителей на стройку не принимали – им предписывалось обеспечивать приезжих продовольствием. Редким эвенкам удавалось устроиться на строительство магистрали, на большие “бамовские” зарплаты. Это были исключения, делавшиеся на основании личных договоренностей между отдельными эвенками и бригадирами строительных отрядов. Получается, что БАМ строили всей страной, но без участия тех людей, которые веками жили на этой земле.

Когда во время наводнения на р. Бурей погибли последние лисицы зверофермы, перемещенной из с. Могды в пос. Шахтинский, эвенки снова вынуждены были переселяться, теперь уже в такие относительно крупные населенные пункты, как Чегдомын и Ургал. Некоторые же решили обосноваться поближе к покинутому с. Могды, в ближайшем к нему пос. Герби. В Могдах сегодня никто не живет, там находится железнодорожный разъезд и сохранилось эвенкийское родовое кладбище. В Шахтинском остается две семьи.

В Северо-Байкальском р-не Республики Бурятии, на западных территориях, примыкающих к Байкало-Амурской магистрали, также работали оленеводческие колхозы и зверопромхозы, занимавшиеся добычей пушнины, кроме того, на Байкале существовали хозяйства рыболовецкие и по добыче нерпы.

Оленеводы и здесь должны были обеспечивать строительные бригады продовольствием. Для “стройки века” ничего не жалели, и бамовцы стали массово отстреливать оленей прямо на пастбищах, выбирая самых крупных и красивых животных, остальные при этом в ужасе разбегались, скрывались в тайге и дичали. Туши убитых оленей вывозили вертолетами. Хищнический забой, по убеждению местных жителей-олeneводо-в, стал главной причиной снижения поголовья и нарушения половозрастной структуры стад, необходимой для их воспроизводства. По словам респондентов, сегодня уже не осталось знающих специалистов, способных такую структуру поддерживать. Однако в Северо-Байкальском р-не, в отличие от более восточных территорий, когда началась прокладка магистрали, местным жителям не препятствовали в трудоустройстве на строительство железной дороги.

Строительство БАМа привело к многочисленным конфликтам между представителями местного и пришлого населения. На бытовой почве случались драки, машины бамовцев нередко давили людей и скот. Упоминались случаи кражи приезжими рыбацких лодок и охотничьих собак. Хищнические охота и рыбалка строителей магистрали истощали леса и водоемы, вредили хозяйству местного населения. Конфликты вспыхивали и из-за женщин, некоторые эвенки вступали в близкие отношения с приезжими. «Немало “бамовцев” эвенки постреляли», – говорит женщина, вышедшая замуж за русского. Нередко нам рассказывали о том, как эвенки палили из ружей по проходящим поездам и грузовикам – от обиды. Примечателен гендерный аспект в том, как эвенки-респонденты характеризуют свои отношения с бамовцами: если женщины рассказывают о гармоничном сосуществовании, то мужчины – о многочисленных конфликтах.

О вреде, нанесенном экологии, охоте и рыболовству, говорили все без исключения наши информанты. Вот что вспоминала эвенки-ка из с. Холодное, занимавшаяся рыбной ловлей: со строительством железной дороги качество

воды и рыбы постепенно становилось все хуже и хуже, на поверхности воды появилась слизь, контакт с которой вызывал кожные заболевания, а рыба стала попадаться с язвами. Другой информант из с. Байкальское, работавший в тот период охотоведом, утверждает, что шумы от строительных работ и железной дороги, а также охота и рыбалка пришлого населения серьезно сокращали количество дичи и рыбы в окрестностях (ПМА 2022). Авторам неоднократно приходилось слышать от информантов-эвенков и в Хабаровском крае, и в Республике Бурятия, что БАМ окончательно уничтожил традиционный образ жизни, хотя местные жители не могут не ценить и определенных “плюсов цивилизации”, явившихся следствием строительства магистрали (ПМА 2021, 2022).

Не только БАМ

Изначально, как мы уже писали выше, нам казалось, что именно строительство железной дороги привело к деградации, а в некоторых местах и к полному исчезновению традиционных форм хозяйствования, но следует признать, что не столько сами индустриальные проекты давали негативный эффект, сколько сопутствовавшие им социальные изменения и крупные советские и постсоветские “социальные эксперименты”, такие как коллективизация в советское время или приватизация земельных угодий в постсоветское.

В ходе полевой работы стало ясно, что наше предположение о том, что именно строительство Байкало-Амурской магистрали явилось ключевым событием процесса модернизации быта и хозяйства эвенков и, как следствие, основным фактором травмирующего опыта, для Верхнебуреинского р-на Хабаровского края не подтвердилось. Еще в меньшей степени это предположение оправдалось применительно к расположенной значительно западнее Республике Бурятия, где БАМ – не единственный крупный инфраструктурный объект, оказывающий колоссальное влияние на систему природопользования и хозяйствования эвенков; существенную негативную роль сыграли электростанции на р. Ангара (Иркутская и Братская ГЭС) и целый ряд иных факторов. Однако строительство магистрали и здесь привело к уничтожению оленеводческих хозяйств и изменило демографическую ситуацию.

Ко второй половине XX в. стали ощущаться последствия проводимой советским государством политики в отношении коренных народов Севера. Стремление интегрировать эвенков в единое экономическое и политическое пространство страны привело к глубинным изменениям основ их культуры. А.А. Сирина выделяет следующие основные факторы негативного влияния на традиционные культуры эвенков и эвенов: ускоренный перевод на оседлый образ жизни и изменение типа расселения, формирование товарного хозяйства, технические нововведения, замена бытового кочевания производственным, обучение в интернатах и переход на русский язык (Сирина 2012: 9). По мнению исследовательницы, “в XX в. оба народа пережили два мощнейших социальных эксперимента, имевших как позитивные, так и негативные последствия, – интеграцию и модернизацию 1930–1950-х годов и демодернизацию 1990-х годов” (Там же: 4). Если говорить конкретно об исследуемых районах, то, на наш взгляд, таких “экспериментов” было больше. Практически на долю каждого поколения эвенков выпадал коренной слом общественно-хозяйственной парадигмы. Вслед за коллективизацией, в ходе которой эвенкийские традиционные хозяйства были преобразованы в оленеводческие колхозы, к которым позднее прибавились сопутствующие зверопромхозы, занимавшиеся промыслом и разведением пушного зверя, начались крупные индустриальные проекты, в значительной степени менявшие ландшафты, логистические цепочки, этническую и социальную

структуру местного населения. Еще большим ударом стала ликвидация коллективных хозяйств, сначала оленеводческих, а затем и промысловых, и разрушение централизованной системы заготовки и сбыта пушнины. А пришедшая вслед за этим приватизация земельных угодий и объектов инфраструктуры стала еще одним драматическим вызовом.

Резкий слом советской системы и ликвидация государственных предприятий оставили эвенков без какой-либо опоры, и они были вынуждены вступать в капиталистическую рыночную экономику на чрезвычайно невыгодных условиях. В 1990-е годы номинальные доходы КМНС были ниже среднероссийских в 2-3 раза, при уровне цен в регионах Севера существенно выше, чем в других регионах России. Половина трудоспособного коренного населения не имела постоянной работы (Виноградова 2010: 137). Самые тяжелые последствия, по мнению местных жителей, имела ликвидация колхозов и зверопромхозов. Эвенки, которые в большинстве своем работали штатными охотниками, в одночасье лишились возможности обеспечивать себя привычным занятием. Зверопромхоз снабжал охотников необходимым снаряжением, оружием и патронами, формировал план на добычу того или иного зверя, исходя из динамики популяций, оценивал влияние охоты на численность популяций. Хозяйственное планирование тогда опиралось на научные исследования, кроме того, осуществлялось взаимодействие с различными ведомствами, в том числе с лесничествами. Охотники всегда были уверены, что сдадут добытые шкуры за фиксированную цену. С распадом централизованной системы хозяйствования и приватизацией охотничьих угодий приезжими частными предпринимателями эвенки перестали быть хозяевами своей земли, так как оказались вынужденными “субарендовать” лесные угодья у тех, кто заключил с государством договоры аренды сроком на 49 лет еще до принятия решений о возвращении родовых охотничьих угодий коренным народам.

Мужчины и женщины по-разному справились с выпавшими на их долю испытаниями. В советское время именно женщин отправляли учиться, главным образом в педагогические и медицинские вузы, мужчины оставались “на хозяйстве”, они должны были взять на себя уход за стадами оленей и охотничий промысел. Когда колхозы были ликвидированы и распалась система централизованной заготовки пушнины, когда началась приватизация охотничьих угодий, мужчины уже не могли заниматься оленеводством и охотой. Большинство из них не нашли себе места в новой экономической системе, многие спились, были вынуждены перейти к нелегальной деятельности, за которую нередко попадали под аресты и в заключение и т.п. Женщины, напротив, в основной своей массе, получив востребованные профессии, смогли трудоустроиться. Ничего удивительного поэтому нет в том, что женщины справились с вызовами постсоветского времени гораздо лучше, чем мужчины. В практику вошли браки между эвенкийскими женщинами и русскими или якутскими мужчинами, в то время как многим эвенкам-мужчинам не удавалось и не удастся создать семьи.

На этом фоне резко возросла смертность эвенков-мужчин. Показателен рассказ респондентки из с. Холодное. Из пяти детей ее родителей в живых сейчас остались только она и брат. Один из братьев утонул, другой умер от туберкулеза, от туберкулеза умерла и сестра. Из пяти детей ее брата двое сыновей погибли в результате ссоры, перешедшей в поножовщину, а третий умер молодым. Сосед респондентки погиб незадолго до нашей экспедиции: его застрелил пьяный товарищ на охоте. Сын в 40 лет все еще не женат и не имеет детей. У другого нашего респондента из с. Холодное, тоже нет детей, а ему уже 59 лет. Можно услышать бесчисленное количество подобных историй. А в Верхнебуреинском р-не Хабаровского края мы вовсе не встречали эвенков-мужчин, а эвенкийские женщины

говорили, что почти все их сверстники спились и умерли. Как это они сами объясняли, “мужчины пьют и умирают от безысходности”, лишённые привычного дела и не сумевшие адаптироваться к новым реалиям (ПМА 2021, 2022).

Показательно, как менялась риторика в исторической литературе и СМИ относительно эвенков. От пафоса сообщений времен строительства магистрали (“мы пришли в дикую землю и принесли цивилизацию”) и полного молчания (вплоть до середины 1990-х годов об эвенках в местной прессе не говорилось буквально ни слова) к осторожной оценке вклада местных жителей в индустриальные проекты: коренные народы получили по своему “законному абзацу”; об эвенках рассказывалось, что они помогали строителям, снабжая их продовольствием, и геологам и инженерам, работая проводниками и каюрами в тайге. В современных публикациях коренным народам уделяется гораздо больше внимания, а в Музее истории БАМа в г. Тынде первые два зала экспозиции посвящены эвенкам как “хозяевам тайги”.

События недавних лет и современная ситуация

После распада Советского Союза эвенки, как и все остальные жители нашей страны, были вынуждены самоорганизовываться, искать альтернативные формы хозяйствования. «В “этнических” законах, принятых на рубеже XX–XXI вв., появились термины “традиционное природопользование”, “традиционный образ жизни”» (Сирина 2012: 9). В основу легла концепция неотрадиционализма, предполагающая совмещение инновационного развития коренных народов и традиционных способов хозяйствования. Закрепление статуса коренных малочисленных народов Севера на законодательном уровне стало важным подспорьем в деле сохранения и развития языка и культуры малочисленных народов. В конце XX – начале XXI в. появились так наз. родовые общины:

доброволь[ные] объединени[я] представителей коренных малочисленных народов Севера, а также представителей других коренных народов и этнических общностей Севера, ведущих кочевой образ жизни на основе членства и объединения имущественных паевых взносов для совместной деятельности, связанной с традиционными занятиями и промыслами на их исконных территориях расселения (Там же: 310).

Для организации такого юридического лица необходимо выполнить довольно много требований, которые зачастую вызывают большие трудности у местных жителей. В 2014 г. родовые общины охватывали только 6% трудоспособного населения из числа КМНС (Гаер и др. 2014: 17). Основным критерием для получения положительного решения о создании общины является ведение традиционного хозяйства. Однако постоянное подтверждение уже полученного статуса удастся далеко не всем, поэтому ежегодно число родовых общин меняется; на протяжении двух последних десятилетий прослеживается тенденция к их сокращению. “Среди эвенкийского населения существуют разные точки зрения на общины, не менее 70% из которых негативные. Основные претензии к их деятельности: сужение по сравнению с промхозами сферы хозяйственной деятельности, неучастие в строительстве социальной жизни сел” (Сирина 2012: 315). Таким образом, на месте крупных коллективных хозяйств, имевших государственную поддержку, сегодня возникли небольшие предприятия, пытающиеся в одиночку справиться со своими многочисленными проблемами и редко демонстрирующие экономическую эффективность. В основном их деятельность направлена на выживание и самовоспроизводство.

В Верхнебуреинском р-не Хабаровского края на сегодняшний день оленеводческих хозяйств не осталось, и оленеводство в целом практически прекра-

тило свое существование. Эвенки в большинстве своем ассимилировались, они малочисленны и пассивны, за исключением единичных энтузиастов, активно принимающих участие в работе местных отделений Ассоциации КМНССиДВ.

В Северо-Байкальском р-не Бурятии положение эвенков тоже весьма неутешительное. Единственная школа, где преподают эвенкийский язык, находится в с. Холодное. Одна из респонденток рассказала, как ее дочь, следуя за своей мечтой, поступила в вуз учиться преподаванию эвенкийского языка, однако семья не смогла оплачивать сопутствующие расходы, попросту “не потянули взятки”, пришлось бросить учебу и вернуться в родное село. Заниматься традиционным хозяйством становится все сложнее. Оленеводческие общины в районе закрываются, так как им не продлевают аренду земли, запрещают отстрел хищников в местах выпаса – вплоть до уголовной ответственности; таким образом, оленеводы оказываются “вне закона”. На момент второй нашей экспедиции (в августе 2022 г.) в районе оставалась всего одна такая община, две перестали существовать за год до того. Одно из последних оленьих стад владелец отпустил в тайгу, сославшись на то, что не может в новых реалиях продолжать держать его. Стадо прибилось к диким оленям. Земли, которыми пользовалось хозяйство этого оленевода, передали человеку, постоянно проживающему в Улан-Удэ, но имеющему (по словам респондента) связи в правительстве республики. Олени же, которых отпустил бывший оленевод, до сих пор числятся в официальных данных – для получения местными властями дотаций на оленеводство. Ну как тут не вспомнить гоголевские “Мертвые души”...

“Не осталось стада, бросили. Нам землю-то не дают. У нас была аренда на 25 лет, она закончилась, подали заявки на территории, наши заявки были не удовлетворены, поскольку оленеводство сопряжено с охотой, надо вести отстрел медведя, волка, росомахи – хищников, а у нас на это нет права”, – говорил нам один из бывших оленеводов (ПМА 2022). Испокон веков и до недавнего времени у оленеводов было право на отстрел животных, угрожающих стадам оленей, сегодня у них это право отняли.

Регистрируя общину, ее члены должны указать определенный вид деятельности: оленеводство, охота или рыболовство, ничем другим на законных основаниях они заниматься уже не смогут. А ведь традиционно эвенкийское хозяйство было комплексным! Предписанная законом “специализация” общин коренных народов оборачивается большими бедами. Как уже упоминалось, члены общин, объявивших себя оленеводческими, по закону не должны охотиться. Но, по словам оленеводов, так заниматься разведением оленей невозможно, нельзя “выходить в тайгу без оружия” по соображениям безопасности – как для оленей, так и для самих оленеводов.

Немалые претензии вызывает у байкальских оленеводов и государственное субсидирование оленеводства. Они получают 300 руб. на каждого оленя, в то время как в Каларском р-не Забайкальского края, например, оленеводы получают 900 руб., в Якутии – 1200 руб. По мнению эвенков, буряты, которые занимают ключевые посты в административных структурах, несправедливо распределяют средства на развитие животноводства, поступающие от государства; субсидируется коневодство в ущерб оленеводству: коневоды в большинстве своем буряты, а оленеводы – эвенки (ПМА 2022).

На сегодняшний день в Северо-Байкальском р-не, как уже говорилось, осталось всего одно оленье стадо, но районные власти отчитываются “наверх” гораздо большим числом стад и сильно преувеличивают общее поголовье оленей. По словам респондентов, это делается ради получения субсидий от государства и снабжения этими средствами бурятского коневодства. Отношения между бурятами и эвенками в целом достаточно напряженные.

Большинство эвенков теперь вынуждены заниматься рыболовством, которое традиционно считалось делом самых бедных и неудачливых. При этом эвенки, специализирующиеся в настоящее время на рыбной ловле, не имеют закрепленных за ними юридически промысловых участков, и вся эта деятельность строго контролируется властями. Существуют рыболовецкие общины, получающие значительные квоты и ведущие вылов и продажу рыбы в коммерческих масштабах. Однако среди организаторов подобных общин, по словам местных жителей, эвенков почти нет. Чаще всего такие общины состоят из русских, способных доказать наличие эвенков среди предков. Считаемые в науке устаревшими примордиалистские установки до сих пор используются в юридической и административной практике и широко распространены среди населения.

Охотничьих общин в районе нет, индивидуальные охотники вынуждены платить за лицензии и право охотиться на приватизированных участках, в то время как цена на пушнину значительно упала, да и сбывать ее стало сложно. Многие вынуждены браконьерствовать со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Таким образом, и оленеводы, и охотники, и рыболовы сталкиваются с проблемой землепользования, распределения земельных участков. Огромные территории охотничьих угодий и пастбищ разобрали в аренду на 49 лет приезжие (не местные) частные предприниматели. А поскольку это произошло до принятия закона о землях традиционного природопользования, эти территории эвенки вернуть не смогут до окончания сроков аренды. Более того, эвенкам не продлевают субаренду, так как эта практика в последние годы юридически пресекается. Разные юридические нормы и административные постановления, как это водится, плохо согласуются друг с другом. Респонденты жаловались, что при возникновении земельных споров местные власти явно отдают предпочтение богатым добывающим компаниям. Границы многих родовых угодий до сих пор юридически не закреплены. По этой же причине эвенкам крайне трудно бывает добиться от компаний какой-либо компенсации за отчуждение их земель (Поровознюк 2016: 32–34).

В 2009 г. правительство отменило преференции для заявок КМНС на получение права пользования охотничьими угодьями. Теперь земли выставляются на аукционах, где КМНС должны конкурировать с участниками, обладающими существенно большими капиталами. Более того, после победы в аукционе нужно внести взнос 1–5 руб. за гектар при площади участков в несколько сотен тысяч гектаров, что выливается в неподъемную сумму для большинства национальных предприятий (Тураев 2021: 20–21).

Как видим, государство в настоящее время не слишком заинтересовано в развитии традиционного хозяйства КМНС. Центр тяжести сместился из сферы контроля за традиционным хозяйством и его продукцией в сферу контроля за территориями, использование которых сулит огромные коммерческие прибыли и совсем не нуждается в труде местных жителей. Эвенки теперь видятся в известном смысле как помеха для государственного и частного предпринимательства.

Однако справедливости ради нельзя не подчеркнуть, что, в отличие от Верхнебуреинского р-на Хабаровского края, в Северо-Байкальском р-не Республики Бурятия существуют самоуправяемые поселения эвенков, в некоторых школах преподают эвенкийский язык, есть крупные организации, занимающиеся сохранением и развитием эвенкийской культуры, такие как “Синильга” в Нижнеангарске.

* * *

В целом, вероятно, можно говорить об эвенках БАМа как о части эвенков, имеющей особую историческую судьбу по сравнению с остальными группами

этого народа. Крупный модернизационный проект с неизбежностью втянул эвенков во взаимодействие с большими массами пришлого населения, но при этом он не только не оставил им возможности заниматься традиционными промыслами, но и не инкорпорировал их в иные сферы экономики. А вмешательство государства, с какими бы благими намерениями не проводились преобразования, в большинстве случаев оказывало и оказывает негативное влияние, если те, на кого эти преобразования направлены, не имеют права голоса при принятии ключевых решений. Многочисленные программы поддержки коренных народов, различные законодательные инициативы зачастую используются в корыстных целях людьми, лучше, чем эвенки, эвены и другие представители коренных малочисленных народов Сибири, ориентирующимися в юридических тонкостях.

На долю каждого поколения эвенков в XX в. выпадало событие, коренным образом меняющее социальную и экономическую реальность, что нарушало преемственность поколений, межпоколенную передачу культуры.

Разница между западным и восточным БАМом (точка разделения – г. Тында) сразу бросается в глаза. К западу от Тынды значительно выше уровень транспортной, в особенности железнодорожной, инфраструктуры, гораздо проще логистика. Близость Байкала обеспечивает туристическую привлекательность, в том числе востребован этнотуризм. Местные эвенки в большей степени сохранили черты традиционного образа жизни, несмотря на более длительное взаимодействие с русскими и бурятами, есть школы с преподаванием эвенкийского языка, территории компактного проживания с особым статусом самоуправления. Если на восточном участке БАМа местные жители практически не принимали участия в строительстве магистрали, то здесь среди первостроителей их было достаточно много.

В Верхнебуреинском р-не оленеводства фактически не существует, и уже довольно продолжительное время, надежды на возрождение традиционного занятия нет. В Северо-Байкальском р-не прямо сейчас мы можем наблюдать, как оно деградирует, несмотря на все усилия местных жителей, региональных и федеральных властей. В целом же эвенки, живущие в районах, примыкающих к БАМу, оказались в ситуации, когда то, что принято называть модернизацией, разрушает их вековые традиции, не предлагая сколько-нибудь удовлетворительных культурных и экономических альтернатив.

Процессы изменений в обществе часто описывают при помощи понятия “эволюция”. Если применить его к процессам модернизации, то можно проследить, как одни системы подчиняют себе другие и перехватывают контроль над их эволюцией, чтобы приспособить к своим нуждам. Налицо крайнее неравенство сторон. Техническое, военное и экономическое превосходство “мейнстримного общества” (“центра”) обуславливает деструктивные последствия для “модернизируемых” периферийных обществ. И постсоветский капитализм, и авторитарная командная экономика СССР в конечном итоге создавали неравенство, хотя и разными способами. В СССР оно формировалось за счет подчинения экономики государству, что позволяло его функционерам диктовать условия труда, производства и распределения. Не меньшим был дестабилизирующий эффект включения традиционных хозяйств в постсоветскую товарно-денежную экономику. Истинный корень проблемы заключается в почти абсолютной зависимости и эвенков и представителей иных КМНС от структур, которые они не могут контролировать. Будь то глобальный рынок, где участники крайне неравны в своих возможностях на него влиять, или же авторитарное государство, мы в любом случае имеем дело с неравенством и отсутствием контроля со стороны более слабых участников экономических отношений. Модернизация, таким образом, потенциально опасна для подвергающихся ей

сообществ, хотя большинство пострадавших от нее людей вряд ли теперь уже будут готовы отказаться от так наз. благ цивилизации и технического прогресса. Важно, чтобы в дальнейшем модернизация проходила все же на таких условиях, которые принимаются и контролируются теми, кого она непосредственно касается. Отсюда один из кардинальных наших выводов: необходимы тесное взаимодействие рядовых эвенков и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с федеральными органами власти, например с ФАДН, в частности в плане ревизионистских инспекций на местах. Центральным органам власти надлежит меньше полагаться на отчетную документацию местных властей, а постоянно мониторить реальную ситуацию. Необходимо также уделять как можно больше внимания защите прав КМНС на ведение традиционного хозяйства. Это означает не только борьбу с нарушениями или злоупотреблениями в рамках действующих законов, но и пересмотр существующей модели, которая часто делает эвенков уязвимыми перед эксплуатацией их угодий частными предпринимателями и арендаторами. Кроме того, именно на правительстве нашей страны лежит ответственность за создание благоприятных условий для смены деятельности тех эвенков, которые не хотят или не могут вести традиционное хозяйство, что подразумевает улучшение доступа к образованию и создание новых рабочих мест, а также усиление мер социальной поддержки.

Примечание

¹ См. также: *Щекин М.А.* Модернизация или domestикация? Опыт эвенков в глобальном контексте // *Антропологии/Anthropologies*. 2023. № 2 (готовится к публикации в октябре текущего года).

Источники и материалы

ПМА 2021 – Полевые материалы авторов. Собраны Д.А. Долгих, Г.С. Кобытиным и М.А. Щекиным в августе 2021 г. в ходе экспедиции в Верхнебурейнский р-н Хабаровского края и Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия (поселки Чегдомын, Герби, Солони, Уоян).

ПМА 2022 – Полевые материалы авторов. Собраны Д.А. Долгих и М.А. Щекиным в августе 2022 г. в ходе экспедиции в Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия (села Холодное и Байкальское).

Научная литература

Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010.

Виноградова С.Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // *Труды Кольского научного центра РАН (Апатиты)*. 2010. № 2. С. 127–139.

Гаер Е.А., Батъянова Е.П., Шпинев В.Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постсоветской действительности // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. 2014. Вып. 228.

Долгих Д.А., Кобытин Г.С., Щекин М.А. В Верхнебурейском районе Хабаровского края и Северо-Байкальском районе Республики Бурятия // *Новые российские гуманитарные исследования (электронный журнал)*. 2021. Вып. 16. <http://www.nrgumis.ru/articles/2173>

- Забияко А.П. и др. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск: РИО, 2012.
- Поровознюк О.А. Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносоциальные сети и борьба за ресурсы // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 1. С. 23–41.
- Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Тураев В.А. Охотничий промысел коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях постсоветской трансформации (1990–2010) // *Россия и АТР*. 2021. № 4. С. 12–27.
- Шубин А.С. Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007.

Research Article

Dolgikh, D.A., and M.A. Shchekin. What Did Evenks Get from Modernization? Global Projects of the Century and People's Destinies [Chto dala modernizatsiia evenkam? Global'nye proekty veka i sud'by liudei]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 111–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050081> EDN: YECIEC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitriy Dolgikh | <http://orcid.org/0009-0004-6733-5048> | dolgikh-dmit@yandex.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Mikhail Shchekin | <http://orcid.org/0009-0005-9083-7625> | smofficial@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Keywords

modernization, industrial projects, Evenks, indigenous peoples of North, Siberia and Far East, traditional economy, traditional culture, collective farms, collectivization, post-Soviet transformations, state support measures

Abstract

The article is based mainly on the materials of the expeditions of 2021–2022 to the areas of close cohabitation of Evenks and Russians – the Verkhnebureinsky district of the Khabarovsk Territory and the Severo-Baikalsky district of the Republic of Buryatia. The territories adjacent to the Baikal-Amur Railway were under the influence of an aggressive policy of modernization, which led to significant transformations in the habitual way of life of the indigenous peoples of the North (often abbreviated in Russian as KMNS, standing for *korennye malochislennye narody severa*) – in the conditions that prevailed after the construction of the highway and related infrastructure, it became impossible to use traditional ways of subsistence such as reindeer herding, hunting and fishing. Many representatives of the indigenous peoples of the North were unable to adapt to the changed realities. We argue that there is a need for close cooperation between federal authorities, such as the Federal Agency for Ethnic Affairs of the Russian Federation, with the Russian Association of Indigenous Peoples of the North and with Evenk business entities. The central federal authorities should rely less on the reports of local authorities, while constantly monitoring the real situation. It is necessary to pay as much attention as possible to protecting the rights of the indigenous peoples of the North to conducting a traditional

economy. This means not only combating violations or abuses within existing laws, but also overhauling the existing model, which often leaves the Evenks vulnerable to exploitation of their lands by private entrepreneurs and tenants. In addition, it is the government of the country that is responsible for creating favorable conditions for changing the activities of those Evenki who do not want or cannot run a traditional economy, which implies improving access to education and creating new jobs, as well as strengthening social support measures.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

References

- Akimov, Y.G. 2010. *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII v. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia at the End of the 16th – The Middle of the 18th Centuries: Essay on Comparative History of Colonization]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Dolgikh, D.A., G.S. Korytin, and M.A. Shchekin. 2021. V Verkhnebureinskom raione Khabarovskogo kraia i Severo-Baikal'skom raione Respubliki Buriatiia [In the Verkhnebureinsky District of the Khabarovsk Territory and the Severo-Baikalsky District of the Republic of Buryatia]. *Novye rossiiskie humanitarnye issledovaniia* 16. <http://www.nrgumis.ru/articles/2173>
- Gaer, E.A., E.P. Batianova, and V.N. Shpinev. 2014. Korennnye malochislennye narody Nizhnego Amura v postsovetsoi deistvitel'nosti [Indigenous Peoples of the Lower Amur in Post-Soviet Reality]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 228.
- Porovozniuk, O.A. 2016. Gorodskie aborigeny BAMA: industrial'nyi bum, tekhnosotsial'nye seti i bor'ba za resursy [Urban Aborigines of BAM: Industrial Boom, Technosocial Networks and Struggle for Resources]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 23–41.
- Shubin, A.S. *Evenki* [Evenks]. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia, 2007.
- Sirina, A.A. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the Modern World: Self-Awareness, Environmental Management, Worldview]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Turaev, V.A. 2021. Okhotnichii promysel korennnykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka v usloviakh postsovetsoi transformatsii (1990–2010) [Hunting of the Indigenous Peoples of the Far East in the Conditions of Post-Soviet Transformation (1990–2010)]. *Rossia i ATR* 4: 12–27.
- Vinogradova, S.N. 2010. Formirovanie gosudarstvennoi politiki v otnoshenii korennnykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: retrospektivnyi analiz [Formation of State Policy Towards Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East: A Retrospective Analysis]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN (Apatity)* 2: 127–139.
- Zabiiako, A.P., et al. 2012. *Evenki Priamur'ia: olennaia tropa istorii i kul'tury* [Evenki of the Amur Region: Deer Trail of History and Culture]. Blagoveshchensk: RIO.

“КАЮРЫ XXI ВЕКА” И ИНДИГЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

М.С. Михалев

Максим Сергеевич Михалев | <http://orcid.org/0000-0001-5695-6915> | maxmikhalev@yahoo.com | д. и. н., профессор Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Ключевые слова

колонизация пространства, деколонизация, оленеводство, эвены, Приохотье, обмен знаниями

Аннотация

В статье процесс колонизации пространства рассматривается как обмен знаниями. Его ключевыми участниками являются коренные жители, вступающие в контакт с пришлым населением, в результате чего последнее получает исчерпывающие сведения о колонизируемой территории и берет ее под контроль, воспользовавшись своим техническим, военным и экономическим превосходством. На основе анализа истории и современного состояния дел в Приохотье показывается, что по мере того, как местные жители, прежде всего каюры и проводники, усваивают знания пришлого населения, им удается повернуть этот процесс вспять. Стратегией деколонизации с их стороны в этом случае становится либо большая вовлеченность коренного населения в систему управления, либо грамотные действия по отвлечению внимания властей. И то и другое может быть реализовано лишь благодаря достигнутому в ходе обмена знаниями пониманию особенностей системы государственного контроля.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Колонизация пространства как конкретный процесс и как абстрактная категория все чаще привлекает внимание отечественных и зарубежных антропологов. С одной стороны, им интересно заниматься этой темой в контексте социокультурного измерения транспортной инфраструктуры¹, с другой – предприниматься попытки вывести понимание колонизации на уровень теоретических обобщений (Головнев 2015: 536–540). Несмотря на то что роль коренного населения иногда также подвергается осмыслению (Давыдов 2013, 2018), до сих пор, однако, не уделялось достаточного внимания пониманию того, что важнейшим механизмом и, в каком-то смысле, итогом и колонизации пространства, и параллельного ему процесса “приручения” его обитателей можно считать неравноценный обмен знаниями.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Михалев М.С. “Каюры XXI века” и индигенные стратегии деколонизации пространства // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 125–142. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050093> EDN: YDTNUR

Mikhalev, M.S. 2023. “Kaiury XXI veka” i indigennnye strategii dekolonizatsii prostranstva [The “21st-Century Kayurs” and Indigenous Strategies of the Decolonization of Land]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 125–142. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050093> EDN: YDTNUR

В результате часто упускается из виду тот факт, что до той поры, пока пришлое население не обладает четким представлением о географии колонизируемой территории, оно, несмотря на свое техническое, культурное и военное превосходство, не в состоянии установить здесь свой полный контроль и навязать свою волю. Выгоды от колонизации в этом случае редко превышают затраты на ее осуществление, в итоге новые территории остаются де-факто независимыми и неподконтрольными безотносительно того, что изображают на географических картах. Лишь когда благодаря содействию местных жителей в распоряжении пришельцев оказывается точная карта земли и ее недр, они, наконец, занимают преимущественное положение по отношению к коренному населению. Для этого чужакам достаточно соединить новое для них знание о колонизируемой местности с доступными только им передовыми технологиями освоения пространства и контроля над населением.

Как правило, это случается вслед за тем, как среди местных жителей находятся люди, охотнее других идущие на контакт и заинтересованные в налаживании связей за пределами своего локального сообщества. Иногда ими движет любопытство, иногда они становятся проводниками из потребности помочь незнакомым людям. Бывает и так, что мотивом служит желание персонального обогащения или личная обида. Если же добровольных проводников среди местных не находится, колонизаторы могут принудить их раскрыть секреты своей земли силой. Несмотря на то что в последнем случае эффект взаимодействия ниже, а вместо обмена знаниями происходит их экспроприация, сути дела это не меняет. Во всех вышеуказанных сценариях местное население, не имеющее возможности или неспособное использовать в своих интересах знания, приобретенные, в свою очередь, от пришельцев, проигрывает им в конкурентной борьбе, оказывается в подчиненном положении и постепенно деградирует. При этом случается и так, что пришлое население настолько хорошо усваивает знания и навыки местных жителей, что составляет им конкуренцию даже в традиционных для тех сферах деятельности (Михалев 2022: 155).

Жизни людей, которые волею судеб оказывались посредниками между наступающей цивилизацией и теряющим свои позиции аборигенным населением фронтальных зон, неоднократно становились объектом художественной рефлексии. Истории Дерсу Узала, проводника и друга В.К. Арсеньева (Арсеньев 2016), или, к примеру, Улукиткана, связавшего себя узами дружбы с геодезистом Г.А. Федосеевым (Федосеев 2017), хорошо известны. Во всех этих описаниях, однако, присутствует излишняя романтизация контактов пришлого и аборигенного населения, а также вера в их благотворность. Возможно, это связано с тем, что составлялись они теми, кто собственной деятельностью способствовал колонизации пространства – самими представителями цивилизации. В дополнение к этой, довольно широко представленной позиции в данной статье предпринимается попытка приблизиться к лишенному подобных личностных коннотаций пониманию колонизации как процесса именно неравноценного обмена знаниями, приводящего к трансформации и самой территории, и образа жизни и культуры населяющих ее народов. При этом показывается, что не только сам этот обмен, но и импульсы, которые он порождает, могут быть не просто неравноценными, но и обоюдонаправленными, меняющими не только колонизируемую сторону, но и колонизирующую.

Каюры Охотского края

Охотский район Хабаровского края редко попадает в поле зрения этнологов и антропологов², несмотря на то что здесь проживает 1347 представителей

коренных малочисленных народов Дальнего Востока, или почти четверть населения района (6106 человек)³. При этом интенсивное промышленное освоение этого горно-таежного края, богатого природными ресурсами, а также смещение демографического баланса в самом Охотске, который приобретает все более отчетливый национальный колорит⁴, придает проблеме взаимодействия традиционной культуры и так наз. цивилизации дополнительную остроту и комплексность.

В настоящее время Охотский район фактически представляет собой “остров”. Административно входящий в состав Хабаровского края, он связан с краевым центром лишь воздушным транспортом, надежность которого очень низка. Рейсы в находящиеся ближе к Охотску Якутск и Магадан больше не осуществляются. Нет у охотчан связи ни с другими районами Хабаровского края, включая соседний Аяно-Майский, ни с отдаленными поселениями внутри самого района. Дорожная сеть фрагментарна и ограничивается окрестностями поселка и районами интенсивной добычи полезных ископаемых. Но так было не всегда.

В 1639 г. русские первопроходцы впервые вышли к берегам Тихого океана именно в районе Охотска. После этого здесь долго находился центр освоения новых дальневосточных рубежей Российского государства. Отсюда русские корабли уходили исследовать берега Чукотки и Камчатки, здесь снаряжались экспедиции в Японию и Русскую Америку. Из Охотска отправлялись в дальний путь В. Беринг, С.П. Крашенинников и Г.И. Шелихов (*Цеханская* 1989). В связи с особой значимостью этого форпоста на востоке страны он стал одним из первых населенных пунктов на побережье Тихого океана, связанных с Большой землей круглогодичной дорогой. Якутско-Охотский тракт исправно функционировал с 1730-х годов вплоть до середины XIX в., пока в 1849 г. по нему не совершил путешествие тогдашний генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Пораженный трудностями пути, он предложил перенести базу военной флотилии в Петропавловский порт, а в качестве основного порта для обслуживания интересов Российско-Американской компании избрать пос. Аян (*Казарян* 2006: 55).

Наследие этого периода до сих пор ощущается. Коренное население современного Охотского района представлено в основном эвенями. Одна их группа концентрируется в отдаленной восточной части района, у р. Иня, и занимается в основном рыболовством, вторая же населяет внутренние горно-таежные территории, где традиционным занятием эвенов издавна являлось транспортное оленеводство. Подобная специализация была вызвана тем, что именно по этой территории проходили “магистральные” выючные тропы, а затем были проложены те самые почтовые тракты, что связывали тихоокеанское побережье Российского государства с внутренними регионами. Признанным центром эвенов-оленьеводов, занимавшихся таежным извозом, было с. Арка, расположенное в 100 км к северо-западу от Охотска. Интересно, что две вышеупомянутые группы эвенов различаются и по антропологическому типу, и по складу характера, и даже по особенностям поведения (ПМА 2: Задорожный). Утверждают, что это связано с тем, что в Арке, где всегда пересекались дороги, ведущие на северо-восток и на восток Якутии, оказалось много якутов (*Лебедева* 1971: 104; *Дьяченко, Ермолова* 1984), в то время как на побережье Охотского моря эвенское население оставалось более гомогенным.

В XVIII–XIX вв. основные тяготы по оказанию транспортно-экспедиционных услуг для многочисленных путешественников, купцов, чиновников по особым поручениям и членов научных экспедиций, направлявшихся к тихоокеанским берегам страны и на американский континент, несли на себе коренные

жители этих мест. Наличие оленей и собак, навыки перемещения по тайге и тундре, превосходное знание местности и неприхотливость в быту – все это позволяло привлекать их и к перевозке грузов, и для нужд почтовой службы, и в качестве сопровождающих при инспектировании отдаленных территорий. Безымянные “извозчики” обширных, малонаселенных пространств, обеспечивавшие связанность Российского государства на самых отдаленных его рубежах, стали главными агентами перемен для своих сообществ. Общаясь с немногочисленными представителями чужаков и перенимая у них знания и навыки, которых не было в Приохотье, они способствовали одновременно и дальнейшему развитию коренных жителей, и их последующей деградации. “Каюры были не просто хорошими проводниками по пути из одного места в другое и прекрасными знатоками территории, но также служили медиаторами в отношениях между местным населением, с одной стороны, и промышленниками, а также представителями государства – с другой” (Давыдов 2013: 267).

Каюрская повинность, которой были тогда обложены эвены, увеличивала и без того непосильный податный гнет. Лишь иногда услуги каюров шли в счет ясака и, таким образом, несколько смягчали общее налоговое бремя (Федорова и др. 1984: 209). В этих условиях отношения местных и пришлых не всегда были гладкими. Так, в сочинении капитана флота Сарычева указывается, что, несмотря на то что проводники из Арки оказали членам его отряда неоценимую помощь, исследователи в конце концов оказались в затруднительном положении, так как тунгусы самовольно оставили лагерь и вернулись к себе домой (Сарычев 2017: 64–65). Можно сделать вывод, что взаимодействие могло складываться в интересах как местных жителей, так и пришлого населения. Это прежде всего зависело от личных качеств участников межкультурных контактов, а также от конкретных обстоятельств сотрудничества.

Можно констатировать, что и в те далекие годы обмен знаниями, хотя и оставался обычно неравноценным, все-таки был двусторонним и потому при определенных условиях мог становиться взаимовыгодным. Отдельные представители коренного населения научились извлекать из контактов с пришлыми материальную выгоду. К примеру, “открытие новых месторождений создавало новые возможности заработка для эвенков. Появление новых дорог и необходимость увеличения грузооборота требовали увеличения стад” (Давыдов 2013: 270). В Охотске нами было записано фамильное предание эвенкийки Т.С. Трофимовой о том, как ее дед Архип Якимов, работавший каюром на Российско-Американскую компанию, сколотил себе состояние, занимаясь транспортировкой чая, ситца и муки (ПМА 1: Трофимова). Несмотря на то что в самой компании ему платили не так много, он мог брать с коммерческим грузом принадлежащую ему лично пушнину, при этом часть чая он также оставлял себе и затем продавал. По свидетельствам исследователей, в соседнем Аяно-Майском районе на коммерческих перевозках использовалось до 88% от имевшихся у эвенов взрослых оленей, при этом совокупный доход от перевозки чая составлял тогда более 80% заработков коренного населения (Пекарский, Цветков 1913: 21).

Выгодность извоза привела к тому, что некоторые представители русского населения также занялись каюрским ремеслом и достигли в нем больших успехов, чем местные жители, которым иногда было сложнее найти общий язык с заказчиками. В той же Арке и сейчас сохраняется память о Степане Иннокентьевиче Расторгуеве, камчатском казаке, чья судьба оказалась тесно связанной с Охотским краем, в селе до сих пор проживают его воспитанники (Афанасьева 2001). Уже в юности освоивший языки коренных жителей региона, он смог в совершенстве овладеть и мастерством каюра. Благодаря своему происхождению, позволявшему ему лучше понимать и удовлетворять запросы европейских

путешественников, он стал участником многих научных экспедиций конца XIX в. Так, в 1890 г. Расторгуеву привелось сопровождать энтомолога А.-О.Ф. Герца в его путешествии на Камчатку, а двумя годами позже на Колыме знаменитый полярный исследователь И.Д. Черский фактически умер у него на руках. Внес охотский каюр свой вклад и в организацию экспедиции норвежского путешественника Ф. Нансена: в 1893 г. Расторгуев вместе с Э.В. Толлем устраивал для него продовольственный склад. Столь активное сотрудничество с известными учеными и путешественниками того времени позволило представителю Охотского края побывать в Иркутске, Киеве, на Кольском п-ве и в других частях Российской империи и таким образом вывести двусторонний обмен знаниями на новый уровень.

Раскол в обществе, спровоцированный Гражданской войной, оставил серьезный след и в Приохотье. Здесь, вдалеке от крупных административных центров, противостояние оказалось не только самым продолжительным, но еще и лично окрашенным. Итог его решали поединки отдельных командиров, а не сражения войсковых подразделений. Столкновения И.Я. Строда и А.Н. Пепеляева и бой, в ходе которого в 1923 г. А.Н. Пепеляев был пленен С.С. Вострецовым, часто называют последними сражениями Гражданской войны, однако в действительности сопротивление новому порядку в регионе продолжалось и после этих событий. Так, уже в следующем 1924 г. в Аяне вспыхнуло очередное восстание, в результате чего ненадолго была провозглашена автономия тунгусов (Ковлеков 2005), а с сопротивлением в Чумикане и вовсе было покончено лишь в 1931 г. (Северянин рассказал... 2018).

Коренное население края не могло оставаться в стороне от этих драматических событий, а специфические знания проводников и ресурсы каюров оказались одинаково востребованы и красными, и белыми. Принуждая и убеждая коренных жителей Приохотья вставать на свою сторону, их невольно просвещали и образовывали, посвящая в проекты построения будущего. Таким образом, обмен знаниями вновь оказывался двусторонним, при этом у жителей далекой периферии в его результате постепенно формировалось собственное понимание механизмов функционирования социальных институтов и появлялись зачатки представлений о причинах и характере общественных процессов.

Литература советского периода убеждала в том, что подавляющее большинство коренных жителей отдаленных регионов страны с радостью приняло советскую власть, и это во многом способствовало окончательному поражению белых (Флеров 1959: 145–162). Действительно, часть каюров и проводников встали на сторону красных, при этом некоторые из них, что интересно, даже смогли извлечь из этой ситуации личную выгоду (Михалев 2022: 154). Другие же, как уже упомянутый каюр Архип Якимов, еще долго метались между красными и белыми, не понимая сути происходящих процессов (ПМА 1: Трофимова). Воспоминания потомков непосредственных участников тех событий, собранные нами в современной Арке, говорят о том, что среди местных звенов белые были более популярны. Напуганные такими шагами новой власти, как обобществление оленей и вновь введенная каюрская повинность (Тураев 2018: 59), многие аркинцы отнеслись к отряду белого генерала Ракитина с симпатией и предоставили ему своих личных оленей для транспортировки грузов и живой силы. Как утверждают информанты, своим отношением к простым людям белогвардейцы произвели на местных жителей более благоприятное впечатление, чем их оппоненты, но в советское время говорить об этом было, конечно же, не принято (ПМА 2: Слепцова). Не принято, кстати, не только по причине цензуры, но еще и потому, что, пережив первоначальный шок, связанный со сменой общественного строя и жизненного уклада, коренные народы Дальнего Востока

вскоре смогли убедиться в том, что новая хозяйственная модель несет в себе и очевидные преимущества. Более того, можно утверждать, что транспортное оленеводство, получившее первый сильный импульс к развитию в Приохотье на рубеже XIX–XX вв. в связи с активной деятельностью Российско-Американской компании и ставшее заложником политической смуты, вскоре после ее окончания в 1930-е годы обрело новое дыхание.

С одной стороны, с началом коллективизации и созданием первых колхозов эвены могли заработать что-то лично для себя, только подрабатывая извозом, — при осуществлении грузоперевозок им полагалось до 75% от полученного дохода (Титорева 2015: 205). С другой — рост транспортного оленеводства был связан с масштабной деятельностью государства по освоению окраинных районов. Резко увеличилось число экспедиций, на регулярной основе направлявшихся в отдаленные регионы Советского Союза и щедро финансировавшихся из государственного бюджета. Одной из первых и при этом самой заметной стала Аянско-Охотская землеустроительная экспедиция 1935–1936 гг., неоценимую помощь которой оказали как раз местные проводники-каюры. “Проводники, а также пастухи-оленьеводы и охотники помогли определить границы ягельников и охотничьих угодий, указали наиболее удобные перевалы через водоразделы между реками района” (Перминов 2001).

Начиная с 1940-х годов каждой весной в тайгу прибывали крупные отряды топографов, геологов и геодезистов, которые, как правило, оставались в поле до середины осени. Им требовалось перебрасывать в отдаленные, лишенные дорожной сети районы специальное оборудование, снаряжение и продукты питания, а в ходе полевого сезона было необходимо пополнять запасы продовольствия. Предполагалось, что возмещать недостаток продуктов можно будет с помощью охоты, рыбалки и собирательства — деятельности, которой испокон веков занималось коренное население. Кроме того, жителям крупных городов, даже тем, кто не понаслышке был знаком с трудностями жизни в тайге, требовались помощь и консультации местных жителей, к этой жизни привычных с детства и потому лучше к ней приспособленных. Наконец, и об этом также не стоит забывать, знание местными укромных уголков родного края помогало геологам в поиске новых месторождений, а для топографов и геодезистов содействие коренных жителей иногда оказывалось в прямом смысле слова спасительным.

Сотрудничество исследователей и коренного населения было устроено так, что приносило пользу и одной стороне, и другой. Колхозы Охотского побережья, к примеру, смогли поправить свое материальное положение: для многих из них выполнение работ, связанных с сопровождением экспедиций, превратилось в весьма существенный, хотя и чисто сезонный, источник дохода. Экспедициям требовались как собственно олени, так и рабочая сила, способная их обслуживать, — каюры. Последние обычно вербовались на целый сезон и также могли получить доход, значительно превышающий их обычный заработок. Заброска груза, как правило, производилась в начале полевого сезона с помощью вертолета, после чего, по согласованию с колхозным начальством, эвены получали индивидуальные задания от руководителя экспедиции и занимались дальнейшей транспортировкой оборудования и продовольствия, таким образом обеспечивая и связность отдельных отрядов экспедиции, и их снабжение необходимыми грузами.

Известный дальневосточный этнограф В.А. Тураев в монографии, посвященной этнокультурным и этносоциальным процессам у дальневосточных эвенков в XX в., утверждает, что практика сдачи оленей в аренду экспедициям была финансово выгодной для колхозного руководства, однако стала настоя-

щим бедствием для оленеводов: “До половины оленей из экспедиций в колхоз не возвращалось, другая половина приходила до крайности истощенной и, как правило, гибла” (Тураев 2008: 42). Наши информанты в Охотском районе, однако, в подавляющем большинстве утверждают обратное. В их несколько идеализированном представлении именно советский период стал “золотым веком” оленеводческой отрасли края: поголовье достигло своих максимальных значений; успешно функционировала ветеринарная служба; работа оленевода или каюра считалась престижной и при этом хорошо оплачивалась; бытовые проблемы колхозников брала на себя администрация (ПМА 1, 2: Алексеев). Эти слова подтверждают и материалы по истории колхозного строительства в крае (Титорева 2017: 69–71).

На самом деле и та и другая позиции имеют равное право на существование. С одной стороны, учитывая ситуацию, сложившуюся в оленеводческой отрасли района после демонтажа советской системы, можно понять и принять ностальгические нотки в рассуждениях о прошлом современных жителей. С другой стороны, перегибы, вызванные желанием администраций колхозов и отдельных каюров достичь максимальной прибыли любой ценой, действительно оказали негативное влияние и на состояние поголовья, и на экологическую ситуацию.

Кроме того, – и это очень важно – в ходе интенсивного освоения края активизировались контакты коренного населения региона и многочисленных приезжих и произошел невиданный до того времени культурный обмен между представителями развитой промышленной цивилизации и все еще практикующими традиционный образ жизни эвенками. Обмен этот оставил неизгладимый след в культурном и социальном ландшафте края, а отдаленные последствия этого процесса еще предстоит оценить. Главной особенностью обмена, наряду с взаимным уважением, стала взаимная заинтересованность, что постоянно подчеркивают и представители коренного населения, и работавшие в то время в Охотском крае посланцы других регионов страны. Заинтересованность эта заключалась как в обмене даров природы (в основном продуктов охоты и рыболовства) на дары городской цивилизации (дефицитные товары, в том числе продукты, предметы быта, городская одежда и обувь), так и в обмене знаниями. Прирожденные таежники учили приезжих чувствовать и понимать тайгу и раскрывали им секреты троп и недр своего края. Со своей стороны, геологи, топографы и геодезисты, среди которых было много людей с высшим образованием, делились с местными жителями секретами мастерства в своей предметной области, общими гуманитарными и техническими знаниями и наблюдениями из жизни населения других регионов страны. Отдельного упоминания заслуживают воспоминания многих информантов о том, что члены экспедиций привозили с собой книги и журналы и делились ими, и это особенно ценилось жителями отдаленных регионов (ПМА 1: Трофимова).

В результате контактов между людьми завязывались долгосрочные связи, многие из которых поддерживаются до настоящего времени. Столь плотное общение не просто принесло населению окраин страны новые знания об окружающем их большом мире, но и определило жизненный выбор как многих коренных жителей, так и их детей. К примеру, Семен Архипович, сын каюра Архипа Якимова, стал связистом на телеграфной линии, а его дочь, наша информантка Т.С. Трофимова, по совету русских друзей-геологов уехала в Ленинград и окончила там педагогический университет (Там же). Другой информант, Степан Алексеевич Алексеев, эвен из с. Арка, вдохновленный историями про геологов, решил избрать эту профессию и отправился поступать в Магадан. Несмотря на то что судьба его сложилась не так, как он изначально планировал, стремление к книжному знанию прошло через всю его жизнь, и он до сих пор удачно со-

четаает в себе тонкое понимание таежной специфики с широкой осведомленностью о ситуации в стране и в мире (ПМА 2: Алексеев).

Тесное взаимодействие промышленников и членов научных экспедиций, с одной стороны, и местного населения – с другой, прекратилось вскоре после распада СССР, сопровождавшегося крахом плановой экономики, разрывом хозяйственных связей и сворачиванием государственных программ развития Дальнего Востока. Было урезано или вовсе прекращено финансирование научных исследований, нарушены производственные и сбытовые цепочки, на смену коллективной собственности и крупным стадам оленей пришли мелкие, разрозненные личные хозяйства. Колхоз в Арке был преобразован в товарищество с ограниченной ответственностью, а его бывшие члены получили, иногда в счет погашения задолженности по заработной плате, каждый всего по несколько десятков оленей (Титорева 2017: 71). Ожидалось, что самостоятельность и заинтересованность в конечном результате повысят производительность труда и оживят хозяйственную ситуацию, однако произошло прямо противоположное.

Оказалось, что десятилетия политики патернализма лишили коренные народы Дальнего Востока чувства ответственности за свою судьбу. Эвены Арки, оставшиеся один на один со своими проблемами и возможностями, очень быстро привели оленеводческую отрасль родного края к краху. В погоне за иностранной валютой они пустились в сомнительные авантюры, предпочитая тяжелой работе быстрые деньги от продажи пантов. Приохотскую тайгу в те годы наводнили голландские, американские и японские дельцы, которые, конечно же, не были заинтересованы в долгосрочном развитии района. Олени, оказавшиеся в частных руках, продавались за бесценок, шли на убой или попросту выменивались на алкоголь, а на вырученные от их продажи средства жители села закупали импортную технику для личных нужд. В Арку в те годы даже доставили два мотодельтаплана, которые довольно быстро вышли из строя. В 1997 г. товарищество было признано банкротом, но к тому времени ни о каком транспортном оленеводстве речь уже не шла (Там же).

Не лучше обстояли дела и у потенциальных заказчиков транспортных услуг оленеводов. Планомерная, целенаправленная, масштабная работа по разведке и эксплуатации недр района была практически свернута, а добывающая отрасль отдана на откуп коммерческим структурам. Основной целью новых собственников стало стремительное обогащение, по причине чего они не желали, да и не могли по-настоящему инвестировать в будущее отрасли. Научные экспедиции практически прекратились, была нарушена система северного завоза, в функционировании которой транспортное оленеводство играло немаловажную роль. В этих условиях спрос на услуги каюров резко снизился, и если еще в 1988 г. в газете “Охотско-эвенская правда” можно было встретить оптимистическую заметку с заголовком “Каюр – это профессия” (Каюр 1988), то всего три десятилетия спустя даже возрастные жители Арки приходят в изумление, услышав слово “каюр”. Они искренне убеждены, что каюры исчезли задолго до распада СССР – таковы особенности исторической памяти.

В результате сегодня разговор о возрождении транспортного оленеводства вызывает лишь недоумение, причем как у простых эвенов, так и у представителей власти или бизнеса. Тем не менее фактическое исчезновение этой отрасли хозяйства не является исторической неизбежностью и уж тем более не может считаться признаком достигнутого прогресса. Скорее следует говорить о системной деградации социально-экономического комплекса региона. Несмотря на значительное улучшение ситуации в золотодобыче, систематичной разведывательной работы сейчас практически не ведется, государство отдало все в руки частных компаний, причем зачастую с преобладающей долей иностран-

ного капитала, и те проявляют заинтересованность лишь в эксплуатации уже известных месторождений. Как итог, предприятия не занимаются выстраиванием долгосрочных, истинно партнерских отношений с коренным населением. Взаимопомощь и взаимовыгодный обмен знаниями, которыми характеризовалось взаимодействие эвенов-оленьеводов и геологов в советскую эпоху, в этой ситуации неизбежно трансформируется в симбиотическую зависимость, лишь маскирующую взаимное недоверие. Коренное население в наши дни занимает откровенно изживающуюся позицию, требуя для себя постоянных поблажек и субсидий. Представители же добывающих компаний смотрят на местных жителей свысока, предпочитая показательные мероприятия “для галочки” налаживанию равноправного диалога. Вся активность бизнеса продиктована стремлением повысить капитализацию компаний за счет позиционирования их как социально ответственных предприятий. О том, чтобы найти применение знаниям коренных жителей о родной земле или способствовать развитию у них новых компетенций, речь не идет. В лучшем случае эвенов нанимают на неквалифицированную работу, да и то лишь потому, что компании с высокой долей иностранного капитала вынуждены руководствоваться пожеланиями крупных акционеров из-за рубежа⁵.

На самом деле, проблема не только в ориентации крупных промышленных предприятий на сиюминутную прибыль, что абсолютно естественно в условиях рыночной экономики, но и в состоянии дел у самих эвенов. Десятилетия государственного патернализма, годы бесхозяйственности и рвачества, наступившие после крушения плановой экономики, привели к утрате оленьего поголовья и к забвению навыков транспортного оленеводства, поэтому в настоящее время местным попросту нечего предложить на рынке транспортных услуг. Даже если в ситуации “нового бездорожья” в регионе вновь возникнет спрос на гужевые перевозки, современные эвены, к большому сожалению, просто не смогут его удовлетворить, поскольку давно утратили необходимые компетенции.

Как это ни странно, говорить о том, что транспортное оленеводство и услуги проводников в этих условиях полностью бесперспективны, тоже нельзя. Они востребованы и сегодня, однако в основном в сфере теневой экономики, и потому о тех эвенах, кто продолжает “каюрить”, в разговорах предпочитают не упоминать. Само это слово приобрело сильную негативную коннотацию и означает теперь “жить вне общества”, предпочитая свободную от условностей кочевое существование в тайге прелестям и искушениям цивилизации. Между “прирученным” государством и крупным бизнесом населением национальных сел и теми, кто, несмотря ни на что, “каюрит”, вырастает стена непонимания и взаимного отчуждения. Самое интересное, что точно такая же стена существует и между крупными промышленными компаниями, работающими в регионе, и “черными геологами”, ведущими поиск и разработку месторождений полезных ископаемых полулегально или вовсе за рамками закона. То, что две вытесненные из официального дискурса силы (нелегальные геологи и “каюрящие” эвены) довольно легко находят общий язык – важнейший момент, требующий дальнейшего изучения и осмысления. “Узбекские геологи”, как их еще иногда называют, с удовольствием нанимают на работу “таежных эвенов”. Одни делаются, как и их предки в прошлом, своим знанием тайги, другие готовы за это платить, ибо у них самих нет доступа к официальным данным.

В этой связи можно констатировать, что традиционный, взаимовыгодный обмен знаниями между местным и пришлым населением в наши дни обретает актуальность в том секторе экономики и в той сфере общественных отношений, которые остаются неподконтрольными официальным властям и на существование которых власти предпочитают закрывать глаза. Поскольку в этой ситуации

обмен знаниями уходит “в подполье”, он с неизбежностью приобретает черты негативной маргинальности, что, в свою очередь, приводит к его постепенной криминализации. Коренное население в результате не приобретает новых полезных компетенций и фактически не развивается, как это было в ходе взаимовыгодного сотрудничества геологов и каюров в советское время, но при этом и не богатеет, как это было в начале прошлого века, когда в регионе работала Российско-Американская компания.

Стратегии вовлеченности и отстраненности

Интересно, что именно в этих условиях в Приохотье рождаются лидеры нового типа, которые, стремясь приспособить к новым реалиям традиционные занятия эвенов, в том числе транспортное оленеводство, выбирают принципиально разные стратегии выживания и развития. Одни, усвоив специфические знания и получив ресурсы в условиях неформальной экономики, стараются легитимировать свое положение и, пользуясь наработанными связями и заработанными средствами, дополнить, а при удачном стечении обстоятельств и вовсе подменить собой государство. Другие же стремятся выйти из-под контроля государства и, оказавшись в относительной изоляции, сохранить и традиционный образ жизни, и свою социальную и культурную автономность. Тех и других, впрочем, с одинаковым основанием можно, по аналогии с известным фильмом, назвать “каюрами XXI века”, адаптирующими культуру своего народа и таким образом сохраняющими ее для будущего.

Имя Сергея Георгиевича Михайлова хорошо известно и в Арке, и в районном центре. Представитель нового поколения предпринимателей, он является движущей силой социального и экономического развития родного села. Якут по отцу, эвен по матери, он, как утверждают односельчане, унаследовал от деда и прадеда организаторскую жилку и обладает даром вести людей за собой. Приватизация и хаос 90-х годов прошлого века задели его лишь по касательной. Михайлов стал серьезно заниматься бизнесом позднее, когда товарищество уже было признано банкротом, а на смену старым моделям и хозяйственным связям еще не пришли новые. Их нужно было создавать с нуля, и именно здесь пригнулся его талант организатора. Михайлов в разговорах возлагает вину за бедственное положение родного села на пьянство и необязательность самих эвенов, не забывая при этом упомянуть, что в основе иждивенческих настроений, которые негативно сказались на жителях Арки, лежит непродуманная политика государства (ПМА 2: Михайлов). Сам Михайлов давно сделал жизненный выбор: он предпочел взять на себя ответственность за свою судьбу и всегда рассчитывал лишь на собственные силы, на навыки и знания своих предков. Жесткий, вплоть до жестокости, бескомпромиссный и целеустремленный, он смог внушить доверие односельчанам, хотя, как сейчас признается он сам, это было не так легко.

Важнейшим компонентом его успеха стала организация тех же транспортных перевозок, которые в свое время обеспечивали неплохой доход его предкам. Потребность в таких услугах с каждым годом лишь растет, а расположение Арки на пересечении ключевых таежных магистралей предоставляет предпринимателю многочисленные возможности. Прибрежный Охотск и в наши дни снабжается и по земле, по крайней мере в зимнее время. Грузов летнего завоза не хватает на целый год, а доставка продуктов питания и товаров хозяйственного назначения по воздуху слишком дорога. В этой ситуации Михайлов, который своими силами прокладывает зимник от Арки до населенного пункта Югоренок в Якутии, оказывается “палочкой-выручалочкой” как для охотских

предпринимателей в сфере розничной торговли, которым он несколько раз за сезон доставляет с “материка” продукты, так и для отдельных жителей поселка, которые с его помощью могут заказывать себе доставку необходимых товаров из любой точки страны.

Несмотря на то что осуществлять транспортные перевозки таким образом можно только в зимний период и что поездки сопряжены с существенным риском, услуги, которые оказывает Михайлов, не просто востребованы, но и приносят ему неплохой доход, который позволяет успешно развивать бизнес. В его распоряжении есть ныне и вездеход, и несколько “Уралов”, и целый парк снегоходов и моторных лодок. Нет только – и это одновременно и грустно, и иронично – тех самых оленей, которые когда-то составляли основу транспортной отрасли Охотского края, но оказались не слишком пригодными для работы в новых социальных и экономических условиях. “Капризные они, медленные, разбегутся – не поймашь, да и грузоподъемность невысока”, – объясняет Сергей Георгиевич отсутствие гужевого транспорта. Добавляет, впрочем: “Вообще-то, это скорее с оленеводами у нас проблема. Не умеют и не хотят работать, много пьют и вообще безобразничают” (ПМА 2: Михайлов).

Думается, столь негативная оценка с его стороны все-таки излишне резка, однако в какой-то степени она отражает объективную реальность. Несмотря на то что местному предпринимателю удалось удовлетворить спрос на транспортные услуги и таким образом воссоздать в новой форме традиционный каюрский промысел, возрождение именно оленеводства в Охотском крае до сих пор представляется затруднительным и в какой-то мере нереалистичным из-за неготовности к этому самих эвенков. Не без зависти рассказывая о ситуации в соседней Якутии, где поголовье оленей все последние годы остается достаточно стабильным, на деле коренные жители Приохотья не готовы возвратиться в тайгу, пока у них есть возможность существовать за счет государственных субсидий и той небольшой помощи, которую оказывает компания “Полиметалл”.

Характерно, что, воссоздавая каюрский промысел в новом виде, Михайлов обслуживает не только частных лиц или индивидуальных предпринимателей. Он не чужается также сотрудничества с государством, предоставляя в рамках государственно-частного партнерства транспортные услуги и местной администрации. В чем-то это напоминает практики каюрской повинности и 20-х годов прошлого столетия. Есть, однако, и принципиальная разница: в наше время добровольный извоз оказывается для местного населения выгодным. Более того, он позволяет “новым каюрам”, при наличии у них далеко идущих амбиций, претендовать на вовлечение в административную деятельность. Тот же Михайлов, который в прошлом занимал в Арке должность главы сельской администрации, вынашивает планы карьеры в администрации района, и, учитывая его твердый характер, обширные связи и материальное положение, можно не сомневаться, что шансы добиться нужного результата у него есть. Это может означать также и то, что обмен знаниями между пришлым и коренным населением, в конце концов, может привести к тому, что коренные жители через своих представителей смогут вернуть себе контроль над своей землей, “потеряв” при этом традиционный образ жизни так же, как в 90-е годы прошлого века они потеряли своих оленей. Стоит ли политический успех культурной потери? – вопрос открытый.

Но есть и иная перспектива взаимодействия коренного населения с государством, о чем свидетельствует история еще одного местного лидера Охотского района Андрея Иннокентьевича Громова из с. Иня. Возглавлявший в 2005–2014 гг. ТСО коренных малочисленных народов Севера “Виточан”, он ныне руководит небольшой бригадой из 12 оленеводов, которые всем благам цивилизации предпочитают свободную от административного контроля жизнь в тайге. Все

попытки местных властей оказать им посильное содействие они корректно, но при этом настойчиво отвергают. Любая помощь означает закрепощение, уверен Громов, который при этом вовсе не избегает контактов с внешним миром. Однако, и это сразу бросается в глаза, в ходе этих контактов он выступает не в качестве просителя, а скорее в качестве дарителя, тем самым демонстрируя, что его родной народ самодостаточен и способен удовлетворить свои потребности без посторонней помощи. Отдельного внимания заслуживают те приемы, которые Громов использует для того, что сохранить в новых исторических условиях свою автономию и независимость. “Мы не используем тех географических названий, которые дали нашим рекам и сопкам русские картографы, мы предпочитаем эвенкийские топонимы и гидронимы, – заявляет, к примеру, Андрей Иннокентьевич. – Пока у нас в ходу наши собственные названия, земля также остается нашей”, – поясняет он роль родного языка и дает свой собственный рецепт того, как быть неподвластным (ПМА 2: Громов). Эвены под началом Громова постоянно совершают перекочевки в труднодоступном пространстве на границе трех соседних регионов – Хабаровского края, Якутии и Магаданской области. Это не позволяет местным властям полностью контролировать перемещения членов бригады и учитывать численность поголовья, а стало быть, и влиять на их образ жизни, облагая налогами или навязывая какие-либо требования или нормативы. С бытовой точки зрения оленеводы также оказываются независимыми, так как все еще передвигаются по тайге по старинке, верхом на оленях, ориентируются по рекам, небесным светилам и объектам природы, самостоятельно делают нарты и лыжи, шьют себе сами одежду и спальные мешки, питаются в том числе продуктами охоты и собирательства.

Эта старательно обеганная отстраненность по сути не демонстративна и потому не привлекает к себе излишнего внимания. На самом деле Андрей Громов постоянно поддерживает контакты с административными органами от лица общины. Цели у него при этом совсем иные, чем у того же Сергея Михайлова. Громов не стремится стать частью системы управления или подменить ее собой, его задача – использовать добываемое в ходе таких контактов знание о большом мире, чтобы гарантировать невмешательство этого мира в дела его малого народа, обеспечивая тому возможность жить в тайге по своему усмотрению и по заветам предков и дальше.

Важнейшим механизмом, позволяющим Громову достигать автономности и экономической самостоятельности, используя для этого ресурсы внешнего мира, но не оказываясь при этом у него в зависимости, остается тот же самый каюровский промысел, который он, однако, использует исключительно для внутреннего пользования. С одной стороны, этот инский эвен заключает договоры с коммерческими структурами из Охотска на доставку товаров до границ своей территории (Петров 2010), с другой же – самостоятельно, как и Сергей Михайлов, осуществляет межрегиональные перевозки, достигая в ходе перекочевок на своих оленях крупных поселений на Колымской трассе, расположенных в Магаданской области и Якутии.

Оба неформальных лидера своего народа отлично понимают, как “работает” внешний мир, поскольку хорошо усвоили знания о нем и используют их для развития собственных сообществ. Другими словами, ведут они себя так же, как это делали русские первопроходцы или те же геологи в прошлом, которые, раскрывая при помощи местных жителей секреты их родной земли, использовали полученные знания для ее дальнейшей эксплуатации. При этом местные лидеры выбирают разные стратегии. Михайлов стремится сделать самодостаточность базой для проникновения коренного населения в систему государственного управления и таким образом обеспечить эвенам политическое и экономическое

присутствие. Громов же использует контакты с внешним миром и знание о нем для того, чтобы дать своему народу шанс избежать разрушительного чуждого влияния и сохранить за собой свою землю и традиционный уклад жизни. Вопрос лишь в том, кого из них поддержат в этой ситуации сами эвены и смогут ли они это сделать в принципе.

Дорога с двусторонним движением

Колонизация пространства достигается через обмен знаниями между коренным и пришлым населением. На первом этапе колонизирующие оказываются в выигрышном положении и преуспевают благодаря тому, что в их распоряжении находятся значительные финансовые, военные, технические и организационные ресурсы, недоступные местным жителям. У последних к тому же отсутствует четкое понимание опасности предоставления в распоряжение чужаков сведений о своей родной земле. В результате они иногда по наивности, иногда из корыстных побуждений, иногда по принуждению раскрывают информацию об особенностях физической и сакральной географии своего края, что позволяет пришлому населению взять территорию под свой контроль. В конечном итоге отдельные чужаки достигают такого уровня понимания местных реалий, что начинают превосходить в этом аспекте коренное население, после чего потребность в обмене знаниями исчезает.

Именно так развивалась ситуация и в Приохотье. В результате дрейфа компетенций и местные власти, в прошлом пользовавшиеся услугами проводников и каюров, и русские охотники, овладевшие секретами троп и навыками жизни в тайге, и промышленники, получившие знания о недрах региона, в конце концов утратили необходимость в поддержании тесных контактов с коренным населением. Жители же края получили взамен лишь зависимость от государства и от тех бытовых удобств, которыми оно привлекло их на свою сторону. Потеряв свои преимущества, обусловленные лучшим знанием родной земли, они перестали быть ее полноправными хозяевами. Именно в этой проигранной войне компетенций истоки нынешнего бедственного положения коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, в том числе эвенков и эвенов. Приобретая в ходе колонизации их исконной территории проживания достаточно многое в материальном плане, они перешли в разряд иждивенцев, которым государство просто “позволяет” здесь оставаться.

Ситуация может измениться. И иногда она действительно начинает меняться к лучшему после того, как в среде коренных жителей появляются лидеры, усвоившие те уникальные знания и навыки, которыми обладало пришедшее население, и понимающие, какие преимущества они могут им дать. Появление новых лидеров дарит осязаемую надежду коренному населению на сохранение или хотя бы частичное возвращение контроля над собственной территорией. Но для этого пришедшая культура должна потерять свой первоначальный импульс, что позволило бы местным жителям перехватить инициативу. Будущее в этом случае окажется за теми представителями коренного населения, кто, овладев достижениями более развитой культуры, не утратит присущих им традиционных компетенций.

Если принять, что это действительно происходит, можно говорить о двух различных стратегиях использования возможностей для развития местных сообществ: вовлечение и отстраненность. В Охотском районе Хабаровского края их, соответственно, реализуют эвены Сергей Михайлов из с. Арка и Андрей Громов из с. Иня. Первая стратегия заключается в том, чтобы благодаря лучшему знанию местности и одновременному использованию передовых технических

средств и хозяйственных практик добиваться власти в рамках уже существующей политико-административной системы. Если представителям коренного населения удастся при этом сохранить базовые элементы своей культуры, такие как язык и самосознание, то это приведет к положительной трансформации традиционного образа жизни через его встраивание в современность. Вторая стратегия подразумевает использование знаний о достижениях пришлой культуры и информации об особенностях функционирования современной административной и политической систем для того, чтобы обеспечить коренному населению неуязвимость и избежать какого-либо контроля и эксплуатации со стороны государства. В качестве средства для достижения этой цели выбирается самоизоляция носителей традиционной культуры в труднодоступных районах. Стратегия оказывается эффективной именно благодаря знанию слабых мест системы контроля и хорошему знакомству с управленческими технологиями пришлого населения. Биография эвена Андрея Громова, который продолжает вести кочевой образ жизни на границе Хабаровского края, Якутии и Магаданской области, ограниченно взаимодействуя с государством, но сохраняя при этом относительную независимость и преодолевая искушения оседлого образа жизни, в этом контексте характерна и поучительна.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что ни та ни другая стратегия не является единственно верной. В зависимости от конкретной ситуации, от личных качеств и убеждений потенциальных местных лидеров берется на вооружение либо одна из них, либо обе одновременно в различных сочетаниях. Неизменным остается лишь то, что в результате неравноценный обмен знаниями, являющийся сутью и результатом любого процесса колонизации, может быть смещен в сторону интересов колонизируемых. Именно об этом, как представляется, говорит известный российский антрополог А.В. Головнев, когда утверждает, что “колонизация всегда – дорога с двусторонним движением, и со временем колонии и метрополии могут меняться ролями” (Головнев 2015: 536).

Примечания

¹ Обзор современной литературы по этому вопросу содержится во введении к специальному выпуску журнала “Сибирские исторические исследования”, посвященному “социальной жизни транспортных инфраструктур” (Швайцер и др. 2020: 8–18).

² В работах, посвященных коренному населению Приохотья, основное внимание, как правило, уделяется соседним регионам – Тугуро-Чумиканскому и Аяно-Майскому районам Хабаровского края (Тураев 2008), а также Магаданской области (Сирина 2012). Собственно Охотский район в основном изучают местные исследователи (Титорева 2015, 2017, 2022).

³ Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Хабаровскому краю. Статистический сборник. Хабаровск: Хабаровскстат, 2022. С. 7.

⁴ В отличие от ситуации 2021 г., когда доля малочисленных этносов в Охотском районе составляла почти четверть от общей численности населения, в 2010 г. она равнялась лишь 13,2% (Филиппова 2021: 10).

⁵ На сайте компании “Полиметалл”, активно работающей в Охотском районе, можно ознакомиться с ее деятельностью. Здесь вполне откровенно говорится о том, что деятельность компании осуществляется в соответствии с Кодексом корпоративного управления Великобритании. https://www.polymetalinternational.com/upload/iblock/b36/Community%20Engagement%20Policy_2020_rus.pdf

Источники и материалы

- Арсеньев* 2016 – *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Эксмо, 2016.
- Афанасьева* 2001 – *Афанасьева Н.* Дело всей жизни // Охотско-эвенская правда. 18 декабря 2001 г.
- Каюр 1988 – Каюр – это профессия // Охотско-эвенская правда. 29 сентября 1988 г.
- Перминов* 2001 – *Перминов Г.* Охотско-Аянская экспедиция // Охотско-эвенская правда. 25 сентября 2001 г.
- Петров* 2010 – *Петров М.* Грузовик – хорошо, а олени не хуже // Охотско-эвенская правда. 9 февраля 2010 г.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Охотский район Хабаровского края, ноябрь 2022 г. (информанты: С.А. Алексеев, 1954 г.р.; Т.С. Трофимова, 1960 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Охотский район Хабаровского края, ноябрь 2023 г. (информанты: С.А. Алексеев, 1954 г.р.; А.В. Задорожный, 1983 г.р.; А.Г. Громов, 1966 г.р.; С.Г. Михайлов, 1978 г.р.; А.А. Слепцова, 1964 г.р.).
- Сарычев* 2017 – *Сарычев Г.А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Эксмо, 2017.
- Северянин рассказал... 2018 – Северянин рассказал о белых пятнах в истории Чумикана // ХКС. 28 марта 2018 г. <https://todaykhv.ru/news/society/11972>
- Федосеев* 2017 – *Федосеев Г.А.* В тисках Джугдыра. М.: Вече, 2017.

Научная литература

- Головнев А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015.
- Давыдов В.Н.* Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / Сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МЭА РАН, 2013. С. 267–280.
- Давыдов В.Н.* Практики освоения пространства эвенками Восточной Сибири: прагматическое использование антропогенного ландшафта и инфраструктуры // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 8–15.
- Дьяченко В.И., Ермолова Н.В.* Якутско-эвенкийские контакты на Охотском побережье // Этнокультурные контакты народов Сибири / Под ред. Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1984. С. 132–138.
- Казарян П.Л.* Первый тракт на северо-востоке России // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 50–57.
- Ковлеков С.И.* Тунгусское восстание. 1924–1925 гг. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005.
- Лебедева Ж.К.* Некоторые черты материальной и духовной культуры аркинских эвенов // Советская этнография. 1971. № 5. С. 103–107.
- Михалев М.С.* Столкновение с цивилизацией. Модернизация и традиция в судьбах жителей Чумикана // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 150–159.
- Пекарский Э.К., Цветков В.П.* Очерки быта приаянских тунгусов. СПб.: Императорская Академия наук, 1913.
- Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Титорева Г.Т.* Проблемы коллективизации в Охотском районе в 1930-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (46). С. 202–206.

- Титорева Г.Т. Из истории колхозного строительства в Приохотье (с. Арка Охотского района Хабаровского края) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 2. С. 66–71.
- Титорева Г.Т. Оленеводство эвенов Охотского района в 1930-е годы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. XIX. Вып. 2. С. 206–210.
- Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008.
- Тураев В.А. Коренные малочисленные народы в Гражданской войне на Дальнем Востоке: особенности и причины участия // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. С. 53–65.
- Федорова Т.С. и др. (ред.) Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.: Наука, 1984.
- Филиппова В.В. Расселение коренных малочисленных народов сопредельных с Якутией субъектов Российской Федерации: история и современность // Genesis: Исторические исследования. 2021. № 12. С. 1–15.
- Флеров В.С. Ликвидация Охотско-Нельканского белобандитского выступления (1924–1925 гг.) // Ученые записки Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. 1959. № 37. С. 145–162.
- Цеханская К.В. (ред.) Колумбы земли русской: сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Книжное изд-во, 1989.
- Швайцер П.П., Поворознюк О.А., Давыдов В.Н. Введение: особенности функционирования и антропологических исследований транспортных инфраструктур на Севере // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 8–18.

Research Article

Mikhalev, M.S. The “21st-Century Kayurs” and Indigenous Strategies of the Decolonization of Land [“Kaiury XXI veka” i indigennye strategii dekolonizatsii prostranstva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 125–142. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050093> EDN: YDTNUR ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maxim Mikhalev | <http://orcid.org/0000-0001-5695-6915> | maxmikhalev@yahoo.com | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Keywords

colonization, decolonization, reindeer breeding, Evens, Priokhotye, knowledge exchange

Abstract

In this article, colonization is interpreted as knowledge exchange between the indigenous population and colonizers. As the result of their contacts, the latter get all necessary information about the land. That allows them to put it under control using their technical, military, and economic superiority. The recent history and current situation in the Priokhotye region of Russia show that if indigenous population in turn manages to comprehend the knowledge that colonizers bring with them, they can reverse this process. Decolonization in this case can be achieved either through more intense involvement of the local population into administration and governance, or through distancing themselves from it, coupled with distracting attention of the

authorities away from their lives. Both strategies can prove effective only if indigenous population fully understands the mechanisms of the governmental control.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

References

- Davydov, V.N. 2013. Vlast' provodnika: kaiury-evenki i ispol'zovanie olennoogo transporta na Severnom Baikale [Power of the Guide: Evenk-Kayurs and Reindeer Transportation in the Northern Baikal Region]. In *Rannie formy potestarnyh system* [Early Types of Potestary Systems], edited by V.A. Popov, 267–280. St. Petersburg: MEA RAN.
- Davydov, V.N. 2018. Praktiki osvoeniia prostranstva evenkami Vostochnoi Sibiri: pragmaticheskoe ispol'zovanie antropogennogo landshtafta i infrastruktury [The Practices of Appropriation of Space by East-Siberian Evenks: Pragmatic Use of Anthropogenic Landscape and Infrastructure]. *Kunstkamera* 1: 8–15.
- Diachenko, V.I., and N.V. Ermolova. 1984. Yakutsko-evenkiiskie kontakty na Ohotskom poberezh'e [Yakut-Evenki Contacts at the Sea of Ohotsk Coastline]. In *Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri* [Ethno-Cultural Contacts of Siberian Peoples], edited by C.M. Taksami, 132–138. Leningrad: Nauka.
- Fedorova, T.S., et al., eds. 1984. *Russkie ekspeditsii po izucheniiu severnoi chasti Tihogo okeana v pervoi polovine XVIII v.* [Russian Research Expeditions in Northern Pacific in the First Half of 18 Century]. Moscow: Nauka.
- Filippova, V.V. 2021. Rasselenie korenykh malochislennykh narodov sopredel'nykh s Yakutiei sub'ektov Rossiiskoi Federatsii: istoriia i sovremennost' [Distribution of Indigenous Peoples in the Neighboring Regions of Yakutia: Past and Present]. *Genesis: Istoricheskie issledovaniia* 12: 1–15.
- Flerov, V.S. 1959. Likvidatsiia Ohotsko-Nel'kansкого belobanditsкого vystupleniia (1924–1925) [Liquidation of Ohotsk-Nelkan Banditry Riot (1924–1925)]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudastvennogo universiteta imeni V.V. Kuibysheva* 37: 145–162.
- Golovnev, A.V. 2015. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization Phenomenon]. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN.
- Kazarian, P.L. 2006. Pervyi trakt na severo-vostoke Rossii [The First Postal Road in Russia's North-East]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* 2: 50–57.
- Kovlekov, S.I. 2005. *Tungusskoe vosstanie. 1924–1925* [Tungus Rebellion. 1924–1925]. Yakutsk: Izdatel'stvo YaGU.
- Lebedeva, Z.K. 1971. Nekotorye cherty materialnoi i duhovnoi kultury arkinskikh evenov [Some Features of Material and Spiritual Culture of Arka's Evens]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 103–107.
- Mihalev, M.S. 2022. Stolknoenie s tsivilizatsiei. Modernizatsiia i traditsiia v sud'bah zhitelei Chumikana [The Clash with Civilization: Modernisation and Tradition in the Lives of Chumikan Inhabitants]. *Traditsionnaia kultura* 4: 150–159.
- Pekarskii, E.K., and V.P. Tsvetkov. 1913. *Ocherki byta priaianskikh tungusov* [Essays of the Lives of Ajan Tungus]. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk.
- Schweitzer, P.P., O.A. Povorozniuk, and V.N. Davydov. 2020. Vvedenie: osobennosti funktsionirovaniia i antropologicheskikh issledovaniia transportnykh infrastruktur na Severe [Introduction: Characteristics of Anthropological Research and Operation of Transport Infrastructures in the North]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 3: 8–18.
- Sirina, A.A. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the Contemporary

- World: Self-Consciousness, Nature Management and Worldview]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Titoreva, G.T. 2015. Problemy kollektivizatsii v Ohotskom raione v 1930-e gg. [The Problems of Collectivization in Ohotsk District in 1930s]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* 2 (46): 202–206.
- Titoreva, G.T. 2017. Iz istorii kolhoznogo stroitelstva v Priohot'e (Arka Ohotskogo raiona Habarovskogo kraia) [History of Collective Farms Creation in Priohot'e (Arka Village of Ohotsk District in Habarovsk Region)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* XIV (2): 66–71.
- Titoreva, G.T. 2022. Olenevodstvo evenov Ohotskogo raiona v 1930-e gody [Reindeer Keeping among Evens in Ohotsk District in 1930s]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* XIX (2): 206–210.
- Tsehanskaia, K.V., ed. 1989. *Kolumby zemli russkoi: sbornik dokumental'nykh opisaniy ob otkrytiiah i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v XVII–XVIII vekakh* [Russian Columbuses: A Collection of Documentary Descriptions of the Discoveries and Research in Siberia, Far East and the North in 17–18 Centuries]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Turaev, V.A. 2008. *Dal'nevostochnye evenki: etnokul'turnye i etnosotsial'nye protsessy v XX veke* [Far-Eastern Evenks: Ethno-Cultural and Ethno-Social Processes in the 20 Century]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Turaev, V.A. 2018. Korennye malochislennye narody v Grazhdanskoi voine na Dal'nem Vostoke: osobennosti i prichiny uchastiia [National Minorities in the Civil War in the Far East: Peculiarities and Reasons for Participation]. *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN* 19: 53–65.

КАК КОРЕННЫЕ АВСТРАЛИЙЦЫ ПЫТАЮТСЯ СОХРАНИТЬ СЕБЯ

О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова

Ольга Юрьевна Артемова | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | artemova.olga@list.ru | д.и.н., профессор, главный научный сотрудник центра азиатских и тихоокеанских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия)

Юлия Александровна Артемова | <https://orcid.org/0000-0002-7437-8044> | redfox712002@yandex.ru | к. и. н., доцент Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия)

Ключевые слова

австралийские аборигены, традиционная культура, охота, собирательство, рыболовство, европейская колонизация, трудовая этика, минимизация усилий и рисков, синкретические ритуалы и верования

Аннотация

Статья посвящена анализу индивидуальных и коллективных судеб коренных жителей удаленных поселений полуострова Кейп-Йорк (Австралия), а также некоторых связанных с коренным населением наблюдений, сделанных в Центральной Австралии. В основу положены экспедиционные материалы, собиравшиеся в 2005, 2007, 2008, 2009, 2015 и 2022 гг. На фоне материалов проекта, обретенных среди эвенков и эвенов Восточной Сибири, ситуация в удаленных от городских центров поселках аборигенов Австралии, наряду с некоторыми сходствами кардинального характера, демонстрирует и весьма существенные различия. Ни в прошлом, в начале колонизационных процессов, ни в настоящем аборигены в подавляющем большинстве своем добровольно не втягивались ни в индустриальную, ни в коммерческую деятельность австралийского “мейнстрима”, ни в товарно-экономические отношения с пришлым населением. Скорее, они всегда и до сих пор сознательно сопротивлялись и сопротивляются попыткам властей или частных предпринимателей приобщить их к каким-либо производствам или торговле. Причина, на взгляд авторов, кроется в характере традиционной культуры, ключевые черты которой, пусть и в трансформированном или даже порой извращенном виде, но сохраняются аборигенами, причем сохраняются сознательно и упорно.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Артемова О.Ю., Артемова Ю.А. Как коренные австралийцы пытаются сохранить себя // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 143–177. <https://doi.org/10.31857/S086954152305010X> EDN: YEPPJS

Artemova, O.Y., and Y.A. Artemova. 2023. Kak korennye avstraliitsy pytaiutsia sokhranit' sebia [How Indigenous Australians Try to Preserve Themselves]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 143–177. <https://doi.org/10.31857/S086954152305010X> EDN: YEPPJS

*Всякому просящему у тебя, давай,
и от взявшего твое не требуй назад*
(Лк. 6:30)

*Не знаю, почему Стивен Хокинг –
и не только он один – столь сильно тревожился о том,
как бы с других планет к нам не прилетели
сверхразумные существа и не употребили
свои передовые знания, чтобы сделать с нашим
миром то, что уже и так сделала
промышленная цивилизация.*
(Янкапорта Т. Разговоры на песке)¹

**На земле аранда и питджанджара.
“Разве вы, белые люди, счастливы”?**

Осенью 2022 г. после семилетнего перерыва первому автору этой статьи довелось в восьмой раз поехать в Австралию, а второму автору – в третий раз. Во всех предшествующих экспедициях подавляющая часть времени отдавалась полевой работе в удаленных от городских центров северных и северо-восточных поселках аборигенов, и никак не удавалось побывать в той части страны, где находятся самые знаменитые ее природные достопримечательности и где живут представители самых знаменитых этнокультурных общностей коренных австралийцев – аранда и питджанджара. На этот раз, после полутора месяцев полевых наблюдений в поселках северо-востока, нам все же посчастливилось добраться до тех заветных мест в самом сердце континента. Как ни интересно было поглядеть на центральноавстралийскую пустыню и, что еще заманчивее, на чуть ли не самые странные в мире горные конструкции, возвышающиеся, как гигантские шишки, посреди абсолютно плоской местности, – Айерс Рок (Урулу) и Маунт Ольга (Ката-Джута), – главным стимулом отправиться в это, прямо скажем, непростое путешествие было желание увидеть аборигенов, чья жизнь, как нам говорили некоторые англо-австралийцы (преимущественно занятые в туристическом бизнесе), в отличие от жизни северо-восточных собратьев, в настоящее время относительно осмысленна и благополучна, так как они имеют возможность обслуживать туристов, которые нескончаемым потоком едут на их исконные земли, т.е. выполнять хорошо оплачиваемую, разумную работу – знакомить любознательных приезжих со своим культурным наследием, а также получать иные выгоды от тех баснословных прибылей, которые приносят частным туристическим компаниям природный заповедник Национальный парк Урулу-Ката-Джута² и другие природные достопримечательности. Очень хотелось после тяжелых испытаний в забытых Богом селениях Кейп-Йорка (они порой именуются туземными гетто), увидеть и таких аборигенов, которым “жить хорошо”. Мы знали, что по преимуществу аборигены Центральной Австралии, так же как и аборигены севера и северо-востока, концентрируются в небольших поселках, расположенных далеко от городов и шикарных гостиничных комплексов. Попастъ в такие поселки мы не рассчитывали, потому что по правилам, установленным то ли аборигенными, то ли какими-то англо-австралийскими административными структурами (скорее второе), требуется пройти длительную бюрократическую процедуру, чтобы получить туда доступ. Мы полагали, что познакомимся с некоторыми аранда и питджанджара, а может быть, даже и с лоритя и урабунну (названия двух других этнокультурных общностей аборигенов Центральной Австралии, часто упоминаемых в этнографической литературе), приезжающими в туристические центры, чтобы там работать.

Рис. 1. Карта Австралии, на которой отмечены места, где побывали авторы статьи.
(Подготовлена Ю.А. Артемовой, июнь 2023 г.)

Пустыня встретила нас свежим, почти прохладным воздухом, нежной светло-серебристой зеленью, ароматами трав и цветов, а также разноголосьем птиц в неправдоподобно радужном оперении. В Центральной Австралии случаются чуть ли не десятилетия, на протяжении которых не бывает ни одного дождя, а в ноябре 2022 г. дожди шли каждый день, и пустыня расцвела. Нам повезло. Но только с погодой и природными красотами.

В главном городе, Алис-Спрингсе, мы видели немало коренных австралийцев, преимущественно аранда, но не среди официантов кафе или обслуживающего персонала гостиниц, не за прилавками магазинов. Не в изысканных арт-галереях, где во множестве выставлены предметы изобразительного творчества “местных племен” стоимостью в сотни и тысячи долларов. Торгуют ими не аборигены. Не аборигены и содержат эти галереи. Аборигенов мы видели бродившими по улицам или сидевшими на газонах, на лужайках в парках. Многие, главным образом молодые мужчины и женщины, пытались продавать проходим картинки, выполненные на небольших холстах, обычно в традиционном стиле. Просили недорого – 40-50 долларов. В разговоры вступали неохотно. У некоторых вид был весьма нездоровый и отнюдь не свидетельствующий о материальном благополучии. Общались они почти исключительно между собой. Подчеркнем особо, что большинство центральноавстралийских аборигенов до сих пор сохраняют свои языки и в своей среде пользуются только ими, хотя обычно и владеют английским (некоторые лучше, некоторые хуже).

Характерные объявления висели на дверях фешенебельных супермаркетов и торговых центров: “Кто не ходит в школу, тот не ходит в этот магазин”; “Босыми не заходить”; “С собаками не заходить”; “По магазину без толку не

слоняться”. Но “слоняющихся” коренных австралийцев в магазинах было немало. Кажется, попадались и босые, и с детьми, которым надлежало быть в школе. Облик этих людей сильно контрастировал с обликом всей остальной публики, казавшейся беззаботной и обеспеченной. Аборигены же выглядели мрачными и унылыми, некоторые, по-видимому, часами просиживали в буфетах или кафе (ими изобилуют австралийские торговые центры) с кружкой пива в руках или вообще без еды и напитков. Было ощущение, что делают они это сознательно и вызывающе: “Мы на своей земле, будем сидеть и ходить, где хотим”. На них неприязненно и настороженно поглядывали холеные и важные охранники, высоченные и стройные, с иголочки одетые (в красивые униформы) – масаи, которых предприниматели специально нанимают в Восточной Африке. Нам рассказывали, что, когда масайские охранники впервые появились в Алис-Спрингсе, аборигены сильно протестовали, нападали на масаев и кричали: “Поезжайте обратно в свою Африку, это наша земля!”. С белыми пришельцами коренным австралийцам пришлось смириться, но масаев они воспринимали крайне враждебно. Кстати, нельзя не задуматься: а зачем понадобились масаи в центрально-австралийском городе? Не для того ли, чтобы ввести в заблуждение не слишком сведущих в антропологии и этнографии иностранных туристов? На видных, бойких местах – чернокожие люди, сытые, подтянутые, вежливые. Цивилизованные во всех отношениях. И в то же время они – прирожденные воины, на весь мир прославившиеся культурой насилия и бесстрашием. На них можно положиться, если хорошо заплатить. В отличие от аборигенов.

Фигурально говоря, весь австралийский бизнес, ориентированный на иностранных туристов, держится на трех китах: кенгуру, экзотические пейзажи и аборигены. Аборигены в этой триаде, хоть и не на первом месте, но по существу – главные. Вся Австралия, куда ни глянь, буквально пестрит псевдотрадиционной эстетикой коренных жителей: чашки, тарелки, салфетки, скатерти, интерьеры кафе и ресторанов, сувениры и одежда в магазинах, рекламные растяжки на улицах, брошюры в туристических агентствах и т.д. и т.п. – все это украшено принтами, якобы воспроизводящими художественные стили коренных австралийцев. Мифы, легенды, обряды, хозяйственные изобретения, отработанные веками приемы выжигания растительности и формирования изысканных, похожих на английские аристократические парки, а главное, пожарорезистентных лесных угодий и саванных ландшафтов (так наз. земледелие с головешкой в руках), хитроумные ловушки для рыбы или мелких сумчатых, запруды, каналы и колодцы, в том числе за считанные минуты выкапывавшиеся в сердце пустыни, возвращающиеся бумеранги, боевые деревянные дубинки с искусной резьбой, десятки видов копий, громогласные изукрашенные росписью музыкальные инструменты (трубы-диджериду) и многие, многие иные ценности культурного наследия аборигенов – все это дает основную пищу рассказам (разумеется, с сильной редукцией существа дела) экскурсоводов и гидов, сопровождающих туристические группы по бесчисленным маршрутам. Сохранившиеся наскальные изображения древних насельников страны – одно из самых надежных и безотказных средств привлечь туристов к совершению дорогостоящей поездки в горные районы. С языка гидов – англо-австралийцев, индийцев, китайцев, аргентинцев, итальянцев (да кого хотите) – не сходят фразы вроде: “Вот – мулга, у нее древесина, твердая, как железо, аранда делали из нее самые прочные в мире копья”, “вот карьер, здесь аранда добывали охру”, “вот грот, здесь аранда проводили инициации мальчиков” и т.п. Закономерный вопрос: “А где же сами аранда теперь, почему их нет среди нас?” – вызывает недовольную гримасу, жест, выражающий желание поскорее отмахнуться от бестактного вмешательства во внутренние австралийские дела, и некую реплику вроде:

“Ну знаете, они любят жить в глухих местах, в своих сообществах, они не любят публичности. Это далеко отсюда, километрах в ста или даже трех сотнях, мы эти места не будем проезжать...”.

Казалось бы, все те, кто делают деньги на “индигенных брендах”, могли бы “озолотить” весьма немногочисленных на сегодняшний день потомков людей, некогда навечно обеспечивших столь доходное предпринимательство. Прибыли все равно были бы очень хорошими. Но происходит иное. Прославление наследства аборигенов и обогащение “на нем” осуществляются в основном без участия аборигенов. Было бы хорошо, если бы их и вообще не было видно там, где бывают туристы. А то они очень контрастно смотрятся, когда рассядутся в кружок на лужайках перед “крутым” отелем “Паруса пустыни” (или “Оазис под пальмами”). Они подчеркнuto не удастаивают вниманием свои одежду и прически, часто ходят босые, порой их глаза изуродованы трахомой, а тела – диабетом, их сопровождают озорные, сплошь и рядом просто неуправляемые дети с вечно мокрыми носами.

Примечательно, что в предвоенные годы (1930-е) по настоянию частных предпринимателей власти Северной Территории (не имеющая официального статуса штата, но, по существу, равнозначная штатам административная единица, куда входит и Центральная Австралия) стремились “полностью убрать” (выражение, вычитанное в официальном документе того времени) аборигенов из районов интенсивного туризма. Им там запрещено было появляться, хотя они все равно “появлялись” (Nakatani 2021). Однако волна либеральных движений второй половины прошлого столетия – и англо-австралийских, и “индигенных”, – а также последующие законодательные реформы, инициированные Федеральным лейбористским правительством в начале 1970-х годов, обеспечили целому ряду сообществ коренных австралийцев юридические права на исконные земли, в том числе и аранда, и питджанджара, и другим представителям коренного населения Центральной Австралии, которые теперь предпочитают именоваться собирательным этнонимом *анангу*. И хотя – хитроумным путем – правительство Северной Территории, взяв в долгосрочную аренду у анангу земли национальных парков и заповедников, привлекательных для туристов, предоставило возможность частным компаниям заниматься там туристическим бизнесом (за соответствующие отчисления, разумеется), теперь уже аборигенам нельзя запретить ходить, сидеть и лежать, где им заблагорассудится. Это они и делают, порой с нарочито неприязненным видом и весьма нелюбезными манерами. Так что трюк с масаями или фиджийцами (о последних будет сказано чуть ниже), если это, конечно, трюк, может обмануть лишь немногих простодушных приезжих и лишь ненадолго.

Вечерами мы видели, как центральная часть Алис-Спрингса наполнялась шумными компаниями молодежи (явно сильно нетрезвой), съезжавшейся из удаленных поселков (у многих есть автомобили, как правило, старые, неказистые, но “на ходу”). Отдельные группы вступали в драки между собой, приезжала полиция. Мощного сложения белые мужчины выхватывали и запикивали в “обезьянники” самых активных и далеко не так атлетически сложенных черных драчунов, которые отчаянно отбивались и безудержно бранились нецензурными словами. Им грубыми голосами вторили девушки, пытавшиеся выручить своих друзей... Ни те, ни другие не проявляли ни малейшего страха перед полицией, а выказывали презрение и ненависть, полицейские же с трудом сдерживали злость. Мы в таких случаях спешили убраться восвояси – в безопасную, охраняемую гостиницу. Опыт, обретенный в северных поселках, подсказывал, что так будет разумнее всего. Общения с аборигенами не получалось.

Кто-то посоветовал нам отправиться в пригород Алис-Спрингса, где расположен огромный парк – Музей пустыни. Там, нам сказали, работает аборигенка, которая, возможно, не откажется пообщаться с нами. Она отказалась. Кроме того, она не была местной жительницей, происходила из смешанной семьи откуда-то с севера. Говорить с нами она не стала, но, по-видимому, сообщила по телефону о нашем появлении в какую-то административную инстанцию, откуда прибыл очень любезный белый австралиец, представившийся чиновником, отвечавшим за взаимодействие “новых” австралийцев и жителей поселков анангу. Он расспросил нас о нашей работе, а на вопросы о поселках аборигенов отвечать не стал, пообещал только потом, когда мы будем уже в Москве, прислать контакты профессиональных австралийских антропологов, работающих в Центральной Австралии. Мы не стали говорить, что контакты с антропологами у нас имелись и что при всей своей дружелюбности эти антропологи не захотели (или не смогли?) помочь нам попасть туда, где аранда и питджанджара живут в своей среде. Один из австралийских коллег как-то вскользь и нехотя заметил, что в некоторых центральноавстралийских поселках аборигенам живется еще хуже, чем на Кейп-Йорке или в Арнемленде. Возникло подозрение, что не только англо-австралийским бюрократам, но и профессиональным антропологам неловко перед иностранцами за то, в каком положении пребывают коренные австралийцы в этой богатейшей, процветающей стране, а потому есть как бы негласная установка возвести невидимую преграду между аборигенами и остальным миром. Позднее, уже в Канберре, коллеги говорили нам, что время от времени гангстерские группировки из поселков аборигенов совершают набеги, правильнее сказать, наезды (на своих и краденых автомобилях) на Алис-Спрингс и буквально терроризируют город: угоняют машины с парковок и носятся на них на бешеной скорости по улицам, круша все, что попадает на пути.

Несолоно хлебавши мы перебрались в селение Юлара (примерно в 500 км от Алис-Спрингса), где расположен фешенебельный туристический комплекс для тех, кто хочет посетить Национальный парк Урулу-Ката-Джута, знаменитый двумя уже упоминавшимся выше “культовыми” горными вершинами – Айерс Рок и Маунт Ольга. Каждая из этих двух гор находится приблизительно в 20 км от Юлары (в разных направлениях), попасть к ним можно, только купив автобусный тур или на частном автомобиле за особую плату. Это земля питджанджара, находящаяся в аренде у государства.

В Юлару мы добирались через пустыню семь часов. Ехали на автобусе, водитель которого выполнял и роль экскурсовода. Он среди прочего говорил о том, как много делается в районе Национального парка Урулу-Ката-Джута для местных аборигенов, в частности их специально обучают, чтобы они могли работать с туристами. Когда мы прибыли в Юлару, в шикарном отеле (а других там нет) нас встретил темнокожий портье, вышколенный и любезный. Вот ведь, правда, подумалось сначала, здесь у аборигенов есть возможности для трудоустройства, и хорошо, оказывается, такую работу они делают. Однако что-то насторожило нас в облике того портье, и разговаривал он с нами слегка свысока – как говорят опытные гостиничные служащие с теми, кто не производит впечатления богатых людей. Ни разу ничего подобного мы не испытывали при общении с коренными австралийцами. К вечеру того же дня, повидав нескольких темнокожих горничных и официанток в том же отеле, мы догадались, что это не коренные австралийцы, а фиджийцы, представители островного народа с глубокими земледельческими традициями. Спросив прямо одну из официанток, не фиджийка ли она, мы получили подтверждение этой догадки. Открытая, доброжелательная, общительная, веселая (как и все ее соотечественники

и соотечественницы в Юларе), она сообщила нам, что местные гостиничные комплексы недавно наняли и доставили сюда с архипелага Фиджи 150 человек, которые весьма довольны работой и условиями жизни в Юларе. Прекрасная возможность поправить материальное положение семьи. На Фиджи заработки значительно хуже, чем здесь.

Забегая вперед, отметим, что в ближайший воскресный день в надежде встретить аборигенов, о которых нам было сказано, что они все еще сохранили привитую миссионерами привычку по воскресеньям посещать церковную службу, мы отправились пешком в соседний поселок в поисках церкви. Было непросто ее найти, но помогли фиджийцы, которые тоже туда держали путь. Оказалось, что соседний поселок предназначен для фиджийцев, и все на богослужении были фиджийцами, за исключением двух белых австралийцев и одного полинезийца, кажется, маори. Нас, незнакомок, там приняли чрезвычайно радушно, мы присутствовали на службе, слушали великолепное, ни на что не похожее пение фиджийского церковного хора, потом пили чай с домашней выпечкой. Однако проповедь священника показала, что не все так радужно в этой маленькой фиджийской колонии. Мужчины и женщины, лишь недавно оторванные от семей, стали уже вступать между собой в “достойные порицания отношения”, что и само по себе греховно, но главное – чревато разводами и горем мужьям, женам, детям, родителям, оставшимся дома. Эти “порицаемые отношения” вносят раздоры и в жизнь здешней деревни: соперничество, конфликты, угрызения совести, моральное осуждение товарищей и т.д. Казалось бы, тривиальные издержки маятниковой миграции и вахтенного найма. Но почему именно фиджийцы понадобились гостиничным предпринимателям, когда в Австралии уже имеется множество иммигрантов из стран Восточной и Юго-Восточной Азии? Многие из них были бы рады такой работе. А фиджийцев – в угоду каким-то коммерческим соображениям – нужно было специально “выписывать” в Австралию, оплачивать “доставку”, обеспечивать жильем, обучать приемам гостиничного обслуживания, кулинарным навыкам, отвечающим европейским вкусам (кстати, последнее им весьма плохо дается), и т.д., а главное, – отрывать от семей и привычного крестьянского труда. Не в том ли дело, что австралоидные по антропологическому типу темнокожие меланезийцы эффективно дополняют местный экзотический колорит? А могут ведь среди иностранных туристов быть и такие, которые не поймут, что это не питджанджара, не анангу. “Все на продажу!”

А питджанджара и прочие анангу в Юларе, как и в Алис-Спрингсе, сидели на лужайках, пытаясь продавать туристам свои картинки, или просто так. Правда, вели себя они тихо, никаких эксцессов не происходило, шумных молодежных компаний не было. Забавные сценки мы наблюдали в самом центре поселка. Например, полная румяная блондинка-экскурсовод рассказывает свою туристическую группу на скамейки и демонстрирует различные предметы, которые анангу когда-то употребляли в повседневном быту, среди прочих – куламон, деревянное корытце. В таких женщины носили плоды, семена, ягоды, готовили тесто для лепешек, толкли орехи и т.д. Блондинка ставит куламон себе на голову и прохаживается с ним перед своей аудиторией, а чуть поодаль сидят аборигенки с детьми и наблюдают за ней... Или молодой белый мужчина демонстрирует игру на диджириду. Диджириду – инструмент, который бытовал исключительно в некоторых районах Арнемленда (на севере страны), у местных аборигенов его никогда не было. Но кому это важно?

Любые наши попытки поговорить с аборигенами, сидевшими на лужайках, решительно ими пресекались. Единственный шанс перекинуться хоть немногими словами – купить картинку, что мы и делали несколько раз. Денег про-

сили немного и легко, с каким-то безразличием, готовы были уступать в цене. Но разговор при этом получался более чем скупым, кратко пояснялось значение изображения и потом произносилось: “Хочешь купить, покупай, давай деньги и уходи!” Лишь одна женщина вдобавок к этой фразе (видимо, условленной в их среде) согласилась написать на обороте картинки свое имя и название поселка, из которого она приехала вместе с дочерью и внуком-младенцем. Но говорила она с нами без малейшего подобия улыбки или доброжелательства. Неприязненная отстраненность. Дочь, правда, подошла к нам и поздоровалась. Назвала свое имя и имя малыша. Мы спросили, получает ли их поселок в целом или хотя бы кто-то в нем какие-либо выплаты из прибылей от туристических предприятий на их земле³. Они ответили отрицательно и дали понять, что разговор окончен. Художница написала название своего селения и свое имя на обороте проданной нам картинки. Селение называется Иманпа. Мы потом нашли его на картах Google и постарались разглядеть, как оно устроено, почитали, что пишут о нем на официальном сайте центральноавстралийских аборигенов. Там посреди пустыни в типовых домиках в 160 км от Юлары живет немногим более 120 человек.

В красочных рекламных листках, которые предлагались повсюду, значилось два тура в некие семейные поселения, где мужчины и женщины анангу (названы были их имена), расскажут о своем повседневном быте и культурных традициях. Но один из этих туров оказался временно отмененным, а второй – заказанным “закрытой” группой, к которой невозможно присоединиться.

На территории Национального парка Урулу-Ката-Джута действует Культурный центр анангу. В нем, как было указано в рекламных брошюрах, работают местные художники и художницы, на глазах у посетителей они создают свои произведения и рассказывают о них, о себе, об особенностях местного изобразительного творчества в целом. Мы там побывали. Центр помещается в красивом, сложно устроенном в архитектурном отношении здании, конструкция которого символизирует лабиринт и ассоциируется с мифом питджанджара о двух змеях – тотемических предках. Там можно было посмотреть научно-популярные этнографические фильмы, увидеть множество фотографий превосходного качества, а также аутентичные артефакты (с пространными комментариями на сопроводительных табличках), но самих коренных австралийцев там не было. Наконец, “лабиринт” привел нас в помещение, где за огромные деньги продавались огромные (и поменьше, всякие) полотна с живописными работами аборигенов. Их там предлагалось бесчисленное количество. В этом салоне было двое продавцов, белый мужчина и молодая девушка, которая, как выяснилось потом, происходит из Северного Арнемленда, из сильно аккультурированной общности, давно утратившей свой язык. Оба они охотно согласились побеседовать с нами. Мужчина сказал, что он шотландец и в Австралии всего четыре года. Говорил в основном он: “Да, художники, местные аборигены и аборигенки, время от времени здесь бываю, пишут картины: вот их рабочие места, краски, кисти, холсты, столы, стулья”. Было видно, что всем этим пользуются. Но, судя по всему, эпизодически. Отметим попутно, что аборигены, как правило, не употребляют мольбертов, а раскладывают холсты на больших столах и работают, сидя на стульях или стоя, либо расстилают холсты на полу и пишут в позе “по-турецки” или полулежа рядом. «Представьте, – продолжал наш собеседник, – ведь они получают хорошее вознаграждение, когда находятся здесь и общаются с посетителями, а они – хотят появляются, не хотят не появляются... То же и в гостиницах, и кафе, в киосках по продаже сувениров, в салонах, где реализуются предметы искусства. Ведь пытались их привлекать к такой работе, учить всему этому. Ничего не вышло, образования не хватает, ведь многие их дети и

в школу-то не ходят, и потом – регулярно делать одно и то же они не желают, ни в коем случае. Им претит начинать работу в одно и то же время и в одно и то же время заканчивать. Они сознательно отвергают тяжелый физический труд, отвергают услужливость. Стелить постели в гостиничных номерах? Гнуть спины с утра до ночи? Мыть, пылесосить полы, мести дворы? Угождать клиентам? Да ни за какие деньги. И детей своих так воспитывают. Учат их не быть такими, как белые люди, вообще не иметь с белыми ничего общего. Это выстраданная и выработанная позиция. Они знают, как говорят: “Вот вы, белые люди, трудитесь от зари до зари, соперничаете друг с другом, делаете работу, которая вам не нравится, чтобы было побольше денег. Деньги копите, чтобы все покупать, дома, машины, мебель и все такое. А разве вы счастливы? Нет, вы не счастливы, и мы не хотим жить так, как вы живете!” Прямо этими словами и говорят».

Мы, конечно, не приняли воспроизведенные нашим собеседником слова аборигенов буквально. Но они помогли нам понять, что не в счастье дело, а в осмысленности жизни дело. Эти слова помогли нам также посмотреть под несколько иным углом и на материалы, собранные в поселках аборигенов на северо-востоке страны.

“О аурукунская земля!”

Полтора месяцами ранее мы втроем, В.Л. Кляус и авторы этой статьи, въезжали на внедорожнике, арендованном в ближайшем шахтерском городке, в поселок Аурукун на северо-западе полуострова Кейп-Йорк. Это жаркие влажные тропики, 13 градусов южной широты. Прозрачные эвкалиптовые леса вокруг. Три больших реки – Арчер, Уард и Уотсон – впадают в залив Карпентария в 10 км от поселка. Дневная температура воздуха – от 35 до 40 градусов по Цельсию. В поселке живут представители этнокультурной общности вик-мункан и ряда родственных групп. Немногим более 1000 человек, есть приезжие – англо-австралийцы, голландцы, полинезийцы, китайцы, выходцы с островов Торрессова пролива и др. Они в основном обслуживают инфраструктуру. О.Ю. Артемова приезжала туда в 2005, 2007, 2008 (в последнем случае вместе с А.А. Закурдаевым), 2009 и 2015 гг. В 2009 и 2015 гг. – в сопровождении Ю.А. Артемовой и В.Л. Кляуса. Об этих экспедициях немало рассказывалось в предшествующих публикациях (напр.: *Артемова* 2016, 2018; и др.). Мы постараемся как можно реже повторяться в дальнейшем изложении.

Как и в прежние разы, возвращение в это место волновало. Там нас знают, помнят, кто-то, похоже, любит... Как встретят – обрадуются? Удивятся? У нас даже сложилась традиция петь на ближайшем к поселку километре: “О аурукунская земля, уже ты за холмом!” Хотя земля там плоская, как блин. На этот раз спел В.Л. Кляус, сидевший за рулем. Но с первой минуты мы почувствовали, что над Аурукуном нависла какая-то мрачная тень. Он и раньше не был райским уголком, но теперь там все было другим. Ни мелодичной музыки, которая обычно раздавалась из домов, ни детского гомона, ни самих детишек на улицах (а прежде они бегали повсюду во множестве). Немногочисленные взрослые были видны во дворах, они двигались, как в замедленной съемке, в полном безучастии к нашему появлению, да вообще ко всему вокруг.

Лишь по прошествии некоторого времени нам удалось выяснить, что случилось с Аурукуном. Все наши собеседники, как черные, так и белые, избегали разговоров об этом. Молчали и знакомые антропологи, с которыми мы переписывались перед поездкой и встретились в поселке. Мы поняли, что имеем дело со страшной и тщательно оберегаемой тайной, поэтому никого ни о чем не рас-

спрашивали. Восстановили события “головоломным” путем. В.Л. Кляус проявил смекалку и упорство подлинного детектива. Значительная часть информации была собрана по крупицам из заметок, разбросанных в кейп-йоркских СМИ (причем в таких, доступ к которым ограничен и возможен исключительно за особую плату). Только ее мы и отразим здесь.

В ночь с 31 декабря 2020 г. на 1 января 2021 г. в Аурукуне столкнулись в массовой драке две давно враждовавшие группировки мужчин, один человек был убит. Убийцей оказался семнадцатилетний подросток, которого полиция моментально вывезла из поселка, однако партия потерпевших жаждала мести. Собралось около двухсот человек, всю ночь и следующий день они крушили дома родственников убийцы, сожгли восемь домов. А в родстве там все, так что люди бежали из поселка вне зависимости от близости или дальности связей с убийцей. Некоторые поселились в буше, в импровизированном лагере, некоторые добрались до соседних поселков, где у них была родня (Напранум примерно в 200 км, Пормпурау в 600 км, Куаньяма в 700 км, Мапун в 300 км) или до города (Кернс в 600 км). Аурукун опустел. Возвращаться стали через полгода, а то и более. Постепенно. Некоторые остались жить в других местах. Последствия того события ощущаются до сих пор, страсти не улеглись полностью, в новых столкновениях были новые пострадавшие (множество раненых и еще один человек погиб), стычки происходили и продолжают происходить чуть ли не каждую ночь, и не только в самом поселке, но и в других местах, в том числе и в Кернсе. Сразу после события и впоследствии немало людей, прежде всего молодых, было арестовано, расследования и судебные разбирательства продолжаются до настоящего времени.

Так мы поняли, почему взрослые в Аурукуне стремятся не отпускать детей гулять одних, а многие не водят или не позволяют ходить в школу. Из официальных источников мы узнали, что из 200 детей, которым надлежит учиться, осенью 2022 г. школу посещало лишь 50 человек. Родители боятся драк между детьми, которые всегда у аборигенов посвящены во все дела взрослых. А гнетущая тишина в поселке стояла потому, что все еще не были проведены традиционные церемонии поминовения убитого той новогодней ночью мужчины и его отца, умершего вскоре после тех событий. Музыка, пение, любые увеселения были под запретом.

Мы поняли также, сколько добросердечия проявили члены Совета Аурукуна (выборный орган самоуправления) и его глава миссис Кери Тамвой, которые в такое сложное время дали официальное разрешение на нашу этнографическую работу и в дальнейшем неизменно помогли нам. То же следует сказать и о сотрудниках ряда административных служб, библиотеки, арт-галерей и детского сада, о местном пасторе и его помощниках, о служащих полиции и в особенности о коллегах-антропологах, прежде всего о докторе Дэвиде Мартине, эффективно содействовавших подготовке и проведению нашей экспедиции. А наши названные родственники (о том, как российские исследователи смогли вписаться в систему родства коренных австралийцев, говорилось в прежних публикациях) из славной семьи Путчеманка, несомненно, позаботились о том, чтобы мы не попали в беду, чтобы раздоры, вражда и грабежи не коснулись нас и чтобы мы не чувствовали себя в поселке лишними и неуместными. Они же позволили нам участвовать в важнейших семейных событиях и обеспечили разрешение присутствовать при событиях клановых и общепоселковых.

Сначала нас поселили в благоустроенной, расположенной на окраине поселка гостинице, усиленно охраняемой от вторжения “криминальных парней”, которые, как нас уверяли, легко взламывают все замки и решетки, могут даже чуть ли не из-за пачки сигарет, оставленной на виду, разбить стекло в автомобиле – и сигнализация им нипочем, и скроются одномоментно.

Однако в том оплоте безопасности, который, кстати, ограбили со взломом несколькими днями позже, у нас не было условий для общения с респондентами, и мы попросили разрешения поселиться в самом центре Аурукунa, в большом пустующем, запущенном и заброшенном доме, который тоже когда-то был гостиницей. Менеджеры гостиничного дела (голландец и англо-австралиец) нас отговаривали (шум, крики, скандалы вокруг, особенно по ночам, и там нет охранников), но все же позволили туда перебраться и даже помогли обустроиться. Однако с нас взяли слово, что мы будем всегда, и днем, и ночью, держать на запоре все двери (их там было как минимум четыре), а также ворота во двор, что мы и делали (хотя с замками была морока).

В тот дом к нам охотно приходили наши аурукунские родственницы (все мужчины-родственники, с которыми в прежние годы были налажены отношения, умерли), а иногда и новые друзья, в том числе англо-австралийцы. Рядом располагались единственный в поселке магазин, здание Совета, пресвитерианская церковь, библиотека, работавший допоздна киоск *Take Away*, почта, арт-галереи и школа. Мы были в сердце аурукунской жизни и ни разу, как и во все прежние годы, не столкнулись с реальной опасностью (и никто ничего у нас не украл и не пытался украсть). Зато перед нами, как на сцене, разворачивались драмы и комедии: то чиновники устраивали “общее собрание жителей”, на котором все белые, а также некоторые черные сотрудники полиции и иных служб по очереди призывали молодежь прекратить драки и всякое “криминальное поведение” и на которое, помимо “официальных лиц”, пришли одни только старушки и их “мелкие” внучата; то охранники из магазина охотились на большую ядовитую кобру, которую, скорее всего, уже полумертвую мальчишки подбросили к магазину для забавы; то два юнца угнали автомобиль поселковой амбулатории, на котором не менее полчасика носились взад-вперед со свистом и скрежетом колес на огромной скорости по главной улице под вопли и улюлюканье собравшихся зрителей, – и все это накрыло стеной внезапно хлынувшего тропического ливня; то вспыхнула очередная потасовка, полетели камни, палки, куски глины, и женщины громко вопили, а полиция примчалась усмирять; то в церкви часами готовились к похоронной службе и никак не могли начать ее; то вдруг откуда-то “сверху” пришло распоряжение возлагать венки к памятнику воинам, погибшим в двух мировых войнах, и все, включая нас, возлагали...

Хуже было, когда ничего не случалось. То были изнуряющие “дни сурка”. Каждое утро и каждый вечер мимо нашего дома проходили двое таинственных белых мужчин низкого роста в плотной черной униформе с рюкзаками за спиной. Мы так и не узнали, кто они и что у них за работа. Одни и те же женщины везли мимо детей в колясках, одни и те же инвалиды проезжали в своих креслах на колесах... В одно и то же время, в 10 часов утра, открывался магазин, и одни и те же люди приходили или приезжали на своих автомобилях за покупками или просто провести время. Одни и те же мужчины и женщины, по большей части немолодые, сидели на лавках или стояли у входа в надежде выпросить у посетителей немного денег, пачку сигарет, бутылку колы или какую-то еду. В час дня магазин закрывался на перерыв, и сцена пустела. Днем, в самую жару, жители Аурукунa в большинстве своем ложатся поспать. После трех пополудни повторялось то же. В пять часов вечера, когда хоть чуть-чуть спадала жара, мы выходили погулять по поселку одним и тем же, единственно приемлемым маршрутом. В одном и том же месте нам навстречу шли молодые мужчины, один из которых кричал: “Здравствуй, это ты написала книгу про нас? Там мой брат на обложке!” Одни и те же молодые женщины стояли около взлетной полосы и пытались продавать какие-то поделки, кажется, искусственные цветы, одна и та же супружеская пара упрашивала купить у них одну и ту же раскрашенную

деревянную скульптуру собственного производства – черную птицу с красным хохолком. Одни и те же люди часами сидели в пластмассовых креслах возле своих домов...

Первые восемнадцать дней, когда с нами оставался В.Л. Кляус и у нас была машина, мы втроем и вместе с семьей Путчеманка несколько раз ездили в красивые, удаленные от поселка места на реках Уард и Уотсон – ловить рыбу. Рыбалки были одновременно и пикниками. В.Л. Кляусу даже удалось однажды принять участие в охоте молодых мужчин на эму. Мы продолжили работу по изучению и описанию аурукунских кладбищ (об этом подробнее ниже), куда не добраться без машины. Наконец, мы просто ездили “проветриться” по окрестным лесам и полям, несколько раз наведывались в ближайший шахтерский городок и побывали в двух других поселениях аборигенов. Когда же В.Л. Кляус вынужден был уехать в Москву, мы остались вдвоем и без машины, привязанные к Аурукуну.

В полевой работе самое тяжелое – это когда нет респондентов, а материалов еще набралось немного, нечего обрабатывать, нечего делать. Но время-то уходит! Бродить по поселку и искать собеседников бесполезно. Может, даже небезопасно. В свои дома аборигены нас не приглашали, какие бы хорошие отношения с ними ни установились. Их традиции гостеприимства сильно отличаются от наших (Артемова 2018: 91–92). Оставалось лишь ждать гостей к себе. Самая верная помощница – миссис Гарриет Путчеманка (Рис. 2 и 3) – часто бывала занята. У нее, одной из немногих в Аурукуне, имелась хорошая, осмысленная работа. Но она все же приходила, когда освобождалась, и сидела с нами часами напролет. Приводила племянниц и внучек. Бывали у нас в гостях, как уже упоминалось, и другие жители поселка. Кроме того, мы посещали раз-

Рис. 2. Гарриет Путчеманка, Дэвид Мартин, Владимир Кляус и Ольга Артемова работают с базой аурукунских генеалогий. Октябрь 2022 г. (Фото Ю.А. Артемовой)

личные местные службы (полицию, библиотеку, администрацию Совета и др.) и интервьюировали сотрудников, если они любезно находили время для разговоров с нами.

В целом удалось собрать немало важных сведений в соответствии с задачами нашего проекта. Более всего мы интересовались биографиями аурукунцев, как здравствующих, так и ушедших из жизни. Наряду с расспросами о судьбах людей, мы собирали генеалогические сведения, которые фиксировали письменно и презентовали графически. Как правило, О.Ю. Артемова вела беседы с респондентами, а Ю.А. Артемова заносила информацию в компьютер, затем составляла красочные схемы (Рис. 4). Эти схемы – по готовности – демонстрировались респондентам на экране компьютера, и о каждом человеке задавались вопросы: жив ли, умер, что с ним случилось, чем болел, чем занимался при жизни и т.д. Потом все данные заносились в особый реестр.

Уникальную возможность получить информацию биографического характера дало изучение, описание и составление планов (с указанием имен и дат жизни похороненных людей) двух аурукунских кладбищ – старого и нового. Рассматривая эти планы, наши собеседницы вспоминали о судьбах умерших. Облегчало

задачу и то, что, глядя на бумажный носитель или на схему на экране компьютера, они могли говорить о покойных, не произнося имен вслух и не нарушая тем самым одного из строгих религиозных запретов.

Мы также посещали все церковные службы, в том числе поминальные и похоронные, участвовали в ряде общественных мероприятий и публичных обрядов. Нам довелось присутствовать на четырех церемониях “открытия дома”: после смерти человека дом, в котором он жил, покидают, т.е. “закрывают”, а через какое-то время “открывают” – проводят сложный синкретический (в нем сочетаются местные традиции, элементы, заимствованные у островитян Торресова пролива и у жителей Полинезии) комплекс ритуальных действий, посвященных поминовению умершего и отражающих его судьбу, а также роль и позицию в структуре социальных связей. Церемонии сопровождаются массовыми процессиями, пением, танцами, речами, ритуальными плачами. Специально готовится множество художественно оформленных параферналий. Всем участникам обрядов заказывают из Кернса футболки с принтами, отражающими тотемические символы пяти местных кланов. Мы записали все четыре церемонии

Рис. 3. Гарриет Путчеманка и Ю.А. Артемова. Ноябрь 2023 г.
(Фото О.Ю. Артемовой)

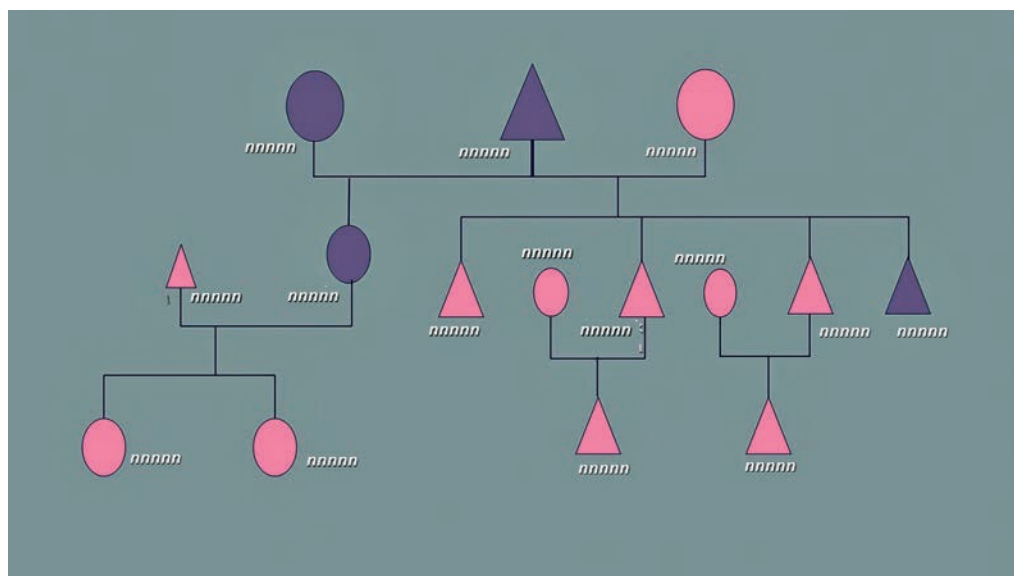

Рис. 4. Генеалогия одной из семей Аурукун. Имена и фамилии скрыты умышленно. Лиловым цветом обозначены люди, ушедшие из жизни. (Схема выполнена Ю.А. Артемовой, ноябрь 2022 г.)

на видеокамеру и сделали немало фотографий. Такая возможность выпадает нечасто. Достаточно сказать, что события эти были посвящены мужчине, погибшему в ту трагическую новогоднюю ночь, и его отцу, последовавшему на кладбище за сыном. Со времени смертей прошло без малого два года. Покойные в разное время жили в разных домах. Потому церемоний и было четыре. Они проводились в один день.

Мы улетели из Аурукун в Кернс на маленьком рейсовом самолете перед самым началом сезона дождей и тропических штормов. Наступало время, в которое россиянам-северянам, как нас уверили, лучше не оставаться в поселке. Да и могли возникнуть перебои в авиасообщении.

Перемены и традиции

За семь лет, что нас не было в Аурукуне, стали взрослыми мужчинами и женщинами те, кого мы помнили детьми и подростками. У некоторых из них образовались свои семьи, родились дети. Умерло несколько самых доброжелательных наших помощниц старшего поколения (а помощники-братья О.Ю. Артемовой, рожденные в 1940-1950-е, умерли еще до 2015 г.). Были самоубийства среди молодых людей. По никому не понятной причине добровольно ушел из жизни сын одной из близких сестер, тихий, добрый, славный человек, его все любили. Многие женщины, которые были сильными и активными, когда начиналась наша работа, теперь состарились, ослабели, как-то сникли. За последние семь лет поселок изменился несравненно заметнее, чем за предшествующие десять (с 2005 г.).

Аурукун был основан в 1904 г. и до 1978 г. являлся пресвитерианской миссией. В течение этого периода миссионеры вели записи о рождениях и смертях жителей. Нам удалось познакомиться с частью этих рукописей (Record 1891–1948), отражающих время, когда вик-мункан только начали переходить к

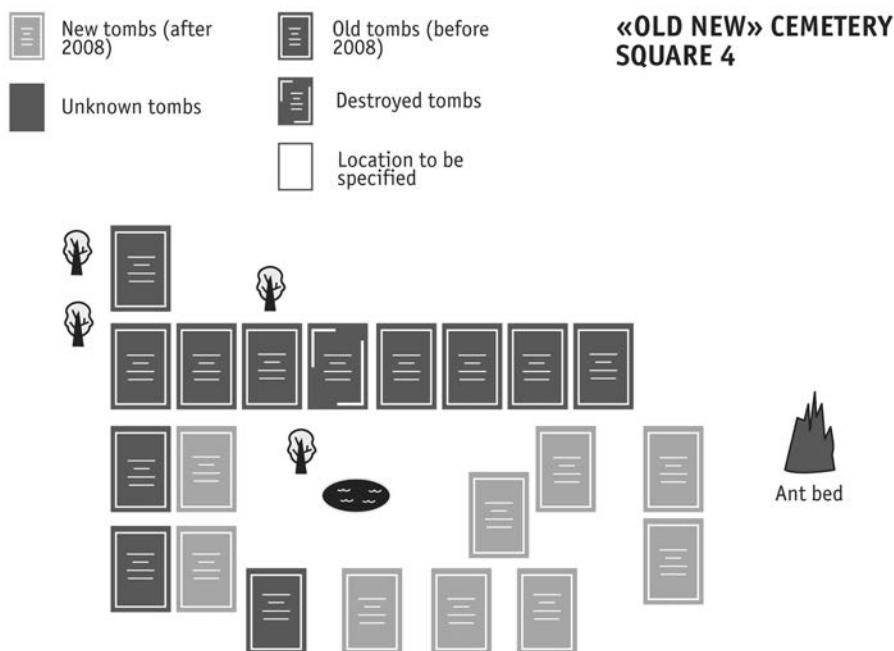

Рис. 5. Фрагмент плана аурукунского кладбища, квадрат 4.

Темные прямоугольники обозначают могилы умерших до 2008 г., а светлые – между 2008 и 2015 гг. (План составлен Ю.А. Артемовой, 2016 г.; графическая подготовка к печати выполнена А.А. Парамоновой)

оседлому образу жизни при миссии, перемежая его с мобильным – “в буше”. Вопреки стереотипным представлениям о низкой продолжительности жизни у охотников и собирателей, большинство зафиксированных смертей были смертями “от старости” (в источнике значилось *senility*).

В 2008 г., по совету Дэвида Мартина, О.Ю. Артемова и А.А. Закурдаев начали обследование аурукунского кладбища. В Австралии принято, чтобы антропологи, работая в поле, не просто собирали материал в соответствии с научными интересами, но и делали что-нибудь полезное для коренных жителей. Как подозревал Д. Мартин, после того как последний миссионер уехал из Аурукуна, там вообще никто не занимался фиксацией смертей⁴. Эту работу мы вели также в 2009 и 2015 гг. В 2015 г. обследованное нами кладбище было закрыто и создано новое в другом месте. Его мы описали в 2022 г. Работа осуществлялась по официальному разрешению и с одобрения Совета Аурукуна, все наши материалы были ему предоставлены. Они ценятся и администрацией, и местными жителями.

Ю.А. Артемова составила планы обоих кладбищ, на старом оказалось около 400 захоронений (образец см. на Рис. 5), на новом – около 60. Она же сделала реестр надписей на могильных табличках, крестах и памятниках. К нему В.Л. Кляус добавил фотографии всех могил. Еще во время работы на старом кладбище у нас сложилось впечатление, что в последние десятилетия в Аурукуне случилось много безвременных смертей, а могилы стариков далеко не составляют большинства. Позднее Ю.А. Артемова проанализировала собранные

данные⁵ и пришла к выводу о поразительном скачке смертности среди жителей, не достигших сорокалетнего возраста, в поколении родившихся в 1961–1980 гг. (в этой возрастной группе 84% ушедших из жизни – люди моложе 40 лет, см. Табл. 1). В предыдущем поколении смертность среди молодых тоже возросла по сравнению с более старшими возрастными группами (20,5% в сравнении с единичными случаями преждевременных смертей среди людей постарше, см. Табл. 1). И это на фоне кардинального улучшения медицинского обслуживания аборигенов по всей Австралии, а также других положительных бытовых преобразований в их поселках. Дальнейшую динамику преждевременных смертей в Аурукуне оценить в настоящий момент невозможно по очевидным причинам: список захоронений людей, родившихся после 1981 г., еще будет пополняться, а на сегодняшний день в нем по определению числятся лишь люди, умершие преждевременно.

Таблица 1

Статистика ранних смертей жителей Аурукуна по поколениям.
Составлено Ю.А. Артемовой (2021 г.)

Годы рождения	Количество умерших	Количество смертей в 0-20 лет	Количество смертей в 21-40 лет	Умершие в возрасте до 40 от общего числа умерших
1900–1920	30	0	1	1 из 30 (3%)
1921–1940	68	0	1	1 из 68 (1,5%)
1941–1960	78	3	13	16 из 78 (20,5%)
1961–1980	43	11	25	36 из 43 (84%)
1981–2000	17	16	1	100%
Рожд. после 2000	17	17	-	100%

При этом общего снижения численности аборигенов в Австралии в целом и в Аурукуне в частности в настоящее время не происходит, так как высок уровень рождаемости и значительная часть населения – дети, подростки и молодые люди. Детская и подростковая смертность в Австралии весьма низкая, в том числе и среди аборигенов. Но немалое количество молодых людей из их среды погибают в автомобильных катастрофах, некоторые – в драках. Распространено домашнее насилие, от которого более всего страдают молодые женщины. У нас в биографических реестрах значится целый ряд безвременных женских смертей “от рук сожителей”. Самое же страшное явление – суицид, совершаемый преимущественно людьми от 15 до 30 лет. В традиционных условиях его, по-видимому, не было (*Берндт, Берндт* 1981: 364), не припоминаем сведений о самоубийствах и в миссионерских рукописях.

По свидетельствам австралийских социальных антропологов Д. Мартина, Б. Сайерс, П. Саттона, Дж. Фон Штюмера и др., с концом эпохи миссионерского управления и обретением аборигенами все больших свобод, получением ими (1967 г.) равных с остальными австралийцами гражданских прав, а также государственной поддержки в виде различных денежных пособий Аурукун стал парадоксальным образом впадать в то, что в литературе именуются хронической дисфункцией социально-экономической жизни. Распалась традиционная хозяйственная деятельность, нарушилась привычная система питания и распространились диабет, сердечно-сосудистые, онкологические заболевания. Ушли инициации, ушло традиционное лидерство, люди перестали заключать браки,

вместо мужей и жен составлялись пары так наз. дефакто (от лат. *de facto*), многие из которых весьма недолговечны (хотя имелись и имеются прочные союзы), в практику вошли ранние и неупорядоченные сексуальные отношения. Причем в этот период активно трудились антропологи и социальные работники, создававшие различные прогрессивные программы, немало сделали и общественные организации самих аборигенов.

Дэвид Мартин, Барбара Сайерс, Питер Саттон, Джон фон Штюмер с тоской и горечью вспоминали в наших с ними разговорах о том, какой хорошей, мирной, осмысленной, разумной была жизнь в Аурукуне, когда они начинали там свою работу на рубеже 1960–1970-х годов. Как дружелюбны ко всем пришельцам и как дружны между собой были люди! А О.Ю. Артемова с печалью вспоминает об эмоционально насыщенных и веселых днях, проведенных в обществе братьев и сестер своего поколения и их многочисленных внучат (повзрослевших теперь) в 2005, 2007, 2008 гг. Ю.А. Артемова и В.Л. Кляус в 2009 и 2015 гг. тоже застали ситуации куда лучшие, чем та, с которой пришлось столкнуться в 2022 г.

О бедах Аурукуна 2005–2015 гг. написано в предшествующих публикациях, бед и тогда было немало, но в 2005 г. О.Ю. Артемова ночью в компании двух сестер ходила через весь поселок на репетиции, проводившиеся перед церемониями “открытия дома”, и часами сидела, единственная “белая”⁶, на многолюдных сборищах, наслаждаясь безмятежно добродушной и оживленной атмосферой. Веселой и безопасной была обстановка на ночном концерте, который устроили приезжие актеры в 2008 г. Они пели, плясали, показывали фокусы, надували грелку... Собрался весь поселок, смеялись, аплодировали, подпевали. В 2008 и 2009 гг. мы жили в домах, где не было запоров на дверях, в одном из них в холле были выбиты стекла, но мы ничего не боялись.

В 2022 же году не только ночью, но и днем, как казалось, небезопасно было появляться в некоторых частях поселка, причем не только нам, но и местным людям. Наши родственницы избегали определенных улиц, где живут такие-то (фамилии сознательно не упоминаем). После проведения церемонии “открытия дома” были сняты запреты на громкую музыку и на увеселительные мероприятия. Музыка, с почти невыносимыми децибелами зазвучавшая (и по ночам) в домах, производила ужасающее впечатление – в отличие от прежней, мелодичной и красивой, преимущественно гавайской и латиноамериканской. Уверяем, что это суждение не имеет ничего общего с поговоркой “о вкусах не спорят”, у авторов статьи весьма разные музыкальные пристрастия. В один из вечеров ожидался большой концерт приглашенной из города рок-группы, однако, выйдя из дома в сумерках и присмотревшись к обстановке на улицах, мы не решились идти в назначенное место. Не пошли туда и люди, принадлежавшие к близким нам семьям.

Сильно отличались от прошлых (у нас имеются видеозаписи, сделанные в 2005 и 2008 гг.) и церемонии “открытия дома”. В 2022 г. в них участвовало чуть ли не на порядок меньше людей, чем в прежних, двигались они, как в замедленной съемке, – видно было, что порой они не могут вспомнить слова песен, движения танцев, последовательность обрядов. Среди исполнительней и зрителей были явно нетрезвые люди, чего не случалось в прежние годы, хотя в настоящее время в поселке действует “сухой закон”, а в 2005 г. его еще не было. Алкоголь привозится и продается подпольно в изрядном количестве. Упомянем попутно, что за ввоз спиртного в Аурукун полагаются огромные штрафы или даже тюремное заключение. Однако существует немало хитроумных способов его доставки. Скажем, по реке на лодках ночью привозят из временных хранилищ, а иногда просто на машинах, а чтобы въезжающие в Аурукун машины не

обыскивала полиция, в поселке имитируется большая драка, отвлекающая всех наличных полицейских.

На воскресные церковные службы (мы не пропустили ни одной) приходили лишь единицы, в основном англо-австралийцы и несколько немолодых аборигенов и аборигенок. А в прежние годы церковь бывала полна, особенно на вечерних богослужениях. Участвовало тогда и немало молодых людей. Теперь же, как нам сказали, “молодые больше верят в колдовство и вредоносную магию”. Возродилась и даже расцвела “темная мистика”.

Однако церковь наполнялась почти до отказа в дни похорон и поминальных служб. Создавалось впечатление, что энергетика, сопряженная со смертью жителей поселка, “ушла” из церемоний “открытия дома” и переместилась в церковь. И не в одном Аурукуне. Нам встретилась заметка священника из общности нунгар (Западная Австралия) под названием “Церкви аборигенов перегружены похоронами” (*Kickett n.d.*).

Похороны – это события, сплывающие людей более, чем любые другие. К ним долго готовятся. В поселок съезжаются родственники и друзья отовсюду. Сценарий службы тщательно разрабатывается. Выпускаются особые брошюры с портретом умершего на обложке. В них приводятся тексты из Писания, псалмы и молитвы, расписана последовательность обрядовых действий и указаны роли участников: кто, когда и какие тексты зачитывает, какие псалмы и молитвы исполняет, когда присутствующие стоят, когда сидят, когда подходят проститься с умершим, когда и как процессия отправляется на кладбище. Церемония сочетает в себе музыкальные и песенные традиции аборигенов вик с пресвитерианскими канонами.

Мы побывали на двух похоронах и были потрясены накалом чувств и поистине мощным единением, сплоченностью, слаженным поведением всех участников обрядов. В первом случае хоронили женщину, умершую в 35 лет, во втором – мужчину, ушедшего из жизни в 57 лет. Обе смерти – по болезни. Особенно сильное впечатление оставила вторая церемония. Покойный был музыкантом и художником, известным не только по всей Австралии, но и за ее пределами, его картины выставлялись во многих европейских странах, сам он немало путешествовал вместе с выставками, в которых участвовал. Людей, собравшихся в церкви (от мала до велика), было не узнать. Царил дух возвышенной торжественности и глубокого общего горя. Лучшая одежда, чуть ли не вечерние платья на женщинах, тщательно уложенные волосы (специально распрямленные, чтобы кудри не торчали), изысканные прически, гладкие блестящие головы, как на международных соревнованиях по бальным танцам. Мужчины, подобно артистам московского театра “Ромэн”, в шелковых рубашках с пышными рукавами, голубых и бирюзовых. “Он был художником, – пояснили потом для нас, – любил яркие краски, и потому мы надели все яркое, он любил именно бирюзовый и голубой!”. Замечательно ухоженные, вымытые и тщательно наряженные дети. Маленький годовалый малыш в белой рубашечке с черным бантом, черные штанишки на бретельках, ботиночки, хвостик на макушке... Дети свободно бродят по церкви, но чуть кто из них закричит или заплачет, ближайший взрослый берет его на руки, утешает, пестует на коленях, потом несет родным, всякий взрослый следит за детьми, не разбирая, чьи они... Поят водой или соком, у кого что найдется. И даже собакам доступ на церемонию не заказан. Приходят, укладываются под лавками, их гонят, если только они нарушают благолепие. То, как люди поют, как рыдают в голос, как склоняются над гробом, не опишешь, но комок в горле не отпускает! Катарсис. А главный – пронзительный – энергетический посыл: “Мы единый народ, мы сами по себе, вы нас не переделаете на свой лад, мы такие, мы вместе, мы такими и будем впредь!”

О том, в чем есть смысл, и о том, в чем смысла нет

В “белой” – обывательской – Австралии только ленивый не сетует на то, как ленивы аборигены, на которых “уходят огромные деньги налогоплательщиков”. А порой даже профессиональные антропологи осуждают аборигенов за то, что они “не хотят продавать свою рабочую силу” (Peterson 2015). Да, в основном не хотят. И, быть может, в этом есть смысл.

Начать хотя бы с того, что в удаленных от городских центров поселках не слишком много возможностей для трудоустройства. А жить в городах или крупных англо-австралийских селениях и не желают, и не могут даже те аборигены, которые получили неплохое образование: самых способных юношей и девушек после средней поселковой школы бесплатно направляют в колледжи в Кернсе, они с успехом заканчивают их и едут назад в родные Аурукун, Напанум или Пормпурау, где полученному образованию, как правило, нет применения. Глубокая привязанность к родным людям и к земле предков – самая устойчивая черта тех коренных австралийцев, которых нам удалось узнать. В сущности, в отрыве от привычного с детства социального окружения, родного языка и дикой природы они заболевают, маргинализируются, гибнут и духовно, и физически.

К тому же аборигены не любят делать то, что их не увлекает, будь то тяжелая физическая работа (в качестве грузчиков, дорожных рабочих, шахтеров на близлежащих горнодобывающих предприятиях и др.) или какая-нибудь конторская офисная служба (это им очень скучно, хотя они быстро осваиваются с компьютерами и иными передовыми технологиями). А кроме того, регулярный, ежедневный, многочасовой труд ради жизнеобеспечения (не говоря уже об обретении материального достатка) лишен смысла для тех, кто все еще сохраняет этос охотников, собирателей, рыболовов. Их этос был воплощенным идеалом умеренности (см. напр.: Sutton, Waleshe 2021): добывать ровно столько, сколько нужно для удовлетворения скромных материальных потребностей, затрачивая при этом минимум усилий и прилагая максимум смекалки. Их этика труда и досуга была противоположна англо-австралийской, протестантской. Она такой во многом и остается, однако приобретает порой уродливые, извращенные формы – в силу объективных условий, в которых они вынуждены жить.

В сущности, именно этос охотников, стремящихся к минимизации усилий и риска (Peterson 1993), побуждает не охотиться, когда доступны более легкие и менее опасные способы добычания жизненно необходимого. Парадоксально, но факт. Поэтому – при небольших денежных поступлениях в виде социальных выплат – люди сплошь и рядом оказываются куда хуже обеспеченными едой и иными нужными им вещами, чем это было бы, если бы они продолжали регулярно охотиться, собирать дары леса и рыбачить. Но те же навыки и поведенческие установки охотников помогают терпеть лишения и довольствоваться минимумом. В своих богатых дичью и рыбой краях вик-мункан могли бы “жить с земли” в обстоятельствах “первоначального изобилия” (Sahlins 1972: 1–40), а вместо этого “ловят” деньги или “охотятся на деньги” (“fishing for money” or “hunting for money”) в “карточных кругах” (азартные игры на деньги). При этом было бы неантропологично видеть в карточных играх аборигенов просто развлечение. Они смотрят на игру как на дело, которое приходится делать среди многих прочих дел, направленных на добычу денег “здесь и сейчас”. Повторим уже приводившиеся в прежних публикациях слова одного из наших названных родственников, увы, ушедшего из жизни: “Завтра мы не увидимся. Завтра будут выплаты пособий, надо идти играть”. И последовало нечто вроде печального вздоха, мол, “что поделаешь!”

Люди “ставят на кон” небольшие суммы, но выигрыши порой доходят до десятков тысяч долларов. Удачливые игроки покупают (в местном магазине или

заказывают по интернету) холодильники, стиральные машины, велосипеды, компьютеры, телевизоры, музыкальную аппаратуру. Изредка – даже автомобили и моторные лодки. Но ничто из этих приобретений обычно не удерживается во владении “счастливиц” надолго. Деньги моментально истрачиваются, вещи переходят из рук в руки, ломаются и выбрасываются. Валяются во дворах около домов, свозятся на свалки.

В предыдущих публикациях, посвященных вик-мункан, анализировались те формы, которые приняла их традиционная система тотальной взаимопомощи на фоне товарно-денежной экономики австралийского мейнстрима (см., напр.: Артемова 2016, 2018). Аккумуляция денежных средств индивидами или семьями, в том числе заработки, превышающие насущные потребности текущего дня, либо не могут быть мотивированы – все излишки, т.е. все, что сразу не потреблено, приходится отдавать тем, кто в этом нуждается или просто просит, ведь отказывать нельзя, это не по-родственному – либо могут способствовать разрыву родственных связей, фрустрации, социальной изоляции, конфликтам и другим негативным последствиям – если люди, имеющие что-либо в избытке, не желают делиться этим с родней (Peterson 2002, 2005, 2013).

Тоталитарная система циркуляции еды, вещей и услуг все еще в основном сохранна в Аурукуне и многих других селениях коренных жителей Австралии. Она все еще характеризуется рядом черт принципиального значения: обязанность давать и право получения присущи каждому, кто включен в родственную структуру; люди не ждут, что родственники будут угощать или предлагать свое достояние, они просят или требуют (*demand sharing* – термин Н. Петерсона, см.: Peterson 1993); “дающего не благодарят”, “дающий делает не более того, что он должен делать” (Woodburn 1998: 48); получатель вещей, еды, услуг не становится должником именно того, кто ему что-то дал или оказал какую-то помощь; обязанность отдавать и право получать “оторваны друг от друга” (Ibid.); получатель не предпринимает усилий, чтобы добыть больше еды или каких-то иных ценностей для возмещения полученного, а также не считает своим долгом оказывать услуги, аналогичные полученным, именно тому, от кого их получил. Индивид почти не обладает контролем над результатами своей работы, что удерживает его от наращивания трудовых усилий; равенство имеет решающее значение, а “угроза неравенства вызывает больше тревог, чем угроза голода” (Ibid.: 50). Низкая ценность – в социально-психологическом плане – любых материальных объектов, по сути, приводит к их “моральному обесцениванию” (*easy come, easy go*). В условиях присваивающей экономики все вышеперечисленное конструировало высоко адаптивную систему. Далее попробуем показать, как это “работает” сегодня.

Несколько близких нам жительниц Аурукуна получили хорошее образование в миссионерское время и прекрасно говорят, читают и пишут по-английски. Они служат переводчицами, или медиаторами, в ходе многочисленных судебных разбирательств, к которым привлекаются обвиняемые в различных правонарушениях аурукунцы младших поколений (многие из них плохо говорят по-английски, да и ведут себя строптиво, не хотят сотрудничать с правоохранительными органами). Работу медиаторов эти женщины выполняют с энтузиазмом и самоотверженностью, так как помогают попавшим в беду сыновьям, дочерям, племянникам, внукам. За нее им хорошо платят, но они почти всегда пребывают без денег и без необходимых в быту вещей, а порой и без еды. Все, что попадает к ним в руки, моментально расходуется среди родни, преимущественно молодой. Но эти женщины никогда не ропщут. Напротив, они любят весело и заодно рассказывать о том, как тратят свои деньги “на других”. Особенно хороши были рассказы Гарриет Путчеманка. Возможно, не все в них правда,

но и то, что она присочинила, выразительно свидетельствует о ценностях – и личных, и социальных.

Так, однажды ее пригласили в Кернс на “конференцию” (некое мероприятие, где нужен был медиатор, владеющий языком вик-мункан). Она жила в “роскошной” гостинице, а ее аурукунские родственники, “застрявшие” в Кернсе (прилетели развлечься и истратили все деньги, которые у них поначалу были, потому не могли купить билеты на самолет, чтобы вернуться в Аурукун), про то прознали (им из Аурукуна сообщили по мобильному телефону), взяли такси (минивэн) и большой компанией заявили к ней в отель. Ей звонит портье и говорит: “Вас родственники спрашивают, они приехали на такси, а расплатиться не могут”. Ну, она спустилась: там племянница, дети ее и еще какие-то родственники. Денег нет, голодные. Гарриет расплатилась с таксистом, но не отпустила его, говорит своим гостям: “Покажите, где живете”. Они все на том же такси поехали за город к какому-то ручью, на берегу ручья стояло девять палаток. Там еще много кто жил. У племянницы отдельная палатка. Дальше на том же такси поехали в супермаркет, купили массу еды для всех в этом лагере, всех накормили, и Гарриет сказала, что так жить нельзя, и сняла племяннице и ее детям номер в гостинице. А по возвращении в Аурукун потребовала, чтобы ее сестра, мать племянницы, послала дочери и внукам денег на перелет до Аурукуна. Нельзя их там было оставлять. Деньги были добыты и посланы, скитальцы прилетели в Аурукун. А палатку племянница продала какому-то мальчишке за 45 долларов. Он хотел заплатить 100, но племянница взяла только 45, что было правильно, хотя в палатке и было все новое, одеяла и белье. Мотив, когда за что-либо человеку предлагают крупную сумму денег, а он берет лишь половину или меньше, от “лишних” отказываясь, очень типичен для рассказов аурукунцев.

В том же импровизированном лагере, где обитали бесприютные и безденежные аборигены из разных поселков Кейп-Йорка, Гарриет заприметила “грязную” беспризорную девчущку (“тинэйджерку”) из Локхарта (селение аборигенов на востоке Кейп-Йорка), которая уже “абсолютно пропадала” там. Гарриет ее накормила, купила ей одежду и отправила в Локхарт. Девочка оказалась дочкой главы Локхартского Совета, а он приходится Гарриет “казен-браза” (кросс-кузеном: по классифицирующей номенклатуре, все аборигены Кейп-Йорка считают друг друга родственниками). Он потом в благодарность привез Гарриет черепашьего мяса. Она сидела на балконе в “прекрасной гостинице” и “уплетала” это мясо с рисом.

Еще был рассказ о том, как “казен-систер” уговорила Гарриет пойти в Кернс в казино, там ей выпал джекпот. Она выиграла 5000 долларов, которые были потом весело истрачены в том же Кернсе с родственниками – на такси, еду и одежду. Все со вкусом перечислялось, что купили, что поели, куда и как ездили. Сестры рассказывали, что Гарриет любит играть в карты и часто много выигрывает, так как очень умна – “просто компьютер в голове”. Выигрыши тоже быстро растрачиваются на нужды или угощение родни.

Ну и, наконец, был рассказ Гарриет о том, как после смерти ее “дефэкто” к ней в дом пришли его ближайшие родственники. По обычаю, они выстроились в ряд, а она каждому что-то дала: рис, муку, мясо – всякую еду. После этого она считается свободной, как бы “выкупила себя”. Могла бы снова найти партнера. Но лучше того, кто ушел из жизни и с кем она прожила счастливо более 30 лет, не может быть. Она навсегда останется одна. Никого другого не надо.

Среди занятий, которым многие вик-мункан готовы отдавать силы и время, в числе главных – живопись и художественная резьба по дереву. Работы некоторых выдающихся мастеров порой продаются в художественных салонах страны и за ее пределами за сотни и тысячи долларов. Но высокие гонорары – в силу

указанных выше обстоятельств – не делают прославленных аурукунских скульпторов и живописцев людьми состоятельными, они обычно так же нуждаются в самом необходимом, как и все остальные коренные австралийцы в Аурукуне.

В поселке имеются две конкурирующие структуры – арт-галереи, управляемые англо-австралийскими менеджерами. Там созданы условия для творчества всех желающих и туда принимаются уже готовые произведения, если менеджеры, руководствуясь определенными критериями, приписывают им художественную ценность. Обе галереи буквально ломятся от избытка картин и скульптур, в которые вложен огромный кропотливый труд, но их создатели могут получить деньги за свои творения, только если эти творения купят в каком-либо из фешенебельных городских салонов или продадут богатым ценителям искусства через специальные интернет-сайты. Ни того, ни другого зачастую не происходит годами. А люди рады были бы не тысячам, не сотням, а всего лишь десяткам долларов, но сразу, “здесь и теперь”! Однако продавать самостоятельно то, что они создали, им запрещено (во избежание обесценивания художественной продукции). А всем приезжающим в Аурукун (в том числе этнографам) возбраняется под угрозой высоких штрафов покупать местные изделия непосредственно у творцов. Так что художники много работают и почти ничего не зарабатывают. Тем не менее немало аурукунцев находит в такой работе смысл.

В большинстве удаленных от городских центров поселков Австралии аборигены с энтузиазмом, знанием дела и самоотдачей выполняют работу рейнджеров – лесников, охранников заповедников, заботящихся об экологическом благополучии родовых земель. Работа эта неплохо оплачивается.

К числу осмысленных занятий, конечно же, все еще относятся рыболовство и, реже, охота. Однако и то, и другое традиционно было адаптировано к мобильному образу жизни. Около стационарного поселения рыбачить и охотиться бессмысленно, нужен транспорт, чтобы отъехать хотя бы километров на 20. У многих жителей Аурукуна сегодня есть автомобили, но они далеко не всегда исправны и далеко не всегда у владельцев есть деньги на бензин. Охота, кроме того, требует оружия. Для огнестрельного оружия нужна лицензия, которую аурукунцам в условиях высокой конфликтности получить весьма проблематично. Изготовление копий в современных обстоятельствах противоречит принципу минимизации усилий. Поэтому в обиход вошла охота с собаками, которые травят дичь. Раньше этого не было. Собак, надрессированных на охоту, в отличие от остальных четвероногих, кормят, поят, ласкают. Но все же охотятся эпизодически, хотя и с воодушевлением. Помним, что весь день нещадно палит солнце, температура воздуха – 38 градусов по Цельсию (или больше) и влажность – под 80%. Мы дважды (в разные дни) стали свидетелями возвращения молодых ребят из семьи Путчеманка с удачной охоты на эму (Рис.6) и на дикую свинью (в лесах вокруг Аурукуна водится много завезенных некогда из Евразии и теперь одичавших животных). Это было впечатляюще! Четверо молодцов и пять собак в одной видавшей виды машине, за рулем – парень со сломанной рукой (в гипсе), и мертвое животное на крыше. Все радостно гикают. Обе добычи были освежеваны у нас на глазах (мы в это время вместе с женщинами из той же семьи ловили рыбу на берегу реки Уотсон), потом доставлены на машине в поселок и зажарены традиционным способом – в земляной печи. Нам говорили, что любой житель поселка мог прийти вечером к дому охотников и получить порцию мяса.

Рыбу ловят чаще – и мужчины, и женщины, и подростки. Крючком с леской, не сетями. А прежде били копьем, стоя в лодке. Ввиду изобилия в реках огромных эстуарных крокодилов весьма опасное это было занятие, хотя и теперь, когда ловят с берега, крокодилов боятся. Каждый ловит ровно столько, чтобы по-

Рис. 6. Берг Путчеманка и Бенджамен Путчеманка после удачной охоты на эму. Берег реки Уотсон близ Аурукуна. Октябрь 2022 г. (Фото Ю.А. Артемовой)

есть самому и накормить малых детей, ни на одну штуку не больше. Разводится общий костер, но пойманную рыбу каждый жарит на углях тоже только для себя и детей. Взрослых никто не угощает. Мы привозили на эти пикники-рыбалки еду для всех, но рыбы нам не предлагали (принимающий дары, как помним, не становится должником), а сами мы не слишком преуспели в искусстве рыбной ловли. Надо было бы просить, чтобы с нами поделились, но мы стеснялись, привычки своей культуры пересиливали, да и всегда казалось, что улова мало-вато и что аборигены постоянно недоедают.

Интересные преобразования произошли и с собирательством. Фрукты и овощи покупаются в магазинах, за плодами в лес теперь никто не ходит, но женщины при каждой “вылазке” из поселка усиленно собирают семена эндемичных растений. Горнодобывающие компании, уничтожившие ради извлечения бокситов многие гектары леса к северу от Аурукуна (там теперь десятки километров красной бесплодной глиняной пустыни, напоминающей кадры из знаменитого фильма Г. Данелии “Кин-дза-дза!”), имеют обязательство в дальнейшем восстановить растительность. Поэтому они покупают будущий “посадочный материал” у местных аборигенов за хорошие деньги.

Одно из самых увлекательных занятий для этнографа в поселках аборигенов состоит в том, чтобы пытаться “узнавать” в поведении людей, оперирующих предметами современного постиндустриального быта, черты традиционной культуры “оппортунистических фуражиров”. В этом словосочетании нет ничего обидного для аборигенов, это калька с “антропологического” английского, в котором принято употреблять одно слово *foragers* вместо трех (охотники, собиратели, рыболовы), а словом *opportunistic* – обозначать виртуозное умение быстро реагировать на изменение ситуации, изобретательно пользоваться

внешними обстоятельствами и легко относиться к любым неудачам. Для людей такой культуры все, что их окружает, – “дающая или дарующая среда” (Bird-David 1990, 1992), в ней заключены неисчерпаемые возможности извлекать пользу. В условиях аккультурации в “дарующую среду” оказался включенным белый человек и даже “не вполне белый” этнограф, у которого явно есть больше вещей и денег, чем ему нужно “здесь и теперь”. А если тот, к кому обращаются с просьбой, не родственник, то нет и никаких отрицательных эмоций: неловкости у просителя или обиды, разочарования у встретившего отказ. Создается впечатление, что поиск того, кто “купит мне” бутылку колы, пачку печенья или гамбургер, даст немного денег, несколько сигарет, кусок мыла или насыплет стирального порошка в пластиковый стаканчик (и т.п.), – это не столько удовлетворение потребностей, сколько занятие, аналогичное собирательству, дело, которым можно заполнить пустоту.

Однако в качестве родственников нам нередко приходилось откликаться и на вполне насущные нужды наших аурукунских помощниц. Им постоянно требовались деньги на так наз. электрические карточки. Вся “неаборигенная” Австралия платит за электроэнергию так же, как и мы в России. Дома же аборигенов, которые, разумеется, не станут оплачивать квитанции, снабжены особыми устройствами. В них надлежит вставить пластиковую карточку, на которую “положены деньги” (это делается в магазине). Мы выяснили, что с карточки “сдается” примерно 12 долларов в сутки, если не очень интенсивно пользоваться электричеством. Но это не про аурукунцев. Значит, около 50 долларов за трое суток. Если деньги на карточке исчерпались, то какое-то время пользование продолжается, но уже значительно дороже и образуется долг, а потом происходит отключение. Чтобы возобновить снабжение, надо погасить ростовщическую задолженность и добавить денег на новый период.

Социальные выплаты, на которые в основном живут аборигены, составляют от 400 до 600 долларов в две недели. Из них не менее 150 уходит на электричество, а надо еще аренду за дом платить – кажется, около 100 долларов в месяц. Вот и получается, что наши аурукунские сестры и их семьи все время живут под страхом отключения электричества или же без него. А это значит: ни чайник вскипятить, ни яйцо сварить, ни свет включить (темнеет в шесть вечера). Фен-веер в потолке не крутится, кондиционер не работает... Остается только одно – ночью развести костер на дворе и сидеть около него до пяти утра, чтобы комары “не заели”. Иногда люди вытаскивают выдавшие виды матрасы во дворы и пытаются спать там. Ядовитые змеи, пауки и “плохие” соседские “мальчики” весьма вероятны. Бессонные ночи, скученность, недоедание...

В 2022 г. у нас создалось впечатление, что самая страдающая, самая уязвимая часть населения Аурукуна – это старые женщины (старых мужчин там, как уже говорилось, нет). Они, по крайней мере некоторые из них, оказываются вынужденными отдавать свои денежные пособия младшим родственникам и выживать как придется. В сущности, они предоставлены сами себе, порой им негде “приклонить голову”, они ночуют то в одном доме, то в другом и нигде не находят покоя и отдыха, так как повсюду скученность, скандалы, драки. Незадолго до нашего отъезда из Аурукуна одна из самых влиятельных в прошлом активисток, восьмидесятилетняя вдова выдающегося борца за земельные права вик-мункан, выступила в церкви с горькой речью о своей невыносимой жизни в поселке и о твердом решении навсегда покинуть Аурукун, никому не сообщать, куда она оправится, и порвать все отношения с родней. Такого не было ни в 2005, ни в 2015 г. Тогда о стариках заботились. Добавим, что в Аурукуне имеется дом престарелых, но далеко не все старые аборигенки хотят туда идти. В основном они предпочитают бесприютную, голодную, но свободную жизнь.

В сказанном, как и во многом другом, что мы наблюдали в Аурукуне в 2022 г., можно усмотреть спонтанную, скорее всего даже не рационализируемую, по крайней мере, никак не артикулированную в местном идеологическом дискурсе, ревитализацию поведенческих стереотипов домисионерского времени, которые в существующих обстоятельствах часто оказываются весьма деструктивными. С наибольшей очевидностью это проявляется при межклановых, межсемейных и внутрисемейных конфликтах.

Вик-мункан, вик-натан, вик-алкан и другие представители вик-говорящих коренных австралийцев всегда славились своей воинственностью, бойцовскими навыками и кодексом мужской воинской чести. Есть основания полагать, что именно воины вик воспрепятствовали высадке голландцев на побережье Кейп-Йорка близ Кейп Кивер⁷ в 1606 (знаменитая экспедиция “открывшего” Австралию Виллема Янзона) и тем самым, быть может, более чем на 200 лет задержали европейскую колонизацию на своей земле (*Horton 1994: 1179*). То была культура, в которой вооруженное насилие занимало почетное место. Опирающееся на регулярную армию, полицию и пенитенциарную систему миссионерское правление первой половины XX в., казалось бы, положило этому конец. Но не наблюдаем ли мы сегодня эффект отпущенной пружины, многократно усугубляемый пристрастием людей к алкоголю и наркотикам? Как ни уродливо, ни жестоко, как ни криминально поведение представителей враждующих группировок, семей и индивидов в нынешнем Аурукуне (и далеко не в нем одном), это все же деятельность, которая имеет сразу несколько смыслов для ее участников и в которой они самоорганизуются без всякого контроля извне, вопреки ему, пожалуй, даже “в пику ему”. Это и насыщенное социальное взаимодействие, и накал эмоций, и в известном смысле спорт или игра.

Традиционное лидерство, сопряженное с религиозной обрядностью, в первую очередь с инициациями юношей, ушло, но развилось новое лидерство – в “гангстерских” группировках. По словам сведущих антропологов, возглавляют их молодые мужчины, получившие образование в городских колледжах, умные и талантливые, потому особенно опасные. На смену временной изоляции подростков и юношей от основного сообщества в периоды традиционных мужских инициаций пришла временная изоляция в мужских тюремных камерах, куда попадает чуть ли не каждый молодой человек из Аурукуна (конечно же, не только из него) и где “опытные” старшие просвещают младших и “натаскивают” их определенным образом. Побывать в тюрьме считается у аурукунских юношей чуть ли не обязательным, и они специально стремятся совершить такие правонарушения, за которые полагается тюремный срок, но срок небольшой, чтобы можно было вскоре вернуться домой, уже в “новом качестве”.

Организационная сторона “криминальной” деятельности, как и “криминальное” лидерство, окутаны строгой секретностью, так что тайна, “эзотерические” знания и “эзотерическая” активность, которые всегда были сердцевинной мужской культуры аборигенов, тоже находят себе некую нишу в новой реальности. “Непосвященные”, женщины и дети, относятся к “ристалищам” молодежи (молодые женщины в них тоже иногда участвуют) не только со страхом и порицанием, но и с известным интересом, и с сочувствием. Они “принимают стороны”, детально и эмоционально обсуждают драки и их последствия, поддерживают “своих”, ненавидят “врагов”. Как-то утром к нам пришла одна из сестер Путчеманка (весьма пожилая женщина) и сообщила, что “мальчики” ее семьи всю ночь дрались с “мальчиками” из семьи В.: «Эти В. очень плохо воспитаны, дикие совсем, приходят драться к хорошим мальчикам Путчеманка, просто нагло приходят к дому и вызывают на бой. Мальчики Путчеманка – страдающая сторона, в недавнюю ночь полиция без вины, конечно, арестовала двоих из них

и посадила в клетку (“ту зе сел”). Полиция – это безбожники, не христиане совсем. А накануне мальчикам было видение: Христос на облаке со стигмами на руках и на ногах, а кто-то еще у реки видел, как Христос по воде идет... А мы, все Путчеманка, вся наша семья, никогда не простим этих В. Мы им сегодня так и объявили: “Никогда, никогда вас не простим!”». При этом глаза ее грозно сверкали из-под седой кудрявой челки. Ну как тут было не вспомнить миф этнокультурной общности юалайи (юго-восток Австралии) из собрания К. Лангло-Паркер (записывалось в конце позапрошлого столетия). В нем один из персонажей говорит поверженному врагу: “Так я всегда буду мстить твоему вероломному роду, а мой народ будет вечно питать к вам ненависть. Приятно видеть мертвым своего врага” (Лангло-Паркер 1965: 145–146).

“Вызываем вас на честную драку” – вот рефрен множества рассказов о том, как инициируются столкновения, неслучайно названные выше ристалищами. Не принять вызов – расписаться в собственной трусости. На это в Аурукуне мало кто из мужчин решится пойти. Это страшнее ранений или даже гибели. Вот и получается, что, как признался один из юношей в интервью, данном kernскому журналисту, деваться некуда, не драться нельзя, а если дерешься, то “либо оказываешься бит и попадаешь в больницу, либо побеждаешь и попадаешь в тюрьму”. Или и туда, и туда одновременно (Rioter’s Insight 2021).

В традиционных условиях аборигены нередко устраивали групповые и парные поединки, в которых стремились и умели избегать фатальных исходов. Создается впечатление, что стремятся и теперь. За два года почти еженосных, а то и ежедневных столкновений погибли два человека (причем один – в Кернсе при не совсем ясных обстоятельствах, а подросток, совершивший убийство в Аурукуне, явно не хотел этого: будучи чрезвычайно напуган, он не соображал, что делает). В ответ на наше замечание, что два убийства – это гораздо меньше, чем, казалось бы, могло быть при такой высокой частоте конфликтов, один из знакомых антропологов воскликнул: “Будь у них огнестрельное оружие или хотя бы копья, жертв было бы очень много!”. Но на это можно возразить: аборигены умеют добывать то, что им требуется, даже рискуя жизнью или хотя бы свободой. Умудрялись бы, если бы ставили такую цель, и оружие доставать. Но, быть может, они не хотят убивать? Иногда они используют в своих драках игрушечные луки и стрелы (заказывают в интернет-магазинах и получают по почте), а также рогатки. Раньше, в доколониальное время, вик-мункан луков не употребляли и даже, наверное, о них не знали.

В прежних публикациях приводились слова одного из жителей Аурукуна, которого давно уже нет на свете. Он был добрым и интеллектуальным человеком, настоящим интеллигентом, О.Ю. Артемова звала его про себя “аурукунским доктором Чеховым”. Эти слова уместно будет еще раз повторить здесь. Он произнес тихим и грустным голосом: “Хуже всего то, что наши дети растут совершенно неуправляемыми, просто дикими”.

Дети, о которых он говорил в 2007 г., имея в виду прежде всего поколение внуков, теперь стали взрослыми мужчинами и женщинами: судьбы многих из них изломаны, некоторые безвременно ушли из жизни, некоторые не могут приспособиться к ней и найти такое дело, какое бы их удовлетворяло. Однако их растили бабки и деды, получившие сразу два “комплекта” моральных ценностей: традиционный (от родителей, проводивших большую часть жизни в “буше”) и христианский (от миссионеров). И те, и другие ценности органично сочетались в людях того поколения. Они имели реальный авторитет в поселке. К сожалению, они почему-то не смогли вырастить столь же влиятельных сыновей и дочерей. Возможно, испытав глубокую растерянность по завершении “миссионерской эры”, при ломке привычного, казавшегося незыблемым,

режима, они не сумели передать следующему поколению навыки и установки, которые обеспечивали бы адаптационную устойчивость, психологическую и физиологическую закалку и, главное, способность внушать уважение младшим и руководить ими. Но хочется надеяться, что наступит время, когда заложенное дедами и бабками само пробудится в душах тех, кому удастся уцелеть в столь непростой аурукунской реальности. Ведь каждый из нас, кто “перевалил на шестой десяток”, совершенно непроизвольно начинает все чаще вспоминать то, что говорили и что делали “бабушки” и “дедушки”, все лучше понимать, почему они так говорили и так поступали, все чаще думать и делать, как они.

Вспоминается эпизод из последнего “поля”. Во время рыбалки у одной из нас никак не получалось правильно закинуть в реку леску с крючком. Подошел молодой мужчина (О.Ю. Артемова помнит его и малышом, и подростком), спросил: “Помочь? Хотите, я спою магическую песню, которую мой дедушка пел, чтобы рыбка ловилась?” Забросил снасть и спел вполголоса. А деда его О.Ю. Артемова знала, он был тем, по ком каждый день скорбит ее сестра Гарриет Путчеманка.

Заключительный параграф

Итак, по полевым наблюдениям, которые теперь уже можно назвать лонгитудными, у нас создалось впечатление, что в поведении тех современных коренных австралийцев, с кем нам довелось взаимодействовать, отчетливо проступают, пусть в искаженном и модифицированном виде, многие черты доколониальной культуры. Это крепкие родственные связи, стереотипы взаимопомощи, умеренность, скромность материальных запросов, стремление к имущественному равенству в сообществах, установки трудовой этики, минимализирующие усилия и риски, приверженность художественным, эмоционально и интеллектуально захватывающим занятиям, отголоски традиционной “культуры войны”, привязанность к родной земле, глубокое почтение к смерти и пронзительная, непостижимая для нас по интенсивности и накалу, скорбь об умерших. Частично эти старинные традиции в современных обстоятельствах оборачиваются против их носителей, а частично помогают сохранить “дух”, или этос, своего древнего народа.

«Белые люди, – говорил в 2007 г. тот же “аурукунский доктор Чехов”, – хотят, чтобы мы стали такими же, как они, но мы не можем, просто не можем, и все». А выдающийся австралийский антрополог, Дональд Томсон, совершивший в конце 1920-х годов героические экспедиции в Северо-Восточный Арнемленд, чтобы найти способ урегулировать жестокий конфликт между неаккультурированными еще тогда аборигенами и англо-австралийскими властями, писал: “Я думаю, что мы должны всегда помнить следующее: стремясь сделать из этих людей черных белых, мы приносим им самое большое из возможных зол...” (Thomson 2003: 186). Похоже, что сами аборигены это хорошо понимают и сопротивляются, как могут. Более того, они, похоже, сознательно или бессознательно следуя тому, что Грегори Бейтсон называл *схимогенезисом* (Bateson 1935), культивируют стереотипы поведения и идеологические установки, которые отличают их от типичных представителей современного австралийского мейнстрима. Развивая идеи Бейтсона, Дэвид Гребер и Дэвид Уингроу, авторы нашумевшей сравнительно недавно книги “На заре всего. Новая история человечества”, так писали об этом культурно-дифференцирующем социально-психологическом механизме, действующем, в частности, в условиях колонизации: желая подчеркнуть свои отличия от недавних пришельцев, люди “будут почти что с неизбежностью стремиться вести себя противоположно, выбирая

определенные контрастирующие черты своей культуры, идеализируя и усиливая их, они в конечном счете будут стараться настолько мало походить на своих новых соседей, насколько это только им удастся” (*Graeber, Wengrow 2021: 67*).

А некоторые современные австралийские писатели и публицисты, связывающие свое происхождение с определенными этнокультурными общностями коренных жителей страны, настойчиво артикулируют культурные преимущества “цивилизации” аборигенов и призывают новых, “вторых” австралийцев поучиться нравственности и мудрости у австралийцев “первых”⁸ (напр.: *Pascoe 2014; Scolaro 2018; Yunkaporta 2020*; и др.)

О причинах трагических процессов, которые наблюдаются сегодня в удаленных от городских центров сообществах аборигенов, напряженно думали и думают лучшие умы Австралии. Этому посвящена обширная литература, которую нет возможности анализировать здесь (одна из самых важных книг: *Sutton 2009*). Однозначного ответа, как и согласия между антропологами, нет. Культура аборигенов и культура англо-австралийцев, как нам представляется, до такой степени различны, что не могут гармонично сосуществовать. А меняться, приспосабливаться друг к другу отчасти не способны, а отчасти упорно не желают ни представители первой, ни представители последней. Побеждает же сильнейший, и потому положение аборигенов, стремящихся сохранить себя в качестве народа, живущего на исконной земле согласно своим идеологическим ценностям, представляется не просто бедственным, но – на текущее время – *безысходным*.

С неизбежностью встающий вопрос о “рецептах спасения” не находит у авторов этой статьи даже и столь относительно оптимистичных ответов, которые содержатся в предшествующих публикациях блока. Возможно, пребывающие сегодня в бедственном, как констатируют исследователи, положении эвенки, эвены и другие представители КМНС России и смогут в будущем приобщиться к достижениям цивилизации в целях последующего “перехвата инициативы в освоении богатств своей собственной земли”, потому что экономическая активность такого рода всегда представляла для них немалую ценность и у них давно развились коммерческие навыки и коммерческие интересы. Успешная хозяйственная деятельность с кооперацией усилий и освоением новейших технических средств, стремление к благосостоянию и достижению современного уровня комфорта способны будут привнести новые жизненные смыслы. Но такой сценарий вряд ли возможен для австралийских аборигенов тех районов, в которых побывали авторы этой статьи. Материальное благосостояние не является ценностью для коренных австралийцев удаленных поселков и не может превратиться в жизненную цель. Им требуются иные основы для социального взаимодействия и созидательных занятий. Эти основы должны предполагать глубокую эмоциональную и интеллектуальную вовлеченность на коммунальных, родственных началах. Еще в 2015 г. авторам этой статьи казалось, что никакие исследователи, никакие гениальные умы не придумают, как достичь этого в условиях австралийского капиталистического мейнстрима, но теплилась надежда, что это смогут сделать сами аборигены. В 2022 г. и такая слабая надежда почти угасла. Мы настойчиво расспрашивали англо-австралийских коллег о том, есть ли среди поселений аборигенов такие, где людям “жить хорошо” и где они заняты каким-либо плодотворным созиданием. Один из коллег сказал, что знает маленькое поселение в Арнемленде (там жизнь концентрируется вокруг успешного художника), а также несколько рейнджерских артелей в разных местах (рейнджеры в Австралии – это аналоги наших лесников). Другой же коллега печально покачал головой и произнес: “Нет. Ничего такого вы в Австралии не найдете”.

Возможно, следующие ниже рассуждения покажутся наивными и утопичными. Не только потому, что общее социально-психологическое состояние мейнстримных сред, как австралийской, так и российской, отнюдь этим рассуждениям не соответствует (см. напр.: Kowal 2015), но еще и потому, что в обеих странах сформировались индигенные элиты, которые, с одной стороны, уже “страшно далеки” от того страждущего народа, о котором мы пишем, а с другой – претендуют на решающую, определяющую роль в государственной политике по отношению к нему. По крайней мере, в Австралии дело обстоит именно так. По словам австралийских антропологов, многим представителям индигенной элиты, живущим в крупных городах и занимающим бюрократические посты в различных административных структурах, не свойственна реальная забота о благе жителей поселений, подобных Аурукуну (ср.: Peterson 2022: 7–10) но при этом они стремятся либо вообще отстранить белых интеллектуалов, прежде всего антропологов, и от практической, прикладной, и даже от научной работы, связанной с коренным населением страны, либо жестко контролировать направление и тематику такой работы. Как сказал один из коллег, скоро в Австралии не останется белых антропологов, занимающихся проблемами коренных австралийцев.

Между тем представляется, что именно имеющие *классическое* антропологическое и лингвистическое образование представители мейнстримной культуры, исполненные самоотверженности и доброй воли, могли бы “помочь горю” в таких местах, как Аурукун. Самим аборигенам там под силу сохранять некоторые традиционные культурные ценности, но не под силу построить на их основе здоровое, трудовое и духовно удовлетворяющее жизнеобеспечение. Для этого требуются преданные помощники, готовые выполнять роль медиаторов между культурными средами. Европейская цивилизация вторглась в жизнь коренных австралийцев (а российская – в жизнь эвенков, эвенов и других малочисленных коренных народов Сибири) и безжалостно поломала ее, а теперь долг, обязанность именно этих “цивилизаций” – пытаться исправить и возместить то, что еще можно исправить и возместить. При этом вряд ли стоит бояться “испортить” аборигенов или эвенков культивированием у них иждивенческих настроений и элиминированием тем самым у них собственных созидательных порывов. То плохое, что для них можно было сделать, уже сделано. А вот искать пути и средства помочь – необходимо. Нужна добрая и сильная воля реально заинтересованных людей, необходимо для начала, чтобы хотя бы выполнение великого множества пафосно звучащих государственных и общественных программ и проектов тщательно контролировалось надежными посредниками, а не ограничивалось красивой рекламой и пространной отчетностью, как это нередко происходит. Нужно то, что, обращая мыслью к самым славным страницам в истории русской интеллигенции, правильно было бы назвать “хождением в народ”.

В известном смысле миссионерская деятельность в Австралии и колхозное строительство (усилиями партийных деятелей и специалистов, направленных из городских центров) были “хождением в народ”. И неслучайно современные аборигены вспоминают о миссионерском времени как о времени “самом счастливым” (слова Гарриет Путчеманка), а эвенки и эвены с ностальгией говорят о колхозной эпохе. И с аборигенами, и с эвенками тогда обходились с немалой, причем сплошь и рядом бессмысленной, жестокостью, но не было того безразличия, или еще хуже – хищничества, с какими они постоянно сталкиваются теперь. До них, что называется, “было дело” тем пришлым людям, которые с ними жили бок о бок десятки лет и в немалой степени реально заботились о них. Однако и в том, и в другом случае ставилась задача переиначить жизнь

“коренного народа” в соответствии с тем, как это требовалось “проводникам цивилизации и прогресса”, христианских или социалистических ценностей, а на деле зачастую – карьеристам всевозможных мастей и радетелям “объективных” экономических нужд господствующих систем. Залогом же действительного успеха могло бы стать стремление помочь коренным жителям сибирской и австралийской глубинок переустроить жизнь так, чтобы это удовлетворило именно их, и не останавливаться при этом ни перед затратами государственных средств, ни перед коммерческими потерями частного предпринимательства, а также не смущаться одиозным звучанием слова “патернализм”.

В сравнительно недавней истории австралийских интеллектуалов, в первую очередь социальных антропологов, тоже были славные страницы “хождения в народ”, когда предпринимались героические усилия, чтобы воплотить в жизнь идеи, близкие к тому, о чем мы написали выше. Это было вдохновленное антропологами в 1970–1980-х годах, но совершенно добровольное, подхваченное аборигенами с энтузиазмом, движение “децентрализации”, т.е. переселение семей или небольших родственных групп аборигенов из крупных поселков, таких как Аурукун, “в буш” – на традиционные “родовые” угодья – и возвращение к традиционным способам жизнеобеспечения с использованием при этом ряда технических достижений “цивилизации”. Антропологи, такие, как, например, Питер Саттон (он одновременно и лингвист) или просто люди с хорошим образованием, такие как Дэвид Мартин (он тогда был инженером, а антропологом стал позднее) были адаптированы в семьи аборигенов и годами жили с ними во “внешних поселениях”. Охотились вместе с ними, ловили рыбу вместе с ними, стояли дома вместе с ними, растили своих детей вместе с детьми аборигенов. Как говорила одна из ушедших из жизни сестер Путчеманка о Дэвиде Мартине, “он ел то же, что и мы ели, он спал там же, где и мы спали. Мы вместе радовались и вместе плакали”. А Питер Саттон вспоминал о том, сколько убитых свиней он выпотрошил “вот этими руками”, и о том, как на тридцативосьмиградусной жаре вместе с братьями-аборигенами “вот этими руками” выкладывал покрытие на взлетной полосе, чтобы в их “внешнее поселение” на маленьких самолетах могли прилетать врачи – там везде были телефоны, и “летающий доктор”, как это заведено в Австралии, прибывал по первому зову в любое время дня и ночи – и учителя (всех детей учили по школьным программам) и чтобы доставлялись продукты, а также вещи, без которых во второй половине XX в. уже трудно было обойтись. Разумеется, в это начинание вкладывались немалые государственные средства, причем никто не ожидал материальной “отдачи” или коммерческой прибыли от деятельности поселенцев. Все участники процесса, включая государство, стремились лишь помочь коренным австралийцам “оздоровить” и души, и тела (Ford 2013; Martin 2015; Martin, Martin 2016, Peterson 2016).

“Внешние поселения” в некотором количестве существуют в Австралии аборигенов и по сей день, но все же большинство из них опустело, и люди вернулись в поселки, подобные Аурукуну. Случилось это во многом потому, что уехали в города “белые братья” (их много было тогда, здесь не перечислить), они, как сказал тот же Питер Саттон в личной беседе, “стали стареть, слабеть, просто выдохлись”, к тому же их дети подросли и нуждались в высшем образовании. А смены не пришло. Именно в этом беда, в отсутствии смены прекрасным австралийским “шестидесятникам”. Люди мейнстрима, которые сегодня живут и работают, обслуживая инфраструктуру, в поселках аборигенов и мечтают поскорее оттуда выбраться, заработав денег или бюрократические “очки” (баллы), нужные для построения карьеры, зачастую не имеют представления ни о науке антропологии, ни о культуре коренных жителей, ни о том, что такое благотворительность и жертвенность. Остается только надеяться, что в

поколениях внуков, правнуков и праправнуков австралийских “шестидесятников” со временем проснутся и сильный дух, и интеллект, и добрая воля академически образованных “прародителей”. Новым подвижникам тогда придется напряженно искать новые пути и средства помогать аборигенам. Возможно, это вовсе не будет повторение децентрализации. Но хорошо бы, если бы новые медиаторы для начала попытались – впервые в истории колонизации – даже и в крупных поселках совместно с аборигенами трудиться и отдыхать не по тому распорядку, который вся пришедшая Австралия считает единственно правильным (ср.: *Peterson* 2022: 10), а по тому распорядку, которому следовали коренные австралийцы на своем континенте в своих экологических нишах десятки тысяч лет.

“Не стоит село без праведника”, праведники есть в поселках коренных австралийцев. Но выход из безысходности могут найти только подвижники. Вот они – очень нужны.

Примечания

¹ Тайсон Янкапорта – австралийский писатель, имеющий коренных австралийцев среди своих предков и усыновленный семьей аборигенов Кейп-Йорка. Фамилия *Янкапорта* распространена среди представителей этнокультурной общности вик-мункан. Чаще всего современные коренные австралийцы носят христианское имя и фамилию, происходящую от традиционного названия какой-либо из родственных групп.

² Все места, которые упоминаются в тексте, отмечены на прилагаемой к этой статье карте (Рис. 1).

³ Этот же вопрос мы задавали служащим туристических компаний, организующих экскурсии, и одному из знакомых коллег-антропологов. Ответы были такими же.

⁴ В самые последние годы сотрудники Совета стали вести записи о смертях. Записей о рождениях никто не делает.

⁵ Они в основном относятся к старому кладбищу, на новом кладбище почему-то надгробные таблички во многих случаях не содержат данных о датах рождений.

⁶ Аурукунцы не считают О.Ю. Артемову “настоящей белой”, и дело не только в смугловатой коже и карих глазах, но и в поведении. Оно во многом не похоже на поведение англо-австралийцев.

⁷ “Кивер” – по-голландски значит “поворот”. Сотни вооруженных аборигенов встретили голландских моряков в этом месте и 10 из них (или более) убили, после чего Янзон принял решение прекратить обследование вновь открытого материка и вернуться на Яву.

⁸ Первыми австралийцами (*The First Australians*) в современной Австралии принято называть ее коренное население – в отличие от пришельцев из Европы, как бы “вторых” австралийцев. Это словосочетание вынесено в заглавие выдержавшего множество изданий и переведенного на русский язык капитального труда выдающихся австралийских антропологов Р. и К. Берндтов – *The World of the First Australians* (*Berndt, Berndt* 1964; *Берндт, Берндт* 1981); оно присутствует и в названиях многочисленных популярных публикаций и кинофильмов.

Источники и материалы

Лангло-Паркер 1965 – *Лангло-Паркер К.* Мифы и сказки Австралии. М.: Наука, 1965.
Rioter's Insight 2021 – Rioter's Insight into Aurukun's Cycle of Violence // The Cairns Post. 29.07.2021. <https://www.cairnspost.com.au>

- Ford* 2013 – *Ford C.* The Aurukun Blues of Peter Sutton: An Anthropologist Hits the Skids in Cape York // *The Monthly*. May 2013. <https://www.themonthly.com.au/issue/2013/may/1367547739/catherine-ford/aurukun-blues-peter-sutton>
- Horton* 1994 – *Horton D.R.* Wik // *The Encyclopaedia of Aboriginal Australia: Aboriginal and Torres Strait Islander History, Society and Culture* / Ed. D. Horton. Canberra: Aboriginal Studies Press for Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies. Vol. II, 1994. P. 1178–1179.
- Kickett* n.d. – *Kickett M.* The Aboriginal Church Gets Overloaded by Funerals // *Tearfund* Australia. <https://www.tearfund.org.au/stories/the-aboriginal-church-gets-overloaded-by-funerals> (дата обращения: 12.06.2023).
- Pascoe* 2014 – *Pascoe B.* Dark Emu: Black Seeds: Agriculture or Accident? Broome: Magabala Books, 2014.
- Record 1891–1948 – Record of Births, Deaths, Marriages and Baptisms at Aurukun, Based Partly on the Old List of Rev. A. Richter and T.N. Holmes, Includes Details of Adoptions and Bush Marriages, 1891–1948. Photocopy from the Private Archive of Mrs Jane Kariuka (дата обращения: 09.2007).
- Scolaro* 2018 – *Scolaro N.* Victor Steffensen Listens to the Land // *Dumbo Feather*. 20.08.2018. <https://www.dumbofeather.com/conversations/victor-steffensen-listens-to-the-land>
- Nakatani* 2021 – *Nakatani M.* The Tragic History of Australia's Ayers Rock // *Grunge*. 21.06.2021. <https://www.grunge.com/316441>
- Yunkaporta* 2020 – *Yunkaporta T.* Sand Talk: How Indigenous Thinking Can Save the World. San Francisco: HarperOne, 2020.

Научная литература

- Артемова О.Ю.* Некапиталистический этос в орбите капиталистического // Новые российские гуманитарные исследования. 2016. Вып. 11. <http://www.nrgumis.ru/articles/1994>
- Артемова О.Ю.* Настоящий охотник – бедный охотник? (“Моральная экономика” и некоторые проблемы социальной эволюции) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2018. № 1. С. 77–102.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.
- Bateson G.* Culture Contact and Schismogenesis // *Man*. 1935. Vol. 35. P. 178–183. <https://doi.org/10.2307/2789408>
- Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. Sydney: Ure Smith, 1964.
- Bird-David N.* The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters // *Current Anthropology*. 1990. Vol. 31 (2). P. 189–196.
- Bird-David N.* Beyond “The Hunting and Gathering Mode of Subsistence”: Culture-Sensitive Observations on the Nayaka and Other Modern Hunter-Gatherers // *Man*. 1992. Vol. 27 (1). P. 19–44. <https://doi.org/10.2307/2803593>
- Graeber D., Wengrow D.* The Dawn of Everything: A New History of Humanity. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2021.
- Kowal E.* Trapped in the Gap: Doing Good in Indigenous Australia. N.Y.: Berghahn, 2015.
- Martin D.F.* Does Native Title Merely Provide an Entitlement to Be Native? Indigenous Identities, and Applied Anthropological Practice // *Australian Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 26 (1). P. 112–127. <https://doi.org/10.1111/taja.12121>
- Martin D.F., Martin B.F.* Challenging Simplistic Notions of Outstations as Manifestations of Aboriginal Self-Determination: Wik Strategic Engagement and Disengagement over the Past Four Decades // *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia* / Eds. N. Peterson, F. Myers. Canberra: Australian National University Press, 2016. P. 210–228.

- Peterson N.* Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity among Foragers. *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95 (4). P. 860–874.
- Peterson N.* From Mode of Production to Moral Economy: Sharing and Kinship in Fourth World Social Orders // Ninth International Conference on Hunting and Gathering Societies: Hunter-Gatherer Studies and the Reshaping of Anthropology. Edinburgh, the Edinburgh Conference Center, 2002.
- Peterson N.* What Can the Precolonial and Frontier Economies Tell Us about Engagement with the Real Economy? Indigenous Life Projects and the Conditions for Development // Culture, Economy and Governance in Aboriginal Australia / Eds. D. Austin-Broos, G. Macdonald. Sydney: Sydney University Press, 2005. P. 7–18.
- Peterson N.* On the Persistence of Sharing: Personhood, Asymmetrical Reciprocity, and Demand Sharing in the Indigenous Australian Domestic Moral Economy // *Australian Journal of Anthropology*. 2013. Vol. 24 (2). P. 166–176. <https://doi.org/10.1111/taja.12036>
- Peterson N.* Place, Personhood and Marginalization: Ontology and Community in Remote Desert Australia // *Anthropologica*. 2015. Vol. 57 (9). P. 491–500.
- Peterson N.* What Is the Policy Significance of the Hybrid Economy? // *Engaging Indigenous Economy: Debating Diverse Approaches* / Ed. W. Sanders. Canberra: Australian National University Press, 2016. P. 55–64.
- Peterson N.* Beyond Narratives of Aboriginal Self-Deliverance: Land Rights and Anthropological Visibility in the Australian Public Domain // *Anthropological Forum: A Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2022. Vol. 32 (2). P. 125–137. <https://doi.org/10.1080/00664677.2022.2084716>
- Sahlins M.* Stone Age Economics. Chicago: Aldine–Atherton, 1972.
- Sutton P., Walshe K.* Farmers or Hunter-Gatherers? The Dark Emu Debate. Melbourne: Melbourne University Publishing, 2021.
- Sutton P.* The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus. Carlton: Melbourne University Press, 2009.
- Thomson D.* Donald Thomson in Arnhem Land / Ed. N. Peterson. Carlton: Miegunyah Press, 2003.
- Woodburn J.C.* Sharing Is Not a Form of Exchange: An Analysis of Property-Sharing in Immediate Return Hunter-Gatherer Societies // *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition* / Ed. C.M. Hann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 48–63.

Research Article

Artemova, O.Y., and Y.A. Artemova. How Indigenous Australians Try to Preserve Themselves [Kak korennye avstraliitsy pytaiutsia sokhranit' sebia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 143–177. <https://doi.org/10.31857/S086954152305010X> EDN: YEPPJS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Olga Artemova | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | artemova.olga@list.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (Miusskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia)

Yuliia Artemova | <https://orcid.org/0000-0002-7437-8044> | redfox712002@yandex.ru | Russian State University for the Humanities (Miusskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia)

Keywords

Australian Aboriginal peoples, traditional culture, hunting, gathering, fishing, European colonization, work ethics, risk minimization, syncretism in rituals and beliefs

Abstract

The article discusses personal and collective life ways of native people residing in remote settlements of the Cape York Peninsula, Australia, and offers a number of observations on the native population of Central Australia. It is drawn on the authors' field materials collected in 2005, 2007–2009, 2015, and 2022. If set against the backdrop of the likewise framed project exploring the Evens and Evenkis of Eastern Siberia, the situation in faraway settlements of Australian Aboriginal people manifests both substantial similarities and important differences. Neither in the past when the colonization began to unfold, nor in the present did the Aboriginal people, for the most part, willingly join the commercial and entrepreneurial activities of the Australian mainstream circles or get involved in trade and economic relationships with the newcomers. They rather resisted, and still do, the authorities' and entrepreneurs' attempts at getting them involved in such relationships. We argue that the underlying reason behind that is the very character of the local traditional culture, the key aspects of which are consciously and resiliently preserved – even if sometimes in a transformed or deviant manner – by the native people.

References

- Artemova, O.Y. 2016. Nekapitalisticheskii etos v orbite kapitalisticheskogo [Noncapitalistic Ethos in the Orbit of Capitalism]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* 11. <http://www.nrgumis.ru/articles/1994>
- Artemova, O.Y. 1918. Nastoiaščii okhotnik – bednyi okhotnik? (“Moral’naia ekonomika” i nekotorye problemy sotsial’noi evoliutsii) [Pure Hunter is Poor Hunter? (“Moral Economy” and Some Problems of Social Evolution)]. *Stratum plus. Arkheologii i kul’turnaia antropologii* 1: 77–102.
- Bateson, G. 1935. Culture Contact and Schismogenesis. *Man* 35: 178–183. <https://doi.org/10.2307/2789408>
- Berndt, R.M., and C.H. Berndt. 1964. *The World of the First Australians*. Sydney: Ure Smith.
- Berndt, R.M., and C.H. Berndt. 1981. *Mir pervykh avstraliitsev* [The World of the First Australians]. Moscow: Nauka.
- Bird-David, N. 1990. The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters. *Current Anthropology* 31 (2): 189–196.
- Bird-David, N. 1992. Beyond “The Hunting and Gathering Mode of Subsistence”: Culture-Sensitive Observations on the Nayaka and Other Modern Hunter-Gatherers. *Man* 27 (1): 19–44. <https://doi.org/10.2307/2803593>
- Graeber, D., and D. Wengrow. 2021. *The Dawn of Everything: A New History of Humanity*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Kowal, E. 2015. *Trapped in the Gap: Doing Good in Indigenous Australia*. New York: Berghahn.
- Martin, D.F. 2015. Does Native Title Merely Provide an Entitlement to Be Native? Indigenes, Identities, and Applied Anthropological Practice. *Australian Journal of Anthropology* 26 (1): 112–127. <https://doi.org/10.1111/taja.12121>
- Martin, D.F., and B.F. Martin. 2016. Challenging Simplistic Notions of Outstations as Manifestations of Aboriginal Self-Determination: Wik Strategic Engagement and Disengagement over the Past Four Decades. In *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*, edited by

- N. Peterson and F. Myers, 210–228. Canberra: Australian National University Press.
- Peterson, N. 1993. Demand Sharing: Reciprocity and Pressure for Generosity among Foragers. *American Anthropologist* 95 (4): 860–874.
- Peterson, N. 2002. From Mode of Production to Moral Economy: Sharing and Kinship in Fourth World Social Orders. Paper presented at Ninth International Conference on Hunting and Gathering Societies: Hunter-Gatherer Studies and the Reshaping of Anthropology. Edinburgh, the Edinburgh Conference Center.
- Peterson, N. 2005. What Can the Precolonial and Frontier Economies Tell Us about Engagement with the Real Economy? Indigenous Life Projects and the Conditions for Development. In *Culture, Economy and Governance in Aboriginal Australia*, edited by D. Austin-Broos and G. Macdonald, 7–18. Sydney: Sydney University Press.
- Peterson, N. 2013. On the Persistence of Sharing: Personhood, Asymmetrical Reciprocity, and Demand Sharing in the Indigenous Australian Domestic Moral Economy. *Australian Journal of Anthropology* 24 (2): 166–176. <https://doi.org/10.1111/taja.12036>
- Peterson, N. 2015. Place, Personhood and Marginalization: Ontology and Community in Remote Desert Australia. *Anthropologica* 57 (9): 491–500.
- Peterson, N. 2016. What Is the Policy Significance of the Hybrid Economy? In *Engaging Indigenous Economy: Debating Diverse Approaches*, edited by W. Sanders, 55–64. Canberra: Australian National University Press.
- Peterson, N. 2022. Beyond Narratives of Aboriginal Self-Deliverance: Land Rights and Anthropological Visibility in the Australian Public Domain. *Anthropological Forum. A Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology* 32 (2): 125–137. <https://doi.org/10.1080/00664677.2022.2084716>
- Sahlins, M. 1972. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine–Atherton.
- Sutton, P. 2009. *The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus*. Carlton: Melbourne University Press, 2009.
- Sutton, P., and K. Walshe. 2021. *Farmers or Hunter-Gatherers? The Dark Emu Debate*. Melbourne: Melbourne University Publishing.
- Thomson, D. 2003. *Donald Thomson in Arnhem Land*, edited by N. Peterson. Carlton: Miegunyah Press.
- Woodburn, J.C. 1998. Sharing Is Not a Form of Exchange: An Analysis of Property-Sharing in Immediate Return Hunter-Gatherer Societies. In *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition*, edited by C.M. Hann, 48–63. Cambridge: Cambridge University Press.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

РАЗДЕЛИТЬ И СТЕРЕТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ АГЕНТНОСТИ У ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

К.А. Петров

Кирилл Алексеевич Петров | <https://orcid.org/0000-0002-4178-1726> | kpetrov@eu.spb.ru | к. филос. н., научный сотрудник центра исследований науки и технологий | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия) | научный сотрудник центра перспективных социальных исследований Института общественных наук | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Ключевые слова

агентность, инвалидность, акторно-сетевая теория, локальность, согласование, ментальные нарушения

Аннотация

В статье предлагаются описание и анализ практик по формированию агентности, применяемых в Центре развития и социализации детей и взрослых с ментальными нарушениями. В исследовательском фокусе находится взаимодействие психологов и подопечных, опосредованное разнообразными артефактами и техническими объектами. Показано, что формирование агентности может быть разделено на несколько этапов: во-первых, сотрудники Центра локализируют взаимодействие, создавая с помощью гетерогенных акторов пространственно и темпорально ограниченную среду; во-вторых, при помощи ритуализированных практик они согласовывают действия всех акторов; в-третьих, психологи, занимающиеся с подопечными, “стирают следы” работы, выполняемой техническими устройствами. Эта процедура позволяет выделить действие, которому впоследствии будет приписано ключевое значение в процессе согласования. Приписывание, или атрибутирование, оказывается заключительным этапом работы, выполняемой внутри локальностей. Таким образом, внутри Центра агентность проявляется как эффект, возникающий при включении актора в локальные пространства, разделении присутствия с другими, распределении активности и последующей редукции к действию индивида.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения: 075-15-2022-326]

Статья поступила 25.10.22 | Окончательный вариант принят к публикации 04.04.23

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Петров К.А. Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 178–193. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050111> EDN: YDSJQB

Petrov, K.A. 2023. Razdelit' i steret': formirovanie agentnosti u detei i vzroslykh s mental'nymi narusheniyami [Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 178–193. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050111> EDN: YDSJQB

Область социальных исследований инвалидности возникла в 60–70-е годы XX в. (Клепикова 2014: 222). Именно в это время появляются ключевые для этой научной сферы работы социолога И. Гофмана и антрополога Р. Эджертона. В 1980-м г. социолог И. Золя начинает выпускать *Disability Studies Quarterly* – “старейший академический журнал”, посвященный междисциплинарному изучению инвалидности (Ferguson, Nusbaum 2012: 71). Исследования инвалидности нельзя рассматривать как гомогенное направление, внутри него легко обнаруживаются конфликтующие подходы и методы. Е.Э. Носенко-Штейн отмечает: “Одним из основных подходов до недавнего времени был (а иногда и остается) медицинский/медикалистский подход. Его сторонники рассматривают инвалидность как чисто медицинскую проблему, которую следует решать медицинскими же средствами” (Носенко-Штейн 2018: 1). Медикалистская модель, оперируя категориями недуга, патологии, недееспособности, рассматривает “людей с ограниченными возможностями как некомпетентных, *неспособных отвечать за себя* (курсив мой. – Авт.) и трудиться, нуждающихся в присмотре и, возможно, опасных для общества” (Тарасенко 2004: 10). Иными словами, она игнорирует агентность людей с инвалидностью.

Медикалистской интерпретации может быть противопоставлена социальная модель, в которой инвалидность описывается как результат социального конструирования. В статье “Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации” А.С. Курленкова иллюстрирует общие принципы такой модели: «Инвалидность “включается” самыми простыми и обыденными “реквизитами сцены” – например, высоким тротуаром (в случае с человеком на коляске), визуально различимым расписанием и номерами автобусов (в случае с незрячим человеком), важным объявлением по громкоговорителю в самолете или торговом центре (в ситуации со слабослышащим человеком)» (Курленкова 2018: 27). Подходы, разделяющие такое “конструктивистское” понимание инвалидности, получили название “эмансипационных”. Исследователь инвалидности Н. Уотсон показывает, что общей чертой эмансипационных подходов является их ориентация на подотчетность результатов людям с ограниченными возможностями, а также раскрытие и устранение барьеров, мешающих их активной жизни (Watson 2013: 131).

Конструктивистская идея общественных изменений, вдохновленная социальной моделью инвалидности, требует критической рефлексии. Н. Уотсон продолжает: “Изменения – это не просто устранение барьеров, они включают в себя индивидуальную инициативу; это сложный, взаимосвязанный процесс, и он лежит на стыке *структуры и агентности* (курсив мой – Авт.)” (Ibid.: 134). Итак, из второстепенной темы агентность превращается в едва ли не центральную проблему исследований инвалидности.

В статье изложены промежуточные результаты наблюдений за жизнью Центра развития и социализации детей и взрослых с ментальными нарушениями, сотрудники которого вместе с подопечными и их родителями создают условия для формирования агентности. Работа в Центре осуществляется по разным направлениям – групповые и индивидуальные занятия, образовательные проекты, консультации родителей, и все они ориентированы на помощь в (ре)абилитации, социализации детей и взрослых с ментальными нарушениями разной степени тяжести, с генетическими заболеваниями, органическим поражением центральной нервной системы, расстройствами аутистического спектра, церебральным параличом, эпилепсией. История Центра отражает общие тенденции изменений в отношении к людям с ограниченными возможностями, которую можно представить как преодоление доминирования медицинской модели инвалидности и создание более доступной, инклюзивной среды. Об этом в ин-

тервью говорит один из руководителей Центра, профессиональный психолог Татьяна (все имена изменены):

В 1960-е годы появилась социальная модель инвалидности – ее главная составляющая – теория социального угнетения. Дело не в расстройствах, а в социальных физических барьерах, существующих у людей, им не доступны определенные социальные роли, и это не их проблема, а проблема общества. В этой среде возник лозунг “ничего о нас без нас”, означавший, что не медики должны принимать решения, а человек с ограничениями. А нам надо дать ему для этого средства и возможности. И учить его делать этот выбор (ПМА 2022: Татьяна).

В словах Татьяны объединены несколько нарративов: критика медикалистской интерпретации инвалидности, понимание эмансипирующего действия социальной модели и императив признания агентности людей с ограниченными возможностями, заключенный в требовании “ничего о нас без нас”. Если для Н. Уотсона, как утверждалось выше, агентность мыслится в связке со структурными ограничениями, то в словах Татьяны возникает дополнительное измерение этой проблемы. В парадигме “ничего о нас без нас” агентность располагается между двумя крайними позициями: полностью независимым, самостоятельным действием и принятием помощи, предоставляемой специалистами. Именно это напряжение и определяет практики формирования агентности в Центре.

Основой для статьи послужили данные включенного наблюдения, полученные в июне и сентябре 2022 г., а также результаты десяти полуструктурированных интервью с сотрудниками Центра: психологами, специалистами сопровождения, директором. Полевые материалы удалось собрать благодаря личной договоренности с его руководителем. Во время наблюдений мне как исследователю-социологу было разрешено свободно перемещаться по пространству Центра и посещать как индивидуальные, так и групповые занятия, предварительно получив устное согласие и обсудив детали своей работы с сотрудниками. За все время мне лишь несколько раз отказывали в присутствии: в случаях, когда совместные занятия психолога и подопечного требовали большей вовлеченности во взаимодействие. Интервью проходили в стенах самого Центра по завершении рабочего дня. Все они были посвящены исследованию связи заботы и самостоятельности подопечных.

Статья состоит из трех частей. В первом разделе рассматривается понятие агентности в социальных науках. Показано, что для изучения проблемы агентности в исследованиях инвалидности подходящей рамкой является идея множественных онтологий, разработанная в акторно-сетевой теории (далее – ANT). Во втором разделе анализируется незаметная работа людей и артефактов по согласованию действий сотрудников и подопечных Центра. В третьей части показано, что важным аспектом конструируемой агентности людей с ментальными нарушениями является идея вклада, соучастия в совместной жизни. Фиксация этого вклада осуществляется через процедуру атрибуции – стирания следов работы сотрудников Центра и технических устройств.

Онтология множественности и агентность в исследованиях инвалидности

Агентность относится к числу трудных тем в социальных науках. В самом начале статьи “What is Agency?” М. Эмирбайер и А. Мише пишут, что, несмотря на связь со значительным числом категорий, таких как “самость, мотивация, воля, целеполагание, интенциональность, выбор, инициатива, свобода и творчество” (Emirbayer, Mische 1998: 963), термин “агентность” сохраняет высокую

степень неопределенности. Ж.-Х. Пассо, Б. Покер и М. Шиллмайер во введении к сборнику “Agency without Actors: New Approaches to Collective Action” указывают на то, что агентность носит размытый, “скользкий” характер (*Passoth et al.* 2012: 1). Реконструируя общие подходы к исследованию агентности, они отмечают, что в социологической традиции от Гоббса до Парсонса это понятие, будучи примером неудачного заимствования из классической философской традиции, скрывает “естественную врожденную способность ответственных людей” противостоять инертности природных процессов (*Ibid.*).

П. МакКирни и Т. Зоанни во вводной статье к специализированному номеру “Кембриджского журнала антропологии”, посвященному когнитивной инвалидности, соглашаются с тем, что в эмансипационных исследованиях, ориентированных на социальную модель, присутствует тенденция рассматривать агентность как свойство только разумного, автономного человека (*McKearny, Zoanni* 2018: 2). При этом они подчеркивают, что социальная модель плохо совместима с когнитивной инвалидностью, которую “просто трудно вписать в картину социального конструктивизма и независимой агентности” (*Ibid.*: 6). Пытаясь найти теоретические подходы, позволяющие по-новому описывать агентность (учитывая как критику конструктивизма, так и уникальный опыт людей с когнитивными нарушениями), они смещают исследовательский фокус к проблеме рациональности. По их мнению, одним из оснований антропологии является допущение “психического единства человечества”, означающее, что все люди должны разделять общий набор “элементарных идей”. Следствием распространения этого универсализма являются не только разнообразные формы дискриминации, но и некорректная репрезентация в научных исследованиях представлений о “психической норме”.

Если мы утверждаем, что все культуры создаются людьми, обладающими примерно одинаковыми умственными способностями, то те из них, кто не имеет таких способностей, в лучшем случае оказываются на задворках культуры. Любого человека, у которого наблюдаются значительные нарушения когнитивных способностей, позволяющих остальным участвовать в жизни общества, сложно подвергнуть антропологическому изучению (*McKearny, Zoanni* 2018: 4).

В рамках идеи “психического единства человечества” когнитивная инвалидность – всего лишь эффект перспективы “капиталистических ожиданий в отношении производительности и успешности” (*Ibid.*: 7) Таким образом понятая социальная модель превращается в разновидность перспективизма, о котором говорит А.С. Курленкова. Указывая на несомненные достижения социальной модели инвалидности, например различие между “impairment (т.е. физическим увечьем) и disability (социальным исключением)”, она демонстрирует и ее недостатки. По мнению А.С. Курленковой, увлеченные социальной моделью и возможностями конструктивизма, исследователи инвалидности оказались в ситуации, когда они игнорируют специфический опыт людей с ограниченными возможностями, редуцируя его к разнице перспектив: “Социальная модель инвалидности – как в умеренной, так и в радикальной версиях – является формой перспективизма, так как не проблематизирует материальное тело” (*Курленкова* 2018: 38). Выйти за рамки этого ограничения А.С. Курленкова предполагает, опираясь на онтологию множественности, разработанную в текстах представительницы АНТ – Аннмари Мол.

В работе “Онтологические политики. Слово и несколько вопросов” Мол показывает, что проблема перспективизма предполагает неартикулированность теоретического различения множественности (*plurality*) и множественности (*multiplicity*).

Множественность (*multiplicity*) предполагает реальность, которая скорее делается и реализуется, чем наблюдается. Вместо того чтобы быть увиденной множеством наблюдающих глаз, оставаясь нетронутой в центре, реальность манипулируется с помощью различных инструментов в ходе разнообразных практик (*Mol* 1999: 77).

Мол будет доказывать это положение на примерах эмпирических исследований анемии, атеросклероза и диет. В работе “Следи за своей тарелкой! Онто-нормы голландской диеты” она показывает, что новая онтология, разработанная в рамках ANT, представляет собой альтернативу кантианской версии реальности: “Вместо сингулярной, онтология стала множественной (*multiple*), и в отношении нее задаются вопросы о том, как контрастирующие версии реальности согласовываются в научных и профессиональных практиках” (*Mol* 2012: 2). Например, анемия в раннем исследовании Мол предстает в разных версиях: клинической практики, лабораторной работы или патофизиологического метода (*Mol* 1999: 77–78). Для Мол, также как и для других представителей ANT, важно, что реальность разыгрывается в серии взаимодействий, происходящих в ограниченных пространствах, которые обеспечивают связанность разнообразных акторов, населяющих их.

В перспективе такого антиметафизического подхода агентность теряет свою связь с философской моделью свободы воли, автономии и рациональности, о которой говорилось выше. В рамках ANT агентность стала предметом пристального анализа в статье-диалоге “Agency and the Hybrid Collectif” Дж. Ло и М. Каллона. Авторы утверждают, что “агентность является эмерджентным свойством. Быть агентом, подобным управляющему директору, – это форма действия, вытекающая из соглашения” (*Callon, Law* 1997: 98). В тексте статьи Дж. Ло и М. Каллон обыгрывают многозначность слова *arrangement*, используя его как в смысле соглашения, так и расположения, окружения и устройства. Агентность локальна и определяется через последовательности “переводов”. Эту категорию легко проиллюстрировать примером из статьи Б. Латура “Технология – это сделанное долговечным общество”. В его тексте требование менеджера отеля к постояльцам оставлять ключи на стойке регистрации, которое они не выполняли, впоследствии меняет характер действий постояльцев благодаря тяжелому брелку. Императив не передается, он “переводится”: “Пользователи больше не оставляют себе ключи; они хотят избавиться от громоздких объектов, деформирующих их карманы” (*Latour* 1991: 105). В ANT агентность осмысливается как результат согласования гетерогенных акторов, как людей, так и разнообразных артефактов, технических устройств, локально связанных друг с другом последовательностью “переводов”.

Агентность не является врожденным свойством и не сочетается с философским учением о свободе воли. Вместе с тем агентность не ограничивается достижением локальной согласованности. Дж. Ло и М. Калон пишут: “Агенты – это эффекты, генерируемые в конфигурациях из различных вещей. Некоторые, однако, также принимают форму атрибуций. Атрибуции, которые локализуют агентность как сингулярность – обычно сингулярность в форме человеческих тел” (*Callon, Law* 1998: 112). Но как происходит работа по атрибуции? Ответ на этот вопрос является эмпирическим и зависит от конфигурации конкретного пространства.

Проблема согласования в пространстве Центра

У входа в Центр посетителя встречает специальный знак – схематическое изображение двери и лестницы. Оно используется в альтернативной и допол-

Рис. 1. Часть интерактивной доски, используемой на “круге”.

Зеленая решетка в верхней части – символическое изображение пространства центра.

Правее – карточка расписания, на которой показан день недели и изображения подопечных, чье присутствие запланировано.

Белые прямоугольники – заретушированные фотографии сотрудников

Центра и подопечных. Серая решетка с треугольником внизу символизирует дом.

Фото автора

ненной коммуникации (АДК) для обозначения пространства Центра на специальных досках, схемах и интерактивных планшетах. Войдя через дверь, подопечные Центра и их родители оказываются в коротком коридоре, сразу за которым – широкая прихожая. На левой стене и стене напротив входа висят крючки-вешалки. Почти над каждой вешалкой располагается фотография подопечного. На стенах слева и справа висят интерактивные доски, изготовленные в Центре. По размеру и форме такая доска напоминает обычную школьную доску, обитую ворсистой тканью, на которую с помощью “липучки” могут быть прикреплены знаки разной степени абстрактности. Пока подопечные переобувается и переобувается в прихожей, родители обсуждают с встречающимися их психологами детали вчерашнего дня, нынешнего утра, делятся ближайшими планами, помогают умыться и т.д. Обучающиеся из старшей группы свободно перемещаются по пространству Центра. Когда группа собирается, подопечные и психологи проходят в комнату, где начинается первое групповое занятие – “круг”.

Подопечные самостоятельно расставляют стулья, которые стоят у стен, рассаживаются полукругом перед доской. Им не просто передвигать стулья, но

гостей просят не помогать. Психолог садится в круг таким образом, чтобы доска находилась справа от него, но при этом он имел возможность дотронуться до других участников слева и справа. Сама доска занимает почти всю стену и поделена на две половины, которые используются для разных групп (Рис. 1). Ее рабочая часть также визуальна поделена надвое. На нижней половине есть абстрактное изображение дома, выполненное с помощью цветной ленты. В верхней части – прямоугольник, разделенный внутри решеткой, обозначающий пространство Центра. Ниже “дома” есть дополнительный небольшой прямоугольник с символическим изображением лежащего в кровати больного человека.

В начале занятия ведущий спрашивает, кто хочет поприветствовать остальных. Иногда кто-то из подопечных делает это первым. Если пауза затягивается, присутствующие психологи-педагоги или сам ведущий громко заявляют: “Я хочу!” Открепляет свою фотографию из нижней части доски, изображающей дом, и вклеивает ее в верхнюю зеленую решетку – “Центр”, приветствуя

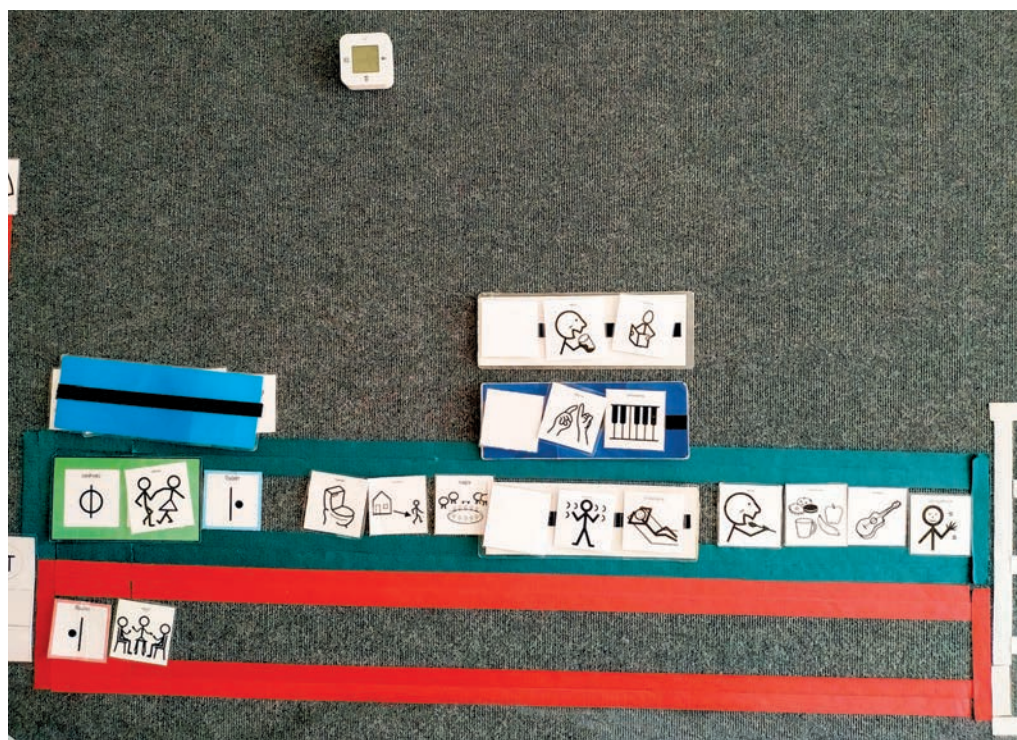

Рис. 2. Фрагмент доски, отображающий “расписание”. Темно-зеленая полоса обозначает события, которые происходят сейчас и будут происходить позже. События будущего отделены от актуальных квадратом с синей каймой, внутри которого проведена вертикальная черта, справа от нее – черная точка. Изображение текущей деятельности помещается в зеленый прямоугольник, в левой части которого изображен круг, пересекаемый вертикальной линией. Красная полоса обозначает завершенные формы активности. По центру темно-зеленой полосы видны две дополнительные таблички, размещенные друг над другом; они обозначают индивидуальные формы работы. Эти таблички могут быть отсоединены от доски и использованы во время прогулок. Фото сделано во время “танцев”, после окончания “круга” (изображение человечков, держащихся за руки, прикреплено снизу). Фото автора

других. Когда ритуал приветствия выполняется подопечным, ведущий может подчеркнуть это: “Н. хочет поприветствовать!” После того, как фотография оказывается в “Центре”, слышится: “Здравствуй, Н!” При отсутствии кого-то из подопечных ведущий снимает с доски небольшую схему с указанием дня недели, показывает ее присутствующим и говорит, что “Н. сегодня не будет, он заболел”. После открепляет фотографию отсутствующего из области “дом” и помещает в нижнее поле рядом с изображением больного в кровати. Затем ведущий обращается к другой половине доски (Рис. 2). Наклеивая рисунки, обозначающие разнообразные активности, он проговаривает их содержание. В завершении все присутствующие берутся за руки; психологи-педагоги громко по слогам произносят “мо-лод-цы”, ритмично поднимая и опуская руки. После того, как ребята возвращают стулья на свои места, они отправляются на занятия. Некоторые задерживаются в пространстве “круга”, по несколько раз проговаривая в речи или с помощью инструментов АДК, что “потом”, т.е. после завершения всех видов активности, их будут ждать родители и они отправятся домой.

Именно с участия в “круге” для меня началось исследование жизни Центра. В первый день наблюдений, за полчаса до занятий, на доску в область “дома” было наклеено абстрактное изображение мужчины. Когда “круг” подходил к концу, один из сотрудников, находившихся рядом со мной, громко произнес: “Кирилл хочет поздороваться. Он – наш гость”. Встав со стула и подойдя к доске, я отклеил изображение “мужчины” и перенес его в “Центр”. Возвращаясь к своему месту, я ощутил слабый толчок в плечо от одного из подопечных. Находившийся рядом сотрудник отнесся к этому событию серьезно и, взяв “нарушителя” за руку, произнес: “Н., так нельзя делать! Кирилл – наш гость!” (ПМА 2022).

Это происшествие показывает, что во время “круга” происходит множество неявных взаимодействий (Колядов 2020). Ребята могут “соперничать” за пространство в решетке, изображающей Центр, или за место рядом с карточкой машины, обозначающей, что подопечный добрался до Центра или едет домой именно на автомобиле. В такой ситуации, подходя к доске, недовольный прежде открепляет фотографию своего “соперника”, вешает его в “дом”, а на желанное место помещает свою фотографию. Сотрудники, участвующие в “круге”, могут столкнуться с толчками или пощипыванием со стороны подопечных. Тогда психолог спокойно, но громко, чтобы слышали все сидящие в “круге”, произносит: “Мне это неприятно! Не делай так больше!”

Нарушение формата “круга” становится темой для обсуждений среди сотрудников. Такие действия подопечных не считаются правильными, но могут быть объяснены присутствием неизвестного человека, несоответствием расписания ожиданиям или чувством физического дискомфорта. При этом все элементы таких обсуждений отсылают к диагностированному медиками заболеванию. Здесь уместно привести еще один фрагмент из интервью с Татьяной, которая говорит, что все подопечные имеют установленный врачами диагноз:

Диагноз важен и нужен, чтобы понимать прогностические вещи. Есть синдромы, связанные с потерей навыков, есть нарушения, которые с определенного возраста могут вызвать соматические состояния. Например, в подростковом возрасте могут появиться проблемы с сердцем, которых не было в детстве. Нам нужно иметь прогноз жизнедеятельности. Диагноз важен, хотя он только до определенной степени определяет состояние. Об этом говорит вся социальная модель инвалидности. Нам скорее важен функциональный уровень внутри диагноза, то есть то, что ребенок может делать (ПМА 2022: Татьяна).

В процитированном фрагменте стоит отметить изменение в содержании понятия “диагноз” – он не является “объективным” фактом, описывающим био-

логические процессы. Например, эпилепсия у подопечного важна не сама по себе, а только в тех случаях, когда она может стать препятствием, например, для водной прогулки. Диагноз не рассматривается как ограничение, он отсылает к навыкам и действиям, оказывает влияние на характер событий, с которыми подопечные Центра сталкиваются в обычной жизни, и на особенности конструируемых коммуникативных ситуаций в самом Центре. Используя положения, представленные в онтологической модели Мол, можно утверждать, что диагноз не конструируется, а обнаруживается или разыгрывается в разнообразных практиках.

Не менее важную роль в работе Центра играют взаимодействия, при которых значение “заболевания” редуцируется. После завершения занятий подопечные отправляются в прихожую, чтобы переодеться и переобуться, дожидаясь родителей или сопровождающих. Не всем это дается легко. Видя затруднения, психологи не стремятся сразу помочь подопечным надеть куртку или ботинки. Подойдя ближе, сотрудники прикрывают ладонью правой руки запястье левой, будто напоминая забытое слово “помоги” на языке жестов. Затем, обращаясь к подопечному, произносят: “Сам попроси помочь”. Если подопечный повторяет этот жест, он получает помощь, что подтверждает его самостоятельность. Приведенный пример позволяет увидеть, что самостоятельность не тождественна способности выполнять действия без помощи и не ассоциируется с “диагнозом”. Она рассматривается как результат взаимодействия с другим и соответствует императиву “Действуй вместе с другим!”

Проблематичность самостоятельности, соотносимой с описанным императивом, может быть проиллюстрирована двумя примерами: занятием танцами и прогулкой. Танцы проходят в самом просторном помещении Центра. Сначала на доску, расположенную на одной из стен “танцевального зала”, вешается значок, изображающий двигающихся человечков (Рис. 2). Ведущий, стоя у доски, объявляет о начале занятия и спрашивает, кто хочет выбрать танец. Подопечные стоят полукругом напротив него. Рядом с каждым из них находится психолог. Если никто не выражает желания, ведущий может по своему усмотрению попросить кого-то из присутствующих сделать выбор, используя специальные изображения. После того как танец определен, ведущий громко произносит его название, а из колонки звучит музыка. Психологи начинают танец, подсказывая и показывая подопечным первые движения.

Координация – это ключевой элемент танца. Ребятам, занимающимся в Центре, непросто двигаться в ритме музыки. Каждый из них выполняет индивидуальные движения с разной скоростью. В этой ситуации предугадать следующее движение партнеров внутри пары является непростой задачей. Психологи громко повторяют слова песни, которые обычно соответствуют разным типам движений, и стараются координировать действия подопечных, помогая им выполнять наклоны, прыжки, махи руками и т.д. Но даже если психологу удастся синхронизировать свои действия с действиями партнера, относительно быстрый танцевальный ритм приводит к тому, что одни пары вынуждены обгонять другие. Чаще всего к концу короткой песни, звучащей из колонки, общий круг практически рассыпается.

Проблема согласования хорошо заметна во время совместных прогулок. Подопечные Центра передвигаются с разной скоростью, кроме того, они могут болезненно реагировать на указания о необходимости торопиться, задержаться, завершать интересные для них занятия. Когда никакие уговоры не помогают подопечному продолжить движение, может возникнуть полная остановка. В подобной ситуации психолог использует табличку с распорядком дня. Такие же знаки применяются на доске во время “круга” (Рис. 2). Такая схема показывает,

что после окончания одного вида деятельности начнется другой. Напоминание об установленном распорядке позволяет продолжить прогулку.

Оба случая показывают сложность согласования совместных действий. Несмотря на то, что музыка задает общий ритм, танец требует телесного контакта, позволяющего предвосхищать и предугадывать действия партнеров. Такое непосредственное согласование соответствует понимаю самостоятельности как совместного действия, которое при этом является сложным для исполнения. Второй тип согласования предполагает появление посредника. Ни доска, ни табличка с изображениями не могут прямо воспроизводить императив, для этого они должны “перевести” его. Эффект “перевода” виден на примере “круга”.

Практики использования доски в “круге” разделяют процесс согласования на несколько этапов. Знакомство с расписанием – важная часть обучения в Центре; неожиданные события или люди могут вызвать у подопечных сильную эмоциональную реакцию, выражающуюся в недовольном гудении, криках, попытках уйти, пощипываниях и т.д. Работа в “круге” позволяет найти место для изменений в привычном порядке вещей. Доска или табличка, выступая в качестве посредника, делает необязательным непосредственное взаимодействие, наблюдаемое, например, в танце. Теперь каждое индивидуальное действие должно согласовываться с доской.

Другой аспект согласования, выполняемого посредником, состоит в демонстрации дороги из дома в Центр. Это разыгрывание регулярного опыта диахронно, так как подопечные по очереди показывают свой путь. Однако присутствие перед доской, устойчивый порядок действия, а также совместное видение перемещений изображений из одной секции доски в другую дают эффект синхронности. Подопечные вместе с сотрудниками обнаруживают себя в совместном пространстве, локализованном вокруг доски. Эта синхронность закрепляется также в проговаривании слова “мо-лод-цы”. Работа с доской позволяет не только отметить прибытие подопечных в Центр. Важнее то, что она напоминает, что здесь действуют отличные от домашних правила. Этот аспект сотрудники часто проговаривают как в интервью, так и личном общении, подчеркивая, что в Центре у подопечных другая жизнь, требующая большей самостоятельности и согласованности.

После того, как работа в “круге” завершена, подопечные отправляются на занятия. Фотография доски с расписанием (Рис. 2) позволяет получить общее представление о возможных видах активности: совместная прогулка в парк и возвращение в Центр, индивидуальные формы деятельности, чтение, питье, обучение языку жестов, совместный прием пищи и прослушивание музыки. День обязательно завершается еще одним “кругом-прощанием”.

Как увидеть действие: вклад и стирание следа

В работе Центра кухня играет важную роль. Здесь проходят занятия по кулинарии, подопечные вместе обедают или ужинают. Кухня оказывается местом, куда можно прийти, чтобы на несколько минут отвлечься от рутинных обязанностей. Подопечные Центра любят кухню: приходя на занятия, некоторые сразу отправляются туда или заходят во время небольших перерывов. Все, что связано с кухней – приготовление еды и накрывание на стол, – важные навыки, которым обучают в Центре. В интервью сотрудники говорят об умении готовить как о показателе самостоятельности. Представляется возможным привести достаточно яркое высказывание психолога Центра Александры:

Мне кажется, что с малых лет у людей есть потребность что-то делать самому, в чем-то участвовать. Поэтому когда Николай (подопечный Центра, имя изменено. – *Авт.*) готовит, он, насколько может, реализует эту свою потребность в соучастии, даже если ему это не совсем хочется делать. У него появляется ощущение своей компетентности: “Я тут (в жизни Центра) тоже участвую, что-то могу” (ПМА 2022: Александра).

Слова Александры во многом отражают общее представление сотрудников Центра о том, что приготовление пищи является одним из самых понятных для подопечных способов не только показать свои навыки, но и продемонстрировать тот факт, что они могут действовать совместно. Вместе с тем в словах Александры присутствует важное противопоставление “естественности” потребности в соучастии и сложности реализации ее на практике. Подобно интерактивной доске, кухня позволяет продемонстрировать опыт совместности через само действие – приготовление пищи.

В Центре практикуется совместный прием пищи подопечными и сотрудниками. В таких случаях еда, приготовленная на занятиях по кулинарии, может быть частью общего стола. Совместная трапеза как форма соучастия является элементом обыденного знания сотрудников. По словам одной из сотрудниц, “обед должен объединять” (ПМА 2022: Валерия). Занятие кулинарией не ограничивается получением знаний о безопасности и усложнением представления о мире. Наблюдение за приготовлением пищи позволяет увидеть и уточнить процесс работы с агентностью в Центре. В качестве примера будет приведено описание занятия по кулинарии с девочкой Аней шести лет, реконструированное по полевым материалам от 16 июня 2022 г. В день наблюдений в Центре ожидалось присутствие двух подопечных, один из которых не пришел. Поэтому в занятиях с Аней участвовало два специалиста – Евгений и Леонид.

В начале дня психологи проводят “круг”. Евгений озвучил название ближайшего занятия, прикрепив к ворсистой поверхности доски предметы на липучке. Вместо карточек со схематическими изображениями на доску помещаются настоящие предметы или их игрушечные копии, на обратной стороне которых – прямоугольные пластины с липучкой. Игрушечная скрипка обозначает музыку, полотенце – мытье рук, ложка – прием пищи и т.д. Евгений подходит к доске вместе с Аней. Он открепляет кружку и дает ее ребенку. Аня хочет нажать на кнопку с изображением машущего рукой человечка (жест прощания), закрепленную на доске. Ее останавливает Леонид. Он протягивает ей наклейку с полотенцем и говорит: “Аня, пойдем руки помоем”. Она трогает полотенце, и они уходят в туалетную комнату. Я задерживаюсь у доски, рассматривая предметы. Через минуту входит Леонид и просит меня поторопиться на кухню, чтобы не прерывать занятие по кулинарии.

Аня уже сидит за столом. Евгений кладет перед ней карточку с кружкой, висевшую на доске, и говорит: “Сейчас будем готовить”. Перед ними уже стоит блендер. Леонид достает из холодильника разрезанные поперек куски банана и ставит тарелку рядом с блендером. Аня не смотрит на тарелку. Она оглядывается по сторонам, активно болтает ногами. Леонид (Л.), обращаясь к Евгению (Е.), начинает говорить:

Л.: Аня не хочет класть банан в блендер. (*Евгений протягивает руку к тарелке с бананом.*)

Е.: Ой, холодно. (*Его голос спокоен. Он и берет банан в руку.*)

Е.: Поможешь? (*Евгений обращается в Ане. Она перестает болтать ногами, протягивает руку, но все еще не смотрит на тарелку. Евгений аккуратно берет руку Ани и легко приближает к тарелке.*)

Е.: Потом будем есть, будем кнопку нажимать... (*Аня подносит банан к чаше блендера и отпускает его туда. Потом повторяет действие.*)

Л.: Кажется, все нормально. (Вместе они помещают продукты в блендер. Перед Аней ставится небольшой планшет, обитый такой же ворсистой серой тканью, как и доски с расписанием. На ней закреплена большая желтая кнопка. Провод от нее тянется к адаптеру, позволяющему подсоединять к управляемому прибору дополнительные кнопки [Рис. 3]. Аня ладонью нажимает кнопку. Блендер резко включается. Евгений и Леонид вздрагивают от неожиданности. Аня продолжает давить на кнопку.)

Л.: Кажется, ей даже понравилось. (Леонид раскладывает приготовленное мороженое по трем тарелкам. Аня отказывается его есть.)

Е.: Все, кулинария у нас закончилась. (Все трое берутся за руки и громко, по слогам, произносят: "Мо-ло-дец!") Держа в руках кружку на пластине с липучкой, они уходят в зал) (ПМА 2022).

Занятие начинается, когда Евгений кладет изображение кружки, и заканчивается, когда она убирается со стола Леонидом. Кружка, снятая с доски, перенесенная на кухню и положенная перед Аней, связывает активность в зале с событиями на кухне, она напоминает, что происходящее требует от нее совместных действий. Для приготовления пищи нужно переключить внимание на продукты. Но Аня не заинтересовалась этим. Евгений обращает внимание на способность

Рис. 3. Блендер, используемый на занятиях по кулинарии. Чаша снята после занятия.

Справа – адаптер, позволяющий подсоединять и настраивать дополнительные устройства. Внизу – прикрепленная к планшету кнопка, запускающая мотор блендера.
Фото автора

банана аффицировать новые состояния – переживание холода. Она кладет банан в чашу блендера. Здесь занятие достигает своей кульминации. Евгений прямо обозначает, что цель – нажать на кнопку.

Несмотря на кажущуюся простоту, нажатие выполняет функцию “перевода”. Работа с блендером требует сложных навыков, обладания неявным знанием: выбора скорости вращения ножей, времени, нужного для удержания кнопки; безопасного положения тела; соотнесения твердости продукта, его размера и выбранной скорости и т.д. Так, неожиданность и резкость включения мотора продолжают пугать сотрудников Центра, которые регулярно используют его на занятиях. Адаптер, запрограммированный сотрудниками на определенный режим работы, превращает сложный навык в простое действие Ани. Он позволяет выдержать нужную дистанцию, которая будет безопасной и не вызовет неприятных ощущений, и заранее запрограммировать время работы блендера. Больше не требуется выбирать скорости или зажмуриваться, в страхе придерживать крышку, чтобы она не слетела и банановое пюре не испачкало кухню. Настроенный на работу сотрудниками, адаптер с подсоединенной кнопкой позволяет как бы дистанцироваться от блендера, стереть его работу, редуцируя комплексность его материальности к одному действию – нажатию. Адаптер стирает множество связей и отношений, стоящих за работой блендера. Благодаря этому стиранию становится возможным зафиксировать действия Ани и сделать наглядным для нее самой ее вклад в приготовление пищи.

Именно об этом действии Евгений говорит как о цели, именно оно получает одобрение после окончания занятия. Не случайно после этого Ане позволяют не есть само мороженое. Леонид вспоминает, что мама подопечной жаловалась с утра на проблемы с ЖКТ у ребенка. Возможный дискомфорт постфактум становится оправданием для отказа от пищи. Но это не так важно, ведь Аня уже внесла вклад в жизнь сообщества. Точнее, ей уже было атрибутировано действие.

* * *

Исследования инвалидности открывают ловушку стандартной модели агентности как естественной, врожденной способности действовать вопреки устойчивости структуры. В рамках ANT агентность описывается как возникающая в процессе локализации совокупности гетерогенных акторов атрибуция действия. Ресурсы ANT возвращают исследования агентности на эмпирический уровень, делая видимым сложную совокупность разнородных акторов, участвующих в процессах ее конструирования.

При рассмотрении модели самостоятельности как требования совместного действия может возникнуть соблазн сделать вывод, что для подопечного она связана с позицией реципиента помощи. Однако подобное утверждение вошло бы в противоречие с декларируемой позицией “ничего о нас без нас”, задающей вектор восприятия агентности в Центре. Педагогический идеал предполагает возможность передачи самим подопечным ответственности за их поступки, о чем сотрудники Центра регулярно говорили как в интервью, так и в неформальном общении. Чаще всего их нарратив заботы строился исходя из “негативного” сценария. Сотрудники указывали, что родители не смогут всегда заботиться о своих детях и, следовательно, часть этой заботы должны взять на себя подопечные. В пространстве Центра быть самостоятельным – это согласованно действовать вместе с другим. Такое взаимодействие поддерживается многообразными техническими устройствами и артефактами. Распределение действия между людьми и материальными объектами затрудняет его конечную атрибуцию, что делает необходимым “очищение” “коллективной” работы гетероген-

ных акторов, ее редукцию к “простому” индивидуальному действию. Вместе со стиранием следа работы технического устройства стирается и работа психологов. “Дистиллированное” действие атрибутируется подопечному и утверждает его в роли агента.

Источники и материалы

ПМА 2022 – Полевые материалы автора. Содержат материалы включенного наблюдения в Центре и данные интервью с его сотрудниками, июнь–сентябрь 2022 г. В текст вынесены фрагменты интервью с сотрудниками Центра Татьяной, Александрой, Валерией. Все материалы анонимизированы по этическим соображениям.

Научная литература

- Клепикова А.А. Рец. на: Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life / Eds. M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. N.Y.: Routledge, 2014 // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 222–244.
- Колядов Д. Значение говорящего: проблема участия людей с речевыми нарушениями в коммуникативном взаимодействии // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12 (3). С. 100–125. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-3-100-125>
- Курленкова А.С. Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ООО “Издательство МБА”, 2018. С. 25–42.
- Носенко-Штейн Е.Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010013>
- Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросс-культурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2 (1). С. 7–28.
- Callon M., Law J. Agency and the Hybrid Collectif // Mathematics, Science, and Postclassical Theory / Eds. B. Herrnstein Smith, A. Plotnitsky. Durham: Duke University Press, 1997. P. 95–117.
- Emirbayer M., Mische A. What is Agency? // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 103 (4). P. 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Ferguson P.H., Nusbaum E. Disability Studies: What Is It and What Difference Does It Make? // Research & Practice for Persons with Severe Disabilities. 2012. Vol. 37 (2). P. 70–80.
- Latour B. Technology is Society Made Durable // A Sociology of Monsters / Ed. J. Law. L. Routledge, 1991. P. 103–131.
- McKearny P., Zoanni T. Introduction: For an Anthropology of Cognitive Disability // The Cambridge Journal of Anthropology. 2018. Vol. 36 (1). P. 1–22. <https://doi.org/10.3167/cja.2018.360102>
- Mol A. Ontological Politics: A Word and Some Questions // The Sociological Review. 1999. Vol. 47 (1). P. 74–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03483.x>
- Mol A. Mind Your Plate! The Ontonorms of Dutch Dieting // Social Studies of Science. 2012. Vol. 43 (3). P. 379–396. <https://doi.org/10.1177/0306312712456948>
- Passoth J.-H., Peuker B., Schillmeier M. Introduction // Agency without Actors: New Approaches to Collective Action / Eds. J.-H. Passoth, B. Peuker, M. Schillmeier. L.: Routledge, 2012. P. 1–12.

Watson N. Agency, Structure and Emancipatory Research: Researching Disablement and Impairment // *Routledge Handbook of Disability Studies* / Eds. N. Watson, S. Vehmas. L.: Routledge, 2013. P. 127–141.

Research Article

Petrov, K.A. Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders [Razdelit' i steret': formirovanie agentnosti u detei i vzroslykh s mental'nymi narusheniiami]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 178–193. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050111> EDN: YDSJQB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kirill Petrov | <https://orcid.org/0000-0002-4178-1726> | kpetrov@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia) | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

agency, disability, actor-network theory, locality, arrangement, mental disorders

Abstract

The article offers a description and analysis of agency formation practices in the Center for the Development and Socialization of Children and Adults with Disabilities. The research focuses on the interaction between the center's psychologists and wards, mediated by various artifacts and technical objects. I show that the formation of agency can be subdivided into several aspects: first, assistants create the locality – a spatially and temporally limited interactional environment of heterogeneous actors; second, the life of the center depends on the arrangement of the actions of these heterogeneous actors; third, psychologists erase traces of non-human actors' work to perform agency; this procedure allows to highlight an action that will later be attributed to the wards. This attribution must be seen as a final stage of the work performed within localities. Thus, within the center, agency manifests itself as an effect that occurs when the actor becomes inscribed in the locality, forced to share the common place with other actors, reduced to its action.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant number 075-15-2022-326]

References

- Callon, M., and J. Law. 1998. Agency and the Hybrid Collectif. In *Mathematics, Science, and Postclassical Theory*, edited by B. Herrnstein Smith and A. Plotnitsky, 95–117. Durham: Duke University Press.
- Emirbayer, M., and A. Mische. 1998. What is Agency? *American Journal of Sociology* 103 (4): 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Ferguson, P.H., and E. Nusbaum. 2012. Disability Studies: What Is It and What Difference Does It Make? *Research & Practice for Persons with Severe Disabilities* 37 (2): 70–80.
- Klepikova, A. 2015. Review of *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life*, edited by M. Rasell and E. Iarskaia-Smirnova. *Antropologicheskii forum* 26: 222–244.

- Kolyadov, D. 2020. Znachenie govoriashchego: problema uchastiia liudei s rechevymi narusheniiami v kommunikativnom vzaimodeistvii [Speaker's Meaning: The Problem of Participation of People with Speech Impairments in Communicative Interaction]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* 12 (3): 100–125. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-3-100-125>
- Kurlenkova, A. 2018. Invalidnost' kak effekt praktik: popytka novoi kontseptualizatsii [Disability as an Effect of Practices: An Attempt of New Conceptualization]. In *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teorii, reprezentatsii, praktiki* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Stein, 25–42. Moscow: OOO "Izdatel'stvo MBA".
- Latour, B. 1991. Technology is Society Made Durable. In *A Sociology of Monsters*, edited by J. Law, 103–131. London: Routledge.
- McKearney, P., and T. Zoanni. 2018. Introduction: For an Anthropology of Cognitive Disability. *The Cambridge Journal of Anthropology* 36 (1): 1–22. <https://doi.org/10.3167/cja.2018.360102>
- Mol, A. 1999. Ontological Politics: A Word and Some Questions. *The Sociological Review* 47 (1): 74–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03483.x>
- Mol, A. 2013. Mind Your Plate! The Ontonorms of Dutch Dieting. *Social Studies of Science* 43 (3): 379–396. <https://doi.org/10.1177/0306312712456948>
- Nosenko-Stein, E.E. 2018. Antropologiya invalidnosti: problemy i zadachi [Anthropology of Disability: Problems and Goals]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–11. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010013>
- Passoth, J.-H., B. Peuker, and M. Schillmeier. 2012. Introduction. In *Agency without Actors: New Approaches to Collective Action*, edited by J.-H. Passoth, B. Peuker, and M. Schillmeier, 1–12. London: Routledge.
- Tarasenko, E. 2004. Sotsial'naya politika v oblasti invalidnosti: kross-kul'turnyi analiz i poisk optimal'noi kontseptsii dlia Rossii [Disability Policy: Cross-Cultural Analysis and Optimal Conception Search for Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* 2: 7–28.
- Watson, N. 2013. Agency, Structure and Emancipatory Research: Researching Disablement and Impairment. In *Routledge Handbook of Disability Studies*, edited by N. Watson and S. Vehmas, 127–141. London: Routledge.

МЕДИАПОКОЛЕНИЕ “ЦИФРОВОГО ПОГРАНИЧЬЯ” КАК ФРОНТИР В ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.С. Сумская

Анна Сергеевна Сумская | <http://orcid.org/0000-0001-8186-2937> | anna.sumskaia@urfu.ru |
к. пед. н., доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, докторант | Уральский федеральный университет (ул. Мира 19, Екатеринбург, 620002, Россия)

Ключевые слова

медиапоколение, техносфера, аналоговое медиапоколение, цифровое медиапоколение, медиапоколение цифрового пограничья, формативные годы, фронтир, антропология медиа

Аннотация

Работа представляет результаты апробации концепции медиапоколений, в фокусе внимания которой пользователи медиа в доцифровом и цифровом информационно-коммуникативных пространствах. В выявлении характеристик медиапоколения “цифрового пограничья” как промежуточного между “аналоговым” и “цифровыми” медиапоколениями я опираюсь на концепции поколений К. Манхейма и М. МакКриндла, модель сопряженности техники и тела человека М. Маклюэна, представления феноменолога Т. Фукса о процедурной памяти, объяснительную модель формирования поколений Х. Бекера. Применение качественных методов исследования на основе глубинных интервью (N = 30; Уральский федеральный округ, РФ) позволяет не только объективировать сущность медиапоколения, структурировать его, сформулировать особенности его медиапрактик, но и выявить уникальные черты: переходный характер и роль своеобразного фронта между “аналоговым” и “цифровыми” аудиторными медиасредами. Наиболее значимыми маркерами “цифрового пограничья” являются амбивалентные медиатипы в информационной техносфере, обусловленные устойчивым интересом к медиа аналогового периода и владением цифровыми навыками, позволяющими приобщиться к “цифровой жизни”.

Актуальность обращения к проблематике медиапоколений обосновывается потребностью расширения интерпретационного пространства взаимодействия человека и техносферы (Соколовский 2020: 11) в обществе коммуникационного изобилия. В нем цифровая медиасреда выполняет роль сущностной “ткани” сплочения (Зубанова, Зыховская 2019: 119), а медиа обрели характер своеобразных властных “матриц” (Кириллова 2011), определяющих в

Статья поступила 18.08.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 18.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Сумская А.С. Медиапоколение “цифрового пограничья” как фронтир в информационно-коммуникативном пространстве эпохи цифровизации // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 194–210. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050123> EDN: YEFMPC

Sumskaia, A.S. 2023. Mediapokolenie “tsifrovogo pogranich'ia” kak frontir v informatsionno-kommunikativnom prostranstve epokhi tsifrovizatsii [Media Generation of the “Digital Borderline” in the Information and Communication Area of the Digitalization Era]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 194–210. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050123> EDN: YEFMPC

соответствии со своей медиалогикой поведенческие паттерны, направленность развития “человека коммуникационного”. Известно, что эта тенденция начала формироваться еще в середине XX в., когда технологии массовой коммуникации и особенно электронные медиа стали важнейшим институтом социализации личности (Моль 2008: 21). С конца XX в. – масштабного развития цифровизации и интернета – нормативной моделью развития человека в странах продвинутых информационно-коммуникационных технологий стала цифровая социализация. В этой связи постулат о том, что поколение формируется целой совокупностью социокультурных факторов (динамикой; характером и глубиной культурно-исторических, социально-экономических, политических, технологических трансформаций) не теряет своей аксиоматичности, но на первые позиции выдвигается развитие медиатехнологий (в российском контексте эта позиция претерпела изменения после 24 февраля 2022 г.). В этой ситуации события, связанные с технологическими трансформациями, качественно меняющими мировоззрение и влияющими на проживание человеком своего пути, становятся антропологически значимыми свидетельствами.

Существенную роль в разработке представлений о медиапоколении сыграли: знаменитые работы социолога К. Манхейма, в том числе его выводы о границах и значении формативного периода в становлении “стратифицированного” сознания поколений (Mannheim 1952); труды медиатеоретика М. Маклюэна о технологических “расширениях” человека, не только влияющих на когнитивные структуры человека, но становящихся основой его коммуникационных практик (Маклюэн 2003: 202); работы феноменолога Т. Фукса о процедурной памяти, обеспечивающей телесное запоминание взаимодействия с техническими устройствами и формирование соответствующих привычек, которые связывают “биографическое прошлое с будущим” (Fuchs 2012: 20); отечественные и зарубежные исследования о влиянии политических, социально-культурных и технологических событий формативного периода на закрепление поведенческих установок человека (Левада, Шанин 2005; McCrindle 2014: 19); объяснительная модель возникновения поколений, сформулированная социологом Х. Бекером (Becker 1992).

Раскрывая связь человеческой природы с технологиями, человеческой телесности с техносредой, в которую инкорпорированы медиа, С. Соколовский констатирует, что любая техника и технология имеет инкрементальный характер влияния на тело человека вплоть до точки невозврата (Соколовский 2021: 98), становясь овеществленной памятью поколений.

Дело в том, что появление и развитие технически разных медиа (радио, печати, телевидения, интернет-медиа) обуславливает специфику медиапрактик аудитории (Вартанов и др. 2021; Solomeina, Sumskaya 2022). Востребованность медиа в разные культурно-исторические периоды во многом задается профессионально-ценностными практиками журналистов, сформировавшимися в разных общественно-политических и социально-культурных условиях, а потому транслирующих поколенчески отличающиеся интенционные модели и смыслы (Bird 2010; Costa et al. 2022; Pasti 2010). В совокупности данные факторы способствуют периодическим кардинальным трансформациям человека и общества. Это позволяет сделать вывод о возможности выделения феномена медиапоколения, сущностный характер которого проявляется в приоритетном устойчивом использовании тех или иных медиа в конкретное историческое время.

Концепт целостного медиапоколения можно трактовать как группу аудитории медиа, объединенную привычной вовлекающей информационно-коммуникативной технологической средой, имеющую схожие устойчивые медиапредпочтения и медиапрактики. На становление медиапоколения и формирование его поведенческих паттернов влияет формативный опыт (юношеский период

социализации), приводящий к солидаризации и общей поколенческой судьбе в той или иной социально-культурной среде (Sumskaya 2023: 91). Поколение и медиапоколение не являются равнозначными понятиями. Между ними есть сходства: наличие формативного периода, поколенческая энтелехия и др. Но есть и существенные отличия – в основе формирования медиапоколений лежат устойчивые предпочтения в медиаиспользовании. Основаниями для выделения медиапоколений могут быть приобщенность к тем или иным медийным новациям в формативный период, предпочтительность использования определенных медиа, способных обеспечить коммуникацию в схожих социально-культурной среде и общественно-политической ситуации и создать аффективную (эмоциональную) основу для взаимодействия представителей поколений, а также их повседневные медийно-ритуальные практики.

Важно отметить, что в мире есть успешный пример изучения медиапоколений, в частности, в рамках масштабного научного международного проекта *Global Media Generations 2000*, в ходе которого на основе качественных методов исследования выделены и проанализированы три медиапоколения (поколения печати/радио, черно-белого телевидения и интернета) в 12 странах (Volkmer 2000). Россия не являлась страной-участницей этого исследования. Руководитель проекта И. Фолькмер приходит к убеждению, что каждое поколение по-своему воспринимает и конструирует свой медиамир (Volkmer 2003: 302), поскольку, похоже, у каждого поколения есть свои, условно говоря, “родные СМИ”, наиболее понятные в использовании, которые сформировали медийное сознание аудитории медиа и вызывают наибольшую эмоциональную привязанность к ним (Bolin 2014: 111).

Цифровизация, если рассуждать в продолжение логики М. Маклюэна, вновь изменила средства коммуникации, в том числе средства массовой информации. Результатами цифровизации являются: большее сжатие и уплотнение информации по сравнению с “аналоговым” периодом развития медиаиндустрии; возможность нелинейного использования информации; почти мгновенная доступность всего и всегда; легкость копирования и распространения. Поэтому в нынешней реальности цифровизация как результат развития и трансформации электрического и электронного привела к большему расширению возможностей человека, что послужило причиной нового образа жизни – цифрового, в котором миры виртуальные и реальные не только сосуществуют, но и взаимно влияют на поведенческие паттерны. М. Загидуллина, анализируя феномен *fin de siècle*, приходит к выводу о культурном сдвиге в результате торжества “электронно-компьютерного” и коммуникации как “медиумно зависимого” процесса. По мнению ученого, наступает эра новой идентичности, поскольку технический поворот цифровой эпохи переозначается “машиной, теряющей свою автономность, превращающейся из технического объекта в неразличимую и неощутимую часть человеческого организма” (Загидуллина 2018: 441), что приводит к появлению феномена машинности тела.

В связи с тем, что “аналоговый” и “цифровой” периоды развития медиа в значительной степени различны, выделяются и концептуализируются отдельные медийно-аудиторные кластеры – “аналоговые” и “цифровые” медиапоколения (Simons et al. 2021), а также промежуточное, переходное между ними – поколение “цифрового пограничья” (*digital borderline*) (Sumskaya et al. 2023: 169).

Медиапоколения формируют разные объективные и субъективные “медиа-ландшафты”, смысловыми “якорями” последних являются как индивидуальный, основанный на детских медиавоспоминаниях, так и социальный (коллективный) медиаопыт, полученный в формативный период (Bolin 2014).

Конкретизируя представления о “цифровом пограничье”, ориентируемся

на труды американского социолога Г. Рейнгольда, который ввел понятие “электронное пограничье”, означающее точку перехода, в некотором смысле рубеж, сдвиг от доинтернет-коммуникации к повсеместному использованию интернета и цифровых информационных технологий (*Rheingold 1993*). В свою очередь, мы предпочитаем использовать понятие “цифровое пограничье” как более точное, поскольку в широком смысле “цифровое” является продолжением электронного, а оппозиция “аналоговое–цифровое” в наибольшей степени отражает суть перехода от волнового к цифровому способу передачи информации.

Переходные поколения К. Манхейм идентифицирует как *intermediary* (промежуточные, буферные), Х. Бекер – как *borderline* (пограничные). Г. Кодрингтон определяет представителей подобных поколений как *cusper* (острие, на стыке) и конкретизирует, что они, рожденные в конце одного и начале другого поколения, сочетают основные характеристики обоих, но не похожи на их типичных представителей (*Codrington 2008: 8*). С. Митчелл метафорически называет *cuspers* “качелями поколений” (*Mitchell 2003*), Д. Смит – “квартирантами”, акцентируя внимание на оппозиции “свое–чужое” в контексте соответствия биографического времени и идентичности типичных представителей поколения (*Smit 2017*).

В ракурсе медиапоколенческой проблематики, связи “мира шариковой ручки и компьютерной мыши” (*Fluck, Dowden 2013*), важно отметить, что в России действительно есть значимая часть медиааудитории, представители которой прожили детство и отрочество в “аналоговый” период развития СМИ/СМК, а юность и этап первичной профессиональной социализации – в период развития интернета и цифровизации. Таким образом, формативный период этого поколения включает и “аналоговое”, и “цифровое”. Внимание к этому медиапоколению не только в российских, но и в зарубежных исследованиях незаслуженно малó, в то время как понимание его сущностных характеристик значимо и для современной медиаотрасли, и в целом для социогуманитарного знания.

Изучая поколенческие “шаги” эпохи медленных (до развития интернета) и быстрых изменений цифровизации (*Реан 2013; Радаев 2019*), приходим к выводу, что в эпоху доинтернет-коммуникации формативный период медиапоколения определялся началом подросткового возраста – 11–14 лет и продолжался в среднем до 17–25 лет. Поколения эпохи цифровизации имеют тенденцию к смещению периода социализации до 27 лет в связи с увеличением подросткового периода. Поскольку медиапоколение “цифрового пограничья” является промежуточным между “аналоговым” и “цифровыми”, то определим его формативный период в диапазоне 11–27 лет.

Конкретизация представлений о медиапоколении “цифрового пограничья” может быть реализована на основе объяснительной модели формирования поколений Х. Бекера (*Becker 1992: 230*). Беря ее за основу, мы выделяем следующие критерии формирования медиапоколения:

- системные характеристики: размер и состав поколения, общественно-политический, социальный и технологический контексты становления медиапоколения в России, состояние средств массовой информации в формативный период;
- индивидуальные характеристики: особенности социализации, социальные возможности в формативный период, повлиявшие на ценностные ориентации и поведенческие образцы; привычные практики медиапотребления, в том числе в цифровой среде.

Это позволило теоретически сформулировать концептуально значимые характеристики медиапоколения:

1. Наиболее точно эту поколенческую группу описывает российский социолог М. Анипкин. Ее своеобразие,

во-первых, проявляется демографически (представителей этого поколения мало в количественном отношении), во-вторых, мировоззренчески (это “перестроечное” поколение с амбивалентной советской и российской идентичностью). Локус ядра последнего советского поколения должен быть сдвинут в диапазон 1971–1973 гг. рождения (Анипкин 2018: 294–295).

Это медиапоколение частично соотносится с поколениями, выделенными отечественными и зарубежными учеными. Считаем целесообразным привести их авторские названия без конкретизации годов рождения и границ формативного периода, поскольку в разных социокультурных условиях и традициях (Zagidullina 2019; Загидуллина 2020) формирование поколений имеет значительные отличия и поскольку прямая зависимость смены поколений от медиаиспользования исследователями признавалась лишь частично. Тем не менее эти сведения имеют рамочный характер для изучаемой нами проблемной области. Зарубежные ученые используют названия: “поколение X”, “13-е поколение”, “поколение странников” (Н. Хау и В. Штраус, США), “прагматичное поколение” (Х. Бекер, Нидерланды), “поколение бездельников”/поколение *digital adaptives* (М. МакКриндл, Австралия). Российские ученые именуют его как “поколение, свободное от советского наследия” (Ю. Левада), “последнее советское поколение” (М. Анипкин), “поколение эйфории” (И.Г. Шестакова), “поколение перестройки” (М.В. Мирошкина), “переходное поколение” (Е.И. Иванова, В.В. Семенова), “реформенное поколение” (В.В. Радаев).

Общественно-политический, социальный и технологический контексты становления медиапоколения в России обусловлены двумя важнейшими протяженными во времени событиями: сменой экономической формации и начальным этапом развития цифровизации в стране. На наш взгляд, наиболее значимы три “поворотные точки”, повлиявшие на формирование идентичности и поколенческих паттернов “цифрового пограничья”: появление интернета в России (28 августа 1990 г.); путч, приведший к смене политического и экономического направления развития страны (18–21 августа 1991 г.) и распад СССР (26 декабря 1991 г.). По мнению И.Г. Шестаковой:

Это поколение в России ощутило на себе всю драматичность жизни, поскольку по ним рикошетом ударили все потрясения новой реальности, заставившей не просто прогибаться, а коренным образом перестраиваться весь фундамент бытия человека. Поколение, которое оказалось за чертой переломного момента <...> когда научно-технические достижения, трансформирующие жизнь человека и общества, возникают многократно на протяжении жизни одного поколения (Шестакова 2017: 48).

Переход от планового производства и финансирования к рыночному стал одним из значимых векторов развития СМИ того периода. Экономические преобразования в России, мощное развитие информационного пространства, колоссальная скорость технологических цифровых новаций открыли возможности и перспективы для электронных СМИ и цифровых медиа. Отличительной особенностью периода стала во многом независимость учредителей СМИ от государства, а потому – атмосфера свободомыслия, плюрализма мнений, редкой доступности политической информации. Перестроечные годы отмечены бурным ростом числа газет и журналов, учреждением медиахолдинга ВГТРК, который занимает лидирующие позиции в российской медиаиндустрии и в настоящее время, развитием частных электронных СМИ на местах, первыми опытами по развитию интернет-медиа. В этот период произошел передел инфраструктуры медиаотрасли, осмыслились запросы аудитории в новых социально-экономических, политических, культурных условиях, апробировались новые практики медиапроизводства в связи с развитием информационных технологий и возможностями цифровизации.

2. Детские и юношеские годы, проведенные в период стабильной советской эпохи при выверенной идеологической поддержке Коммунистической партии Советского Союза, и молодость, в том числе первые годы профессиональной социализации, уже в реформенное время перестройки оказали существенное влияние на ценностные ориентации поколения. Вынужденное дистанцирование от модели “простого советского человека”, трансформация карьерных ожиданий, потребность в развитии предпринимательских поведенческих стратегий в условиях неопределенности, появившаяся независимость и от семейно-общественного, и от государственного – все это в итоге привело к формированию генерации “недостижимой” ориентации (Семенова 2003: 228). Отличительными поколенческими ценностями и поведенческими образцами стали: свобода, профессионализм, прагматичность, потребность в изменениях, нестандартные цели и нестандартные решения, при этом сохранилась готовность прежде всего к командной работе.

Медиапоколение росло, когда телевизоры (сначала черно-белые, а потом и цветные) были к каждой семье, в каждом доме. Родители поколения “цифрового пограничья” – убежденные сторонники печатных СМИ и немногочисленных государственных телеканалов, поэтому просмотр телевизора для них стал своеобразным символом, семейно-связующим знаковым событием. Часто телевидение для “цифрового пограничья” означает прежде всего “присутствие” других людей в доме. Вместе с тем представители этого медиапоколения постепенно стали активными пользователями цифровых медиатехнологий. “[Они] знают и помнят о возможности писать ручкой и сравнивают это с работой на компьютере, апробируя все возможности. Есть элемент наслаждения для этих людей в новой инфокоммуникационной реальности: компьютеры, смартфоны, скайп, интернет” (Шестакова 2017: 50). Исследования показывают, что в 2007–2018 гг. “доля пользователей интернета выросла в реформенном поколении с 54 до 84%. Доля обладателей смартфонов в 2010–2018 гг. выросла с 3 до 60%. К 2018 г. в этом поколении доля пользователей социальных сетей составила 62%. Собственно, пользоваться социальными сетями представители реформенного поколения начали с 34–36 лет” (Радаев 2020: 42–46).

Результаты теоретического осмысления представлений о медиапоколении позволяют сделать вывод, что в основе “стратифицированного сознания” (габитуса медиапоколения) – сочетание ценностей в широком смысле позднего советского и российского мироустройства; признание ценностей коллективного и индивидуального; использование медиапрактик “аналогового” и “цифрового” периодов.

Методики и процедура эмпирического исследования

Учитывая результаты популяционных исследований, представленных в работах В. Радаева, и сформулированные нами представления о формативном периоде медиапоколения “цифрового пограничья”, для участия в исследовании были приглашены информанты 1964–1983 гг. рождения. Поскольку в России существуют значительные различия в цифровой медианасыщенности регионов, территории в центре и на периферии развиваются неравномерно (Трубина 2013; Зубаревич 2017), а интернет-активность в провинции имеет свои особенности (Zagidullina 2014), в группу информантов вошли условные представители медиапоколений, проживающие как в мегаполисах, так и на периферии. Биографии респондентов в формативный период связаны с Уральским федеральным округом, а ныне они живут в разных российских регионах.

Данный труд преследует цель зондажной проработки изучаемой проблемы и представляет собой качественное нерепрезентативное исследование, результаты

которого не позволяют статистически достоверно оценить всю поколенческую совокупность, тем более что выборка не отражает все национальные силы влияния (географические, демографические, климатические, поликультурные и др.), определяющие внутривосточную дифференциацию. Однако подбор респондентов осуществлялся в соответствии с требованиями к отличительной выборке в концепции насыщенности или избыточности данных (*Спрауэс, Корбин* 2001: 158), а особенности распространения медийной инфраструктуры в Уральском федеральном округе вписываются в национальные региональные традиции раннего периода развития интернета в стране (*Kolozaridi, Dovbysh* 2020: 186).

На первом этапе исследования участникам было предложено ответить на два вопроса:

1. Какие российские события во время Вашего взросления оставили наибольший след в Ваших памяти и жизни?

2. В каком возрасте Вы научились пользоваться компьютером, первыми офисными программами; что явилось причиной данного обучения, как это произошло и сколько времени потребовалось для формирования навыков уверенного пользователя?

Таким образом, мы попытались на основе субъективных показателей, т.е. упоминания маркирующих событий (*Семенова* 2003: 219), определить примерные границы медиапоколения, придерживаясь убеждения, что первоначальный возрастной диапазон все-таки является ориентировочным (*Ting H. et al.* 2018: 112).

Результаты показали, что информанты 1964 и 1983 гг. рождения идентифицируют эпоху взросления с факторами, отличными от тех, которые определены теоретическим путем и описаны в структуре поколенческих паттернов. В то же время преобладающее большинство респондентов назвали факторы, выявленные теоретически, что, с одной стороны, подтвердило правильность наших рассуждений, а с другой – позволило судить о достигнутой плотности эмпирических данных.

Таким образом, на втором этапе с 30 информантами были проведены полуструктурированные глубинные интервью с использованием “вопросов-подхватов” (*follow-up questions*) для уточнения событий и фактов, моделирующих поколения. В группу вошли респонденты 1965–1982 гг. рождения, из них 10 человек родились и проживают в российской провинции, 10 родились в провинции, но переехали в мегаполис, 10 являются коренными городскими жителями. Гендерное распределение в выборке информантов (14 мужчин и 16 женщин) в целом соответствует популяционному на данном возрастном этапе¹, поскольку анализируемая возрастная выборка населения России включает 47,7% мужчин и 52,3% женщин.

В исследуемой группе 25 информантов имеют высшее образование, 3 среднее, 2 среднее специальное. Данное распределение является неравномерным, что может отразиться на итоговых показателях, поскольку результаты валидны для образованного слоя, тем не менее уровень образования респондентов преимущественно отражает палитру образованности российского населения данной возрастной группы². Распределение информантов по сферам деятельности: 7 – представители творческой сферы; 6 – частные предприниматели; 5 заняты в научной сфере; 3 – учителя начальной и средней школы; 3 имеют статус самозанятых; 2 представляют муниципальную власть; 1 работает в МВД; 1 – в юридической сфере; 1 – рабочий; 1 – домохозяйка.

Гайд интервью включает 4 блока, условно их можно обозначить следующим образом: важные события формативного периода (общественно-политический, технологический контексты становления медиапоколения в России); социальные возможности, повлиявшие на ценностные ориентации и поведенческие образцы;

использование СМИ/медиа в формативный период; привычные в настоящее время практики медиапотребления. Интервью проводились осенью 2021 г. в смешанном формате (в связи с существовавшими ограничениями в период пандемии COVID-19): 14 встреч проведено офлайн, 16 онлайн; длительность каждой варьировалась в пределах 1,5–2 часов.

Транскрибирование полных текстов интервью реализовано на основе принципа *bottom-up*, что дало возможность вывести смысловые категории в результате анализа нарративов информантов, поэтому считаем полученные результаты сопоставимыми, позволяющими дискурсивно сформулировать некий каркас характеристик данного российского медиапоколения (прежде всего применительно к УрФО) и сделать выводы, исходя из общей логики повествования респондентов.

Результаты эмпирического исследования

К числу наиболее значимых событий формативного периода, повлиявших на мировоззрение и жизненный путь респондентов, относится перестройка (1985–1991 гг.) как резкая смена курса развития страны, масштабно представленная в СМИ того времени. Сегодня этот период осмысливается двойственно. С одной стороны, избилуют негативные воспоминания о “мрачном страшном времени” (ПМА: Старунова): талоны на питание, очереди за продуктами, обвал рубля, поток в страну некачественной продукции, правовой беспредел, “разрушение системы среднего образования (усеченные учебники по истории и пр.)” (ПМА: Коляскина), а с другой – гордость за страну, вступившую в новый этап развития, открытие межгосударственных границ и возможность путешествовать по всему миру, “доступ ко всему мировому наследию” (ПМА: Девятова), понимание, что “теперь мы будем в 100 раз счастливее, потому что имеем возможность достигнуть то, чего хотим” (ПМА: Мелихова).

Не менее памятными для медиапоколения являются путч и распад СССР в 1991 г. События путча многие отслеживали буквально в прямом телеэфире. Новости на ТВ о прекращении существования СССР были восприняты с большим волнением и опасениями. Вот лишь некоторые воспоминания респондентов: “Страх, тревога за будущее” (ПМА: Киселева); “Разрушилась картинка мира, рухнуло незыблемое” (ПМА: Грофей); “Не стало программируемого будущего” (ПМА: Мухин); “Не подозревала, что где-то за границей есть вообще другая жизнь, но предстояло о ней узнать” (ПМА: Воронина); “[П]исала сочинение, что мечтаю вступить в КПСС, которое зачитывали всем комсомольцам, а вдруг партии не стало, мечта нескольких лет разрушилась” (ПМА: Чуйкина); годы “хрен без соли” (ПМА: Зотов); “[З]адержка заработных плат в бюджетных организациях” (ПМА: Третьякова).

Все респонденты к числу значимых событий относят и появление интернета и персональных компьютеров. Первый опыт знакомства с ПК получен всеми опрошенными в школьные годы на уроках информатики, но это дало минимальный результат. В настоящее время 28 участников исследования умеют пользоваться ПК, семеро из них научились этому самостоятельно в студенческие годы с целью подготовки курсовых и дипломных работ. Остальные освоили работу с ПК на специальных курсах компьютерной грамотности в первые годы профессиональной деятельности. В течение 2–3 месяцев большинство информантов (21 человек) научились работать с простыми офисными программами. Одна из участниц отметила: “[Л]ичный компьютер дома – это показатель достатка и статуса, поэтому вышла за обладателя персонального ЭВМ замуж” (ПМА: Старунова).

В качестве наиболее значимых социальных возможностей формативного периода медиапоколения “цифрового пограничья” отмечены: бесплатное участие

в кружках и секциях по интересам в школьные годы; путешествия по туристическому маршруту “Золотое кольцо России” (ПМА: Овчинникова); получение бесплатного высшего образования; поступление и обучение в вузах на основе собственных знаний. Выраженное снижение социальных возможностей произошло в перестройку и постперестроечное время и было обусловлено длительным периодом неопределенности и нестабильности. “Стало понятно, что нужно много работать и еще раз много работать” (ПМА: Евсеев). “После успешного окончания вуза на свою заработную плату могла жить только впроголодь, на одежду, не говоря уже о кино и театрах, не было денег совсем” (ПМА: Храмушева). С другой стороны, информанты отмечают появление многообразия информации, в том числе из-за рубежа, в том числе противоречивой, но все-таки прежде недоступной. Эта информация стала транслироваться и в СМИ, а не только в разговорах между людьми.

Информанты указывают, что телевидение в формативный период было самым популярным, доступным и значимым источником информации. Более того, телевизор в некоторой степени определял режим дня: «После “Спокойной ночи, малыши!” следовало идти спать» (ПМА: Богданюк). «В выходные дни после “Утренней почты” можно было бежать на улицу с друзьями» (ПМА: Кулишов). В период студенчества телевидение почти выпало из медиапотребления информантов родом из провинции. Поскольку в студенческих общежитиях телевизора не было, можно было его смотреть только в дни приезда к родителям, поэтому собственно просмотр ТВ в памяти информантов зафиксирован как символ домашнего уюта и теплоты взаимоотношений. Тем не менее все информанты отмечают и вспоминают знаковые программы того времени: “Взгляд”, “Поле чудес”, “Музыкальный ринг”.

Интервьюируемые замечают, что в подростковые и юношеские годы из прессы читали самостоятельно только “Пионерскую правду” и “Комсомольскую правду”. Это было связано с традиционными обзорами событий в стране, которые проводились еженедельно на школьных классных часах. Радио в меньшей степени являлось значимым источником информации: “Слушал радио только иногда, когда был в гостях у бабушки с дедушкой” (ПМА: Павленко). Более половины респондентов отметили, что в настоящее время, если они и слушают радио, то только в автомобилях. Востребованы преимущественно музыкальные радиостанции.

Сейчас телевизор есть в доме абсолютно у всех респондентов. Многие отмечают, что у них по два или три телевизора. Девять респондентов предпочитают фоновое звучание ТВ в течение всего дня. Они резюмируют, что смотрят телевизор прицельно очень редко, а многие жители мегаполисов принципиально отказываются смотреть новости на ТВ. Жители провинции, если смотрят новости, то обязательно на Первом канале и на “России-1”, а коренные жители мегаполиса – на РБК и НТВ. Все респонденты обращают внимание на развлекательные программы, в том числе на Первом канале.

Предпочитают использовать информацию с трех медиаплатформ – интернет, телевидение и радио – 29 информантов. Газеты в печатном виде читают только жители провинции. Как правило, это местные муниципальные СМИ или массовые издания вроде “Аргументов и фактов”. Коренные жители мегаполиса (27 человек) предпочитают цифровые СМИ в интернете.

Ныне традиционное телевидение занимает вторую строчку в рейтинге востребованных медиаплатформ после интернет-СМИ. Источником новостей для 23 интервьюируемых является интернет (цифровые СМИ, социальные сети и YouTube), а телевизор – лишь для 14 человек. Все респонденты являются поклонниками сервисов Яндексa, а приоритет отдается “Яндекс-новостям” и “Яндекс-Дзен”. Читатели провинции обращаются к цифровым версиям тех же муниципальных газет,

массовых газет (вроде “Комсомольской правды”) и качественных изданий (напр., “Коммерсант”), а также к многочисленным сообществам в социальных сетях (напр., социальный проект “Подслушано”, автомобильные и кулинарные форумы). Представители аудитории “переселенцев” и коренные жители мегаполисов предпочитают сетевые цифровые медиапроекты и авторские каналы на YouTube.

У всех респондентов есть в доме как минимум один компьютер (десктоп), часто два или три. “Проводные” технические устройства для медиапоколения остались наиболее понятны, поэтому в пользовательской практике сформировались и укоренились приоритет десктопов, а не переносных устройств – ноутбуков, планшетов и пр. Половина информантов используют компьютер дома каждый день. Если в провинции об этом говорят три человека, то в мегаполисе семеро, причем время взаимодействия с компьютером составляет 8 часов в день и больше. Но для пяти человек – “телефон – это мой домашний компьютер, который я использую с целью коммуникации и обмена сообщениями” (ПМА: Бикулова).

Однако 24 информантам удобнее писать шариковой ручкой, чем печатать на компьютере (три человека часто пользуются ручкой в силу специфики профессии), несмотря на постепенный повсеместный уход шариковой ручки из жизненных практик и ее актуальную перспективу стать “консервой прошлой материальности” (Загидуллина 2017: 179). Все жители провинции не пишут записок в телефоне, но восемь жителей мегаполиса делают заметки в своих андроидах и айфонах. Формативный период респондентов совпал с масштабным распространением в стране мобильных телефонов 2G, возможности которых весьма скромны по сравнению с последующими вариантами (3G, 4G, 5G) мобильной связи, поэтому сформировавшиеся навыки респондентов, с позиции эпохи развитой цифровизации, можно назвать базовыми. Телефон для них остался преимущественно способом связи с некоторыми расширительными функциями, позволяющим осуществлять наиболее простой набор действий. Все респонденты в медиакоммуникации считают значимыми и текстовую, и аудиовизуальную составляющие, но наибольшей компетентностью обладают в области печатного слова, вероятно, отражая опыт “самой читающей страны в мире”.

В социальных сетях зарегистрированы 27 респондентов, наиболее востребованной является “ВКонтакте”. Значимость социальной сети “Одноклассники” ниже у жителей мегаполиса по сравнению с представителями провинции, а среди горожан наиболее авторитетной считается Facebook*. Некоренные жители мегаполисов зарегистрированы в большем количестве социальных сетей, чем коренные жители провинции и мегаполисов. Это, как нам представляется, результат адаптационных стратегий, потребности быть востребованными в новой культурно-территориальной среде. Все зарегистрированные в социальных сетях обращаются к ним ежедневно. Представители провинции большей частью публикуют информацию о семейных событиях и личных хобби. Для жителей мегаполисов социальные сети – это значимые коммуникативные ресурсы, посредством которых можно связываться с партнерами по бизнесу, обеспечивать продвижение профессиональных услуг, а для коренных жителей мегаполиса – высказывать свои личные и профессиональные позиции по тем или иным вопросам.

Несмотря на разнообразие деятельности в цифровой медиасреде, респонденты отмечают, что осознают некоторый дефицит цифровых медиакомпетенций, но готовы к самостоятельному освоению вновь появляющихся медиатехнологий, если только это связано с потребностью качественного выполнения профессиональных задач.

*Признана экстремистской и запрещена в РФ с 22.03.2022.

* * *

В ходе исследования было сформулировано представление о медиапоколении как феномене и объяснены принципы выделения медиапоколений в эпоху цифровизации. Результаты показали, что наши теоретические суждения о российском медиапоколении “цифрового пограничья” подтверждаются эмпирическими данными. К значимым событиям формативного периода, закладывающего основы поколенческого миростроения (по Манхейму) отнесены: 1) общественно-политические и социально-экономические преобразования периода перестройки; 2) начальный этап интернетизации и цифровизации в России. В те годы в странах, имеющих развитые ИКТ, цифровые медиатехнологии уже играли существенную роль в обновлении поколений (по М. МакКриндлу). В России начальный этап цифровизации совпал с мощнейшими трансформациями всего уклада жизни россиян (со сменой экономической формации), что уравнило влияние на отечественное медиапоколение этих событий. Сузившиеся социальные возможности населения постсоветской России компенсировались открывшимися и расширяющимися информационно-коммуникационными медиаперспективами: быть на связи и в коммуникации со всем миром. Привычки медиапоколения телесно (по Т. Фуксу) зафиксированы взаимодействием как с традиционными СМИ, так и с еще “наивным” интернетом. Несмотря на то что “новое средство коммуникации никогда не бывает добавлением к старому и никогда не оставляет старое в покое” (Маклюэн 2003: 202), интернет вошел в жизнь медиапоколения преимущественно в период устойчивой концептуализации, поэтому медиапоколение использует СМИ/медиа как “аналогового”, так и “цифрового” периодов, выступая своеобразным посредником, соединяющим соседние медиапоколения подобно мосту или клею. Предыдущие медиапоколения никогда не имели подобного устойчивого опыта, впрочем, как и последующие – “цифровые”, плотно интегрированные в цифровую медиасреду.

Таким образом, сущностные характеристики “цифрового пограничья” включают как “аналоговое”, так и “цифровое”, очерченное перестройкой – периодом смены социально-политического курса страны и начала цифровизации медийных технологий. Поэтому можно констатировать не только переходный характер медиапоколения (от “аналогового” к “цифровому”), но идентифицировать этот медиапоколенческий кластер как своеобразный фронт, но не в тернеровском значении экономико-географического термина (Тернер 2009), а в культурно-временном и виртуально-пространственном смысле. А. Андреева идентифицирует фронт как “взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик” (Андреева 2014: 12), называя при этом культурное пространство особым коммуникационным универсумом. В свою очередь, С. Корконосенко развивает идеи медиаполиса как “надматериальной среды обитания человека и социума, создаваемой медийной коммуникацией и лишенной пространственной определенности” (Корконосенко 2012: 75). Медиапоколение “цифрового пограничья” в таком случае являет собой рубеж, вмещающий амбивалентные поведенческие медиапаттерны в пространстве медиакommunikаций – оно занимает промежуточное положение между устойчивыми “аналоговым” и “цифровыми” поколенческими медиамирами. По крайней мере, это верно для медийной аудитории Уральского федерального округа и может в дальнейших исследованиях получить подтверждение или быть скорректировано применительно к медиапоколениям других российских территорий.

Примечания

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту (на 1 января 2021 г.). Статистический бюллетень. М., 2021.

² *Гохберг Л.М. и др.* Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022.

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в Уральский федеральный округ. Ноябрь–декабрь 2021 г. (информанты: С.Ю. Коляскина, 1968 г.р.; Т.Л. Бикулова, 1968 г.р.; Е.А. Храмушева, 1969 г.р.; С.В. Зотов, 1971 г.р.; Н.В. Третьякова, 1971 г.р.; И.Е. Девятова, 1971 г.р.; О.В. Чуйкина, 1972 г.р.; М.Ю. Мухин, 1973 г.р.; С.В. Горофей, 1973 г.р.; В.В. Евсеев, 1973 г.р.; Е.А. Киселева, 1975 г.р.; Н.И. Павленко, 1975 г.р.; Т.Л. Богданюк, 1976 г.р.; Н.А. Кулишов, 1976 г.р.; А.С. Старунова, 1978 г.р.; Т.В. Мелихова, 1980 г.р.; Ж.А. Воронина, 1980 г.р.; А.Е. Овчинникова, 1981 г.р.).

Научная литература

- Андреева А.А.* “Фронтир” как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15.
- Анипкин М.А.* Поколение “лишних людей”: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 290–308.
- Вартанов С.А. и др.* Медиапотребление “цифровой молодежи” в России. М.: Издательский Дом МГУ, 2021.
- Загидуллина М.В.* Шариковая ручка и Надграмотность: о возможностях акторно-сетевой теории в анализе медиатизированной повседневности // Российская антропология и “онтологический поворот” / Отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 151–208.
- Загидуллина М.* “Бог из машины”: человеческое в условиях экспансии механического и электронного // Новое литературное обозрение. 2018. № 1 (149). С. 428–443.
- Загидуллина М.* Коды жар-птицы и лисы в русской культуре. Ред. на: Brooks J. The Firebird and the Fox: Russian Culture under Tsars and Bolsheviks. N.Y., 2019 // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 354–362.
- Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л.* Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119–128. <https://doi.org/10.31857/S013216250004966-5>
- Зубаревич Н.В.* Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
- Кириллова Н.Б.* От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. № 4. С. 1–16.
- Корконосенко С.Г.* Современный медиаполис: феномен и подходы к изучению // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций / Отв. ред. К.Э. Разлогов, А.В. Федоров. М.: Российский институт культурологии, 2012. С. 70–81.
- Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
- Моль А.* Социодинамика культуры / Пер. с фр., предисл. Б.В. Бирюкова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Левада Ю., Шанин Т.* (отв. ред.) Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛЮ, 2005.
- Радаев В.В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Высшая школа экономики, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>

- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Ч. 1) // Социологический журнал. 2020. № 3. С. 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2013.
- Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию “поколение” // Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии РАН, 2003. Т. 3. С. 213–237.
- Соколовский С.В. Человек и технологии: модели сборки // Человек. 2021. № 32 (6). С. 86–101. <https://doi.org/10.31857/S023620070018010-8>
- Соколовский С.В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150008752-7>
- Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко; отв. ред. В.В. Согрин. М.: Весь мир, 2009.
- Трубина Е. Центр и периферия: между ростом и развитием // Философско-литературный журнал “Логос”. 2013. № 4 (94). С. 237–266.
- Шестакова И.Г. Живые свидетели эры до-Интернета // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 47–51.
- Becker H.A. Dynamics of Cohort and Generations Research // Proceedings of a Symposium Held on 12, 13 and 14 December 1991 at the University of Utrecht, The Netherlands / Ed. H.A. Becker. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992. P. 219–243.
- Bird S.E. (ed.) The Anthropology of News & Journalism: Global Perspectives. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
- Bolin G. Media Generations: Objective and Subjective Media Landscapes and Nostalgia Among Generations of Media Users // Participations: Journal of Audience & Reception Studies. 2014. No. 11 (2). P. 108–131.
- Codrington G. Detailed Introduction to Generational Theory // Tomorrow Today. 2008. Т. 2. P. 2–15.
- Costa E., Lange P.G., Haynes N., Sinanan J. (eds.) The Routledge Companion to Media Anthropology. L.: Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003175605>
- Fluck A., Dowden T. On the Cusp of Change: Examining Pre-Service Teachers’ Beliefs about ICT and Envisioning the Digital Classroom of the Future // Journal of Computer Assisted Learning. 2013. No. 29 (1). P. 43–52. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2729.2011.00464.x>
- Fuchs T. The Phenomenology of Body Memory // Body Memory, Metaphor and Movement. 2012. No. 84. P. 9–22.
- Kolozaridi P., Dovbysh O. Diversity of the Internet in Russia’s Regions: Towards an Alternative Research Agenda // Internet in Russia / Ed. S. Davydov. Cham: Springer, 2020. P. 166–191.
- Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge / Ed. P. Kecskemeti. L.: Routledge; Kegan Paul, 1952. P. 276–322.
- McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations Kindle Edition. Sydney: McCrindle Research Pty Ltd., 2014.
- Mitchell S. American Generations: Who They Are, How They Live, What They Think. N.Y.: New Strategist Publications, 2003.
- Pasti S. A New Generation of Journalists // Russian Mass Media and Changing Values / Eds. A. Rosenholm, K. Nordenstreng, E. Trubina. N.Y.: Routledge, 2010. P. 69–88. <https://doi.org/10.4324/9780203846643>
- Rheingold H. The Virtual Communication: Homesteading on the Electronic Frontier. Reading: Addison-Wesley, 1993.

- Simons G., Muhih M., Oleshko V., Sumskaya A.* The Concept of Interdisciplinary Research on Intergenerational Transmission of Communicative and Cultural Memory // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2021. No. 1. P. 64–91. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.1.2021.3>
- Smit D.* Do you have Enough “Generational Glue” in Your Organization? // *HR Future*. 2017. No. 12. P. 22–23.
- Solomeina V., Sumskaya A.* Perception of Thematic Multimedia Storytelling by the Digital Media Generation // *Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces* / Eds. G. Simons, A. Sumskaya. Abingdon: Routledge, 2022. P. 35–50. <https://doi.org/10.4324/9781003266112-4>
- Sumskaya A.S.* “Lost” Russian Media Generations in a Changing Social and Digital Environment // *Changing Societies & Personalities*. 2023. No. 7 (1). P. 88–112. <https://doi.org/10.15826/csp.2023.7.1.220>
- Sumskaya A., Simons G., Solomeina V.* Media Generations of the Russians in the Digital Media Environment: Opportunities for Intergenerational Communication // *Internet in the Post-Soviet Area: Societies and Political Orders in Transition* / Ed. S. Davydov. Cham: Springer, 2023. P. 161–182. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32507-6_8
- Ting H. et al.* Are We Baby Boomers, Gen X and Gen Y? A Qualitative Inquiry into Generation Cohorts in Malaysia // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2018. No. 39 (1). P. 109–115. <https://doi.org/10.1016/j.kjss.2017.06.004>
- Volkmer I.* Project Global Media Generations 2000-Interview with Ingrid Volkmer // *SPIEL*. 2000. No. 19 (2). P. 302–307.
- Volkmer I.* Dialectical Spaces in the Global Public Sphere: Media Memories Across Generations. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- Zagidullina M.V.* Non-Users of Internet in the Information Society // *Webology*. 2014. No. 11 (1). Article 120. <http://www.webology.org/2014/v11n1/a120.pdf>
- Zagidullina M.* At the Crossroads between the Elite and the Masses Cults: Pushkin's Middle Path in Russian Culture // *Neohelicon*. 2019. No. 46 (1). P. 183–197. <https://doi.org/10.1007/S11059-018-0463-8>

Research Article

Sumskaya, A.S. Media Generation of the “Digital Borderline” in the Information and Communication Area of the Digitalization Era [Mediapokolenie “tsifrovogo pogranich'ia” kak frontir v informatsionno-kommunikativnom prostranstve epokhi tsifrovizatsii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 194–210. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050123> EDN: YEFMPC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna Sumskaya | <https://orcid.org/0000-0001-8186-2937> | anna.sumskaia@urfu.ru | Ural Federal University (19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia)

Keywords

media generation, technosphere, analogue media generation, digital media generation, digital borderline, formative years, frontier, media anthropology

Abstract

The article presents the results of testing the concept of media generations, focusing on media users in pre-digital and digital information and communication spaces. To identify the characteristics of the media generation of the “digital frontier”, I rely on the concepts of the generations of C. Mannheim and M. McCrindle, the model of conjugation of technology and the human body by M. McLuhan, the ideas of the

phenomenologist T. Fuchs about procedural memory, the explanatory model of the formation of generations by H. Becker. The application of qualitative research methods based on in-depth interviews (N = 30; Urals Federal District, Russian Federation) allows us to understand the essence of the media generation and identify its unique features: its transitional nature and role as a kind of frontier between “analogue” and “digital” audience media. The most significant markers of the “digital frontier” are ambivalent media patterns in the information technosphere, which are due to the sustained interest in the media of the analog period and the possession of digital skills that let one join the “digital lifestyle”.

References

- Andreeva, A.A. 2014. “Frontir” kak kul’turno-istoricheskaja kategorija [“Frontier” as a Cultural and Historical Category]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* 3: 11–15.
- Anipkin, M. 2018. Pokolenie “lishnikh liudei”: antropologicheskii portret poslednego sovetskogo pokoleniia [“A Generation of Lost People”: An Anthropological Portrait of the Last Soviet Generation]. *Neprikosnovennyi zapas* 1: 290–308.
- Becker, H.A., ed. 1992. Dynamics of Cohort and Generations Research. In *Proceedings of a Symposium Held on 12, 13 and 14 December 1991 at the University of Utrecht, The Netherlands*, edited by H.A. Becker, 219–243. Amsterdam: Thesis Publishers.
- Bird, S.E., ed. 2010. *The Anthropology of News & Journalism: Global Perspectives*. Bloomington: Indiana University Press.
- Bolin, G. 2014. Media Generations: Objective and Subjective Media Landscapes and Nostalgia Among Generations of Media Users. *Participations: Journal of Audience & Reception Studies* 11 (2): 108–131.
- Codrington, G. 2008. Detailed Introduction to Generational Theory. *Tomorrow Today* 2: 2–15.
- Costa, E., P.G. Lange, N. Haynes, and J. Sinanan, eds. 2022. *The Routledge Companion to Media Anthropology*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003175605>
- Fluck, A., and T. Dowden. 2013. On the Cusp of Change: Examining Pre-Service Teachers’ Beliefs about ICT and Envisioning the Digital Classroom of the Future. *Journal of Computer Assisted Learning* 29 (1): 43–52. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2729.2011.00464.x>
- Fuchs, T. 2012. The Phenomenology of Body Memory. *Body Memory, Metaphor and Movement* 84: 9–22.
- Kirillova, N.B. 2011. Ot mediakul’tury k mediologii [From Media Culture to Mediology]. *Kul’turologicheskii zhurnal* 4: 1–16.
- Kolozaridi, P., and O. Dovbysh. 2020. Diversity of the Internet in Russia’s Regions: Towards an Alternative Research Agenda. In *Internet in Russia*, edited by S. Davydov, 166–191. Cham: Springer.
- Korkonosenko, S.G. 2012. Sovremennyi mediapolis: fenomen i podkhody k izucheniiu [Modern Mediapolis: Phenomenon and Approaches to Study]. In *Sovremennoe sostoianie mediaobrazovaniia v Rossii v kontekste mirovykh tendentsii* [The Current State of Media Education in Russia in the Context of Global Trends], edited by K.E. Razlogov and A.V. Fedorov, 70–81. Moscow: Rossiiskii institut kul’turologii.
- Mannheim, K. 1952. The Problem of Generations. In *Essays on the Sociology of Knowledge*, edited by P. Kecskemeti, 276–322. London: Routledge; Kegan Paul.
- McCrindle, M. 2014. *The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations* Kindle Edition. Sydney: McCrindle Research Pty Ltd.
- McLuhan, M. 2003. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Moscow; Zhukovskiy: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole.

- Mitchell, S. 2003. *American Generations: Who They Are, How They Live, What They Think*. New York: New Strategist Publications.
- Mol, A. 2008. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of Culture]. Moscow: LKI.
- Levada, Y., and T. Shanin, eds. 2005. *Ottsy i deti: pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia]. Moscow: NLO.
- Pasti, S. 2010. A New Generation of Journalists. In *Russian Mass Media and Changing Values*, edited by A. Rosenholm, K. Nordenstreng, and E. Trubina, 69–88. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203846643>
- Radaev, V.V. 2019. *Millenialy: kak meniaetsia rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society is Changing]. Moscow: VSHE. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
- Radaev, V.V. 2020. Raskol pokoleniia millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (Pt. 1) [The Split of the Generation of Millennials: Historical and Empirical Justification. Pt. 1]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 3: 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Rean, A.A. 2013. *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of Personality]. St. Petersburg: Piter.
- Rheingold, H. 1993. *The Virtual Communication: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading: Addison-Wesley.
- Semenova, V. 2003. Sovremennye kontseptual'nye i empiricheskie podkhody k poniatiiu “pokolenie” [Modern Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of “Generation”]. *Rossiia reformiruiushchiasia* 3: 213–237.
- Shestakova, I.G. 2017. Zhivye svideteli ery do-Interneta [Living Witnesses of the Pre-Internet Era]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* 1: 47–51.
- Simons, G., M. Muhin, V. Oleshko, and A. Sumskaya. 2021. The Concept of Interdisciplinary Research on Intergenerational Transmission of Communicative and Cultural Memory. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 64–91. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.1.2021.3>
- Smit, D. 2017. Do you have Enough “Generational Glue” in Your Organisation? *HR Future* 12: 22–23.
- Sokolovskiy, S.V. 2020. Kiborgi v kiberprostranstve: sovremennye issledovaniia v oblasti kiber- i tsifrovoy antropologii [Cyborgs in Cyberspace: Current Research in Cyber and Digital Anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150008752-7>
- Sokolovskiy, S.V. 2021. Chelovek i tekhnologii: modeli sborki [Man and Technology: Assembly Models]. *Chelovek* 32 (6): 86–101. <https://doi.org/10.31857/S023620070018010-8>
- Solomeina, V., and A. Sumskaya. 2022. Perception of Thematic Multimedia Storytelling by the Digital Media Generation. In *Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces*, edited by G. Simons and A. Sumskaya, 35–50. Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003266112-4>
- Strauss, A., and J. Corbin. 2001. *Osnovy kachestvennogo issledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki* [Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques]. Moscow: Editorial URSS.
- Sumskaya, A.S. 2023. “Lost” Russian Media Generations in a Changing Social and Digital Environment. *Changing Societies & Personalities* 7 (1): 88–112. <https://doi.org/10.15826/csp.2023.7.1.220>
- Sumskaya, A., G. Simons, and V. Solomeina. 2023. Media Generations of the Russians in the Digital Media Environment: Opportunities for Intergenerational Communication. In *Internet in the Post-Soviet Area: Societies and Political Orders in Transition*, edited by S. Davydov, 161–182. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32507-6_8

- Terner, F.D. 2009. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History], translated by A.I. Petrenko; edited by V.V. Sogrin. Moscow: Ves' mir.
- Ting, H., et al. 2018. Are We Baby Boomers, Gen X and Gen Y? A Qualitative Inquiry into Generation Cohorts in Malaysia. *Kasetsart Journal of Social Sciences* 39 (1): 109–115. <https://doi.org/10.1016/j.kjss.2017.06.004>
- Trubina, E. 2013. Tsentri i periferiia: mezhdu rostom i razvitiem [Center and Periphery: Between Growth and Development]. *Logos* 4 (94): 237–266.
- Vartanov, S.A., et al. 2021. *Mediapotreblenie "tsifrovoy molodezhi" v Rossii* [Media Consumption of the "Digital Youth" in Russia]. Moscow: Izdatel'skii dom MGU.
- Volkmer, I. 2000. Project Global Media Generations 2000-Interview with Ingrid Volkmer. *SPIEL* 19 (2): 302–307.
- Volkmer, I. 2003. *Dialectical Spaces in the Global Public Sphere: Media Memories Across Generations*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Zagidullina, M.V. 2014. Non-Users of Internet in the Information Society. *Webology* 11 (1), Article 120. <http://www.webology.org/2014/v11n1/a115.pdf>
- Zagidullina, M.V. 2017. Sharikovaia ruchka i Nadgramotnost': o vozmozhnostiakh aktorno-setevoi teorii v analize mediatizirovannoi povsednevnosti [Ballpoint Pen and Illiteracy: On the Possibilities of Actor-Network Theory in the Analysis of Mediatized Everyday Life]. In *Rossiiskaia antropologiya i "ontologicheskii povorot"* [Russian Anthropology and the "Ontological Turn"], edited by S.V. Sokolovsky, 151–208. Moscow: IEA RAN.
- Zagidullina, M. 2018. "Bog iz mashiny": chelovecheskoe v usloviakh ekspansii mekhanicheskogo i elektronogo ["God from the Machine": Human in the Conditions of Expansion of Mechanical and Electronic]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 149 (1): 428–443.
- Zagidullina, M. 2019. At the Crossroads Between the Elite and the Masses Cults: Pushkin's Middle Path in Russian Culture. *Neohelicon* 46 (1): 183–197. <https://doi.org/10.1007/S11059-018-0463-8>
- Zagidullina, M. 2020. The Firebird and the Fox: Russian Culture under Tsars and Bolsheviks. Review of *The Firebird and the Fox: Russian Culture under Tsars and Bolsheviks*, by J. Brooks. *Novoe literaturnoe obozrenie* 164 (4): 354–362.
- Zubanova, L.B., and N.L. Zykhevskaya. 2019. Tranzitnaia solidarnost' v sovremennoi setevoi kul'ture: mezhdu karnavalom i travmoi [Transit Solidarity in Modern Network Culture: Between Carnival and Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 5: 119–128. <https://doi.org/10.31857/S013216250004966-5>
- Zubarevich, N.V. 2017. Razvitie rossiiskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noi politiki [Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy]. *Mir novoi ekonomiki* 2: 46–57.

ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ДУБНЕ В 1950–1960-Е ГОДЫ

Н.Л. Пушкарева, А.В. Жидченко

Наталья Львовна Пушкарева | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Александр Владимирович Жидченко | <http://orcid.org/0000-0002-2948-4008> | travel822@yandex.ru | к.и.н., старший научный сотрудник центра гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

женская повседневность, городская антропология, быт, город, устная история, этодокументы

Аннотация

В статье проанализированы структуры женской повседневности в наукограде, призванном стать “витриной социализма” в СССР в 1950–1960-е годы. Авторы полагают, что в годы хрущевской оттепели и создания научных центров по всей стране, женщины попадали в этих новых городках в нетривиальные для традиционной женской советской повседневности условия, где обретали возможность реализовывать собственные жизненные стратегии в науке и смежных сферах. Но воспользовались этой возможностью немногие. Жительницы закрытого наукограда Дубны имели доступ к особому снабжению и образцовой для того времени социальной инфраструктуре, контактировали с иностранцами, пользовались многими достижениями культуры. Триангуляция секвенций биографических рассказов представительниц разных социальных слоев, сопоставление их с материалами СМИ, выписками из нормативных источников позволили прийти к выводу, что традиционный гендерный контракт, подвергшийся лишь слабой эрозии в первые десятилетия советской власти, не только не исчез, но даже укоренился в этом “городе будущего”, населенном конструкторами, изобретателями, учеными. В силу ригидности этого контракта большинству жительниц Дубны не удалось, да и не хотелось становиться самостоятельными акторами, стремящимися заявить о себе и своих профессиональных амбициях в науке или публичной сфере. Сквозь призму повседневности и социальной памяти раскрыта социальная роль таких женщин. Она сводилась к исполнению социальных ожиданий, готовности оставаться на обслуживающих ролях и создавать надежный тыл мужьям-ученым, трудившимся над одним из главных советских проектов в сфере ядерной физики.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-28-01428]

Статья поступила 23.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 18.04.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Женская повседневность в Дубне в 1950–1960-е годы // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 211–226. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050135> EDN: YENBEZ

Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko. 2023. Zhenskaia povsednevnost' v Dubne v 1950–1960-e gody [Everyday Life of Women in Dubna of the 1950s–60s]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 211–226. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050135> EDN: YENBEZ

Интерес к изучению опытов, практик, а главное переживаний, реализующих субъективное женское восприятие привычного и обыденного, – того, что составляет *женскую повседневность*, в последнее время заметно вырос (Белова 2006). Восполнить пробел в изучении реальности, которая проинтерпретирована женщинами в их воспоминаниях и “имеет для них субъективную значимость в качестве жизненного мира” (Бергер, Лукман 1995: 38), можно посредством самых разных источников, в пространстве множества тем, в том числе изучая антропологию российского академического сообщества, сильно феминизировавшегося за годы советской власти. В истории этого сообщества был особый переломный момент: 1950–1970-е годы. Именно тогда на волне огромного внимания к тем, кто “делает ракеты”, в стране было создано несколько крупнейших научно-промышленных комплексов, разрабатывавших новые технологии во взаимодействии с университетами и НИИ.

В рамках лонгитюдного проекта о женской социальной памяти “великого десятилетия оттепели” мы уже несколько лет собираем интервью в различных городах России – как промышленных (Салават, Ангарск), так и научных (сибирский Академгородок) (Пушкарева, Жидченко 2022). В этой работе мы применяем антропологические методы реконструкции женской повседневной жизни в российских научных центрах 1950–1960-х годов и в продолжение темы предлагаем рассмотреть особенности женского быта еще в одном центре, названном позже, в 1991 г., *наукоградом*, – подмосковной Дубне.

Для экспликации своей аналитической позиции нам кажется важным упомянуть о методологических подходах, характерных для полевиков, признающих значимость гендерной концепции (Warren, Hackney 2000). Мы сочли важным не отвергать и собственный социальный повседневный опыт (“Личное есть политическое!”), дистанцированный временем, другим поколением, иными образовательными основами, но все же релевантный нам как аналитикам. В своей работе мы сочетаем социокультурный и аксиологический подходы, используем ретроспективный и сравнительный анализ, теорию ценности ожиданий, опираемся на теоретическую базу признанных в мировой науке антропологов (Van Maanen 2011). Углубленное же исследование мотивации и поведения респондентов, апелляция к их оценкам прошлого предполагали столь необходимые в женских исследованиях сочувствие и сопереживание каждому биографическому “инсайду” (Пушкарева 2004: 83), вписанному в сложный и противоречивый социальный контекст середины XX в.

Выделим несколько принципиальных положений, лежащих в основе нашей работы. Во-первых, проявленная эмпатия к респондентам зиждется на принципах гендерной антропологии и “понимающей социологии”, определяющих женщин как главных информанток. Во-вторых, рассказанные респондентками факты и события эвалюировались контекстуально, в связи с событиями политической и культурной истории, – без попыток соотнести их с общечеловеческими ценностями. В-третьих, в исследовании отдано предпочтение не количественным данным, а включенному наблюдению, глубинным интервью, устным историям женщин и контент-анализу этих историй, как того требует позиция гендерного антрополога (Пушкарева 2008: 38). И если действительно в конце 1950-х годов физики в СССР были в большом почете (“Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне... дело не в сухом расчете, дело в мировом законе” [Слуцкий 1959]), то распространялся ли такой почет и на их жен? Насколько обыденными, характерными для всех женщин страны были образ жизни и временной бюджет жительниц наукограда, насколько связаны были женщины Дубны стереотипными социальными ожиданиями и стремлениями? Была ли Дубна для них жизненным проектом их мужей, временем, которое нужно было просто перетерпеть? Какой смысл имела работа

женщин на должностях обслуживающего научного персонала? Воспринимали ли женщины такое свое положение как должное и могли ли находить удовлетворение своих амбиций в семейной, а не в профессиональной жизни?

Город “мужской науки” – научный центр на границе Тверской и Московской областей

В отличие от некоторых засекреченных, так наз. номерных городов, опоясанных колючей проволокой, Дубна, сродни новосибирскому Академгородку, возникла как город большой науки. В 1937 г. на месте будущего наукограда была возведена Ивановская ГЭС (Молчанов 2003: 7), а после войны поблизости от ГЭС в обстановке строжайшей секретности началось строительство установок заряженных частиц для разработки проектов, связанных с ядерными исследованиями. После успешного испытания атомной бомбы в 1949 г. строительство рассекретили, о решении создать Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) сообщили в открытой печати. В 1951 г. в 126 км к северу от Москвы началось создание экспериментальной базы реактивных самолетов (филиал конструкторского бюро им. А.И. Микояна) (Прислонов 2006: 10). Инновационность проекта состояла в том, что планировалось построить одновременно с институтом и КБ удобное жилье для занятых в них сотрудников. К 17 марта 1954 г., когда Указом Президиума ВС РСФСР безымянный населенный пункт в густом лесу был преобразован в “поселок Дубно”, в нем уже стояло десять первых двенадцатиквартирных домов, пять двухквартирных коттеджей, два двухэтажных общежития, баня, хлебопекарня, ясли и начальная школа (Жидкова 2006: 65), позднее разбили парк на набережной Волги, а в 1964 г. создается единый архитектурно-планировочный ансамбль из трех районов – Институтского, Левобережного и Большеволожского.

Понятно, что основным донором научных кадров была столица. Поставленные перед необходимостью создавать “ядерный щит” страны, физики часто представляли свое будущее как “ссылку на восток” (где и разворачивались главные события). Еще летом 1948 г. академик И.В. Курчатов просил физика В.П. Джелепова “предупредить жену” о том, что вскоре придется уезжать. Но, как выяснилось, уезжать предстояло не так уж и далеко и в территориальном, и в “философском” смысле: расстояние от столицы до Дубны определялось как “2 часа на ЗИМе” (Жидкова 2006: 63).

Повседневный быт нового научного центра по обслуживанию крупнейшего в мире ускорителя (построенного в Дубне в 1957 г. синхрофазотрона) создавался, однако, не академиками. Младший обслуживающий персонал, работники котельных, бань, пекарен, магазинов, почт, поликлиники, без которых была бы невозможна нормальная жизнь городка, набирались из местных деревень Юркино, Козлаки, Ивановково, Новоивановково, пос. Большая Волга. Соседство с интеллектуальной элитой страны оказало немалое социально-экономическое и культурное воздействие на жителей близлежащих населенных пунктов: заставило поменять образ жизни, повлияло на их собственную судьбу и судьбу их детей. Это было «время своеобразного “врастания” друг в друга двух городов, рождались новые семьи», – так описала те годы в своих воспоминаниях бывшая комсомольская активистка (Коньгина б.г.).

Очевидцы перемен 70-летней давности вспоминают, как их “в глуши забытые селенья” внезапно стали преображаться, поскольку городок Дубно (постепенно ставший Дубной) быстро обрастал сетью магазинов, культурно-бытовыми и досуговыми учреждениями, а рядом сохранялись густой сосновый бор и Ивановское водохранилище (названное Московским морем) (Жидкова 2006: 46).

Образцы нового градостроительства появлялись в Институтской части Дубны, где для академиков возводились газифицированные, обеспеченные центральным отоплением индивидуальные лесные коттеджи, а для профессоров, доцентов и младших научных сотрудников – дома с большими удобными квартирами. В шаговой доступности находились не только сами институты, но и бытовые учреждения. Радовал быстрый рост числа магазинов, торговых палаток, столовых с буфетами, уже в 1954 г. приезжих из Москвы поражала «столовая “Дружба” с красивым буфетом и столами, покрытыми скатертями» (Попов 2014). В 1955 г. на Площади Мира открылся ресторан. Для быстрого сообщения с Москвой и Ленинградом прокладывались новые железнодорожные магистрали (Прислонов 2010: 3).

Но все же от шумной столичной жизни уехать в такой тихий городок готовы были не все. Выпускники московских физических факультетов и институтов честно признавались, что первое впечатление о Дубне было “прямо скажем, не очень”, и кому-то вспоминались лермонтовские строчки “На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна”. Но первое впечатление сменялось радостью включения в особое творческое сообщество, и та же мемуаристка уже замечала “не только сосны, но и цветущие липы, роскошные осенние клены и каштаны” (Заикина 2016: 38–40).

Все, что характеризует корпоративную культуру, – атмосфера единения, общих целей и дела, особая рабочая среда и общий досуг – было в Дубне ярко выражено. Все помнящие лучшие годы городка рассказывали о совместных выездах на всемирные симпозиумы, о совместных походах на пляж, о субботниках, о высоком уровне взаимопомощи (если возникали сложности с устройством ребенка в детский сад, с жильем, с продуктами) и, конечно, о совместных поездках в Москву в театры, на выставки, на концерты, а также о вечерах в Доме ученых – месте притяжения творческих сил всех поколений в Институтской части города.

“Девушек сюда не берут!”: женский труд в лабораториях Дубны

Несмотря на отсутствие видимых гендерных преград на пути к освоению женщинами теоретической физики, выдающимися советскими учеными в этой сфере в послевоенное время были преимущественно мужчины. Среди них было немало людей, преданных науке, они настолько были сосредоточены на своей работе, что в первый раз поцеловались только в 50 лет... (как, например, физик-ядерщик член-корреспондент РАН М.Г. Мещеряков). В современном зале славы музея Объединенного института ядерных исследований, где представлены отцы-основатели этого научного учреждения, на стенах исключительно мужские портреты.

В топонимике Дубны нет ни улиц, названных именами женщин, ни памятников женщинам-ученым. Традиционный гендерный контракт отнюдь не исключал женщин, однако он предполагал их “второстепенность”. Меж тем женщины были в Дубне востребованы – и для длительных трудоемких процессов, и для редактирования готовых статей, монографий, диссертаций. О них вспоминали на банкетах (“Всем нам помогали наши жены”), отмечая как особую заслугу умение отдельных ученых обходиться без жен, без “заботливых женских рук”, выполняя научно-технические и экспериментальные работы (Мещеряков 2016). Научные сотрудницы были нужны, но не у всех были такие помощницы.

Анализ воспоминаний убедил нас в том, что “путевку” на работу в Дубну было проще получить супругам-физикам. Если направление получал мужчина, то в научном центре находилась работа и его жене. Е. Кладницкая, сотрудни-

ца Лаборатории высоких энергий, познакомилась с будущим мужем на физфаке МГУ. После окончания с красным дипломом вуза в 1952 г. супруги оказались в лаборатории основоположника ускорительной техники академика В.И. Векслера. Узнав, что у молодых нет своего жилья, он как раз и предложил им работу в Дубне. “Нам, вчерашним студентам, предложили на выбор две двухкомнатные квартиры на первом этаже. Одна из них с окнами на юг (в тот момент залита солнцем), но без ванны, вторая с ванной, но на северную сторону”. Мемуаристка выбрала солнечную сторону, поскольку... “нам еще не довелось к тому времени пользоваться ванной” (*Кладницкая* 2020: 7–8). О решенности жилищного вопроса для переехавших в 1963 г. пел бард Ю. Ким. Он подчеркивал особую атмосферу Дубны и готовность живущих там физиков поселить у себя даже диссидентов, вроде сына репрессированного П.И. Якира, в годы оттепели ставшего правозащитником (“Как сын в Москве? / Без шуток, сын Якира? / Послушайте, у нас с женой квартира / Гигантская. Вот с ним бы – к нам бы, а?”) (*Ким* 2011: 133). Женам после таких приглашений ничего не оставалось, как соглашаться.

Когда же одинокие женщины после окончания вузов приезжали в ОИЯИ, то поначалу к ним могли относиться не слишком любезно. Так, выпускница МФТИ Т.И. Забой, получившая направление в Дубну, в Лабораторию вычислительной техники и автоматизации, вспоминала, как ее, “полную надежд и энтузиазма” вначале не пускали в “административное здание, просили подождать в коридоре”, а после “суровая дама из отдела кадров, взяв направление”, вынесла вердикт: “Это какая-то ошибка, предприятие вредное, связанное с радиацией, девушек сюда не берут!” – и посоветовала “найти другое, более подходящее место работы” (*Забой* 2016: 33).

Действительно, физиков-ядерщиков среди женщин в то время не было. И научную карьеру в Дубне делали именно мужчины, сохраняя традиционный гендерный контракт: они обеспечивали финансово свои семьи, в то время как жены занимались детьми и домашним хозяйством или работали на вспомогательных должностях. Дилемму соответствия/не соответствия указанной традиционности отобразил снимавшийся в лабораториях Дубны М.И. Роммом в 1962 г. фильм “Девять дней одного года”. По сценарию, главная героиня Леля (в исполнении Т. Лавровой), влюбленная в молодого физика – фанатика науки Митю Гусева (А. Баталов), получившего дозу радиации, часто повторяла: “Я плохая жена...”. Подразумевалась особая миссия супруги ученого, которой она, не посвятившая себя семье и уходу за любимым мужчиной, не соответствовала. Ту же дихотомию (плохая–хорошая жена) можно найти в повести 1968 г. “Я люблю нейтрино” Г. Николаевой. Но, благодаря перу писательницы, жена может стать хорошей и подчеркнута счастливой, вырвавшись из тисков традиционной семейной (обслуживающей) роли, став сама ученой (“Счастливейшая из женщин! Молодая, красивая, ученая и с таким женихом вдобавок! почти Жолио-Кюри!”) (*Николаева* 1968).

Устные воспоминания старожилок наукограда подтверждают, что в физических лабораториях ОИЯИ женщин практически не было, но в химических лабораториях немногочисленные сотрудницы встречались (“было немного”) (память сохранила и их имена: Н.А. Лонина, А.К. Попова, И.М. Столетова, Л.А. Филимонычева) (*Шафранова* 2003; *Попов* 2014). Но главным образом женщины трудились “в хозяйственном отделе. Обслуживающий персонал – тоже женщины, от технических работников до младшего обслуживающего... сама начинала с работы лаборанта, а потом техником”, – призналась одна из респонденток (ПМА 2022: Баринова). В воспоминаниях мужчин имена женщин-физиков, работавших вместе с ними в лабораториях, встречаются: Наташа Янева – о ней отзываются как о человеке исключительных личностных качеств, жена румынского физика

Драгическу, “Неля Ширикова с мехмата МГУ”, “две Эллы – Рындина и Васильева; Э.З. Рындина была двоюродной сестрой Л.Д. Ландау”, Э.Н. Каржавина, И.В. Курносова, “опытный лаборант” М.С. Язвickaя (Тулянкина) – их справедливо называют “рядовыми науки” (Попов 2014). В списках кандидатов физико-математических наук тех лет женские фамилии встречаются редко, не говоря о списках профессоров. Показательно, что ветераны-дубненцы говорят, как о само собой разумеющемся, о том, что женщины в Дубне всю жизнь занимались обслуживанием ЭВМ: это “занимало много часов машинного времени, которое выделялось по ночам, так что [им] доставались ночные бдения”, в то время как мужья этих женщин (творцы!) постепенно дорастали до “главных математиков-системщиков, начальников секторов” (Попов 2014).

Безусловно, среди трудившихся в Дубне женщин-физиков были и Лауреаты Государственных премий, не получившие, однако, в отличие от именитых коллег-мужчин, мировой известности. Восполнить эту несправедливость пыталась вышеупомянутая Г. Николаева (автор романов “Битва в пути” и “Жатва”), запланировавшая в “оттепельные 60-е” завершить трилогию романом о женщинах-физиках. Прообразами ее героинь стали физик-экспериментатор, соавтор многих открытий, связанных с ускорителями, М.Г. Шафранова (1930–2020, жена физика М.Д. Шафранова) и посвятившая жизнь физике высоких энергий Е.Н. Кладницкая (1929–2012). В поисках “советской Марии Кюри” Г. Николаева приезжала в Дубну, сделала наброски романа “Сильное взаимодействие”, но закончить его не успела. Отрывок из незавершенного романа Г. Николаевой в виде уже упомянутой повести “Я люблю нейтрino” был опубликован в журнале “Наука и жизнь” уже после смерти писательницы, но в годы наибольшей активности прототипов ее героинь. Кроме того, многие респонденты вспоминают М.А. Левитскую, Е.А. Феокистову, Н. Биргер, М. Беляеву (Рухадзе 2003; Фетисова 2019). Женщин, занимавшихся в Дубне наукой, поначалу было мало (что продемонстрировал медиапроект “Очаровательная наука”, собравший микробиографии нескольких из них) (Очаровательная наука 2022), но все же соотношение полов на протяжении 70 лет медленно менялось, и ныне, в 2022 г., научные сотрудницы ОИЯИ и других институтов в Дубне составляют 19,4% от общего списочного состава (среди них 20 кандидатов, 3 доктора наук; больше половины всех работающих женщин моложе 45 лет) (Немного статистики 2022).

Повседневный быт и культурная жизнь Дубны глазами старожилов

Повседневный быт жительниц Дубны начал складываться еще во времена палаточного поселения, до превращения поселка в наукоград. Вначале и с Москвой связь была весьма сложной: “Февральским морозным днем мы прибыли в Ново-Иваново (позднее Дубна): я в кабине грузовика, уходившего из ФИАН, Вадим на поезде до Большой Волги, а далее пешком”, – вспоминала 1953 г. Е.Н. Кладницкая (Кладницкая 2020: 8). Но поселок, превращавшийся в город, отстраивался стремительно; планировка была типичной для такого рода поселений середины XX в.: радиальное расположение аллей и улиц (часто получавших имена ученых) от центральной площади, малоэтажная застройка, светлая окраска домов, Дом культуры и административные здания в стиле, ныне именуемом “сталинским классицизмом”.

Если научный “синклит” приезжал обычно в готовые коттеджи, то в обеспечении жилищно-бытовых условий молодежи немалую роль играл созданный в конце 1950-х годов (как детище комсомольской организации) Совет молодых специалистов института (СМС). Молодежь размещалась в общежитиях (которые зачастую и строились, и убирались после ремонта силами заселяющихся).

СМС добивался быстрой постановки на очередь семейных пар для получения бесплатного отдельного жилья (Попов 2014), занимался организацией досуга в молодежных клубах, комплектованием туристических групп и подготовкой вожаков для детских лагерей отдыха. Примечательно, что главенствовали в СМС, судя по спискам и фотографиям, мужчины, а среди исполнителей задуманного было немало женщин (Ломтев б.г.). Женщины изредка оказывались и на должностях освобожденных комсомольских секретарей, например Н.С. Коныгина, чьи воспоминания о юношеских годах почти не содержат описаний ее собственного быта, они повествуют о включенности молодежи в дела “старших” (“комсомол старался жить тем, чем жил город”): о посадках яблоневых аллей на набережной Волги и на улице Мира, об организации общего отдыха на Московском море (Коныгина б.г.).

Культурная жизнь еще недавно безвестного поселения развивалась в 1950–1960-е годы стремительно, создавалось информационное поле, позволяющее судить о достижениях ученых, и в этом немалую роль сыграли женщины. Первых активисток – А.М. Леонтьеву (прибывшую по направлению обкома партии и ставшую первым редактором созданной в 1957 г. дубненской газеты “За коммунизм”) и В.А. Ларину (первого ответственного секретаря издания) благодарно вспоминают по сей день (Молчанов 1997), как и тех, кто обеспечивал городок препринтами, собирал позже первую библиотеку института (С.Х. Кабанова). “Сплачивала молодость и чувство общности, воспитанные в семье и школе”; 1960-е годы были годами, когда “потоком приходили по путевкам министерств выпускники авиационных, машиностроительных вузов, все [были] молодые и занимались молодежными проблемами: профессиональный рост, отдых, жилищно-бытовые” (Ломтев б.г.). Исходили из того, что необходимо постоянно уделять время популяризации полученных в институтах результатов, “вести диалог доступным для общества языком, именно на шестидесятые пришелся расцвет научно-популярной и научно-художественной литературы” (Расторгуев 2007).

Феномен “городов ученых”, как уже показал наш анализ истории Академгородка в Сибири, состоял в том, что в их среде как бы не действовал негласный советский запрет на неформальное искусство. Местом неофициальной культурной жизни в будущем наукограде было, по словам многих, расположенное неподалеку от вокзала кафе “Нейтрино”. Супы в нем “подавали в далекие 60-е в бульонных чашках (на европейский манер)”, “чай здесь можно было пить в пакетиках на ниточках, то опуская пакетик в заваривающийся напиток, то вынимая. И бутылочки с простоквашей – маленькие, а не как везде, по поллитра зараз”. Запавшие в память детали (которые современным москвичам покажутся обыденностью) – свидетельство необычности быта научного городка и “Нейтрино” как центра особой бытовой культуры. Именно в этом кафе научной интеллигенции удавалось послушать пластинки, о которых “не должны были знать в районных комитетах комсомола и партии (Попов 2001; Понтекорво 2021). Дубну посещали в разное время Л.Н. Гумилев, Б.Н. и А.Н. Стругацкие, Ю.П. Любимов, В.С. Высоцкий (Хизов 2010).

Вспоминая Дубну 70-летней давности (кафе, круг чтения, спорт), люди подчеркивают, что высокий уровень образования, соответствующая ему культура поведения городковцев распространялись и на жителей соседних сел. Международные контакты – атрибут научной повседневности Дубны – заставляли городок соответствовать идеальному образу научного центра. Скрытой дискриминационной практикой (при всем декларируемом равноправии) было делегирование всех функций организации “культурного досуга” именно женщинам: пока мужья вершили судьбы науки, жены присутствовали на международных конференциях в качестве их спутниц; они занимались организацией всей культурной жизни

города, в том числе и приемом гостей. Когда в Дубну приезжала Б. Ахмадулина, супруга физика В.С. Бутцева предложила благодарно “завалить ее сиренью”. “Мы нарвали охапку, и она утонула в этом огромном букете, помолодела, расплакалась, обняла нас и промолвила: Я знала, что физики – особые, эмоциональные люди” (Бутцев 2018).

Возникнув в 1950-е годы, Дубна была поначалу просто “мужским городом”, да и сам ОИЯИ был укомплектован тогда холостыми интеллектуалами. На тихих улицах и аллеях, где в окна домов “заглядывали кудрявые молоденькие яблоньки и вековые сосны”, быстро завязывались романтические отношения, о которых с радостью вспоминают те, кто прожил там лучшие годы. “На улице Вавилова целует дева милого, по улице Курчатова шли пареньки с девушками”, – простодушно рифмовал строки один из местных поэтов, по всей видимости, выходец из тех рабочих семей, что приезжали строить город, возводили “сталинки” и коттеджи, а затем и многоквартирные дома оттепельного времени.

Девушек из рабочих семей старались привлекать к молодежной (комсомольской) жизни города, жительниц окрестных сел – к работе в детских садах, библиотеках, клубах. На бесчисленных субботниках женские и мужские бригады работали вместе, молодые люди знакомились и создавали семьи (Беличко 2018), свадьбы играли в ДК “Дружба”. Местом встреч была и танцплощадка в парке. Она была непохожа на сельские: “никаких пьянок на танцплощадке, никаких безобразий, а если встречалось, то быстро решалось” (Стефановская 2018: 174). Научный центр “окультуривал” брачный рынок Дубны. Сотрудница лаборатории нейтронной физики Людмила Буц организовала в корпусе ОИЯИ открытый книжный киоск, где были журналы и книги на разных языках. Все это привозилось из магазина, раскладывалось на столе в коридоре, а деньги опускались в ящичек, стоявший среди книг (Попов 2018).

Близость Волги и рукотворного Московского моря оказывала влияние на досуг. Частью повседневья – без гендерных различий, как запомнилось многим – были занятия спортом: плаванием (бассейн “Архимед” зимой, Волга и водохранилище летом), водными лыжами (соревнования проводились с середины 1950-х годов) (Хизов 2010), а также увлечение рыбалкой. “Нас дружило 7 пар, ездили на острова на Московское море. Мужчины до зари вставали, сеть ставили, а ночью у них уже уха варилась – мы, девушки, утром встанем, уху едим. Муж местный, знал грибные места. Рядом брусника, черника”. С маленькими детьми семьям становилось часто не до спорта и рыбной ловли. “Целыми днями были на пляже. Дочь спит, а мы мороженое купим... А зимой лыжня была, ходили на лыжах втроем с дочкой. Самые счастливые годы это были” (ПМА 2022: Г.М.).

“В золотой клетке”: жизнь иностранок в Дубне

Объединенный институт ядерных исследований с 1956 г. работал как международный научный центр, и потому рядом с гостиницей в центре городка развевались государственные флаги соцстран (Лебедеенко 1968: 14) – закрытым городом Дубна не была. Многие зарубежные ученые приезжали со своими женами и детьми. Среди представительниц других стран были и женщины-физики, так что иностранки также формировали повседневную жизнь Дубны в годы оттепели и позже (Капырин, Сергеев 1958: 6–7). Уровень жизни семей иностранцев в наукограде оказывался выше, чем на родине, что позволило чеху Ф. Легару назвать жизнь в Дубне “золотой клеткой”, которая “больше охраняла от внешнего мира, чем запрещала из нее вылететь”; “жизнь стала спокойнее”, чем дома, хотя и “работы было намного больше”. При этом приглашать иностранцев в свои квартиры позволялось только с разрешения первого отдела

(специального подразделения, обеспечивавшего режим секретности и сохранность разработок). Знакомство иностранцев с женами наших физиков обычно происходило в Доме ученых, ресторане “Дубна” (но и об этом надо было предупредить первый отдел). Ходили слухи, что в некоторые столы в Доме ученых были вмонтированы подслушивающие устройства (*Капырин, Сергеев* 1958: 27). Для жен иностранцев профком мог устроить общую с женами советских физиков прогулку на катере (особенно, если находилась переводчица, свободно общавшаяся по-английски; работники ОИЯИ в большинстве своем этим не блистали) (*Зиновьева* 2001). В целом же жизнь в более чем сотне километров от столицы могла для иностранок реально стать “золотой клеткой” – со служебной квартирой, машиной, специальным снабжением, но без радости общения и свободы. Бывшая сотрудница первого отдела вспоминала:

Купила я французский велюр, сшила платье, мы с мужем пошли в ресторан – многие мужчины обернулись, и меня пригласил на танец художавый красивый венгр, с нами за стол сел, мы весь вечер пили, смеялись. А на завтра мы ехали сажать картошку. Венгр спросил: “Можно с вами?” Муж утром мне говорит: “Мы же в первом отделе, какая картошка?” – позвонил этому венгру, сказал, что сажать не будем, спасибо-спасибо! И на этом у нас картошка закончилась (ПМА 2022: Г.М.).

Чтобы жены иностранных ученых не скучали при ограничении свободы общения, сын итальянского физика Б. Понтекорво организовал уроки верховой езды. “Физики из стран СЭВ открывали новые частицы, а для их жен работы не было; конно-спортивный клуб стал прекрасным занятием для прекрасных дам” (Истории из жизни 2021). Иностранок радовали предпочтения их детям в местной школе, где вместе учились венгры, болгары, немцы, поляки, а дочь монгольского физика Х. Соднома была выбрана председателем пионерского отряда, хотя только начинала говорить по-русски. Жен зарубежных ученых восхищала установка на гендерное равноправие в образовании и выборе профессии, отмеченная австрийским журналистом. Поговорив с одной из дочерей ученых по-английски, он удивился ее желанию стать врачом и сказал, что «у них к женщинам в науке относятся пренебрежительно, считают их тупыми, так и сказал “Women are stupid”...» (*Зиновьева* 2001: 4).

Удержать иностранного ученого от отъезда в свою страну могла в немалой степени его супруга. Так что запросы жен ученых из социалистических, а тем более из капиталистических стран на товары и услуги удовлетворялся полнее, чем запросы жен советских ученых. Иностранки могли заказать из Москвы и даже из другой страны все – от стиральной машины до шубы; советские же имели шанс либо получить от представительниц зарубежья что-то как подарок, либо купить в спецмагазине для иностранцев что-то “из оставшегося”: “У иностранцев спецмагазин был, туда привозили ананасы, апельсины, мандарины. Что оставалось – давали и нам возможность купить. А так и у нас в магазинах все было! И мясо, и колбаса” (ПМА 2022: Г.М.). В 1970–1980-е годы, по рассказам старожилов, общение советских специалистов с иностранцами стало теснее. Техник Лаборатории ядерных реакций Т. Баринова вспоминала, что вьетнамские физики готовили свои блюда на ее кухне (из продуктов, привезенных из Вьетнама), что она сама дружила с кубинкой Марией, приехавшей с мужем-физиком, – Мария также работала в химлаборатории, только “все время мерзла, ей было холодно... и к немцам [тоже] тогда в гости ходили, никто не запрещал” (ПМА 2022: Баринова). Дубна оставалась городом науки, но “разноязыкая речь, заголовки иностранных газет и книг на прилавках и витринах киосков” говорили о том, что “это международный город” (*Кнорре* 1976: 14–15).

Особенности женского быта в Дубне

Дубна как наукоград стратегической отрасли и научный центр международного уровня не сразу получил спецснабжение. Жизнь ученых поначалу была далека от московского комфорта. Все тяготы быта ложились на женщин. Так, семья ведущего ученого в середине 1950-х годов получила трехкомнатную квартиру на улице Курчатова, в ней не было ни газа, ни горячей воды, а были лишь “электроплитка и дровяная печка на кухне, на которой мама каждую неделю пекла что-то вкусное. В ванной была дровяная колонка, и заготовка дров была обязательным элементом жизни” (Зиновьева 2001).

Квартиры людей попроще были и вовсе коммунальными, причем газовые баллоны стояли “на улице, не было горячей воды – был титан в ванной, его топили дровами. В какой-то период стали побогаче, подвели центральный газ” (ПМА 2022: И.Т.). Так, получившие в 1953 г. двухкомнатную квартиру в Дубне супруги-физики Кладницкие обнаружили в ней лишь выделенные комендантом железную кровать, столик и два стула (Кладницкая 2020: 8).

Жизнь наладилась примерно за 10 лет, к середине 1960-х годов в Дубне была полноценная инфраструктура снабжения. Семьи ученых (а заодно и всех тех, кто их обслуживал в городе) не испытывали больше проблем с мебелью и бытовой техникой. В отличие от рабочих городов (Омский городок нефтяников, левобережье Магнитогорска, Волжский, Салават, Ангарск), где молодоженам в конце 1960-х годов приходилось первую мебель буквально делать своими руками, в Дубне свободно можно было купить все самое необходимое.

В Дубне мы снимали угол за печкой на Школьном проезде. Предполагалось, что это будет не меньше года, а уже 4 октября переезжали в комнату 20 метров, с высокими потолками, сделав там ремонт. Сестра моя осталась на день с дочкой, а мы со свекром пошли в мебельный и купили трехстворчатый шкаф, диван, кухонный стол, детскую кроватку – все за 1 день, и все в магазине было (ПМА 2022: Насонова).

Снабжение в Дубне было по первой категории, иностранцы и вовсе получали все безоговорочно. “Все было! для иностранцев – стол заказов. И сервелат, и печенку они всегда могли купить, и мне печенку тоже там отпускали – не отказывали”, – рассказала бывшая служащая (ПМА 2022: Насонова). У всех была возможность с начала 1970-х годов купить и полуфабрикаты, курятину, готовить по праздникам оливье, утку или индейку с яблоками, язык (ПМА 2022: Г.М.). Это сильно отличало будущий наукоград от рабочих городов, где повседневной закуской была квашенная капуста, а винегрет считался праздничным блюдом (ПМА 2019: Кочетова). В Дубне, по воспоминаниям старожилов, всегда можно было купить не только мясо, но и икру по госцене (ПМА 2022: И.Т.). При этом во всех семьях все равно принято было заниматься домашним консервированием (“каждая принесет на работу свои заготовки, все пробуем, у кого вкуснее. Ты мне рецепт, я тебе”) (ПМА 2022: Г.М.), тем более, что у многих горожанок были дачные участки, либо старшие родственники жили поблизости в деревне (“по 250 банок делала – всем: маме с папой, брату, бабушке со свекровью, грибов солили по 2-3 ведра, белые сушили – они становились золотистого цвета”) (ПМА 2022: И.Т.).

Если питались ученые и служащие городка примерно одинаково (кроме научной элиты, все покупали продукты в общих магазинах), то интерьер домов, конечно, отличался. Ученым в силу особенностей труда без выходных и праздников (Пушкарева 2021) требовались непременно книжные шкафы (или полки) и письменный стол. По воспоминаниям, один стол в отдельной комнате-кабинете полагался и в казенной обстановке коттеджей для академиков и руководителей

лабораторий. Если же в науке трудились оба супруга, в домашнем пространстве появлялось два письменных стола – и с этого начиналось обустройство на новом месте. “Купили двухтумбовый стол мужу и мне тоже, в ящичках документы хранили. Потом на кухню купили 2 табурета” (ПМА 2022: И.Т.). С начала 1960-х годов снабжение дубненцев мебелью и домашними “помощниками” стало лучше столичного – сказывалось желание сделать город витриной социализма: «Телевизор из Прибалтики “Таурус”, хрусталь из Чехии, тюль, торшер – все Прибалтика» (ПМА 2022: Г.М.).

Одевались в массе своей женщины Дубны тоже часто лучше столичных и не только потому, что многое можно было купить в местных магазинах. Поскольку на зарубежные конференции ездили лишь мужчины-физики, их жены, как правило, составляли для них список заказов: “Что такое для русского мужчины пойти в Женеве в женский отдел магазина и выбрать там что-то по размеру. Человек идет, как на заклание, держа в дрожащей руке листочек с цифрами, свидетельствующий о том, что его жена перед отъездом была измерена вдоль, поперек и по всем мыслимым округлостям” (Шириков 2016: 33). Сложнее всего в Дубне было с обувью, и, если в местный магазин что-то стоящее завозилось, многие женщины покидали институт среди рабочего дня, чтобы занять очередь. Перед магазином многие обменивались друг с другом нужными размерами. “При завозе кофточек на следующий день можно было увидеть много одинаково одетых женщин”. Это “замечали даже мужчины, которые, как правило, не замечают ничего” (Легар 1987: 16).

Проще, чем в других регионах страны, было в Дубне с детскими садами и школами. В этом образцовом соцгороде все располагалось в шаговой доступности, и это облегчало женский быт. Выросшая в семье отца – фрезеровщика высшего разряда ОИЯИ (такая рабочая должность, требовавшаяся для вытачивания деталей, была в штатном расписании института) и мамы – фельдшерицы дубненского роддома, Т. Баринава вспоминала:

Рабочий класс! Что мама, что папа работали день и ночь. Мы – тише воды, ниже травы, сами уроки все делали, сами решали, сколько играть во дворе. Кто лидером был во дворе, тот потом занимался общественной работой, все пошло с улицы! С подружками играли в семью, были такие маленькие наборчики – суп варили во дворе. Уйдем куда-нибудь 5-6 человек, приготовим что-то, травки порежем, как семья... и играли, и ссорились, и мирились, и решали... (ПМА 2022: Баринава).

Потом уже школа выделяла самых способных к разным предметам, и многие дети из Дубны впоследствии поступали в физико-математическую школу-интернат при МГУ. Женщины Дубны разных социальных категорий – жены именитых ученых и рядовых физиков, медсестры и технические работницы – были знакомы и даже дружили, поскольку их дети учились в одном классе. Подчас общение женщин предполагало и тесные контакты с иностранцами – так впоследствии сформировались международные браки (ПМА 2022: Насонова); общей тенденцией оставалось стирание социально-бытовых различий.

В то же время многочасовая работа женщин-физиков в лабораториях, с ночными переработками (за которые никто специально не платил) была обычной повседневностью научных институтов с горящими сроками выполнения заданий. Постоянно шли бурные обсуждения, в ходе которых на тонкости общения в смешанном коллективе никто внимания не обращал (“Наташа, Вы могли что угодно делать, но результаты эксперимента не обсосаны!”) (Рухадзе 2003), иногда (уточнив, “здесь женщин нет?”) излагали критику концептов, используя нецензурные выражения и тем самым веселя мужское сообщество (Попов 2003).

* * *

Изучение повседневности как самого обыденного и потому незамеченного и неотрефлексированного всегда нацелено на выявление неких констант, которые отличают данную культурную общность от другой. И такие константы при изучении женской повседневности выявляются легче, и сами они яснее. Анализ динамики изменения социальных и культурных условий в Дубне в годы оттепели и позже показал, что бытовая жизнь женщин наукограда значительно отличалась от повседневности женщин в других городах СССР, где существовали свои ограничения, правила, нехватка ресурсов. В ходе исследования мы старались выявить эти отличия, равно как и различного рода социальные барьеры. По разнообразию культурной жизни и уровню социального обеспечения Дубну можно сравнить с Москвой, по обеспечению жильем и уровню зарплат – с городами Крайнего Севера, по обилию иностранцев, с которыми можно было контактировать, – с республиками Прибалтики и соцстранами. Саморепрезентации респонденток в их рассказах позволили выявить по меньшей мере два типа жизненных стратегий, связанных с социальным происхождением и профессией: первый характерен для местных жительниц из соседних поселений, ставших дубненками, второй – для прибывавших из других городов и оседавших в наукограде выпускниц физматов и жен физиков и конструкторов. В чем-то, однако, эти стратегии смыкались.

Уже сами повествования старожилок Дубны о том, как до развала СССР строился и развивался город, что женщин было очевидно меньше даже в численном отношении и даже в те времена, когда демографический баланс предполагал нехватку мужчин, говорят о необычности этого подмосковного локуса. Местные жительницы, на глазах которых выросла Дубна, где в магазинах можно было “найти все”, которым жизнь подчас казалась сбывшейся мечтой, искренне гордились своей малой родиной. Если говорить о женщинах, увлеченных профессией, принявших приглашение переехать в наукоград, их преданность новому месту жительства воспитывались личным примером местных товарок. Для нового же поколения молодых женщин, уже выросших в Дубне, проблема самореализации оказывалась и проблемой смысла жизни: повзрослевшие девочки устремлялись в вузы и университеты столицы.

Если в сельской среде, в среде рабочих и мелких служащих главным содержанием гендерного контракта был невидимый женский домашний труд: уборка, приготовление пищи, заготовка продуктов, воспитание детей, то женщины научного мира, вспоминая о прошлом, говорили как о социокультурных аспектах быта, о свободе в высказывании своего мнения и в мышлении, так и об ограничениях, наложенных в то время на них системой. Этот второй тип гендерного контракта и женской повседневности характерен и для жен иностранных ученых, оказавшиеся в Дубне “в золотой клетке”, и для жен руководителей лабораторий и проектов, ставших заложницами “витрины социализма”, а также для жен рядовых научных сотрудников. Последние оказались наиболее удовлетворены жизнью, они приняли сложившиеся в Дубне реалии как счастливое стечение обстоятельств (поскольку женщины наукограда при любом сопоставлении жили лучше большинства ровесниц в других городах Союза), и их вполне устраивал статус лаборанток или технических работниц.

Закрытость научных проектов и разработок, идеологический прессинг “противостояния двух систем” не давали женщинам возможности стать значимыми, самостоятельными фигурами “научной когорты”. Итогом неявной гендерной фильтрации, начинавшейся с момента окончания физико-математических факультетов разных вузов, была следующая асимметрия: женщинам “доверяли” лишь бесконечные расчеты и наладки, а продуцированием идей занимались муж-

чины – именно их хвалили в поздравительных речах, их и награждали. Традиционный гендерный контракт (мужчина – добытчик, женщина – хранительница семейного уюта) не был подвергнут ломке. Даже представительская роль женщинам Дубны, как выяснилось, доверена не была (в отличие от сибирского Академгородка); они довольствовались скромным статусом объектов вдохновения, создательниц надежного тыла мужьям. Причем этот тыл жены ученых в Дубне создавали по советским канонам, в реалиях привилегированной атмосферы – с икрой и экзотическими фруктами, с торшерами из Прибалтики, выступлениями Б. Ахмадулиной и В. Визюкова, с возможностью часто бывать в ресторане, с поездками за границу. “Оповседневливание”, “размывание” привилегированности происходило медленно, резкая перемена к худшему в статусе Дубны в годы перестройки многими была воспринята с горечью и надеждами на возвращение к былому, но сбыться этим надеждам не довелось.

Источники и материалы

- ПМА 2019 – Полевые материалы авторов. Личный архив Жидченко А.В. 2019 г. Интервью с Кочетовой Н.Н. (1954 г.р.).
- ПМА 2022 – Полевые материалы авторов. Личный архив Жидченко А.В. 2022 г. Интервью с: Т.Б. Бариновой (1952 г.р.), Г.М. (1949 г.р.), И.Т. (1947 г.р.), И.Т. Насоновой (1938 г.р.).
- Беличко 2018 – Беличко Ф.С. Юность комсомольскую вовек не позабыть... // Комсомол Дубны. История в фактах / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 169–171.
- Бутцев 2018 – Бутцев В.С. Время выбрало нас // Комсомол Дубны. История в фактах / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 196–200.
- Забой 2016 – Забой Т.И. О том, что хранит память... // Это было недавно, это было давно... Сб. воспоминаний / Сост. Л.А. Калмыкова. Дубна: ОИЯИ, 2016. С. 33.
- Заикина 2016 – Заикина А.Г. Это было давно, очень давно, в прошлом веке // Это было недавно, это было давно... Сб. воспоминаний / Сост. Л.А. Калмыкова. Дубна: ОИЯИ, 2016. С. 38–40.
- Зиновьева 2001 – Зиновьева Л. Вспоминая молодость Дубны // Вести Дубны. 2001. № 73.
- Мещеряков 2023 – Мещеряков М.Г. И на солнце есть пятна // Дубненский фольклор. Музей истории науки и техники ОИЯИ. 11.04.2023. <http://museum.jinr.ru/ru/history/about-dubna/dubna-folk>
- Истории из жизни 2021 – Истории из жизни: семья Понтекорво в Дубне // “Еще не вечер”. 17.03.2021. <https://zen.yandex.ru/media/id/603606cee151807445da5ec/istorii-iz-jizni-semia-pontekorvo-v-dubne-60509b6c011181447b69e6fa>
- Капырин, Сергеев 1958 – Капырин Е., Сергеев О. В Дубне под Москвой. М.: Московский рабочий, 1958.
- Понтекорво 2021 – Понтекорво Б.М. Кафе “Нейтринно” // Лаборатория ядерных проблем им. В.П. Джелепова. 17.10.2021. <https://dlnp.jinr.ru/ru/news/list/234-chronograph/1659-kafe-nejtrino>
- Ким 2011 – Ким Ю. Поэтический сборник. М.: Константа-Принт, 2011.
- Кладницкая 2020 – Кладницкая Е.Н. Воспоминания // Библиотека еженедельника ОИЯИ. Дубна, 2020. С. 7–8.
- Кнорре 1976 – Кнорре Е. В Дубне, городе физиков // Новое время. 1976. № 14. С. 14–15.
- Коньгина б.г. – Коньгина Н.С. Комсомол в судьбе поколений дубненцев // Муниципальная библиотека Левобережья г. Дубны. Комсомолу 100 лет.

- Воспоминания. <https://bibl-dubna.ru/kraevedenie/komsomolu-100-let/545-komsomol-v-sudbe-pokolenij-dubnentsev-vospominaniya-konyginoj-n-s>
- Лебеденко 1968 – Лебеденко М. Дубна – город науки // Культура и жизнь. 1968. № 9. С. 14.
- Легар 1997 – Легар Ф. Сказки о золотой клетке. Дубна: ОИЯИ, 1997.
- Ломтев б.г. – Ломтев В. Комсомол в судьбе поколений дубненцев // Муниципальная библиотека Левобережья г. Дубны. Комсомолу 100 лет. Воспоминания. <https://bibl-dubna.ru/kraevedenie/komsomolu-100-let/611-komsomol-v-sudbe-pokolenij-dubnentsev-vospominaniya-lomteva-a-v>
- Молчанов 1997 – Молчанов Е. Роль прессы чрезвычайно важна // Дубна. Ежегодник Объединенного института ядерных исследований. 05.11.1997. <http://jinrmag.jinr.ru/ogazete.htm>
- Молчанов 2003 – Молчанов Е.М. Беседы о Дубне. Дубна: ОИЯИ, 2003.
- Немного статистики 2022 – Немного статистики о женщинах-ученых // Лаборатория ядерных проблем им. В.П. Джелепова ОИЯИ. 10.02.2022. <https://dlnp.jinr.ru/ru/news/list/1865-nemnogo-statistiki-o-zhenshchinakh-uchenykh>
- Николаева 1968 – Николаева Г. Я люблю нейтрино // Наука и жизнь. 1968. № 4. С. 18–22.
- Очаровательная наука 2022 – Очаровательная наука // Лаборатория ядерных проблем им. В.П. Джелепова ОИЯИ. 08.02.2022. <https://dlnp.jinr.ru/ru/news/list/1861-anons-mediaproekta-ocharovatel-naya-nauka>
- Попов 2003 – Попов Ю.М. О В.И. Векслере // Владимир Иосифович Векслер / Ред.-сост. М.Г. Шафранова. Дубна: ОИЯИ, 2003. С. 337–339.
- Попов 2018 – Попов А.Б. Комсомол и судьба // Комсомол Дубны. История в фактах и воспоминаниях / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 170–182.
- Попов 2014 – Попов А.Б. Дубна, ЛНФ // Дела давно минувших дней. Лаборатория нейтронной физики им. И.М. Франка. 11.04.2023. <http://fnph.jinr.ru/ru/history/memories/memories-of-our-employees/a-tale-of-the-times-of-old>
- Попов 2001 – Попов С. (реж.) Остров Дубна. По заказу Телекомпании “Студия 7”, АО “Вести Дубны”. 2001. http://vk.com/video20443879_161713436
- Прислонов 2006 – Прислонов Н.Н. Дубна – город творцов, исследователей и создателей // Подмосковный летописец. 2006. № 1. С. 10.
- Прислонов 2010 – Прислонов Н.Н. Дубна-2010: календарь знаменательных дат. Дубна: Международный университет природы, 2010.
- Расторгуев 2007 – Расторгуев А. Первые открытия ЛЯР // Дубна: наука, сотрудничество, прогресс. № 21. 25.05.2007. <http://wwwinfo.jinr.ru/~jinrmag/win/2007/21/na21.htm>
- Рухадзе 2003 – Рухадзе А.А. О В.И. Векслере // Владимир Иосифович Векслер / Ред.-сост. М.Г. Шафранова. Дубна: ОИЯИ, 2003. С. 332–333.
- Фетисова 2019 – Фетисова Н. Женское лицо атомной отрасли // АтомЭксперт. 2019. Т. 5. https://atomicexpert.com/women_in_nuclear
- Слуцкий 1959 – Слуцкий Б.А. Физики и лирики // Литературная газета. 13 октября 1959 г.
- Стефановская 2018 – Стефановская Л.И. Комсомольские годы – одни из самых замечательных в моей жизни // Комсомол Дубны / Сост. Н.Н. Прислонов. Дубна: ОИЯИ, 2018. С. 173–175.
- Хизов 2010 – Хизов В. (реж.) Дубна. Два берега // Фонд историко-краеведческих исследований “Наследие”. 2010. https://www.youtube.com/watch?v=cSWYF_IgT-0
- Шафранова 2003 – Шафранова М.Г. Несколько эпизодов. Исторический момент – на синхрофазотроне 10 ГэВ. Первые облучения ядерных фотоэмульсий // Владимир Иосифович Векслер / Ред.-сост. М.Г. Шафранова. Дубна: ОИЯИ, 2003. С. 287–295.

Шириков 2016 – Шириков В. Из Женевы с любовью // Тот самый “Импульс” / Сост. А.А. Расторгуев. Дубна: ОИЯИ, 2016. С. 33–35.

Научная литература

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. 85–97.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Московский философский фонд, 1995.

Жидкова Л.Ф. История Дубны. Дубна: [б.и.], 2006.

Пушкарёва Н.Л. Феминистский проект в новейшей этнологии и антропологии (1980–2000) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 82–97.

Пушкарёва Н.Л. Методы и методология современной этнографической науки: вклад феминистской антропологии // Етнична історія народів Європи. Т. 26. Київ: Наукова думка, 2008. С. 29–38.

Пушкарёва Н.Л. Труд и отдых женщин-ученых в советской и постсоветской России в оценках их самих // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>

Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // QR. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 593–611. <https://doi.org/10.15826/qv.2022.2.690>

Van Maanen J. Tales of the Field: On Writing Ethnography. L.: University of Chicago, 2011.

Warren C., Hackney J. Gender Issues in Ethnography. Thousand Oaks: Sage, 2000.

Research Article

Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko. Everyday Life of Women in Dubna of the 1950s–1960s [Zhenskaia povsednevnost' v Dubne v 1950–1960-e gody]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 211–226. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050135> EDN: YEHBEZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Natalia Pushkareva | <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Alexander Zhidchenko | <http://orcid.org/0000-0002-2948-4008> | travel822@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

women, everyday life, urban anthropology, city, oral history, ego documents

Abstract

The article analyzes the structures of women's everyday life in the “science city” of Dubna, designed to become a showcase of socialism in the USSR of the 1950s–60s. We believe that during the years of the “Khrushchev thaw” and the rise of scientific centers throughout the country, women in these new towns found themselves in non-trivial conditions for traditional Soviet women's everyday life, where they gained the opportunity to implement their own life strategies in science and related fields. Few took advantage of this opportunity, however. Residents of the closed town of Dubna

had access to special supplies and social infrastructure that was exemplary for that time; they were able to contact foreigners and enjoyed many cultural privileges. Triangulation of the sequences of biographical stories conveyed by representatives of different social strata, comparing them with media materials and extracts from normative sources led us to the conclusion that the traditional gender contract, subjected to only slight erosion in the first decades of the Soviet power, did not disappear at all – in fact, it took root in the “city of the future” inhabited by designers, inventors, and scientists. Due to the rigidity of this contract, the majority of Dubna’s residents did not succeed in becoming, and did not want to become, independent actors seeking to declare themselves and their professional ambitions in science or the public sphere. We attempt to reveal the social role of such women through the prism of everyday life and social memory. We argue that it boiled down to the fulfillment of social expectations, the readiness to remain in service roles and provide a reliable rear support for their husbands-scientists who worked on major Soviet projects in the field of nuclear physics.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769>
[grant no. 22-28-01428]

References

- Belova, A.V. 2006. Zhenskaia povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti [Women's Everyday Life as a Subject of the History of Everyday Life]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 85–97.
- Berger, P., and T. Lukman. 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond.
- Pushkareva, N.L. 2004 Feminist Project in Modern Ethnology and Anthropology (1980–2000) [Feministskii proekt v noveishei etnologii i antropologii (1980–2000)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 82–97.
- Pushkareva, N.L. 2008. Metody i metodologiiia sovremennoy etnograficheskoi nauki: vklad feministskoi antropologii [Methods and Methodology of Modern Ethnographic Science: The Contribution of Feminist Anthropology]. *Etnichna istoriia narodiv Evropi* [Ethnic History of the Peoples of Europe], 26: 29–38. Kiev: Naukova dumka.
- Pushkareva, N.L. 2021. Trud i otdykh zhenshchin-uchenyykh v sovetskoi i postsovetskoi Rossii v otsenkakh ikh samikh [Work and Leisure of Women Scholars in Soviet and Post-Soviet Russia as Assessed by Themselves]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 98–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>
- Pushkareva, N.L., and A.V. Zhidchenko. 2022. Sibirskii eksperiment v istorii sovetskogo akademicheskogo soobshchestva: bytovoi i gendernyi aspekty [The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Everyday and Gender Aspects]. *QR* 10 (2): 593–611.
- Van Maanen, J. 2011. *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. London: University of Chicago.
- Warren, C., and J. Hackney. 2000. *Gender Issues in Ethnography*. Thousand Oaks: Sage.
- Zhidkova, L.F. 2006. *Istoriia Dubny* [History of Dubna]. Dubna.

ОТ ПЕРВОЙ К ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЕ COVID-19: ДИНАМИКА ТРЕВОЖНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ (МОСКВА И РОСТОВ-НА-ДОНУ)

В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, А.М. Ермаков

Валентина Николаевна Буркова | <http://orcid.org/0000-0003-4777-0224> | burkovav@gmail.com | к.и.н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Марина Львовна Бутовская | <http://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | marina.butovskaya@gmail.com | член-кор. РАН, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Алексей Михайлович Ермаков | <http://orcid.org/0000-0002-9834-3989> | amermakov@ya.ru | д.б.н., профессор | Донской государственный технический университет (пл. Гагарина 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия)

Ключевые слова

COVID-19, пандемия, три волны, динамика тревожности, стресс, мегаполис, Москва, Ростов-на-Дону

Аннотация

Пандемия COVID-19 привела к серьезнейшему кризису общественного здравоохранения в современной истории. Стресс перед угрозой заболевания, глобальная перестройка привычного уклада жизни, неопределенность и опасения за здоровье и благополучие близких привели к повышению тревожности у населения всех стран. Важными факторами риска увеличения стресса на фоне пандемии являются пол, возраст, эпидемиологический опыт и место проживания. Крупные города становятся очагами распространения заболеваний из-за большой плотности населения, высокой мобильности, из-за наличия крупных транспортных узлов. В статье представлена динамика тревожного поведения во время COVID-19 в течение трех волн 2020–2021 гг. на примере двух крупнейших мегаполисов России – Москвы и Ростова-на-Дону (общая выборка – 4884 человек). Показаны региональные и гендерные различия тревожного поведения. Полученные результаты демонстрируют две главные тенденции: с одной стороны, происходит адаптация к длительному стрессу, с другой – количество респондентов с тревожными и депрессивными расстройствами увеличивается, что может указывать на наличие посттравматического стресса.

Статья поступила 09.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.04.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М. От первой к третьей волне COVID-19: динамика тревожного поведения в крупных городах России (Москва и Ростов-на-Дону) // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 227–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050147>
EDN: YESOQB

Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, and A.M. Ermakov. 2023. Ot pervoi k tret'ei volne COVID-19: dinamika trevozhnogo povedeniia v krupnykh gorodakh Rossii (Moskva i Rostov-na-Donu) [From the First to the Third Wave of COVID-19: Dynamics of Anxious Behavior in Large Russian Cities (Moscow and Rostov-on-Don)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 227–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050147>
EDN: YESOQB

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения: 075-15-2022-328]

Пандемия COVID-19 привела к наиболее серьезному кризису общественно-го здравоохранения и показала, что и в XXI в. эпидемии инфекционных заболеваний продолжают оставаться одной из главных биологических угроз человечеству (Тишков и др. 2022). Стресс, вызванный угрозой заболевания, глобальная ломка и перестройка привычного уклада жизни, неопределенность и опасения за здоровье и благополучие семьи и близких во время пандемии COVID-19 привели к повышению тревожности у населения разных стран, включая Россию (см., напр.: Бутовская, Буркова 2021; Burkova et al. 2021, 2022; Нестик 2020; Donnik et al. 2021; Kowal et al. 2020; Santomauro et al. 2021; Zimina et al. 2022). Пандемия COVID-19 создала среду, в которой особенно ярко проявляются многие детерминанты плохого психического здоровья. В первый год пандемии COVID-19 (с марта 2020 г. по январь 2021 г.) было выявлено около 76 млн новых тревожных расстройств, т.е. прирост числа случаев составил 25% (Matthew et al. 2021). По данным российских психологов, пандемия однозначно негативно влияет на психологическое состояние общества, в том числе на обострение имеющихся психических расстройств (93% опрошенных экспертов) (Юревич и др. 2021).

Представительный метаанализ данных, посвященный влиянию пандемии на психическое здоровье, был проведен коллективом авторов в 2021 г. и опубликован в журнале *Lancet* (Santomauro et al. 2021). В этой статье приводится обзор рецензируемой и “серой” литературы, опубликованной между 1 января 2020 г. и 29 января 2021 г., где изучается распространенность депрессивных и тревожных расстройств во время пандемии COVID-19 (Ibid.). Из проанализированных 5683 уникальных источников 48 соответствовали критериям отбора; они были проанализированы, и было выявлено два основных фактора повышения тревожности вследствие воздействия COVID-19: ежедневные показатели инфицирования SARS-CoV-2 и снижение мобильности людей. При этом женщины и младшие возрастные группы больше пострадали от пандемии, чем мужчины и старшие возрастные группы, что соответствует и другим полученным данным (Burkova et al. 2021, 2022; Быховец 2021). По оценкам исследователей, в 2020 г. во всем мире выявлено дополнительно 53,2 млн депрессивных расстройств из-за воздействия COVID-19 (682,4 новых случая на 100 тыс. человек), что составило прирост в 27,6% по сравнению с допандемийными данными (Santomauro et al. 2021). Глобальная распространенность тревожных расстройств в 2020 г. на фоне пандемии достигла 374 млн человек (977,5 новых случаев на 100 тыс. человек), показав увеличение на 25,6% по сравнению с допандемийными цифрами (Ibid.). В настоящем исследовании не учитывалась динамика изменения поведения людей на фоне пандемии, а было взято среднее значение за 2020 г.

В более позднем метаанализе было проанализировано 194 исследования (Delpino et al. 2022); показано, что общая распространенность тревожности на фоне пандемии составила 35,1%, при этом она была аналогичной в странах с низким и средним и в странах с высоким уровнем дохода (Ibid.). При распределении по выраженности тревожности было обнаружено, что у 15,45% участников исследования отмечался минимальный уровень тревожности, а у 5,65% – высокой (Ibid.). Данные, собранные в 23 странах мира (выборка 15 375 человек), включая азиатские и африканские государства, говорят о схожих показателях: у 15,40% респондентов уровень тревожности был умеренным, у 7,33% – высоким (Буркова и др. 2021). Метаанализ, проведенный Е. Драготти с коллегами, показал, что при оценке здоровья популяции распространенность тревожности

составила 21% (*Dragioti et al.* 2022), а Ф. Пашазаде Кан с коллегами, проанализировавшие 103 работы, установили, что распространенность тревожности среди населения в целом составила 27,3% (*Pashazadeh Kan et al.* 2021). Различия в полученных данных могут объясняться как разным количеством участников исследований, так и использованием разных методов измерения тревожности и разными периодами исследований (временной фактор). Однако фактически рассмотренные выше метаанализы и обзоры не касались вопроса изменения тревожного поведения в течение разных волн пандемии и фиксировали лишь общие средние тенденции.

В 2020–2021 гг. было опубликовано несколько работ, основанных на лонгитюдных данных поведения людей во время COVID-19. Исследование немецких ученых, проводившееся с марта (когда COVID-19 стал серьезной проблемой в Германии) до июня 2020 г., показало, что симптомы тревоги и депрессии были наиболее выражены в начале года, но ослабли в последующие месяцы пандемии (*Bendau et al.* 2020). В исследовании Дж.М. Твенге и Т.Е. Джойнера было показано, что в США повышенная тревожность и депрессивные тенденции встречались в три раза чаще в течение первой волны COVID-19 в начале 2020 г., чем в 2019 г. (*Twenge, Joiner* 2020). А в ходе исследования, проведенного Дж.К.Фрехверстом с коллегами, было обнаружено, что распространенность умеренно-тяжелой тревожности среди жителей США за четыре месяца пандемии возросла с 18,1% (октябрь 2019 г. – до пандемии) до 25,3% (июнь–июль 2020 г.), а распространенность умеренно-тяжелой депрессии увеличилась с 21,5% до 31,7% (*Fruehwirth et al.* 2021). Масштабный онлайн-опрос, проведенный в США среди взрослых респондентов в возрасте ≥ 18 лет (общий размер выборки составил 1 526 154 человека) в период с 19 августа 2020 г. по 7 июня 2021 г., продемонстрировал следующее: средние показатели тревоги увеличились на 13% в период с 19–31 августа 2020 г. до 9–21 декабря 2020 г., а далее с 9–21 декабря 2020 г. по 26 мая – 7 июня 2021 г. произошло их снижение на 26,8% (*Jia et al.* 2021). Приведенные выше работы в основном затрагивают первый год распространения пандемии. Однако тенденции уровня тревожности могут меняться с течением времени, и по мере того, как мы проходим через разные фазы пандемии, будет проявляться полный масштаб психологических последствий для населения.

В России также проведено значительное количество исследований, посвященных изучению влияния различных факторов, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции (*Буркова и др.* 2022; *Быховец* 2021; *Нестик* 2020; *Первичко и др.* 2020; *Юревич и др.* 2021; *Zimina et al.* 2022). Важными причинами повышения тревожности населения называют не только ситуативный страх по поводу возможности заражения COVID-19 и вынужденную самоизоляцию, но и осознание глобальных масштабов происходящего и возможных рисков в долгосрочной перспективе (*Нестик* 2020). Особое внимание уделено психотравмирующему влиянию инфодемии и одновременно недостаточному количеству правдивой информации о COVID-19, что существенно повышает тревогу и способствует появлению депрессии у разных слоев населения (*Буркова, Бутовская* 2023; *Быховец* 2021). Так, в одном из исследований на российской выборке было показано, что уровень переживаемого дистресса на фоне пандемии связан с интенсивностью информирования населения официальными организациями о динамике распространения вируса и необходимых мерах предосторожности (*Первичко и др.* 2020).

Одним из факторов повышения тревожности исследователи называют региональные различия. В работе С.П. Земцова и В.Л. Бабурина предложена типология регионов России по возможным рискам заболеваемости и по смертно-

сти от COVID-19, основанная на устойчивых различиях в годовых показателях. Прежде всего это риски внутри и вблизи крупнейших мегаполисов, в северных регионах с высокой долей трудовых мигрантов и в слабообразованных южных регионах (*Zemtsov, Baburin* 2020).

В нашем исследовании мы сосредоточились на двух мегаполисах России: Москве (столице РФ) и крупнейшем городе на юго-западе страны – Ростове-на-Дону, неофициально именуемом южной столицей России. Ростов-на-Дону – центр Ростовской области, одного из наиболее крупных субъектов РФ, занимающего шестое место по численности населения (около 4200 тыс. человек).

Цель исследования: проследить динамику тревожного поведения населения Москвы и Ростова-на-Дону в течение трех волн распространения коронавирусной инфекции (COVID-19).

Объект и методы исследования

Общая выборка исследования составила 4884 человека и была представлена преимущественно студентами (средний возраст 21,74 года; станд. откл. – 5,63) (см.: Табл. 1). Для проведения опроса была использована специально созданная Google-форма с открытыми, полукрытыми и закрытыми вопросами, размещенная в интернете. В соответствии с принятыми международными нормами участники опроса давали письменное добровольное согласие; протокол исследования был утвержден ученым советом ИЭА РАН (Протокол № 01 от 9 апреля 2020 г.).

Таблица 1

Характеристика выборки исследования (человек)

Город	пол	1 волна	2 волна	3 волна	Всего
Москва	муж	66	92	228	1344
	жен	166	221	571	
Ростов-на-Дону	муж	313	384	503	3540
	жен	711	452	1177	
Всего		1256	1149	2479	4884

Рис. 1. Динамика заболеваемости (три волны) COVID-19 и смертности от коронавируса в России по данным открытого портала Yandex DataLens, основанным на официальной статистике Роспотребнадзора¹

Ковидные данные были собраны в течение трех волн пандемии: 1 волна – основной массив данных собран в мае 2020 г. (медиана – 5 мая 2020 г.); 2 волна – основной массив данных собран в декабре 2020 г. (медиана – 7 декабря 2020 г.); 3 волна – основной массив данных собран в мае–июне 2021 г. (медиана – 28 мая 2021 г.). Сбор материала в целом соответствует датировкам волн, указанным Роспотребнадзором (см.: Рис. 1).

В ходе исследования все респонденты заполняли демографический опросник (пол, возраст, регион проживания и др.), а также отвечали на ряд вопросов относительно условий проживания в период распространения коронавируса, отношения к принимаемым мерам и собственной оценки опасности нового вируса.

Для оценки уровня тревожности было использовано два опросника:

– опросник Генерализованного тревожного расстройства (ГТР-7) (*Spitzer et al.* 2006), состоящий из 7 пунктов, позволяющих описать симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Тревога оценивается по 4-балльной шкале Ликерта: от 0 (совсем нет) до 3 (почти каждый день). Сумма баллов по всем пунктам дает представление об уровне тревожности: 0–4 – минимальный, 5–9 – умеренный, 10–14 – средний, 15–21 – высокий;

– опросник ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера в модификации и адаптации Ю.Л. Ханина, состоящий из 20 пунктов, описывающих тревожность как эмоциональное состояние, возникающее в виде реакции на стресс (*Спилбергер, Ханин* 2002).

Полученные данные были обработаны статистическими методами с помощью программы SPSS-27. Был проведен анализ определения надежности используемых шкал поведения и вычислена альфа Кронбаха: по шкале ГТР-7 получены средние и высокие значения, тогда как по ситуативной тревожности оценки были невысокими (особенно в московской выборке), поэтому в дальнейшем анализе мы использовали только данные по ГТР-7 (см.: Табл. 2).

Таблица 2

Надежность используемых шкал опросников по региональным выборкам (альфа Кронбаха)

Волна	Город	ГТР-7	Ситуативная тревожность
1	Москва	0,855	0,573
	Ростов-на-Дону	0,892	0,763
2	Москва	0,881	0,662
	Ростов-на-Дону	0,893	0,729
3	Москва	0,911	0,728
	Ростов-на-Дону	0,931	0,798

Результаты и обсуждение

Статистический анализ (общие линейные модели [GLM], однофакторный двусторонний дисперсионный анализ [ANOVA]) с тревожностью (выраженной в баллах) в качестве зависимой переменной и тремя независимыми переменными (период исследования [волна], пол, город проживания) показал: все три незави-

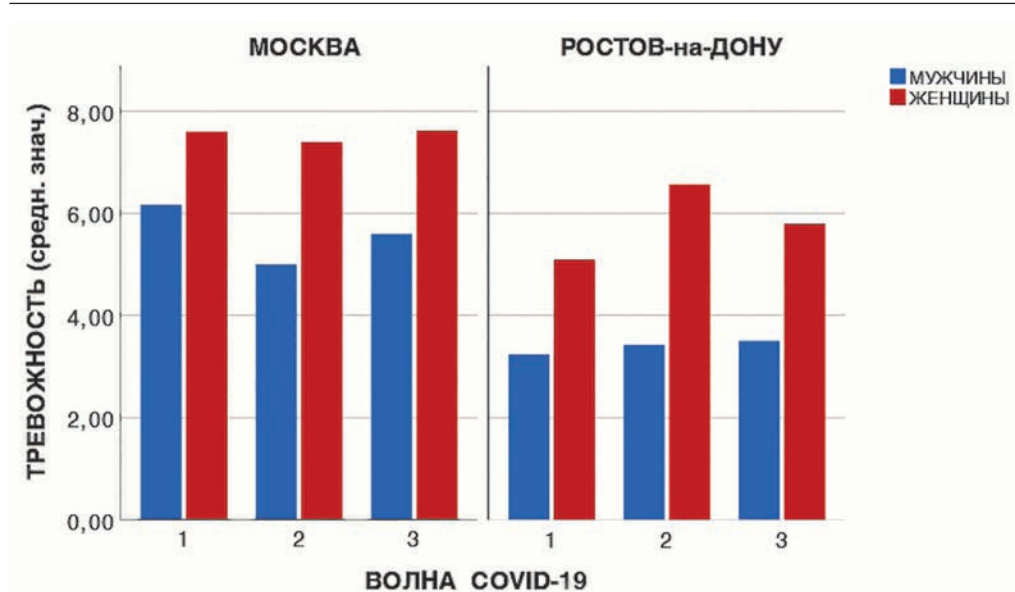

Рис. 2. Динамика тревожности (ГТР-7) в течение трех волн COVID-19 с учетом пола и города проживания (Москва и Ростов-на-Дону)

симые переменные были статистически значимы; при этом наибольшая нагрузка приходилась на пол респондентов ($F=202,820$; $df=1$; $p=0,000$; $\eta^2=0,040$), далее следовал город проживания ($F=125,168$; $df=1$; $p=0,000$; $\eta^2=0,025$), наименее значима была “волна COVID-19” ($F=4,763$; $df=2$; $p=0,009$; $\eta^2=0,002$). На Рис. 2 представлена динамика тревожности в течение трех волн коронавируса в зависимости от пола и города проживания.

В обеих выборках уровень тревожности во все периоды распространения COVID-19 у женщин был выше, чем у мужчин. Полученные результаты полностью согласуются с данными большинства исследований, проведенных в разных странах: женщины демонстрировали более высокую тревожность как в ходе пандемии, так и до нее (Буркова и др. 2019, 2021; Delpino et al. 2022; Dragioti et al. 2022; Kowal et al. 2020; Santomauro et al. 2021; Zimina et al. 2022). В недавней работе, выполненной в 23 странах, включая Россию, также было показано, что в общей выборке женщины, по сравнению с мужчинами, оценивали свое состояние как более тревожное, однако при межкультурном сравнении мы не обнаружили существенных половых различий в уровне тревожности между мужчинами и женщинами из Армении, Венгрии, Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Таиланда и США (Burkova et al. 2021). Во время первой вспышки COVID-19 в Китае также не наблюдалось половых различий по уровню стресса (Wang et al. 2020). Данная неоднозначность в результатах может быть обоснована культурными различиями. Более ранние работы указывали на то, что частота тревожности по опроснику ГТР-7 варьирует в зависимости от этнической/культурной группы (Parkerson et al. 2015). У мужчин-москвичей пик тревожности пришелся на первую волну коронавируса, минимум – на вторую, тогда как у мужчин-ростовчан уровень тревожности постепенно повышался от первой к третьей волне (см.: Рис. 2). У москвичек наиболее тревожными были первый и третий периоды COVID-19, тогда как у ростовчанок – пик тревожности пришелся на вторую волну (см.: Рис. 2). Исследование, проведенное среди студентов Москвы, также показало, что количество поведенческих проявлений стресса и уровень ситуативной тревожности

у молодежи значительно возросли в начале пандемии (май 2020 г.), но впоследствии стали снижаться (декабрь 2020 г.) (*Zimina et al.* 2022).

На представленной диаграмме (см.: Рис. 2) четко видны различия между городами: средние значения суммарных баллов тревожности в 1,5-2 раза выше в Москве, чем в Ростове-на-Дону. В проведенном нами в 2022 г. сравнении тревожности в четырех регионах России во время первой волны COVID-19 наиболее высокие оценки по этому показателю также отмечались в Москве (*Буркова и др.* 2022). Исследователи ранее указывали, что крупные города подвержены повышенным рискам заболеваемости и смертности населения от COVID-19, так как в мегаполисах наблюдается высокая интенсивность взаимодействия людей в многоэтажных домах, в переполненном общественном транспорте, здесь доля жителей, побывавших в зарубежных странах, выше, в том числе благодаря наличию аэропортов (*Zemtsov, Baburin* 2020). Однако разница при сравнении Москвы и Ростова-на-Дону объясняется не только размерами городов.

Одним из важных факторов, влияющих на стресс, является строгость вводимых ограничений и жесткость контроля за выполнением предписаний. В Москве первый случай заболевания был выявлен 2 марта 2020 г., с 5 марта введен режим повышенной готовности и приняты самые разные ограничительные меры: социальное дистанцирование; использование масок и печаток; ограничения на проведение спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий; перевод на дистанционный формат обучения в образовательных организациях; обязательный домашний карантин для людей старше 65 лет или с хроническими заболеваниями; закрытие культурных, спортивных и развлекательных учреждений, предприятий общественного питания и т.д.; введение нерабочих дней; ограничение передвижений. Полный локдаун был введен в Москве через три недели после выявления первого случая коронавируса².

В Ростовской области первый случай заболевания был подтвержден 25 марта 2020 г., а режим повышенной готовности был введен заранее – с 17 марта 2020 г. Была приостановлена работа развлекательно-досуговых, зрелищных, культурных, спортивных, выставочных учреждений, торговых центров, предприятий общественного питания, учащихся образовательных учреждений перевели на дистанционный формат обучения. С 31 марта 2020 г. введены повсеместно режим самоизоляции (жителей обязали не покидать места проживания; исключений было немного: выход на работу, посещение аптек и ближайших магазинов для приобретения продуктов и товаров первой необходимости, обращение за экстренной медицинской помощью) и меры по ограничению передвижения между субъектами РФ, граничащими с областью³. Таким образом, в Ростовской области ограничительные и профилактические меры были введены заранее и гораздо быстрее, чем в Москве, что, по всей видимости, привело к значительно более низкому уровню тревожности в этом регионе. Несомненным следствием политики властей мегаполисов является разница в показателях заболеваемости и смертности (см.: Рис. 3). При достижении всех трех пиков распространения COVID-19 в России в Ростовской области зафиксированы намного более низкие цифры по заболеваемости (официальные данные представлены по области в целом, однако они отражают общие тенденции, отражающие ситуацию и в Ростове-на-Дону), чем в Москве, что, несомненно, не могло не повлиять на более низкий уровень тревожности в южном регионе.

Далее мы рассмотрели подробнее динамику распределения уровней тревожности внутри шкалы и сравнили поведение людей с минимальным, умеренным, средним и высоким уровнями тревожности (см.: Рис. 4). Поскольку половые различия в уровне тревожности в обоих регионах (равно как и во многих странах) имеют схожие тенденции (у женщин более высокие баллы по тревожности, чем

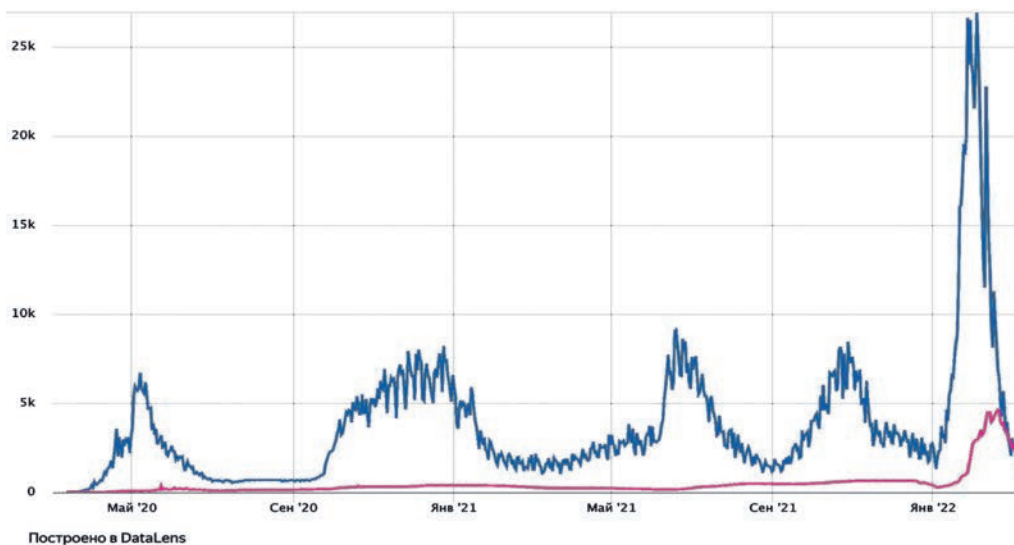

Рис. 3. Динамика заболеваемости COVID-19 по Москве и Ростовской области в течение трех волн по данным открытого портала *Yandex DataLens*

у мужчин), дальнейший анализ данных был проведен в объединенной выборке мужчин и женщин с приоритетной целью выявления региональных различий.

Во время пандемии наблюдается двойственная тенденция: при увеличении количества респондентов из зеленой зоны с минимальным уровнем тревожности одновременно увеличивается количество людей, попавших в бордовую зону с высоким уровнем тревожности. В Москве доля наиболее тревожных респондентов возросла с 8,62% до 12,89%, в Ростове-на-Дону – с 4,49% до 9,40% (см.: Рис. 4). Шкала тревожности ГТР-7 первоначально задумывалась в качестве средства скрининга “генерализованного тревожного расстройства”, однако она достаточно хорошо определяет наличие и тяжесть трех других тревожных расстройств: панического, посттравматического стрессового и социофобии. В данном случае, по всей видимости, увеличение доли людей с минимальным уровнем тревоги свидетельствует об успешной адаптации населения к стрессу на фоне пандемии, тогда как увеличение доли людей с высоким уровнем тревожности может указывать не только на рост ГТР, но и на наличие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), возникшего на фоне распространения COVID-19.

Риск повышенной распространенности ПТСР наблюдался и в ходе предыдущих эпидемий разных вирусов, что делает его появление во время пандемии COVID-19 весьма объяснимым (Быховец 2021; Yuan et al. 2021). Страх инфицирования, боязнь за своих близких, страх смерти, негативный опыт заболевания (а к третьей волне количество переболевших людей значительно увеличилось по сравнению с первой) могут быть теми причинами, которые приводят к посттравматическому стрессовому расстройству. Метаанализ, проведенный с целью оценки распространенности ПТСР во время COVID-19, показал, что у 16% пациентов с тяжелой формой COVID-19 по всему миру было посттравматическое стрессовое расстройство (Nagarajan et al. 2022). Высокая частота постковидного ПТСР была отмечена и у лиц, не болевших коронавирусом (Bridgland et al. 2021; Karatzias et al. 2020), у молодых (Liu et al. 2020) и пожилых людей (Sarangi et al. 2021).

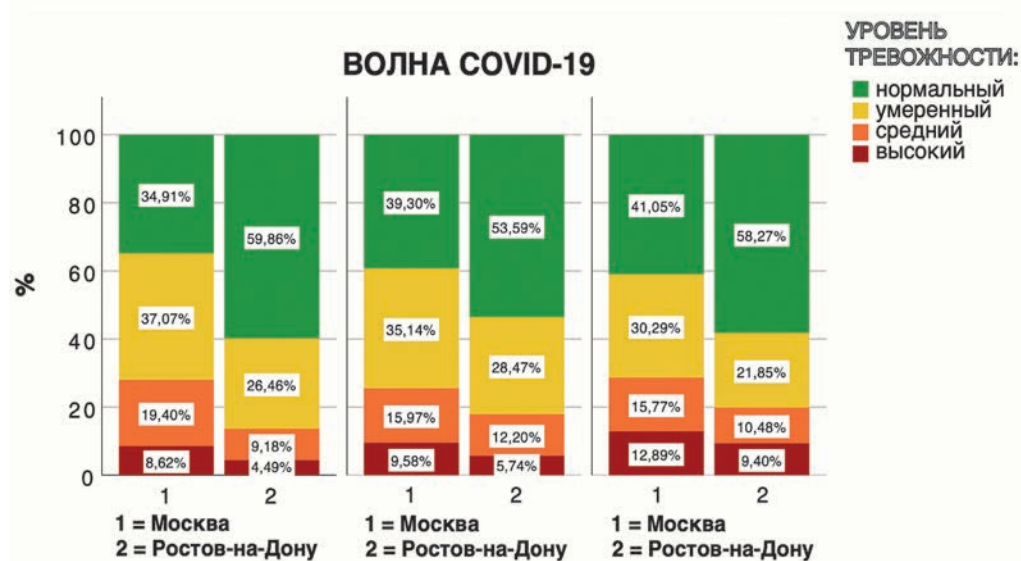

Рис. 4. Распределение тревожности по уровням в течение трех волн COVID-19 в Москве и Ростове-на-Дону

Предыдущие исследования показали, что уровень доверия к официальным источникам – важнейший фактор снижения/повышения тревожности, влияющий в целом на исполнение предписаний государственных органов и профилактическое поведение (Буркова и др. 2022; Нестик 2020; Феденко, Буркова 2020; Mækelæ et al. 2020). Результаты регрессионного анализа в двух выборках показали, что большую значимость фактор доверия к официальным источникам имеет в Ростове-на-Дону ($F=69,067$; $p=0,0001$; $R^2=0,019$), в Москве он менее значим ($F=4,136$; $p=0,042$; $R^2=0,002$). В обоих мегаполисах уровень тревожности был выше у тех респондентов, которые не верили официальной информации. Ранее было показано, что восприятие действий правительств как эффективных, доверие к принимаемым мерам и вера в их правильность способствуют поддержанию защитного поведения и снижают тревожность (Mækelæ et al. 2020). Согласно одному из опросов, проведенному в 28 странах, Россия по уровню доверия социальным институтам (государству, СМИ, бизнесу и НКО) занимает последнее место (лишь 30% опрошенных указали, что доверяют этим структурам) (Нестик 2020). Наши данные, однако, не позволяют дать четкого ответа на вопрос о различиях в доверии к официальным источникам и влиянии этого показателя на уровень тревожности населения, поскольку вклад фактора доверия был очень низок, особенно для московской выборки. Кроме того, и процентное соотношение респондентов, доверяющих и не доверяющих официальным источникам, было весьма сходным (в Ростове-на-Дону: 37,7% доверяющих против 62,3% не доверяющих; в Москве: 40,8% доверяющих против 59,2% не доверяющих).

* * *

Пандемия COVID-19 повлияла буквально на все стороны жизни людей, привнеся абсолютно уникальный, зачастую трагический опыт в их индивидуальные истории. Люди научились жить в новых реалиях, включая карантин, социальное дистанцирование, ограничение контактов, дистанционное обучение или работу.

Наше исследование в двух крупных городах России показывает, что важнейшее влияние на уровень стрессированности населения как из-за самой пандемии, так и из-за ее последствий оказывает уровень строгости вводимых ограничений и их своевременность. В Москве на фоне более поздней реакции властей на распространение нового вируса и бо́льших заболеваемости и смертности, уровень тревожности населения был гораздо выше, чем в Ростове-на-Дону. При этом женщины повсеместно демонстрировали большую тревожность, чем мужчины.

На фоне развертывания пандемии COVID-19 наблюдаются две тенденции: с одной стороны, люди адаптируются к меняющимся условиям среды, и уровень тревожности снижается у значительной части населения, с другой стороны, количество респондентов на грани тревожных и депрессивных расстройств увеличивается, что может указывать на наличие посттравматического стресса.

Стратегии смягчения последствий пандемии COVID-19 должны способствовать психическому благополучию населения, они должны быть нацелены на детерминанты плохого психического здоровья, усугубляемого пандемией, а также на меры по лечению тех, у кого развивается психическое расстройство. В условиях пандемии необходимо обратить существенное внимание на группы риска и группы с пограничным состоянием, так как стресс от COVID-19 способствует ухудшению здоровья тех, у кого уже были психологические проблемы и психические расстройства. Люди с тревожными расстройствами чаще страдают от других хронических состояний, таких как депрессия, кроме того, они в три-пять раз чаще обращаются к врачу и в шесть раз чаще госпитализируются с психическими расстройствами, чем люди “в норме” (*Delpino et al.* 2022). Длительное течение болезни, постковидные осложнения могут усугубить воздействие пандемии на психическое здоровье. Долгосрочные последствия роста тревожности нам еще предстоит узнать.

На момент написания этой статьи пандемия COVID-19 продолжается, и ее полное влияние на результаты психического здоровья неизвестно. Мы продолжаем наблюдать за изменениями в показателях тревожности на фоне SARS-CoV-2 с учетом уровня заболеваемости, мобильности людей по мере того, как вновь вводятся или смягчаются меры по изоляции и самоизоляции, а также за программами вакцинации против COVID-19.

Примечания

¹ Портал *Yandex DataLens* предоставляет в открытом доступе данные по заболеваемости COVID-19 в России, основанные на официальной статистике Минздрава РФ и Роспотребнадзора, представленной на сайте: <https://стопкоронавирус.рф> https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbmain&state=4d4ea3bc211

² Полный перечень вводимых ограничений и хронологию событий можно проследить на официальном сайте мэра Москвы: <https://www.mos.ru/search?category=newsfeed&page=1&q=коронавирус>

³ Перечень вводимых ограничений и хронологию событий можно проследить на официальном новостном сайте Ростова-на-Дону: <https://rostov-gorod.ru/press-room/news/8892/95373>

Научная литература

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Апалькова Ю.И. Эмпатия, тревожность и агрессия у московских студентов // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 169–188. <https://doi.org/10.31857/S086954150007385-3>

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Зинурова Р.И. Агрессия и тревожность до и во

- время COVID-19 (на основе опроса московских и казанских студентов) // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 6. С. 65–77.
- Буркова В.Н. и др. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырех регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 132–158. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/8>
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19 // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 55–75. <https://doi.org/10.17223/2312461X/40/3>
- Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Стратегии поведения человека и биосоциальная адаптация к стрессу в условиях пандемии COVID-19: кросс-культурный подход // Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А.В. Головин, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 463–476.
- Быховец Ю.В. Интенсивность информационного воздействия как психотравмирующий фактор ситуации вирусной угрозы // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 72–83.
- Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 47–83.
- Первичко Е.И. и др. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 119–146.
- Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л. Исследование тревожности // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. И.Б. Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 124–126.
- Тишков В.А., Бутовская М.Л., Степанов В.В. Общество и государство в России и мире в период эпидемии коронавируса // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 8. С. 790–802.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40.
- Юревич А.В., Ушаков Д.В., Юревич М.А. COVID-19: результаты третьего экспертного опроса // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 128–136.
- Bendau A. et al. Longitudinal Changes in Anxiety and Psychological Distress, and Associated Risk and Protective Factors in the COVID-19 Pandemic in Germany // Brain and Behavior. 2020. Vol. 11. No. 2. e01964. <https://doi.org/10.1002/brb3.1964>
- Burkova V.N. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // Sustainability. 2021. Vol. 13. 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
- Burkova V.N. et al. Factors Associated with Highest Symptoms of Anxiety during COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // Frontier Psychology. 2022. Vol. 13. 805586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
- Bridgland V.M.E. et al. Why the COVID-19 Pandemic is a Traumatic Stressor // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. e0240146.
- Delpino F.M. et al. Prevalence of Anxiety during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis of over 2 million People // Journal of Affective Disorders. 2022. Vol. 318. P. 272–282. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.09.003>
- Donnik I.M. et al. Coronavirus Infections of Animals: Future Risks to Humans // Biology Bulletin. 2021. Vol. 48. P. 26–37. <https://doi.org/10.1134/S1062359021010052>
- Dragioti E. et al. A Large-Scale Meta-Analytic Atlas of Mental Health Problems Prevalence during the COVID-19 Early Pandemic // Journal of Medical Virology. 2022. Vol. 94. No. 5. P. 1935–1949. <https://doi.org/10.1002/jmv.27549>
- Fruehwirth J.C., Biswas S., Perreira K.M. The Covid-19 Pandemic and Mental Health of First-Year College Students: Examining the Effect of COVID-19 Stressors

- Using Longitudinal Data // PLoS ONE. 2021. Vol. 16 (3). e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
- Jia H. et al.* National and State Trends in Anxiety and Depression Severity Scores Among Adults During the COVID-19 Pandemic – United States, 2020–2021 // MMWR. Morbidity and Mortality Weekly Report. 2021. Vol. 70. No. 40. P. 1427–1432. <https://doi.org/10.15585/mmwr.mm7040e3>
- Karatzias T. et al.* Posttraumatic Stress Symptoms and Associated Comorbidity During the COVID-19 Pandemic in Ireland: A Population-Based Study // Journal of Traumatic Stress. 2020. Vol. 33. P. 365–370. <https://doi.org/10.1002/jts.22565>
- Kowal M. et al.* Who is The Most Stressed during the COVID-19 Pandemic? Data from 26 Countries and Areas // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 946–966.
- Liu C.H. et al.* Factors Associated with Depression, Anxiety, and PTSD Symptomatology During the COVID-19 Pandemic: Clinical Implications for U.S. Young Adult Mental Health // Psychiatry Research. 2020. Vol. 290. No. 113172. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113172>
- Mathew B.J. et al.* Laboratory Diagnosis of COVID-19: Current Status and Challenges // Iranian Journal of Microbiology. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.18502/ijm.v13i1.5485>
- Mækelæ M.J. et al.* Perceived Efficacy of COVID-19 Restrictions, Reactions and Their Impact on Mental Health During the Early Phase of the Outbreak in Six Countries // Royal Society Open Science. 2020. Vol. 7 (8). No. 200644. <https://doi.org/10.1098/rsos.200644>
- Nagarajan R., Krishnamoorthy Y., Basavarachar V., Dakshinamoorthy R.* Prevalence of Post-Traumatic Stress Disorder among Survivors of Severe COVID-19 Infections: A Systematic Review and Meta-Analysis // Journal of Affective Disorders. 2022. Vol. 15. No. 299. P. 52–59. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.11.040>
- Parkerson H.A. et al.* Cultural-Based Biases of the GAD-7 // Journal of Anxiety Disorder. 2015. Vol. 31. P. 38–42.
- Pashazadeh Kan F. et al.* A Systematic Review of the Prevalence of Anxiety among the General Population during the COVID-19 Pandemic // Journal of Affective Disorder. 2021. Vol. 293. P. 391–398. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.06.073>
- Santomauro D.F. et al.* Global Prevalence and Burden of Depressive and Anxiety Disorders in 204 Countries and Territories in 2020 due to the COVID-19 Pandemic // The Lancet. 2021. Vol. 398. P. 1700–1712. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02143-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02143-7)
- Sarangi A., Javed S., Karki K., Kaushal A.* COVID-19-Associated PTSD in the Elderly–Lessons Learned for the Next Global Pandemic // Middle East Current Psychiatry. 2021. Vol. 28. No. 39. <https://doi.org/10.1186/s43045-021-00119-3>
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B.* A Brief Measure for Assessing Generalized Anxiety Disorder // Archive of Internal Medicine. 2006. Vol. 166. No. 10. P. 1092–1097. <https://doi.org/10.1001/archinte.166.10.1092>
- Twenge J.M., Joiner T.E.* U.S. Census Bureau-Assessed Prevalence of Anxiety and Depressive Symptoms in 2019 and during the 2020 COVID-19 Pandemic // Depression and Anxiety. 2020. Vol. 37. No. 10. P. 954–956. <https://doi.org/10.1002/da.23077>
- Wang C. et al.* Immediate Psycho-Logical Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic Among the General Population in China // International Journal of Environmental Research Public Health. 2020. Vol. 17. No. 1729. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051729>
- Yuan K. et al.* Prevalence of Posttraumatic Stress Disorder after Infectious Disease Pandemics in the Twenty-First Century, Including COVID-19: A Meta-Analysis

and Systematic Review // *Molecular Psychiatry*. 2021. Vol. 26. P. 4982–4998. <https://doi.org/10.1038/s41380-021-01036-x>

Zemtsov S.P., Baburin V.L. Risks of Morbidity and Mortality during the COVID-19 Pandemic in Russian Regions // *Population and Economics*. 2020. Vol. 16. No. 4 (158). <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54055>

Zimina S.N. et al. Changes in the Anxiety of Moscow Students during the COVID-19 Pandemic // *Collegium antropologicum*. 2022. Vol. 46 (1). P. 15–20. <https://doi.org/10.5671/ca.46.1.3>

Research Article

Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, and A.M. Ermakov. From the First to the Third Wave of COVID-19: Dynamics of Anxious Behavior in Large Russian Cities (Moscow and Rostov-on-Don) [Ot pervoi k tret'ei volne COVID-19: dinamika trevozhnogo povedeniia v krupnykh gorodakh Rossii (Moskva i Rostov-na-Donu)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 227–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050147> EDN: YESOQB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valentina Burkova | <http://orcid.org/0000-0003-4777-0224> | burkovav@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Marina Butovskaya | <http://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | marina.butovskaya@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Aleksei Ermakov | <http://orcid.org/0000-0002-9834-3989> | amermakov@ya.ru | Don State Technical University (Gagarin square 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia)

Keywords

COVID-19, pandemic, three waves, dynamic of anxiety, stress, megapolis, Moscow, Rostov-on-Don

Abstract

The COVID-19 pandemic has created the worst public health crisis in modern history. Stress in the face of the disease threat, a global restructuring of the common way of life, uncertainty and fears for the health and well-being of relatives and friends have led to an increase in anxiety among the population of all countries. Important risk factors for increased stress during the pandemic are sex, age, epidemiological experience, and place of residence. Large cities become centers of the spread of diseases due to the high population density, high mobility, and the presence of large transport hubs. The article examines the dynamics of anxious behavior during three waves of COVID-19 in 2020–2021, taking the cases of two largest Russian cities – Moscow and Rostov-on-Don (total sample – 4884 people). The analysis explains the regional and sex differences in anxious behavior and demonstrates the two main trends: on the one hand, there is an adaptation to the prolonged stress; on the other hand, the numbers of respondents with anxiety and depressive disorders are increasing, which may indicate the presence of post-traumatic stress.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant number 075-15-2022-328]

References

- Bendau, A., et al. 2020. Longitudinal Changes in Anxiety and Psychological Distress, and Associated Risk and Protective Factors in the COVID-19 Pandemic in Germany. *Brain and Behavior* 11 (2): e01964. <https://doi.org/10.1002/brb3.1964>
- Bridgland, V.M.E., et al. 2021. Why the COVID-19 Pandemic is a Traumatic Stressor. *PLoS ONE* 16: e0240146.
- Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, D.A. Dronova, and Y.I. Apalkova. 2019. Empatiia, trevozhnost' i agressiia u moskovskikh studentov [Empathy, Anxiety and Aggression among Moscow Students]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 169–188. <https://doi.org/10.31857/S086954150007385-3>
- Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, and R.I. Zinurova. 2021. Agressiia i trevozhnost' do i vo vremia COVID-19 (na osnove oprosa moskovskikh i kazanskikh studentov) [Aggression and Anxiety until and during COVID-19 (Based on Research of Moscow and Kazan Students)]. *Voprosy psikhologii* 67 (6): 65–77.
- Burkova, V.N., et al. 2021. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability* 13: 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
- Burkova, V.N., et al. 2022. Factors Associated with Highest Symptoms of Anxiety during COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries. *Frontier Psychology* 13: 805586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
- Burkova, V.N., et al. 2022. Trevozhnost' i agressiia vo vremia COVID-19: na primere chetyrekh regionov Rossii [Anxiety and Aggression during COVID-19: On Example of Four Regions of Russia]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 132–158. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/8>
- Burkova, V.N., and M.L. Butovskaya. 2023. Koronafobiia, infodemiia i feyiki vo vremia COVID-19 [Coronaphobia, Infodemic and Fakes during COVID-19]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 55–75. <https://doi.org/10.17223/2312461X/40/3>
- Butovskaya, M.L., and V.N. Burkova. 2021. Strategii povedeniia cheloveka i biosotsial'naia adaptatsiia k stressu v usloviakh pandemii COVID-19: kross-kul'turnyi podkhod [Strategy of Human Behavior and Biosocial Adaptation in Condition of Pandemic COVID-19: Cross-Cultural Approach]. In *Antropologiya i etnologiya: sovremennyi vzgliad* [Anthropology and Ethnology: Modern Look], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova, 463–476. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.
- Bykhovets, Y.V. 2021. Intensivnost' informatsionnogo vozddeistviia kak psikhotravmiruiushchii faktor situatsii virusnoi ugrozy [Intensity of Information Exposure as a Psycho-Traumatic Factor in a Viral Threat Situation]. *Psikhologicheskii zhurnal* 42 (5): 72–83.
- Delpino, F.M., et al. 2022. Prevalence of Anxiety During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis of over 2 million People. *Journal of Affective Disorders* 318: 272–282. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.09.003>
- Donnik, I.M., et al. 2021. Coronavirus Infections of Animals: Future Risks to Humans. *Biology Bulletin* 48: 26–37. <https://doi.org/10.1134/S1062359021010052>
- Dragioti, E., et al. 2022. A Large-Scale Meta-Analytic Atlas of Mental Health Problems Prevalence during the COVID-19 Early Pandemic. *Journal of Medical Virology* 94 (5): 1935–1949. <https://doi.org/10.1002/jmv.27549>
- Fedenok, J.N., and V.N. Burkova. 2020. Social'noe distantsirovanie kak al'truizm v usloviakh pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social Distancing

- as Altruism in the Context of the Coronavirus Pandemic: A Cross-Cultural Study]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 6–40.
- Fruehwirth, J.C., S. Biswas, and K.M. Perreira. 2021. The COVID-19 Pandemic and Mental Health of First-Year College Students: Examining the Effect of COVID-19 Stressors Using Longitudinal Data. *PLoS ONE* 16 (3): e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
- Jia, H., et al. 2021. National and State Trends in Anxiety and Depression Severity Scores Among Adults During the COVID-19 Pandemic – United States, 2020–2021. *MMWR. Morbidity and Mortality Weekly Report* 70 (40): 1427–1432. <https://doi.org/10.15585/mmwr.mm7040e3>
- Karatzias, T., et al. 2020. Posttraumatic Stress Symptoms and Associated Comorbidity During the COVID-19 Pandemic in Ireland: A Population-Based Study. *Journal of Traumatic Stress* 33: 365–370. <https://doi.org/10.1002/jts.22565>
- Kowal, M., et al. 2020. Who is the Most Stressed during the COVID-19 Pandemic? Data from 26 Countries and Areas. *Applied Psychology: Health and Well-Being* 12 (4): 946–966.
- Liu, C.H., et al. 2020. Factors Associated with Depression, Anxiety, and PTSD Symptomatology During the COVID-19 Pandemic: Clinical Implications for U.S. Young Adult Mental Health. *Psychiatry Research* 290: 113172. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113172>
- Mathew, B.J., et al. 2021. Laboratory Diagnosis of COVID-19: Current Status and Challenges. *Iranian Journal of Microbiology* 13 (1): 1–7. <https://doi.org/10.18502/ijm.v13i1.5485>
- Mækela, M.J., et al. 2020. Perceived Efficacy of COVID-19 Restrictions, Reactions and Their Impact on Mental Health During the Early Phase of the Outbreak in Six Countries. *Royal Society Open Science* 7 (8): 200644. <https://doi.org/10.1098/rsos.200644>
- Nagarajan, R., Y. Krishnamoorthy, V. Basavarachar, and R. Dakshinamoorthy. 2022. Prevalence of Post-Traumatic Stress Disorder among Survivors of Severe COVID-19 Infections: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Affective Disorders* 15 (299): 52–59. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.11.040>
- Nestik, T.A. 2020. Vliyanie pandemii COVID-19 na obshchestvo: social'no-psihologicheskii analiz [The Impact of the COVID-19 Pandemic on Society: Socio-Psychological Analysis]. *Social'naia i ekonomicheskaiia psikhologiya* 5 (2): 47–83.
- Parkerson, H.A., et al. 2015. Cultural-Based Biases of the GAD-7. *Journal of Anxiety Disorder* 31: 38–42.
- Pashazadeh Kan, F., et al. 2021. A Systematic Review of the Prevalence of Anxiety among the General Population during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Affective Disorder* 293: 391–398. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.06.073>
- Pervichko, E.I., et al. 2020. Vospriiatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviiakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 during the 2020 Pandemic in Russia]. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiya* 9 (2): 119–146.
- Santomauro, D.F., et al. 2021. Global Prevalence and Burden of Depressive and Anxiety Disorders in 204 Countries and Territories in 2020 due to the COVID-19 Pandemic. *The Lancet* 398: 1700–1712. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02143-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02143-7)
- Sarangi, A., S. Javed, K. Karki, and A. Kaushal. 2021. COVID-19-Associated PTSD in the Elderly—Lessons Learned for the Next Global Pandemic. *Middle East Current Psychiatry* 28: 39. <https://doi.org/10.1186/s43045-021-00119-3>
- Spilberger, C.D., and Y.L. Khanin. 2022. Issledovanie trevozhnosti [Research of Anxiety]. In *Diagnostika emotsional'no-nravstvennogo razvitiia* [Diagnostic of Emotional and Moral Development], edited by I.B. Dermanova, 124–126. St. Petersburg: Rech'.

- Spitzer, R.L., K. Kroenke, J.B.W. Williams, and B. Lowe. 2006. A Brief Measure for Assessing Generalized Anxiety Disorder. *Archive of Internal Medicine* 166 (10): 1092–1097. <https://doi.org/10.1001/archinte.166.10.1092>
- Tishkov, V.A., M.L. Butovskaya, and V.V. Stepanov. 2022. Obshchestvo i gosudarstvo v Rossii i mire v period epidemii koronavirusa [Society and the State in Russia and the World in the Period of the Coronavirus Epidemic]. *Vestnik RAN* 92 (8): 790–802.
- Twenge, J.M., and T.E. Joiner. 2020. U.S. Census Bureau-Assessed Prevalence of Anxiety and Depressive Symptoms in 2019 and during the 2020 COVID-19 Pandemic. *Depression and Anxiety* 37 (10): 954–956. <https://doi.org/10.1002/da.23077>
- Wang, C., et al. 2020. Immediate Psycho-Logical Responses and Associated Factors During the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic Among the General Population in China. *International Journal of Environmental Research Public Health* 17: 1729. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051729>
- Yuan, K., et al. 2021. Prevalence of Posttraumatic Stress Disorder after Infectious Disease Pandemics in the Twenty-First Century, Including COVID-19: A Meta-Analysis and Systematic Review. *Molecular Psychiatry* 26: 4982–4998. <https://doi.org/10.1038/s41380-021-01036-x>
- Yurevich, A.V., D.V. Ushakov, and M.A. Yurevich. 2021. COVID-19: rezul'taty tret'ego ekspertnogo oprosa [COVID-19: Results of the Third Expert Survey]. *Psikhologicheskii zhurnal* 42 (3): 128–136.
- Zemtsov, S.P., and V.L. Baburin. 2020. Risks of Morbidity and Mortality during the COVID-19 Pandemic in Russian Regions. *Population and Economics* 16 (4): 158. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54055>
- Zimina, S.N., et al. 2022. Changes in the Anxiety of Moscow Students during the COVID-19 Pandemic. *Collegium antropologicum* 46 (1): 15–20. <https://doi.org/10.5671/ca.46.1.3>